

63.3(2)
б81 > 25

БОНДАРЕНКО Ю.Я.

В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ

г. Костанай 2006 г.

стр.

198 г.

БОНДАРЕНКО Ю.Я.

В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ

г. Костанай 2006 г.

ББК 63.3 (2)
Б 81

25

Рецензенты:

доктор исторических наук, зав. кафедрой теории государства и права КГУ Легкий Дмитрий Максимович

доктор исторических наук, зав. кафедрой Всеобщей истории КГПИ Рубинштейн Елена Бертрановна

Б 81 Бондаренко Ю.Я.

В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ. - Костанай, 2006. - 308 с.

ISBN 9965-760-31-4

История полна парадоксов и неожиданных поворотов. Многое, еще недавно казавшееся незыблемым, рушится и подвергается переосмыслению, при этом сами дискуссии становятся частью истории. Попыткой передать дыхание дискуссий последних десятилетий и является эта книга, писавшаяся на протяжении почти двух десятков лет.

Работа предназначена для преподавателей, студентов и всех, интересующихся историей.

ББК 63.3

Авторские права защищены.

Б $\frac{0503000000}{00(05)-06}$

ISBN 9965-760-31-4

© Бондаренко Ю.Я.

-56378-

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — подборка статей, брошюр и заметок, выплескивавшихся на бумагу почти двадцать лет, а обдумывавшихся, и того дольше. Что-то уже публиковалось, порой с немалой поддержкой, что-то так и завалилось в ящиках стола. Но не век же всему этому там лежать? Рукописи, как известно, не горят, но..., как это ни банально, истлевают.

В предлагаемых здесь статьях и заметках — несколько главных проблем и тем. Одна из них — проблема отношения к нашему недавнему прошлому, к так называемым «советскости» и «коммунизму». Все, что я пытаюсь тут сделать — продемонстрировать в меру сил, что периодически повторяющиеся камнепады отечественного(???), постсоветского антикоммунизма весьма примитивны и однообразны с точки зрения философии истории и истории мировой культуры. Но они вполне вписываются в незримый, очередной «идеологический заказ», великолепно демонстрируя подмену понятий и предмета разговора: к примеру, бичуя сталинизм, «советский тоталитаризм» и тоталитаризм вообще, критики, по сути, обрушиваются на отечественную государственность как таковую, и вдобавок являют неприкрытое брезгливое высокомерие к народам собственных стран.

Другой пласт проблем — это проблемы движущих сил истории и в частности, интереснейшей в эвристическом плане, но далеко не всеобъемлющей и не бесспорной идеи пассионарности Л.Н.Гумилева. Брошюры на эту тему выросли из долгих раздумий и наблюдений и... осколочков книги «Лики судьбы» — тех самых, которые при публикации монографии в одном из центральных московских издательств почему-то сочли излишними и просто-напросто сократили. Мне же показалось, что ряд явлений, в том числе и упомянутых Львом Николаевичем, можно объяснить проще, не прибегая к линейному использованию идеи пассионарности, что я и попытался сделать.

И, наконец, сама собой, как-то выкристаллизовалась идея, как мне кажется, не совсем стандартного подхода и к мировой истории в целом, и к социализму, в частности. Что касается социализма и так называемого «культы», то я еще в конце 80-х составил для себя довольно четкое представление о социализ-

ме, как об одном из вариантов «азиатского способа производства», со всеми вытекающими отсюда последствиями. Создавалось впечатление, что к этой же идее в то время вплотную подошли советские востоковеды, но просто не стали ее озвучивать.

К сожалению, две основные развернутые статьи на тему истоков культа и «командно-административной системы», как современного варианта «азиатского способа производства» - статьи, в которых был дан достаточно широкий обзор дискуссий 80-х проплутали по редакциям почти двадцать лет, так и не увидев света. И сегодня они любопытны и как образцы «геологических пластов» социальной мысли уже канувшей в Лету эпохи, и, надеюсь, как пища для размышлений в эпоху нынешнюю.

Естественно, в книге что-то может показаться спорным, что-то банальным, ведь годы-то прошли, но, думаю, и сегодня она могла бы стать по-своему любопытным памятником недавнему времени и подспорьем для тех, кто хотел бы самостоятельно осмысливать сверкающую неисчислимым числом красок мировую историю.

ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

О НЕКОТОРЫХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМ ГОСУДАРСТВА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РАЗЛИЧНЫХ ЭТНОСОВ

Наше время - время активных попыток коренного пересмотра догм и штампов, сформировавшихся в прежние годы. Но, как это обычно бывает в аналогичных обстоятельствах, пересмотру и забвению предаются не только плоские штампы, но и азы историософии и культурологии. В результате методологический, да и вообще научный, уровень целого ряда исследований и концепций катастрофически падает. Причём настолько, что стоит порой сорвать вуаль красивых слов - и окажется, что пропагандируемые идеи не выдерживают никакой критики.

Остановлюсь только на двух, но чрезвычайно важных, на мой взгляд, моментах. Первый. Вопрос о месте государства в традициях и образе мысли того или иного народа. Сегодня стало модным давать прогнозы и делать далеко идущие выводы о перспективах государственности, отталкиваясь от особенностей национального менталитета. Наглядный образец - рассуждения Г.Пугачёва, прозвучавшие в ноябрьской передаче «Один на один». Начав с того, что идеология должна иметь структуру мифа, Г.Пугачёв перешёл к тому, что для России такой миф - это миф о схождении божества в преисподнюю, долгой зиме и последующей весне. По его мысли, данному мифу у нас соответствовала зима советских лет. Ныне же - только-только март, ещё почти не отличимый от зимы, так как у власти всё та же номенклатура.

Перед нами красивая, но искусственная схема, подобных которой можно изобрести сколько угодно. Сразу же за нею следует безапелляционное: «Для русских государство - это ценность, поэтому они никогда не смогут быть либералами».

Что же это получается, для русских, поговаривающих: «Закон, что дышло», государство - это ценность, а, например, для англичан, убеждённых, что «Закон есть закон» - нет? Но не являются ли в таком случае традиционалисты англичане ещё ме-

нее пригодными для либерализма, нежели русские, казахи и многие иные народы бывшей советской Азии?

Однако главное даже не в этом: некий абстрактно взятый национальный менталитет берётся в качестве критерия способности того или иного народа к либерализму. Не умаляя значимости национальных особенностей, хотелось бы на это заметить, что отношение к государству, как ценности, да и сам менталитет народа, определяются социально-историческими факторами развития этноса. Факторами, требующими вдумчивого и скрупулёзного анализа, а не хлёстких фраз. «Национальный дух» - и т.п. - это социально-исторические феномены, а не некие константы, дарованные раз и навсегда тому или иному народу.

Значит и «менталитет» способен меняться. Но как оценивать эти перемены в историческом аспекте? Так мы подходим ко второму моменту: оценке роли взаимодействия различных этносов и их групп.

Вполне понятно, что роль эта неоднозначна, и нередко такое «взаимодействие» может быть пагубным для более слабых в том или ином отношении. Так, известно, что в ряде районов, «освоенных» колонизаторами, от водки, междоусобиц, оснащённых неведомым прежде оружием и завезённых болезней погибло даже больше аборигенов, чем от рук самих колонизаторов. Например: «В 1774 г. Д.Кук оценивал население Таити примерно в двести сорок тысяч человек». А «по французской переписи 1857 г. на острове осталось всего 7 тысяч 200 жителей». (Куиличи Ф. Океан. - М., 1976, с.126.)

Однако порою неприятие такого взаимодействия в уже свершившейся истории обретает карикатурно-гротескные черты. Так, в книге М.Аджи «Полынь половецкого поля» (М., 1994, с.101) на «полном серьёзе» говорится о том, что вовлечённость кипчаков в европейскую историю приводит к обретению некогда девственно чистым гигантским этносом жутковатых черт: «Собственно вся европейская история кипчакского народа, - пишет он, - тому подтверждение - столько войн между собой, так долго и свирепо не вёл ни один народ мира. Никто не отказывался от своих родителей так часто, как это делали кипчаки. Они не единожды изменяли даже своей вере. Нет, и предательство теперь им не чуждо. Многому, очень многому научила их Европа... Даже Аттила, чтобы сесть на престол, впал в грех братоубийства».

Подобные вещи можно утверждать только совершенно игнорируя реальную историю. Любой, сколько-нибудь знакомый с исторической наукой, скажет, что «пороки», будто бы так нелепо позаимствованные кипчаками у европейцев, - это не пороки крови и т.п., а, увы, теневые стороны жизни древних и средневековых цивилизаций, (и только ли их?) к тому же из работ Л.Н.Гумилёва и ряда других авторов мы знаем, что кипчаки контактировали не только с Европой, но и с Ираном, и Китаем... Так что им было где впитывать, как прелести, так и пороки... Но опять-таки, дело даже не в этом, а в том, что разговор на таком уровне достоин разве что начальной школы. В книгах, претендующих на место в ряду серьёзных исследований, он просто неуместен.

Подытоживая, хотелось бы отметить, что наша суровая действительность и задачи изучения целого пласта культурологических проблем настоятельно требуют, как учёта общемировых процессов, так и специфики отечественной истории. Думаю, что при масштабном взгляде на эту специфику можно обратить внимание на одну особенность «русской» колонизации, резко отличающую её от европейской колонизации Америки, Океании и т.д. С высоты тысячелетий эта колонизация выглядит лишь одной из волн гигантского и подвижного океана Евразии. Только направление движения в какой-то период сменилось на противоположное. Но и при этом история не прерывалась. Просто взаимодействие этносов обретало иные формы. Колонисты же Западной Европы сталкивались с племенами и народами совершенно неизвестными их дедам и прадедам.

Таким образом, и характер взаимодействия этносов на просторах Евразии в чём-то должен был различаться оттого, что наблюдалось в некоторых иных уголках земного шара....

Здесь ещё много проблематичного. Но представляется уместным рассмотреть евразийских просторов, как огромного целого, где формировались, взаимосплетались и расходились, росли и трансформировались многочисленные и многоликие, но самую историю соединенные этносы. И постигать историю и природу этих этносов можно только при объёмном и непредвзятом рассмотрении всех аспектов этой взаимосвязи и анализе, который, будучи научным, а не конъюнктурным, тем самым никогда не сможет унижить тот или иной народ.

(90-е)

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ РАССМОТРЕНИЯ ПРОБЛЕМ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЙ

Проблемы национально-освободительных движений - одни из наиболее актуальных и в то же время неоднозначных проблем, встающих перед современными исследователями. Именно поэтому они требуют панорамного, трезвого видения, глубоко философского подхода, чуждого эйфории и конъюнктурности, либо инерционного следования моде. Не настаивая на бесспорности сказанного, автор полагает, что было бы небесполезно обсудить следующие положения, непосредственно связанные с данными проблемами:

I) Первое вытекает из достижений мировой историософии. Суть его в том, что у ряда современных государственных образований и, в частности, у Белоруссии, Казахстана, Украины, Пакистана, Бангладеш, нет такой истории, которая могла бы быть адекватно отражена и понята в рамках границ, очерченных политическими событиями и государственными деятелями текущего столетия. В более же широком плане это положение, детально обосновывавшееся великим английским историософом А.Дж. Тойнби, относится фактически ко всем государствам и регионам. Что же касается истории России, то и она, естественно, не может быть понята только как история экспансии славянства и расширения Московского государства без учёта её полиэтничности и прежде всего огромной и многоаспектной роли тюркского элемента в этой истории, что, например, обстоятельно показано в работах Л.Н. Гумилёва.

Следовательно и проблемы, называемые проблемами национально-освободительного движения или движений, не могут быть осмыслены во всей глубине и неоднозначности только в рамках каких-либо жёстко фиксированных границ. Иначе говоря, изучение истории целого ряда регионов, стран и этносов возможно лишь при глобальном, широкомасштабном подходе, когда речь идёт не просто о взаимовлиянии культур и этносов, а о грандиозном их взаимодействии, взаимопроникновении, не укладывающемся в чётких территориальных, а порой и временных нишах.

Интересный образец такого нового, свежего подхода к оте-

чественной истории мы встречаем в насыщенной идеями и фактическим материалом «Истории дореволюционного Казахстана», написанной Аманжолом Кузембайулы и изданной в Алма-Ате в 1992 году. Масштабность исторического взгляда является большим плюсом этой в целом далеко не бесспорной работы.

2) В то же время масштабность подхода должна сочетаться со взвешенностью конкретно исторических суждений, характеристик, оценок и терминов. Так, в той же работе А. Кузембайулы (с.148) говорится, что Улуг Улус - то есть Белая, а в русских летописях Золотая Орда - это «первое централизованное древнеказахское государство».

Но такое утверждение сразу же вызывает целый ряд вопросов. Например, таких: Почему именно древнеказахское, а не татарское, башкирское и т.д.? Ведь границы Золотой Орды далеко не совпадают с границами современного Казахстана. Если же пойти ещё дальше и последовать за мыслью Д.Н.Гумилёва, то тогда, помимо прочего, Золотая Орда может быть рассматриваема и как матрица, на основе которой в немалой мере создавалась и, боровшаяся с ней Московия. Ведь даже Донской одолел Мамай на Куликовом поле, используя типично «татарский» приём - засаду Боброка. Не бесспорно, но есть над чем поразмыслить.

Кстати, стоит подумать: а не начались ли наиболее активные дезинтеграционные процессы в СССР как раз в тех регионах, которые находились за пределами основной зоны влияния Золотой Орды?

Возьмём хотя бы Прибалтику и Западную Украину и вспомним, что в XIII в. галицкий князь Даниил оказался практически единственным заметным русским князем, который смог определённое время противостоять монголам чисто военным путём и был сломлен в конце концов не силою оружия, а внутренними распрями.

Кроме того, при взгляде на Золотую Орду именно, как на государство определённого этноса в его осовремененном понимании, встаёт и иной вопрос: куда же могли исчезнуть огромные массы казахов того времени? Подверглись геноциду? Стали жертвой вырождения? - Думается, что ни то, и ни другое. Просто Золотая Орда явилась ареалом развития не одного, а целого ряда, прежде всего тюркских, народов, чьи современные градации - феномен более позднего периода, что нимало

не умаляет ни один конкретный народ, а напротив свидетельствует в пользу их родства. Так что и современный казахский этнос - лишь часть потомков Золотой Орды и иных государственных и племенных образований. Другая же, гораздо большая (или, по крайней мере, очень значительная) по численности часть, стала основой других современных народов, в том числе и русских, которые и в культурном, и в антропологическом отношениях представляют собой не столько трафаретных потомков славян, сколько симбиоз многих племён и народов прошлого. Причём этот симбиоз представляет длительный процесс, начавшийся задолго до монгольского нашествия и того, что принято называть «татаро-монгольским игом». Вспомним хотя бы киевского отрока, который в 968 году смог, выбравшись из осаждённого Киева, пройти с уздечкой сквозь весь печенежский лагерь. Будь он типичным «славянином» и не умея свободно изъясняться «по-печенежски», ему вряд ли удалось бы это сделать. Да и славившийся своей силой Андрей Боголюбский имел ярко выраженные половецкие черты. Что же касается «москвитов» послеордынского времени то те, по описаниям европейцев, вообще гораздо более походили во многом на тюрок, а не на «высоких как пальмы» славян в записях арабов: они были среднего, редко высокого роста, тучны и сильны настолько, что в поединках иностранцы предпочитали действовать ловкостью и воинским искусством, но не сходитьсь вплотную.

3) Представляется, что нужна деликатность и взвешенность при использовании всего набора известных понятий, особенно тех, которые, вольно или невольно, превращаются в некие клише, шаблоны, в кои мы частенько пытаемся втиснуть прошлое. Так, было бы весьма соблазнительно свести описание национально-освободительных движений, народных восстаний к полусам, к каковым с одной стороны тяготели бы пламенные борцы за свободу, такие, как Махамбет, Кенесары Касымов, а с другой - своего рода «изменники», типа хана Джангира.

Однако живая, подлинная история несовместима со штампами и менее всего может быть измерена нынешними нравственно-политическими мерками. Так, например, с точки зрения русской истории XIII в. вообще неуместен вопрос: кто такой Александр Невский - национальный герой или предатель, поскольку он хотя и бил шведских и немецких рыцарей, но, тем не менее, шел на сближение с Ордой, принесшей Руси

столько бед? - Реально и не то, и не другое (если иметь в виду именно расхожие штампы), ибо Александр Ярославович был заметным политическим и военным деятелем своего времени, действовавшим в обстановке, оценка которой требует конкретно-исторического подхода. Вот этот-то, спокойный и взвешенный подход и является долгом историка. Ваять же бюсты Святых и Иуд - дело «церкви», а не науки. Сказанное, конечно, не означает, что наука, а тем паче историческая, должна чураться нравственных категорий. - Нет. Но в научном исследовании категории эти должны вырастать не из абстракций, которые на деле зачастую лишь воплощают сиюминутные идеологические штампы, либо высвечивают личные симпатии, а из ощущения эпохи, ее духа, а также логики истории.

4) Но, отменяя штампы, неуместно и лихо отбрасывать вместе с ними и те теоретические, методологические основы, которые, по крайней мере, требуют не отрицания, а очень серьезного осмысления и переосмысления. Таковыми, в частности, являются разработки в области теории этноса и этногенеза и исследования социально-экономических аспектов жизнедеятельности социумов.

К сожалению, сегодня мы все чаще встречаем такую критичность по отношению к исследованиям и концепциям прошлого, которая далеко не всегда выглядит достаточно обоснованной. Так, например, справедливо отмечая, что жесткое привязывание стадий развития этносов к конкретным формациям, является явным упрощением, А. Кузембайулы пишет, что «таким образом, этнические процессы объявлялись зависимыми от социально-экономических». Продолжая свою мысль, уважаемый автор ссылается на Ю. Бромлея и Л. Гумилева, которые считают, что этнос представляет собой целостную систему, и, следуя Л. Гумилеву, приходит к выводу: «Если исходить из системной природы этноса, то становится очевидным, что этногенез не зависит ни от социально-экономического, ни от культурного развития и является самостоятельным процессом».¹

Думается, что все это отнюдь не очевидно. Ведь не из воздуха же и не из каких-то сугубо мистических свойств соткана живая ткань этноса. - Этногенез, как и последующее развитие этноса, напрямую связанное с характером и особенностями национально-освободительных движений, не может не зависеть от социально-экономического и культурного развития народов. Только

зависимость эта не вульгарно или, мягче говоря, не шаблонно-формационная, а многослойная, включающая взаимопереплетение массы экономических, социокультурных факторов. Игнорируя ее, просто невозможно объективно рассматривать национально-освободительные процессы во всей их многогранности и внутренней противоречивости.

Что же касается апелляций к наследию Л.Н. Гумилева, то и здесь важна осторожность. Творчество Л.Н. Гумилева - кресало мысли, но оно отнюдь не бесспорно. Так представляется совершенно недоказанным его положение о том, что «этнос... как, например, язык, явление не социальное, потому что он может существовать в нескольких формациях...».² Но это же явное упрощение понятия «социальный», которое отнюдь не сводится к привычным вузовским рассуждениям о формациях.

Уязвимым видится и акцентирование внимания на природности этногенеза, как процесса, независимого «от ситуации, сложившейся в результате становления культуры». Да и само понимание этноса здесь представляется недостаточно четким и не лишенным противоречий, ибо, например, к этносу отнесены последователи христианства³ - феномена социокультурного, но никак не сугубо природного.

5) Вообще, при соприкосновении с такими деликатными проблемами, как проблемы этнического самосознания и его основ, необходима особая осторожность при обращении к авторитетам и использовании разного рода сопоставлений, что, однако, наблюдается далеко не всегда. Так, к примеру, авторы очень интересной в целом ряде отношений работы «Космос казахской культуры», Ж.К. Карагузова и М.Ш. Хасанов пишут, размышляя о казахском эпосе: «Лица казахов как бы обращены всегда назад, в прошлое. Молодежь воспитывалась на почитании старших. И если Америка известна, как страна, культивирующая детство, то казахи культивируют предков, умерших».⁴

Но, во-первых - культ предков - не чья-то этническая особенность, а социально-историческое явление, знакомое практически всем народам. Во-вторых, подобные сравнения просто некорректны, ибо несерьезно, исходя из эпоса, который, при всей его бесценности, - дитя своего времени, говорить о казахах, как о нации, живущей прошлым. Если уж кого и сравнивать, то сегодняшнего казаха, русского и т.д., с сегодняшним американцем... Иначе получается, что мы, пускай и неосознанно, пытаемся

противопоставлять лапти и малахаи компьютерам. - Да это же насмешка над собственным народом и логикой истории!

6. Крайне важной и сложной, требующей особой тонкости, представляется и проблема определения идейных целей исследователей национально-освободительных движений и, вытекающих из этих целей нравственно-эстетических выводов, эталонов, идеалов. Думается, что цели эти должны быть максимально отделены от конъюнктуры. Бессмысленно с научной точки зрения и крайне опасно - с практической, - взвешивание на весах сиюминутности ущерба, нанесенного княжествам Руси ордынцами, и наоборот - кочевьям - царскими войсками.

Опасны и этноцентрические эталоны, которыми у нас так часто грешили еще в совсем недавнем прошлом. (И только ли в прошлом?) Вспомним, хотя бы мультфильм о «Соловье-Разбойнике», где последний был наделен явно монголоидно-тюркскими чертами. Еще более характерен фильм «Русь изначальная», где, едва выбравшиеся из дремучего леса славяне вдруг проявляют чудеса воинского искусства, достойные вышколенной группы «Альфа», тогда как хазары, чье развитие в то время не уступало (а в чем-то и превосходило) развитие славян, представлены дикими, малоискусными кочевниками тюркского вида. Поразительно, что академик Б. Рыбаков, выступивший по центральному телевидению с весьма положительной оценкой этого фильма не заметил данных и иных, явно не безобидных, несуразностей - настолько штампы такого рода стали привычными. Другой пример этого типа можно встретить в относительно недавнем историческом фильме «Ярослав Мудрый», где демонстрируется военный совет в Киеве, на котором гневно отмечается предложение отвести удар печенегов в сторону «братьев славян» из других земель. Как будто тогда эта идея «братьев славян» могла звучать столь же четко, как на страницах иных, нынешних журналов. И подобных примеров немало. Но отметание прежних штампов в данной сфере ни в коей мере не должно расчищать место для новых «истин наоборот», штампов наизнанку.

7) Представляется, что и в нравственно-эстетическом, и в социально-историческом плане всякое национально-освободительное движение должно рассматриваться не как нечто самодовлеющее, а как составная часть очень сложного, внутренне противоречивого взаимодействия различных социальных систем и подсистем, культур, этносов. Взаимодействия, в рамках

которого, столкновения, и порой кровавые, рассматриваются не как изолированные вершины и эталоны всплесков национального самосознания, а как моменты, периоды, слагаемые сложнейших социокультурных феноменов - процессов, имеющих глубокие корни. Изучение этих корней, вычленение объективных социально-экономических и иных жестко детерминированных факторов и субъективных (хотя между первыми и вторыми нет «китайской стены»), рассмотрение различных степеней и форм сочетания жесткой детерминированности процессов и альтернативных вариантов, выявление типологических черт в движениях, носящих этническую окраску, крайне важно не только с исторической, но и с сугубо практической точки зрения, ибо в идеале может способствовать прогнозированию, а значит, там, где это возможно, и избеганию взрывоопасных ситуаций, избегать, порою неосознанного, провоцирования социальных и межэтнических конфликтов, которые, как показывает история, обычно оказываются очень тесно связанными.

(90-е)

1. Кузембайұлы А. История дореволюционного Казахстана. - Алма-Ата, 1992, с. 50-51.

2. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - Л., 1990, с. 35.

3. Там же, с. 168, 226.

4. Каракузова Ж.К., Хасанов М.Ш. Космос казахской культуры. - Алма-Ата, 1993, с. 13-14.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОТРАЖЕНИЯ ИСТОРИИ И РАЗВИТИЕ КУЛЬТУРЫ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сегодняшняя острота проблемы межнациональных отношений требует серьезного переосмысления многих прежних стереотипов, включая и те, что связаны с художественным отражением истории. Переосмысление это, конечно же, не может сводиться к переименованию художественных текстов и к привычному для нас «выбрасыванию слов из песен» в буквальном и переносном смысле. К примеру, было бы нелепо перекрашивать пушкинские строки о богатырях, отправляющихся «на дело» и готовых одолеть черкеса, либо «башку с широких плеч у татарина отсечь». Но изучать сложившиеся системы образов, их восприятие в разных регионах, а также пути формирования и использования подлинно плюралистических художественно-образных ценностей - задача крайне необходимая.

К сожалению, сложившиеся в годы культа личности, традиции в использовании художественного и исторического наследия явно игнорировали многогранный характер нашей истории. При этом сами средства эмоционально-художественного воздействия открыто или подспудно лепили образ врага, наделенного определенными этническими чертами, и утверждали эталоны, в которых доминировали признаки иных национальных групп. На практике случилось так, что, утвердившись в массовом сознании, образ врага далеко перешагнул классовые, социальные границы, обретая опасные этно-национальные контуры. Эти традиции не изжиты полностью и до сих пор, и именно они дают резкую негативную реакцию, особенно в «национальных республиках».

Так, уже в былинах многочисленные противники русских богатырей обычно изображены татарами. (Элен-Ивер-Жалю. Непобедимый богатырь. - Курьер, 1989, № 11, с. 34). А в довольно известном мультфильме Соловей-разбойник явно наделен монголоидными чертами, хотя образ Соловья пришел, скорее всего, из «доордынских» времен и, по предположению академика Б.А. Рыбакова, олицетворяет собой удельные силы, а не «дикое поле».

Тот же самый, этнически очерченный образ врага, по существу воссоздается и в иных исторических фильмах, таких, как

«Русь изначальная». Хазары здесь - дикая азиатская масса и только. Причем доходит до абсурда: опытные в походах хазары с трудом захватывают крохотный славянский городок, защищаемый женщинами и детьми, а славяне, которые, по фильму, чуть ли не впервые выбрались из лесов, с лихостью отборных десантников штурмуют неприступную византийскую крепость.

Еще более необудительны и даже опасны упрощенные и модернизированные подходы к проблеме противостояния Леса и Поля, Руси и Орды и т.д., наглядный образец чего дает известный фильм «Ярослав Мудрый», где печенеги, по сути, представлены, как сила, противостоящая «братьям-славянам». Хотя в те времена ни о каких братьях-славянах не могло быть и речи. Куда более плодотворен подход Олжаса Сулейменова, отстаивающего идею не только борьбы, но и диалектического единства Степи и Леса, отраженного, в частности, в системе брачных союзов. (О. Сулейменов. «Аз» и «Я». - Алма-Ата, 1976, с. 142).

Мы не можем и не должны перекраивать былины и т.п. Но в такой сложной в национальном отношении стране, как наша, способствовать упрочению подлинной культуры межнациональных отношений и росту взаимоуважения народов можно лишь при очень тактичном отношении к прошлому. Таком отношении, которое даже ненамеренно ни малейшим образом не оскорбляло бы ничьи национальные чувства, порождая тем самым, порой неадекватную, ответную реакцию.

Такой подход требует в свою очередь ломки ряда привычных стереотипов и огромной работы в сфере использования мировой и отечественной литературы, искусства, именно в целях направленного формирования полиэтнических нравственно-эстетических эталонов, умения видеть достоинства представителей самых различных наций. В этом отношении превосходные образцы являют собой, как думается, романы Г.Сенкевича «Огнем и мечом» и И.Калашникова «Жестокий век». Вчитайтесь в Сенкевича и вы не сможете не заметить как сочно, даже любовно выведены у него Богун и многие украинцы, несмотря на то, что они заклятые враги польской шляхты. Вот этот «рыцарский дух», это умение видеть человека в противнике - важнейшая предпосылка реального гуманизма. Ибо там, где противник не человек, а только враг, по отношению к нему все дозволено. Плоды подобных установок слишком хорошо известны.

Второй канал, который можно и должно использовать с большей эффективностью - это художественное осмысление собственно военной истории, истории российской армии, которая изначально была армией полиэтнической. Как убедительно показал Ф.Нестеров, чья работа «Связь времен» получила в 1981 году первую премию на Всесоюзном конкурсе общества «Знание», русский царизм в значительной мере потому и достиг огромных успехов в сокрушении своих внешних врагов, что сумел использовать в политической борьбе интересы многих литовских, татарских, немецких и иных феодалов. (Ф.Нестеров. Связь времен. - М. 1984, с. 106). Российский офицерский корпус был многонациональным, и живое воссоздание его истории может способствовать не только воспитанию профессионалов военных, но и формированию подлинного интернационализма.

История государства Российского была нелегкой, но и необычайно богатой. И умелое, продуманное использование всех граней нашего огромнейшего исторического наследия может внести неоценимый вклад в дело формирования глубокой и устойчивой культуры межнациональных отношений.

(конец 80-х)

ЭХО НЕДАВНИХ ДИСКУССИЙ

ПРОБЛЕМА «КУЛЬТА ЛИЧНОСТИ» В СВЕТЕ ДИСКУССИЙ ОБ «АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА»

(Обзор дискуссий 80-х. - 1989 г.)¹

Пожалуй, ни одно явление нашей отечественной истории не освещается с такой пылкой страстью и при таком разнообразии мнений, как культ личности. Среди множества точек зрения есть и такие, согласно которым культ Сталина - феномен родственный гитлеризму и осмыслить его можно лишь в контексте аналитического рассмотрения нашей эпохи.² Отнюдь не случайно на страницах «Лит. газеты» прозвучали слова благодарности (Амосова) Гроссману за то, что он первым в романе «Жизнь и судьба» сопоставил гитлеризм и сталинизм. И в самом деле, гитлеризм и сталинизм - детища одной эпохи. Более того, даже человеку, далекому от историко-философских обобщений, но просмотревшему хотя бы несколько документальных кинолент и прежде всего роммовский «Обыкновенный фашизм» бросается в глаза немало общего. Да и книги Ю. Семенова, при всей их шпионски-детективной фабуле, задолго до Гроссмана наталкивали на «крамольные» параллели. Какие же?

Во-первых, культ фюрера и ликование толп. Вождь германской нации, чей ореол легко сопоставим с ореолом Сталина, осыпавшего почти божественными эпитетами. Эпитетами, сыпавшимися в не меньшем изобилии, чем спустя орден на грудь известного генсека.³

Во-вторых, мы видим сходство и в «лагерях», и даже в деятельности репрессивного аппарата в целом, не говоря уже о опустошающей душу атмосфере доносов. Сходство порою настолько разительное, что уже в 40-е годы (и позже) можно было встретить за рубежом карикатуры под хлестким названием «Два тирана», где Сталин и Гитлер рисовались шагающими вместе бок о бок. Да иначе они и не могли - ведь левая нога одного и правая другого - были связаны. Правда, среди карикатур можно было встретить и содержавшие более тонкие намеки. Например, в одной из книг, посвященных Нострадамусу, изобража-

лась постель, на коей блаженно возлежала с поднятым кверху толстым брюхом русская медведица с лицом Сталина. А сбоку, повернувшись к зрителю лицом, застыл фашистский волк. В «руке» у него была солидная финка, красноречиво говорившая о его намерениях в отношении к той особе, что столь доверчиво разделила с ним ложе.

Эти карикатуры отражали не только отношение к советско-германскому пакту о ненападении, но и к самим феноменам «фашизма-гитлеризма» и сталинизма, которые как бы отождествлялись.

Причин и поводов для этого было предостаточно. И в то же время, думается, что простое отождествление само по себе еще не даст объемного видения феноменов. Одно дело - романы Гроссмана и Ю.Семенова (ибо это все же не научные трактаты, а произведения, чья глубина совсем иного рода, нежели глубь научных исследований); и другое панорамное историософское рассмотрение проблемы, в ходе которого мы не сможем игнорировать и существенных различий. Различий, являющихся исторической реальностью несмотря на все, бросающиеся в глаза, аналогии.

С «научной» же точки зрения, которая затронута здесь лишь вскользь и без претензий на монопольное обладание Золотым Ключиком истины, особого и свежего (с учетом времени) рассмотрения требует проблема формирования истоков и того, и другого. Сталинизм укрепился через определенное время после победы Октябрьской революции. Гитлеризм же наоборот вырос на костях разгромленной ноябрьской революции в Германии. Это в свою очередь повело к тому, что, как ни банально звучит данное выражение, но социальная основа и того, и другого в значительной степени была различна.⁴ Из чего вытекало третье различие - направленность и размах репрессий в отношении определенных социальных групп. Сталинизм бил наотмашь, практически не оставляя нетронутым ни одного социального слоя. Существовало своеобразное отрицательное равенство - равенство быть репрессированным и уничтоженным.⁵

(По данным последнего главы госбезопасности СССР - Крюкова за все годы господства «сталинизма» было репрессировано около 4 млн. человек, из числа которых расстреляно 688 тысяч - «Мы» программа В.Познера - 20 августа 1995. Вставка 1995г.)

А как обстояло дело с гитлеризмом? Гитлер, как и Сталин, не очень-то доверял тем, с кем начинал, и в этом плане ночь длинных ножей с ее избиением штурмовиков и иже с ними можно сопоставить с рядом сталинских процессов и т.д. Но давайте посмотрим глубже и увидим, что штурмовики - это в основном люмпены и средние слои. Развившиеся же из охранных отрядов части СС - нечто иное: это не просто здоровые жеребцы, а представители элиты, довольно образованные, вышколенные молодцы, впитавшие в себя дух и мощь куда более высоко расположенных социальных слоев.

К тому же остается целый ряд вопросов, без ответа на которые, проводить любые параллели рискованно, как бы соблазнительны они не были:

1) Насколько были подвержены репрессиям представители СС и СД?

2) Каковы масштабы репрессий и казней в Вермахте?

3) Насколько были подвержены репрессиям представители крупного и монополистического капитала?

(Реакция на заговор 1944 - не в счет. Речь идет о картине в целом).

У нас, как мы знаем никакая сфера деятельности, никакой пост, не гарантировали и даже не обещали личной безопасности. А как обстояло дело в нацистской Германии, если брать не отдельные примеры, а статистические выкладки?..

К сожалению, при ответе на этот вопрос мы сталкиваемся с двумя трудностями, вытекающими из нашего, зачастую упрощенного и несколько одностороннего подхода к проблеме, который уже замечен, например, в фундаментальной и в целом содержательной работе «История фашизма в Западной Европе» (М., 1978). Во-первых, здесь сам тезис о том, что фашизм - орудие монополистического капитала обосновывается несколько абстрактно, в отрыве от анализа положения личности, представляющей те или иные социальные слои при нацистском режиме. Но классовое господство (если уж речь идет о таковом) обязательно должно выражаться помимо прочего и в направленности действий репрессивного аппарата, в степени личной уязвимости представителей тех или иных социальных групп.⁶ Вот этого-то учета чисто человеческого фактора и недостает во многих исследованиях о фашизме.

Во-вторых, фашизм дается несколько абстрактно и в контек-

сте его международного звучания. Слово «фашизм», «фашист» (и тут мы уже далеко выходим за рамки названной книги) превратились давно уже в своего рода ярлык, наклейку, знаменующие по сути, что здесь нам не все ясно. Так, на недолгом, но довольно пестром веку отечественной (советской и постсоветской пропаганды) кого только не причисляли к фашистской клике! - От агента фашизма Троцкого (См., например, «Процесс антисоветского троцкистского центра. - М., 1937, с. 20), - до многоликой группы самых разнообразных зарубежных политических деятелей. Добавить к их разношерстным шеренгам еще одного «фашиста» - Сталина - отнюдь не означает глубоко уяснить суть дела, даже если нам крайне антипатичны преступления сталинских времен. В подходе же к такому сложному и десятилетиями намеренно запутываемому вопросу, как сталинизм, нужны не эффектные ярлыки-указатели, а максимально возможный многосторонний анализ.

Не все просто и когда речь идет о вроде бы «собственно фашистах». Ведь даже итальянский фашизм далеко не одно и то же, что нацизм германский. Подумайте: был ли в руках Муссолини столь могучий, как у Гитлера, репрессивный аппарат? Знала ли Италия лагеря смерти, подобные Бухенвальду и Освенциму? Совершали ли итальянские фашисты планомерное уничтожение представителей других этносов?..

И уж нечто во многом совсем иное являют «фашистские» режимы, известные истории Латинской Америки. Пиночет, Стресснер... - это люди оказавшиеся в несколько иной ситуации и имеющие иные возможности, нежели Гитлер. И используемые ими механизмы репрессий еще ждут своего скрупулезного и неспешного рассмотрения. По крайней мере «латиноамериканские «Эскадроны смерти» - это не СС, а сцены из американского фильма «Сальвадор» отличаются от сцен, доносящих к нам мрачное дыхание нацистских лагерей с их размеренной и методичной антигуманностью. Речь не идет о том, что лучше и что хуже. Просто здесь я констатирую тот факт, что за понятием «фашизм» кроется целый комплекс сложных и отнюдь не во всем идентичных социальных явлений. Поэтому я здесь намеренно ухожу от сопоставлений и параллелей, и пытаюсь подойти к обзору мнений лишь о некоторых, хотя и существенных, аспектах сталинизма. Тогда как рассмотрение его в более широком контексте миро-

вой истории требует серьезной, возможно, многотомной монографии.

Надо сказать, что сегодня и таких, более узких и целенаправленных попыток немало. Думается, всю массу противоречивых суждений можно свести к двум основным и полярным точкам зрения, прекрасными образцами которых служат с одной стороны - статья Т. Лисичкина «Мифы и реальность. Нужен ли Маркс перестройке?» («Новый мир») 1988) № 11, с. 160); а с другой - в статье А. Латыниной «Колокольный звон - не молитва» («Новый мир» 1988, № 8) и доктора философских наук А. Ципко «Истоки сталинизма» («Наука и жизнь» - 1988, № 11-12, 1989, №№ 1,2). Безусловно все три статьи не сводятся лишь к тому, о чем здесь идет речь, но мы берем наиболее существенные в данном отношении моменты.

Первая статья - статья Лисичкина - как бы подводит итог той массе выступлений в печати, согласно которой вся деятельность Сталина - это нарастающее отступление от марксизма, а культ - то, что явилось прежде всего следствием данного отступления. Но предоставим слово самому автору (Н. мир. 1988, № 11, с. 172):

«Грубая теоретическая ошибка Сталина в трактовке проблем собственности, его отступление от учения Маркса, его ревизия исторического подхода в толковании общественных явлений с логической, фатальной неизбежностью потянула за собой цепь других грубых теоретических просчетов. Прежде всего, толкование роли насилия в жизни общества...

Сталин, руководствуясь бредовой идеей, что любое обобщение уже есть благо и социализм, начинает в конце 20-х годов беспримерную кампанию по объединению крестьян в колхозы с истреблением физическим, гражданским и моральным тех, кто кажется ему не очень довольным его сумасбродными действиями. Формальное основание для этого - классовая непримиримость к буржуазным элементам на селе. Но где мог их взять Сталин к тому времени?»

По Г.Лисичкину, Сталин действовал не согласно Марксу, а по Дюрингу и (с. 175) «Заслуга Сталина перед марксизмом состоит в том, что он, хотя и страшно дорогим способом, от противного, доказал на практике правильность марксистского толкования роли насилия в истории, показав разницу между насилием повивальной бабки и насилием насильника. Результаты

обоих вариантов насилия, как мы убедились на собственном опыте, диаметрально противоположны».

Правда, автор тонко подмечает, что «при культе» наступление социализма и его успехи мерялись «сталинскими мерками огосударствления» (с.176). Но тут же оговаривается, что такой подход к проблеме являлся ревизией марксизма «во взглядах на собственность и роль насилия в жизни общества», заранее подчеркивая, что «Маркс никакого повода к такому сталинскому решению не давал и давать не мог» (177).

Так что же в итоге такого рода действий и такого пренебрежения теорией мы построили? Ю.Афанасьев («Правда», 26 июля 1988), как подметили его критики, («Правда» 31 июля 1988), поставил вопрос кардинально: А социализм ли мы построили?

Иные авторы ту же проблему сформулировали иначе: «От какого социализма мы отказываемся и к какому стремимся?» («Новое время, 1988 № 26, с. 24-28. - Анкета «Нов.вр.»); «Какой социализм они оплакивают». (Бутенко А., «Новое время, 1988, № 15, с. 28-30). Причем, отвечая на последний вопрос, нередко делают вывод, что Сталин построил ни что иное, как социализм «деформированный».

Ставя аналогичный вопрос, Г. Лисичкин совершенно четко на него отвечает в соответствии со всем духом его концепции: «Построил ли Сталин социализм? Построил, да! Но вот какой? Во всяком случае, не тот, идеи которого развивали Маркс, Энгельс, Ленин...» (с. 185)

(с.187) «Если мерить сталинский социализм метром научно-го социализма, то, как видим, не представляет особого труда рассмотреть, что эти два понятия не только не совпадают, но и диаметрально противоположны. И все-таки то, что построил Сталин не назовешь ни капитализмом, ни феодализмом в рамках традиционного толкования этих категорий. Тогда что же? На этот вопрос уже давно дан исчерпывающий ответ. Открещиваясь от подобной модели социализма, разработанной Дюрингом, Энгельс писал о том, что «...никому не придет в голову опошлять современный научный социализм и низводить его до **специфически прусского социализма господина Дюринга**». (Т. 20, с. 309).

Тяжело вздохнув, признаем, что в этом-то как раз классик марксизма сильно ошибся. Только теперь мы всерьез заговорили об изменении нашего видения социализма, **о возвращении**

к тому пути, указанному Марксом, Энгельсом, Лениным, с которого давно сбились». (Разрядка моя - Ю.Б.).

Но почему же все-таки сбились? - Следуя подобной логике, несложно прийти к выводам, которые еще 25 июля 1988 г. в своих «Вопросах историку» (опубликованных на страницах «Правды» Кузнецов. Выводы настолько характерны, что стоит привести их целиком: «Да, и в основе Октября, и пути Октября лежат открытые (заранее) марксизмом-ленинизмом объективные законы. Они и определили историческую обусловленность социализма, основные закономерности его построения. И если уж делать упрек, то как раз в том, что мы в своей исторической практике далеко не должным образом следовали этим законам. Порой же действовали вопреки им, руководствуясь априорными, волюнтаристскими построениями». (с.3)

Итак, перед нами совершенно четкая позиция, но такой подход в свою очередь порождает целый ряд недоуменных вопросов:

1) Что же это за «объективные законы», если любой «злой гений» может действовать вопреки им и нарушать точно так же, как иной - действовать вопреки закону всемирного тяготения или закону Ома?

2) Касаясь «деформации социализма» опять-таки застываем с вопросом: как мог Сталин деформировать то, чего в момент его прихода к власти еще не было? - Не будем же мы следовать за поэтически-восторженной и вполне понятной, но наивной логикой Маяковского, писавшего о том, что после «залпа Авроры» и «штурма Зимнего», жизнь разворачивалась «уже при социализме»... И потом, насколько правомерно, с научной точки зрения, использовать само понятие «деформированный социализм» (акцент на коем сделан задолго до Лисичкина)? - В таком случае уместно говорить о деформированном рабстве, феодализме... и, быть может, и кошку следует называть «деформированным тигром»? Или наоборот?

3) Получается, что корень зла в пастухе, сбившемся с верного пути из-за дилетантского, полуграмотного подхода к марксизму. Но при всем уважении к «роли личности в истории» я лично сомневаюсь в корректности такой постановки вопроса...

Ничего по сути не меняют и те взгляды, согласно которым корень зла не в теоретических заблуждениях самих по себе, а в личных амбициях и в тех чертах характера, что были прозор-

ливо подчеркнуты В.И. Лениным в его знаменитом «Письме к съезду». ⁷ В обоих случаях в тени остается вопрос о том, что же позволило свернуть с Пути и превратить искры сталинских амбиций в безжалостный костер, поглотивший за считанные годы и ленинскую гвардию, и ведущих военспецов, и тысячи интеллигентов, а наряду с ними и бесчисленное число иных жизней и прежде всего жизни многих и многих крестьян?

Даже сама терминология «Сталин построил социализм» вольно или невольно создает ощущение надчеловеческого величия Сталина, хотя и величия со знаком минус. Перед нами логика, слабость которой уже подмечалась прессой.

Поэтому-то во многих отношениях гораздо глубже, свежей и неожиданней подход в статьях Латыниной и Ципко. Здесь авторы от рассмотрения характеров, взглядов и действий лиц переходят к анализу факторов более общего порядка - самих «основополагающих» идей. Правда, с той разницей, что у Латыниной акцент делается на идеях, воплощенных в обыденном сознании людей той эпохи, а у Ципко на теоретической, собственно идеологической стороне проблемы.

...Следует оговориться, что, вступая в разговор, А.Латынина пишет: «Я разделяю одну из статей В.Кожина, «Правда и истина», что культ Сталина - это «явление мирового революционного движения», следствие некоторой закономерности, подобно тому, как закономерностью было завершение французской революции диктатурой Наполеона, а не результат козней самого Сталина и корыстных подручных...» («Новый мир», 1988, № 8, с. 241).

Вступление, как и мысль В.Кожина, ярко и многообещающе. Но каковы же эти закономерности? В чем корень зла?

Стремясь выявить, высветить этот корень, А.Латынина прямо говорит: «...мы слишком привыкли искать корень зла не в идеях, а в лицах... Разрушение церквей и памятников культуры прошлого было естественным следствием веры во всемирно-историческую миссию пролетариата. Религия обещала небесный рай. Комсомолец 30-х верил в наступление всеобщего равенства, братства и счастья на земле. Эти две веры были несовместимы...

Энтузиазм нового мира совпал с энтузиазмом разрушения старого, и разрушали церкви люди того же духовного типа, что и те, кто теперь ревностно ищет виновного в разрушениях -

люди, легко дающие увлечь себя мифу, духовно поработить».

Рассуждая далее, А.Латынина вполне резонно замечает, что «героическая смерть, бескорыстие и нравственное подвижничество носителя идеи могут привлекать к человеческому облику, но не являются оправданием самой идеи. Более того, если вдуматься в проблему глубже, в этом и выступает трагизм истории». (с. 243)

По сути дела А.Латынина очень тонко вскрывает подмену понятий, с которой мы, особенно в 70-х, сталкивались на каждом шагу, когда фимиами, окутавший лики героев прошлого одновременно скрывал и контуры реальных проблем истории. Но, заметьте, и в ее статье корень зла - в идеях. В принципе та же логика - и в значительной части рассуждений А.Ципко. Последний во многом резонно и во всяком случае будя живую полемическую мысль, пишет («Наука и жизнь», 1988, № 11, с. 48):

«Наши публицисты почему-то забыли, что Сталин не просто создавал свое царство, укрепляя свою единоличную власть. Он ведь преобразовывал социальную структуру общества, был людей, строил социализм в соответствии с предначертаниями теории, пытался как мог ускорить движение России к коммунизму, начатое в октябре 1917 г.».

(с. 48-49) «...никто из авторов не обмолвился ни словом об исходных позициях и самих проектах нашего социалистического строительства, о доктринальных причинах деформации социализма... Речь идет об идеях, которые, взятые на вооружение правящей партией, становятся громадной материальной силой, определяют жизнь и судьбу сотен миллионов людей. Цена ошибки в процессе проектирования социалистического здания, громадная».

Иначе говоря, в лоб ставится вопрос, который еще в самом начале «застоя» Е.Евтушенко в свойственной ему манере вложил в уста Христа: «Так верно ли ученье, если все-таки учитель предан был учеником»⁸

Правда, с той разницей, что, по Ципко, и предательства-то не было: (с. 50) «...Сталин как личность сформировался в марксистской среде... в целом никогда не выходил за рамки азбучных истин марксизма в своих статьях и речах». (с. 52): «Трудно доказать, что у Сталина после 1929 года от марксизма, от идеалов социалистической революции остались только «фразеология», только «теоретическое обличье». - Так не были

ли скрыты предпосылки деформации марксизма в нем самом?

Повторимся, что в целом развернутая работа А.Ципко безусловно интересна, как фактическим материалом, так и нетривиальными рассуждениями автора. Однако критика, которая встретила его размышления о Сталине, как марксисте, отражает не только одно стремление - сохранить иконописный облик марксизма. По словам Н.Морозовой, даже если оставить в стороне «достоверность его утверждения о верности Сталина хотя бы в теории азбучным истинам марксизма», то встанет вопрос: «Неужели... не ясно, что политика - это не только статьи, речи, но еще и дела, и даже в первую очередь дела?...» («Сегодня нам Ленин особенно нужен. Размышления над читательскими откликами. - «Правда», 18 января (№ 18) 1989, с. 3.)

Конечно же, А.Ципко не хуже любого критика понимает, что политика - это прежде всего дела. Но фактически получается так, что у него, как и у тех, против кого направлен его полемический задор, корень зла ищется в сфере идей, более того, в области теорий. Различие лишь в том, что в первом случае источник бед видится в искажении «теоретических основ» построения социализма, а во втором - в их определенном логическом развитии.

Однако, думается, что даже там, где это развитие, казалось бы, налицо, не идеи как таковые, и уж не строго очерченные теории - первопричина разворачивавшихся трагедий. Боюсь, что источник и наших триумфов, и особенно болей, гораздо более глубок и многомерен.⁹

Что же касается роли собственно марксистско-ленинских идей, то приведу один банальный, но любопытный примерчик: Ленин писал, и это была теория, насыщенная идеями (ПСС, т.54, с. 440): «Бороться с религиозными предрассудками надо чрезвычайно осторожно; много вреда приносят те, которые вносят в эту борьбу оскорбление религиозного чувства. Нужно бороться путем пропаганды, путем просвещения. Внося остроту в эту борьбу, мы можем оскорбить массу; такая борьба укрепляет деление масс по принципу религиозных предрассудков; нищета и темнота - вот то зло, с каким мы и должны бороться».

И он же в секретном письме тов. Молотову для членов Политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 г. указывал, что необходимо «...провести секретное решение съезда о том, что изыятие ценностей, в особенности самых богатых лавр, монасты-

рей и церквей, должно быть проведено с беспощадной решимостью, безусловно ни перед чем не останавливаясь и в самый кратчайший срок. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше. Надо именно теперь прочувствовать эту публику, чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать». (Триумф окаянный дней. Юность-90 г. № 10 с.3).

Можно, конечно, сказать, что это писалось не одновременно. Можно пытаться связать последнее с общей теорией классовой борьбы. Но реальная связь, на мой взгляд, сложнее и она требует особого разговора. Здесь я лишь хочу показать, как не просто вывести нечто из конкретных идей.

Искать же эту причину в недрах марксизма примерно то же, что выводить зверства крестоносцев, а затем и конкистадоров из Библии и «учения Христова», хотя, при желании, цитат можно подобрать сколько угодно. Недаром на протяжении столетий Библия была удобным прикрытием совершавшихся зверств. Но это вовсе не значит, что она была их причиной. Точно так же не стоит упрощать и использование «марксовской теории». Иначе придется признать (в духе воинствующих атеистов 20-х-30-х), что и Берия действовал, как истовый марксист, заявляя: «Наша доброта классовая, это доброта, не ведающая пощады врагам рабочего класса». («Заря Востока» - 5(МШ, 1935 - Цит. по: «Звезда», 1988, № 9, с. 142).

«Убедительное» и довольно типичное для своего времени суждение, не правда ли? Вспомним хотя бы grossмановского батальонного комиссара Крымова, который не раздумывая чеканит: «Партия мобилизует обычно гнев масс, ярость, нацеливает бить врага, уничтожить. Христианский гуманизм в нашем деле не годится. Наш советский гуманизм суровый... церемоний мы не знаем...» (Октябрь, 1988, № 1, с. 121 - «Жизнь и судьба»).

Да что там Крымов! Когда сам А.М. Горький (согласно восхищенному замечанию его комментаторов в 1984 г. (!), создавал статьи, воспитывавшие «справедливую революционную ненависть» к врагам рабочего класса. «Действенным призывом звучал горьковский лозунг: «Если враг не сдается - его уничтожают»¹⁰ - в годы Великой Отечественной войны, лозунг пролетарского революционного гуманизма». (М.Горький, Идущим в гору. - М. 1984, с.7.).

И разве не писал Алексей Максимович о людях, «забракованных историей» - там же? (с. 19. Та же книга). А в журнале «Борьба классов» 1 марта 1931 г. появилась статья, выглядевшая куда похлеще бериевских «марксистских» истин - статья, в которой, призывая к созданию доступной простому народу истории гражданской войны, «великий пролетарский писатель» говорил, что такая история убедит «добродушных и мягкосердечных, что капиталист уже не человек, а существо, в котором безумная жажда наживы выела все мало-мальски человеческое. Эта «История» должна быть книгой итога всей крови, пролитой капиталистами ради того, чтобы только сохранить для себя привычные условия удобной, красивой и насквозь подлой жизни двуногих зверей». «Народ должен знать свою историю». (Там же, с. 43-44. Разрядка моя. - Ю.Б.)

Какая страшная логика, особенно когда мы смотрим на нее со знобяще-жуткой высоты нашего исторического опыта! Сегодня двуногий зверь, а значит и нечеловек - капиталист. И как существо, забракованное историей, он может быть безжалостно уничтожен. Завтра - за чертой человечности кулак и подкулачник. Послезавтра - враг народа и т.д.¹¹ Достаточно признать наличие «двуногих зверей, причем не как личностей, а целых (социальных ли, этнических ли) групп и целых категорий населения, стоящих вне защиты нравственных законов, как эту логическую цепь можно будет продолжать до бесконечности.

Еще более страшно то, что подобная логика, становилась столь же естественным компонентом обыденного сознания, как и логика медицины, воплощенная в лозунгах «Солнце, воздух и вода - наши лучшие друзья», «Береги здоровье смолоду» и т.д. То есть представлялась чем-то настолько само собой разумеющимся, что мысль скользила по ее поверхности, даже не пытаясь остановиться.

Именно эту логику, пропитавшую обыденное сознание, блестяще отразил в своих размышлениях Зыбин - один из героев романа Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей»: «Я как старый хрипучий граммофон. В меня заложили 7 или 10 пластинок, и вот я хриплю их, как только ткнут пальцем...

Вот, пожалуйста: «Если враг не сдается, его уничтожают», «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина»... «Самое ценное на земле - люди», «Кто не с нами - тот против нас», «Идиотская болезнь - благодущие». Все это вместе называется «но-

вый советский человек» и «черты нового советского человека». («Новый мир», 1988. № 8, с. 63-64.)

Так что же, все это подтверждает мысль А.Ципко о Сталине-марксисте? - Ведь, как мы видим, не один же он действовал, а дирижировал целым хором, где каждый назубок знал свой немудреный текст. Думаю, что нет. - Это подтверждает лишь то, что Сталин не был исключением и не взялся неведь откуда. Не зря в «Неделе» появилась статья о Сталине, как о человеке толпы, чутко улавливавшем настроения родственной ему среды. (Дм. Затонский. Человек толпы на вершине пирамиды». - «Неделя», 1989, № 2, с. 6-7.)

Так, может быть, Маркс, как таковой и его учение («хорошее» ли, «плохое» ли, «черное в белую полосочку» - не о том сейчас речь) - лишь трамплин, подручное средство в борьбе за свои социальные и личные интересы, как Сталина, так и нуворишей-шариковых, которых неожиданно вознесла на головокружительную высоту волна исторических событий?

Не будем упрощать и окарикатуривать реалии истории. Но, пожалуй никакой Маркс никогда не писал о лагерях, как пороге коммунизма, никакой классик не учил, что партийный руководитель ранга Берии должен стремиться переспать со всеми хорошенькими женами, лично ему известных партийных работников. (См.: «Звезда», 1988, № 9, с. 150-151).

Во всяком случае, можно предположить, что живой Маркс восстал бы против многого в сталинизме и, оказись он жив, то его ожидала бы участь Христа из притчи о «Великом инквизиторе», вплетенной Достоевским в роман «Братья Карамазовы» (Живой Маркс, был бы не только не нужен, но и кое в чем, пожалуй, даже опасен Системе, так же, как не нужна была ей «ленинская гвардия», «уклонисты» разного рода, да и вообще все то нестандартно-живое, что могло бы в нее не вписаться).

А если уж искать истоки сталинизма в идеях, то с меньшим успехом можно было бы это сделать, обратившись к идеям куда более почтенного возраста, нежели идеи Маркса. Вспомним весьма знаменательный разговор Зыбина с пригрезившимся ему «гостем», обещавшим его уничтожить. Озадаченный таким «обещанием», Зыбин спрашивает:

«За что вы уничтожите меня?» «За идиотскую болезнь - благодущие». - сказал гость любезно. - За то, что вы остаетесь над схваткой. А ведь сказано: «Кто не со мною, тот против меня».

Ого! Вы уже стали цитировать Маяковского?.. Неужели и он понадобился сейчас в игре?

- Я, дорогой мой, образование. Это не Маяковский, а Евангелие... Да, да, простите, слукавил: Ев. от Матф., гл. 12, стих. 30.» («Новый мир», 1988, № 8, с. 64)

Правда, можно заметить, что религия гораздо больше связана с истоками сталинизма, чем это кажется на первый взгляд. Но связь эта, не столько в конкретных идеях, коих несложно выудить из Священных Книг великое множество, сколько во возвращаемом на протяжении веков и целых тысячелетий, догматическом мышлении, когда, подобно императору из китайской сказки, облаченная в казенное сукно религия превращала в золото чеканных и вечных, но мертвых, застывших Истин все, чего не касалась цепкая рука Церковного авторитета. И, тем не менее, не будем же мы всерьез утверждать, что религия - губинный корень сталинизма.

Корень сталинизма, а точнее говоря, - Системы, - в «делах», о которых мельком упоминает Н.Морозова, а вернее - в тех социальных механизмах, создание и укрепление которых было призвано дать несложные ответы на вопросы, нависшие над огромной страной и в то же время расчищало дорогу не только несгибаемым спецам, типа героя «Нового назначения», но и легковесным карьеристам, не слишком грамотным руководителям, жонглерам цитатами и иже с ними.

Повторюсь, речь идет отнюдь не о ничтожности значения идей, а лишь об определенной ограниченности таких подходов к истокам культа личности, когда «культ» - либо результат пагубного отклонения от прекрасного проекта, либо - следствие роковых просчетов, заключенных в самом проекте. В какой-то мере и то, и другое может отражать историческую реальность - но лишь отчасти! Ибо, увы, и по сей день общественный строй, уклад жизни - не город и не здание, сооружаемое по хорошему, либо плохим проектам искусным, либо бездарным строителем. Оно - результат сплава замыслов и действия во многом стихийных социальных сил, далеко выходящих за границы идей и теорий и к тому же нередко до неузнаваемости трансформирующих изначальные зерна этих идей в жерновах социальных битв. И если обвинять большевиков, то, пожалуй, в первую очередь в том, что, «раздувая мировой пожар», они не учли, не предвидели того деформирующего, частенько уродующего воздействия

этих жерновов, т.е. того феномена, о котором с пророческой болью писал М.Горький (опять он!) в своих «Несвоевременных размышлениях»¹²

Судя по имеющейся информации, сама идея социалистической революции вовсе не была идеей социального вампиризма и кровавого разгула. Напротив, в своей основе это была идея узды, сдерживающей любой разгул и направляющей мощь разбуженных социальных низов по верному пути. (Естественно, с точки зрения революционеров).

Прообразом Октября виделась Парижская коммуна, вполне возможно, одна из самых нравственных и гуманных организаций, когда-либо порождавшихся революциями.¹³ Давайте вчитаемся в подзабытые строки «Гражданской войны во Франции» - той самой «Гражданской войны», что легла в основу стройной и логически наиболее цельной ленинской работы «Государство и революция». По словам К.Маркса, «С 18 марта и до вторжения версальских войск в Париж революция пролетариата оставалась настолько свободной от актов насилия, подобных тем, которыми изобилуют революции и особенно контрреволюции «высших классов», что враги ее не смогли найти никакого предлога для своего возмущения, кроме казни генералов Леконта и Клемана Тома и стычки на Вандомской площади...» (Изб. произвед. Т.2. - М., 1970, с. 230-231).

С одной стороны, даже полицейских не арестовали и не обезоружили, а отпустили их в Версаль. С другой, (с.248) «Коммуна изумительно преобразила Париж! Распутный Париж второй империи бесследно исчез... нет ночных грабежей, почти ни одной кражи. С февраля 1848 г. улицы Парижа впервые стали безопасными, хотя на них не было ни одного полицейского, «Мы уже не слышим, - говорил один из членов Коммуны, - ни об убийствах, ни о кражах, ни о нападениях на отдельных лиц...».

И лишь логика классовой борьбы, а не изначальная кровавость рабочих и не их идейные побуждения породили декрет Коммуны от 7 апреля, в котором говорилось о необходимости «защищать Париж от панибратства версальских разбойников и требовать око за око и зуб за зуб». (с.233) Эта же поистине жуткая логика¹⁴ привела спустя к парижским пожарам и казни «64 заложников во главе с парижским епископом». Казни, которая, по Марксу, явилась отчаянным ответом на ужесточение зверств и расстрелов версальцев и бессильной попыткой защи-

тить тех, кто уже был в руках врагов. Говоря словами Маркса, «Если парижские рабочие поступали как вандалы, то это был вандализм отчаянной обороны, а не вандализм торжествующих победителей, каким был вандализм, в котором повинны христиане, истребившие действительно бесценные памятники искусства древнего языческого мира» (с. 258)¹⁵

Здесь очень важно то, что и для Маркса, и для Ленина (которые отнюдь не были ангелами и противниками насилия как такового), пролетарская революция коммунаров являлась образцом самой бескровной и наименее насильственной революции. Такою же виделась Ленину и будущая социалистическая революция в России.

Поначалу так оно и было. По словам писателя Б.Васильева, «Все участники штурма Зимнего, от Джона Рида до ныне живущего стащестилетнего А.Д.Брянского, утверждают, что во дворце не прозвучало ни единого выстрела...» (Васильев Б. Люби Россию в непогоду. - Известия 1989, № 18. с. 13). Т.е. сам октябрьский «штурм Зимнего» прошел практически бескровно.¹⁶

К противникам новой власти поначалу относились весьма либерально, чему есть немало свидетельств. В этом отношении характерно колоритное описание американского автора Артура Вильямса Риса - того как после победы вооруженного восстания толпа из 600 человек отправилась «погибнуть вместе с Временным правительством» и была остановлена матросами возле Казанского Собора. Завязался любопытный диалог:

«Пропустите нас! Мы идем умирать».

«Ступайте домой и примите яд. А здесь ничего не выйдет. У нас приказ ВРК не пропускать вас. Умирать здесь не разрешается».

После короткого «совещания» из толпы обратились с «более практичным вопросом: «А что будет, если мы вдруг попробуем прорваться?»...

«Придется вас немного поколотить. Но убивать все равно не будем».

Спокойствие матросов охладило пыл толпы и та отступила. (А.Вильямс. Путешествие в революцию. - М., 1972, с. 90)...

Не менее показательны и первые революционные трибуналы, которые, по словам А.Вильямса, «Действовали нерегулярно и поражали непоследовательностью, почти милосердным отношением к буржуазии». Мародеров и спекулянтов называли

«врагами народа», но «...чаще всего приговор, произносимый с устрашающей строгостью, гласил: «Именем международного пролетариата заклеить позором».

Когда же 28 ноября судили одного из лидеров кадетов и министра общественного призрения графиню Панину, обвиненную в краже 93 тыс. рублей, то длинное обвинение казалось прелюдией смертного приговора, однако конец звучал неожиданно мягко: «Революционный трибунал, кроме того, постановляет вынести гражданке Паниной суровое порицание перед лицом революционных трудящихся всего мира...».

Члены трибунала переглянулись, как бы говоря: «Вот как мы ее. А она-то надеялась своими слезами разжалобить нас! Вот это строгий суд!» (Там же, с. 159-162).

Правда, как пишет Вильямс, «Революция не везде была достаточно сильной, чтобы смирить дикие порывы толпы...» Даже в Петрограде разбушевавшиеся толпы забили до смерти нескольких юнкеров, а некоторых побросали в Неву... (См. также: Дж. Рид «10 дней, которые потрясли мир» - М., 1958, с. 167-168).

Но страшной, кровавой бойни не последовало. Напротив, мысль о репрессиях меньше всего занимала рабочих». (Вильямс... с. 165)

Любопытен и такой забавный факт: вскоре после Октябрьского вооруженного восстания (или, если хотите, переворота) кто-то предложил в ответ на саботаж выбросить из окна Мариинского дворца всех бюрократов, поскольку «сам Маркс призывал к уничтожению буржуазной государственной машины». После здравого размышления было решено, что осуществлять это полшутливое предложение ни к чему. Тем более, что как заметил один из революционеров. «Маркс в своей «Критике Готской программы» не рекомендовал выбрасывание буржуазии и даже саботажников из окон». (Там же, с. 267).

Итак, «мысль о репрессиях менее всего занимала рабочих», а Маркс отнюдь не советовал воспринимать идею слома буржуазной государственной машины, как призыв к разгулу физического насилия...

Но что же произошло потом? Что и почему обусловило две первые волны эмиграции,¹⁷ геноцид казачества и привело к появлению отчаянной публицистики, такой, как «Несвоевременные размышления» Горького и письма Короленко к Луначарскому? И насколько события гражданской войны, потрясающий

трагизм которых мы еще только-только начинаем постигать, можно считать прологом «культа», и если «да», то в чем?¹⁸

Сейчас уже напрямую ставится и этот вопрос - как в историко-философской, так и в литературной публицистике. (См., например: А.Бурганов. История - мамаша суровая. - Дружба народов. - 1988, № 6, с. 142-161; Ю. Поляков. Томление Духа. - Лит. газета, 1988, № 43, с. 13; В. Солоухин. Почему я не подписался под тем письмом. - Наш современник. - 1988, № 12, с. 186-190 и др.)

Какие же факторы и моменты в развитии самой революции и ходе Гражданской войны привели к появлению, а затем и закреплению ростков будущего культа (как символа и части соответствующей Системы)? И насколько вообще правомерно говорить о таких ростках при анализе событий 17-го - начала 20-х годов?

Совершенно не претендуя на более или менее полный их охват, попробуем все же выделить тенденции, которые в определенной мере связаны с проблемой становления и эволюции, возникшего и окрепшего в те годы социально-политического и экономического механизма, эволюции в сторону развития в нем черт, присущих «азиатскому способу производства» (Естественно, в одном из модифицированных его вариантов).

Первый фактор, как думается, - это разгул социальных стихий, выплеснувших, как это обычно и бывает, на поверхность немало грязи. Разгул, начавшийся задолго до Октября.¹⁹ С одной стороны, он проявлялся в том, что, по словам М.Горького, прозвучавшим в мае 1917 года, «сцепившись друг с другом, газеты катаются клубком ядовитых змей...» обучая обывателя «свободному слову», которое постепенно становится «неприличным словом». ²⁰ «Какая отравы течет и брызжет со страниц газет!» - с болью восклицал Горький.

С другой - все чаще просыпались дикие инстинкты толпы, сливаясь с неистовой пляской самолюбий «маленьких людей». Симптомом этого, по Горькому, стали участвовавшие случаи зверской расправы солдат над изменившими женами. Так, «В Ростове-на-Дону солдаты водили по улицам голую распутницу с распущенными волосами, с выкриками о ее похабстве и били за ней по разбитому ведру. Организаторы безобразия - муж и ее же любовник, фельдфебель» (Несвоевременные мысли. - Литературное обозрение. - 1988, № 10, с. 99-100.)

Этим темным силам, этим инстинктам было в общем-то не до логики и не до теорий. В сознании «людей толпы» могли легко уживаться и самые «передовые» идеи, и самые дикие пред-
рассудки, включая и национальные, что сами эти люди объяс-
няли довольно просто: «Мы народ необразованный, не наше
солдатское дело разбираться в таких мудреных вопросах».

Великолепные образчики этого воинственного, атакующего
невежества современный читатель может встретить в «Несво-
временных мыслях». Вот, например, наблюдения одной кор-
респондентки Горького: «Когда я сказала кондуктору трамвая,
что социалисты борются за равенство всех народов, он возра-
зил: «Плевать мне на социалистов, социализм - это господская
выдумка, а мы рабочие - большевики».

А вот зарисовка с натуры, сделанная самим Горьким: спор
солдата и студента. Последний риторически вопрошает: Что же
будет, если мы станем вот так спорить, а не учиться?

«Чему учиться? - сурово спрашивает солдат. - Чему ты меня
можешь научить? Знаем мы вас. Студенты всегда бунтовали.
Теперь - наше время, а вас пора долой всех в буржуазию!

Часть публики смеется, но какой-то щеголь, похожий на па-
рикмахера, горячо говорит:

- Это верно товарищи! Довольно командовала нами интел-
лигенция, теперь... мы и без нее обойдемся».

«Великие и грозные опасности скрыты в этом возбужден-
ном невежестве» - предрекал Горький (Лит. обозрение, № 10, с.
100-101), тот самый Горький (или уже не тот?), который спустя
едва полтора десятка лет, уже призвал смотреть на капиталиста,
как на «двуногого зверя».

И эта дикая, клокочущая стихия вливалась в революцию,
стала ее плотью и кровью, выплеснутой конными лавами на
бескрайние поля гражданской. Мне кажется, что именно ее жи-
вописную, буйную мощь поэтически запечатлел Бабель в
«Первой конной». ²¹ Именно ее, двойственная, тройственная,
внутренне противоречивая мощь разгулявшейся вольницы воп-
лотилась в облике «батки Махно».

Партия, Революция, сама гражданская по-своему взнузды-
вали ее, превращая дикую силу социальных стихий, словно
струи кипящего металла, в сталь боевых соединений Красной
Армии, как это мы помним и по «Железному потоку» Серафимовича, и по «Оптимистической трагедии» Вс. Вишневского.

Но, может быть, одна из величайших трагедий нашего века в том, что ни взнузданное невежество, ни введенные в русло циркуляров и новых учреждений, низменные инстинкты не перестают быть невежеством и инстинктами. Они лишь наполняются чувством собственной значимости, превращаясь, по мере продвижения вверх, во взрывную смесь, способную сметать со своего пути все, что угодно.

Шариков оставался Шариком даже обретя человеческий облик.

Большевики наложили на взбунтовавшиеся социальные стихии и на обыденное сознание масс свои стальные покровы. Но эти бурлящие стихии вздыбливали, а зачастую и видоизменяли до неузнаваемости многие и многие теоретические соображения и постулаты (что, например, замечательно показал А.Платонов). Именно они, а не теоретические построения (особенно в тот период, когда аппарат массового идеологического обеспечения Новой Системы еще только создавался вместе с самой этой Системой) обуславливали в первую очередь пестрый пейзаж эпохи. Тот самый пейзаж, в контурах которого проницательный взгляд уже тогда мог разглядеть ужасающие черты грядущих трагедий.

Вторым из факторов, подготовивших почву для 20-х, 37-го и т.д., стала сама стихия войны, в данном случае уже войны «классовой», с цепной реакцией все возрастающей жестокости.

Стихия эта вела к росшему, как снежный ком, взаимному озлоблению, ко все большему ожесточению и все большей неразборчивости как ответных, так и упреждающих ударов. С усилением бойни, вспомнившееся Марксу, ветхозаветное «око за око, зуб за зуб» все чаще стало витать над челом Революции. Уже в Заявлении Особого Собрания моряков Красного Флота Республики слышится рокот этого нарастающего девятого вала родовой, библейской мести:

«Мы, моряки, - гордо звучало в заявлении, - решили: если убийства наших лучших товарищей будут впредь продолжаться, то мы выступим с оружием в руках и за каждого нашего убитого товарища будем отвечать смертью сотен и тысяч богачей...» Но, как замечает Горький, - уже до этого «Правда» призывала к кровавому отпору проискам врагов революции, грозя им тем, что «за каждую нашу голову» полетит «сотня ваших».

Комментируя эти призывы, Горький писал, что истоки породивших их настроений кроются в наследии монархии, которое сбросить тяжелее, чем царский трон:

«Разумеется, убить проще, чем убедить, и это простое средство, как видно, очень понятно людям, воспитанным убийствами и обреченным убийствам». («Лит. обозрение», 1988, № 12).

На практике логика бойни и подобных умонастроений, воплощенных в конкретных действиях, вели к эскалации дикостей и убийств. Одно следовало за другим. Так, в ответ на убийство Урицкого и покушение на Ленина расстреляли сотни заложников. Лишь одно из «рядовых» сообщений того времени называется 500 расстрелянных. (Рой Медведев... «Вопросы философии», 1988, № 8, с. 166-173). Все энергичней раскручивался страшный маховик ВЧК, перемоловший десятки, сотни и тысячи жизней. Убийства превращались в вид «производственной деятельности». Были, что говорится, «поставлены на поток». В Киеве, например, был сделан желоб для стекания крови казненных. А, по словам Бунина, в одесской чрезвычайке появилась «новая манера» пристреливать - над клозетной чашкой. Значит, замечает, размышляющий над этим В. Солоухин, - унитаз вместо «желоба». Удобней и гигиеничней. Выстрел. Поддержали голову над чашкой клозета. Спустили воду. Следующий!» (Наш современник. - 1988, № 12. с. 187).

Расстрелы, как полагают, дополнялись и более массовыми формами убийств. Под Царицыном, в пору разгара деятельности Сталина, «На одной из барж на Волге была создана плавучая тюрьма, которая утонула вместе с большинством заключенных при невыясненных обстоятельствах». (Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. - Знамя, 1989, № 1, с. 169).

Правда, было бы очень наивно полагать, что взрывы дикой ненависти и убийства были «родовой чертой» ЧК, матросов и вообще сторонников Октября. Бойня была взаимной, как и во всякой гражданской (и только ли Гражданской?) войне. Достаточно взять в руки мемуары белогвардейских генералов и, в частности, Деникина, как мы увидим, что зверства собственных вояк вызывали буквально физическое отвращение даже у самых убежденных противников Советской власти.

Насиловали старух. Целыми деревнями обнажали еврейских девушек и женщин, глумились над ними и бесчестили прямо на улице.

Еще менее церемонились с военнопленными, включая и раненых, садистские убийства которых достаточно известны. Полностью был расстрелян пленный латышский полк. В цент-

ре Кустаная и по сей день можно видеть стену, изрытую пулями колчаковских палачей - маленький казахстанский Пер-Лашез.²² А сколько таких стен было разбросано по истерзанному простору бывшей Российской империи!

Озлобление было неизбежно. Правда, - как писал Троцкий, обращаясь к большевикам, - «в нашей воле сделать его не столь отвратительным. Даже в кулачной драке есть свои законы приличия.» («Лит. обозрение, 1988, № 12, с. 86)

Но тем-то и страшна гражданская война, что, вместе с низринутыми ценностями, она, как правило, отрицает и законы «обычных» (тоже не слишком «церемонных» (войн). Причем, сплошь и рядом, борющиеся, избивающие друг друга стороны делают это взаимно.

В то же время нельзя говорить, что весь народ целиком зверел. Мне доводилось не раз беседовать со своим старым преподавателем, интеллигентом высшей пробы, прошедшим через ад лагерей. Я помню, что даже в крепкие казахстанские морозы его руки не нуждались в перчатках - так долго действовала суровая школа лесоповала. Еще ребенком он, уроженец еврейской семьи, был застигнут на Украине суматошными схватками разнородных борцов за Истину и, сопровождавшими их, еврейскими погромами. Застигнут и спасен в обычной украинской семье...

Однако в целом гражданская была не только войной, разрушавшей материальные ценности, но и пламенем, пожирившим духовность и человечность. «Всякая война, - писал Б.Васильев, - растлевает человека, и надо обладать особым запасом прочности, чтобы противостоять этому растлению... Вот почему можно утверждать, что мы вышли из гражданской войны не только с колоссальными людскими потерями, но и с исковерканной нравственностью. («Известия», 1989, № 18, с.3).²³

Та же мысль, но еще более резко звучит в «Томлении духа» Ю.Полякова («Литературная газета», 1988, № 43, с.13): «Из террора, какого бы цвета он ни был, народ не выходит обновленным, а только ожесточенным».

С подобными выводами можно спорить, но они заставляют задуматься над тем, что прежде порою казалось само собой разумеющимся и по-новому посмотреть на однозначно бодрые выводы в отношении революционной морали из учебников по «Этике»...

Третий фактор - уже скорее внутренний, но напрямую связанный с предыдущим. Это концентрация власти и последова-

тельная унификация партии, взявшей в свои руки власть. Некоторые из современных авторов данные тенденции в сверхконцентрации власти прямо выводят из определенных ограничений уже 17-го и 18-го годов и прежде всего из роспуска Учредительского собрания, коему предшествовала историческая фраза Железняка: «Караул устал». (Б.Васильев, Ю.Поляков).

Сама логика концентрации власти привела к тому, что сначала была закрыта «Учредилка», а вскоре вылетели из правительственных кресел эсеры и меньшевики. Правда, этому «полету» предшествовало неприятие Брестского мира и убийство Мирбаха, но не было ли для него более глубоких оснований? Насколько убедителен и реален Ленин из шатровского «Брестского мира», сокрушающийся из-за неразумия эсеров и меньшевиков, лишивших себя легальных средств оппозиционной борьбы?..

А в том, что логика такой концентрации была не случайной и приводящей убеждает и довольно ранний роспуск организаций бойскаутов и юных коммунистов, и стремление сосредоточить всю работу в руках комсомола.²⁴ (Ю.Поляков. Там же).

При этом сами партия и комсомол все более унифицировались, возможности внутрипартийной борьбы ограничивались. По мнению А.Бурганова, уже в 20-е гг. стали создаваться предпосылки для становления будущего культа личности. («История - мамаша суровая. - Дружба народов, 1988, № 6, с. 142-161).

Но, для меня, например, остается открытой проблема: что породило усиленную тягу к унификации - предреволюционная борьба или потребность удержать власть во что бы то ни стало? Или и то, и другое? И если «да», то в каких взаимосвязях и пропорциях?

Ведь определенные и хорошо известные шаги в этом направлении были сделаны уже в 1903 г. Аналогичным путем шли и болгарские «тесняки». Иначе говоря, оценка тенденций к сплочению и унификации партийных рядов должна не быть абстрактной, а исходить из анализа исторических ситуаций. Ибо сегодня, с высоты всего того, что мы знаем, очень легко отметить все, что нам кажется неразумным и негодным и махать после драки кулаками.

Но, видимо, при всех возможных оговорках, допустим вывод о том, что в условиях взрыва инстинктов и эскалации насилия времен гражданской (и только ли в этих условиях?) концентрации власти таила в себе семена страшных всходов. С

одной стороны она выглядела совершенно необходимой, потому что позволяла пусть ошибаться, но действовать быстро и решительно. Образцом таких действий стали механизмы управления армиями и суды ревтрибуналов - точнее те казни без обычного суда, что так потрясли Короленко. («Новый мир», 1988. № 10, с.199).²⁵

Именно эти суды своим жутковатым светом возвращали в век нынешний из века минувшего героев «Преступления и наказания» Достоевского - тех, кто вроде бы «здорово» рассуждал, что для «освежения» общества и для его блага можно уничтожать людей (либо давать им самим «уйти») бесполезных, а то и «вредных». Вспомним известные рассуждения Раскольникова после его встречи с пьяной проституткой: «...Такой процент, говорят, должен уходить каждый год... куда-то ... к черту, должно быть, чтоб остальных освежать и им не мешать. Процент! Славные, право, у них эти словечки: они такие успокоительные, научные. Сказано: процент, стало быть, и тревожиться нечего».²⁶ (Достоевский Ф. Преступление и наказание. - Л., 1976, с. 84-85)

Или возьмем рассуждения студента о старухе, которую спус-
тя убил Раскольников, рассуждения, обращенные к главному герою романа: «Убей ее и возьми ее деньги, с тем, чтобы с их помощью посвятить потом себя служению всему человечеству и общему делу²⁷ как ты думаешь, не загладится ли одно крошечное преступленье тысячами добрых дел? За одну жизнь - тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен - да ведь тут арифметика!²⁸ Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не больше как жизнь вши, таракана, да и того не стоит, потому что старушка вредна». (Там же, с. 100).

(И почему, например, Наполеоны не преступники, а убийцы одного - преступники? - Там же, с. 530).

Словно эхо подобных рассуждений звучит убежденная оценка трибуналов, данная неким Борцом за «освежение» (не путайте с «освеживанием») человечества: «Но ведь это для блага народа». («Новый мир» 1988, 110, с. 199). С нею перекликаются размышления матроса Железнякова о том, что для благополучия русского народа можно убить и миллион людей. (Лит. обозрения, 1988, № 10, с. 99)²⁹

Но кто, и на каком основании мог бы определить и определял, что для блага народа, а что нет? Люди «необыкновенные»?

Поневоле вновь возвратишься к Достоевскому. Вспомним обращение к Раскольникову одного из персонажей «Преступления и наказания»: «... вот скажите: чем же отличить этих необыкновенных-то от обыкновенных? При рождении, что ль знаки такие есть?.. Тут надо бы поболее точности, так сказать наружной определенности: извините во мне естественное беспокойство практического и благонамеренного человека, но нельзя ли тут одежду, например, особую завести, носить что-нибудь, клеймы там, что ли какие?.. (А ведь вняли же «совету» - Ю.Б.) ... Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда вообразит, что он принадлежит к другому разряду и начнет «устранять все препятствия», как вы весьма счастливо выразились, так ведь тут...» (Преступление и наказание. - Л. 76, с. 284).

О том, что могло быть «тут» красноречиво говорят многие эпизоды прошлого (поскольку уж речь идет о нем) и, в частности те, что донесены к нам в мемуарах, скажем, в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам. По ее словам, во время какой-то пирушки один из таких, облеченных Карающей властью людей, эсер (?) Блюмкин «достал из кармана пачку ордеров на расстрел, заранее подписанных начальством, из другого кармана достал список людей, сидевших на Лубянке, и начал на глазах у всех эти ордера заполнять» («Наш современник». - 1988, № 12, с. 186).

Конечно же, не все были Блюмкиными. Но цифры с более, чем миллионом казачьих жизней (сейчас называют и 1,5 млн.), унесенных ураганом классовых битв, цифры о сокращении к концу 1919 г. числа священников с 360000 до 40000 (Там же, с. 189) даже при всей своей возможной приблизительности и не бесспорности, говорят о том, что борьба «не на жизнь, а на смерть» давала Шариковым-Блюмкиным такое поле деятельности, какое было бы немыслимо в иное время. Так что эти литературные и исторические персонажи явно не случайны.

Но вот что стоит за этой «неслучайностью»? Логика платоновской (я имею в виду философа Платона) трансформации демократии в тиранию? - логика, рожденная печальными наблюдениями еще свыше двух тысяч лет назад? Или общие законы социальных революций, рождающих такую концентрацию власти и создающих (в ходе борьбы с врагами) такую четко отлаженную машину уничтожения, что она начинает слой за слоем

стирать в порошок и самих ее создателей? (Вспомните поразительно глубокую сценку с Машиной и командармом Гавриловым в «Свете непогашенной луны»).

Горестные эти размышления родились не сегодня и даже не вчера. Недаром еще, сложивший свою голову на гильотине, французский жирондист Верньо (Верньо) заметил: «Революция, как Сатурн, пожирает своих сыновей». Да и он ли первым подметил это? Во всяком случае, наверно, над каждой революцией витали, пророковавшие с эшафота пророческие слова Дантона: «Робеспьер, я жду тебя!»

И в самом деле, далеко не случайно сценарий кровавой борьбы времен Великой французской буржуазной революции, борьбы, расчистившей дорогу Наполеону, рядом историков и публицистов (Например.: И.Клямкин) воспринимается сегодня, как прообраз того, что спустя произошло у нас.

(С той, пожалуй, разницей, что, идя на гильотину, загодя готовили чеканные фразы, ибо «на миру и смерть красна», а короля, прежде чем казнить, судили. У нас же отрекшийся от престола царь со всей своей семьей был просто пристрелен в подвале, как и многие рангом пониже. Нередко перед казнью даже женщин раздевали донага. А если вспомним описанные Буниным клозеты, то станет ясно, что ни о какой «красной смерти», встречая которую можно было бы выказать внешне величие собственного духа, и речи быть не могло. Какое уж тут величие, если вы представите обнаженную женщину, склоненную над унитазом и ожидающую после ядерных звуков народной речи последний звук, который ей суждено услышать в своей жизни - лающий голос револьвера.

Так же удручающе не по-офицерски гибли и офицеры. Но это - «красный» вариант «некрасной» смерти. В белом же, как мы видели, отличия были тоже не слишком кардинальны. Та же бойня и порою те же обнаженные тела униженных «мужиков» и «баб», распластанных под розгами, воздающими негодьям из «большевистских банд» за все их грехи.

Так, может быть, революции - трамплины для больших и малых наполеонов?

Если это так, то «культ» как бы запрограммирован всякой, особенно масштабной, революцией. Но насколько справедливо такое суждение при конкретном социально-историческом анализе? Программирует ли революция как таковая характер

«культы»? Почему, например, в Швейцарии, где Кальвин был жестоким диктатором, не утвердилась, пусть своеобразная, но административно-командная система (АДС)? Почему культ Наполеона даже в эпоху побед во многом резко отличался от культа Сталина?

Здесь есть над чем думать и думать, осторожно взвешивая многочисленные, зачастую противоречивые данные.

Четвертый фактор - фактор в определенном отношении чисто субъективный, выраженный в догматически-религиозном, сектантском по своей сути тяготении к монополии на истину. Недаром Богданов в одной из своих работ еще задолго до 1917 предостерегал об опасности искушения использовать меч ортодоксального марксизма против тех, кто думает иначе.

Позже, полемизируя с моряками, грозившимися снять с плеч головы сотен и тысяч богачей, Горький заметил, что их убеждения подобны убеждениям монархистов, уверенных, «что счастье в России возможно только при поголовном истреблении всех инакомыслящих...». («Лит. обозрение. 1988, № 12)

Думается, что истоки такой канонизации предстоит еще изучать и изучать, хотя и на сегодняшний день известны такие интересные исследования, как бердяевские «Истоки и смысл русского коммунизма». Но и при всех загадках истории, при всех ее белых пятнах и головоломных проблемах, уже достаточно хорошо известно, что силовое ограничение многообразия (или, как принято сейчас выражаться, плюрализма) мнений и поисков Истины чревато пагубными последствиями в самых различных сферах жизни, ибо отсутствие свободных дискуссий и возможности отстаивать собственные нестандартные взгляды, отсутствие определенного интеллектуального трения открывает шлюзы потоку, несущему в себе опасность для подлинно здоровой интеллектуальной жизни...

Об этом предупреждал еще В.Г.Короленко в 1920.: «Ясно, что... стране грозят неслыханные бедствия. Первой жертвой их явится интеллигенция... Тогда может оказаться, что вместо социализма мы ввели только грубую солдатчину вроде янычарства».

Для успеха же «Души должны переродиться. А для этого нужно, чтобы сначала перерождались учреждения. А это, в свою очередь, требует свободы мысли. Силой сдерживать эту самодеятельность в обществе и народе - это преступление, которое совершало наше недавнее правительство. Но есть и другое, пожа-

луй, неменьшее - это силой навязывать новые формы жизни... И вы в нем виноваты. Инстинкт вы заменили приказом и ждете, что по вашему приказу изменится природа человека. За это посягательство на свободу самоопределения народа вас ждет расплата... Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь».

«...Механика знает полезное и вредное сопротивление. Вредное мешает работе механизма и подлежит устранению. Но без полезного сопротивления механизм будет вращаться впустую, не производя нужной работы. Это именно случилось и у нас...»

Свобода слова и т.д. - не «буржуазные предрассудки», «а необходимое орудие дальнейшего будущего». («Новый мир», 1988, № 10, с. 214-216, 207).

Он же, возможно, самым или одним из самых первых подметил, что «азиатчина» явилась страшным врагом Революции, угрожающим ей изнутри. Какой болью дышит второе письмо Короленко Луначарскому и какие тонкие наблюдения мы встречаем здесь! Короленко пишет:

«Приезд делегации английских рабочих закончился горьким письмом к ним Ленина (ПСС, т.41, с.124-128), которое звучит охлаждением и разочарованием. Зато с Востока Советская республика получила горячие приветствия. Но следует только вдуматься, что знаменует эта холодность английских рабочих-социалистов и приветы фанатического Востока, чтобы представить себе ясно их значение.

На днях я прочитал в одной из советских газет возмущенное возражение турецкому «социалисту» Балиеву, статьи которого по армянскому вопросу отдают прямыми призывами к армянской резне. Таков этот восточный социализм даже в европейской Турции. Когда же вы захотите ясно представить себе картину этих своеобразных восточных митингов на площадях перед мечетями, где странствующие дервиши призывают сидящих на корточках слушателей к священной войне с европейцами и вместе к приветствию Советской республики, то едва ли вы скажете, что тут речь идет о прогрессе в смысле Маркса и Энгельса. Скорее наоборот: Азия отзывается на то, что чувствует в нас родного, азиатского. (Разрядка моя. - Ю.Б. Там же, с. 203).³⁰

Можно сказать, что в немалой мере наш «культ» - это результат причудливого соития «Азии», «азиатского способа произ-

водства» и соответствующих ему социальных и духовных структур и Социалистической революции.³¹

Итак, если подытожить, то одним из мощнейших источников «культа» стала гражданская в самом широком смысле этого слова. Культ, как часть Системы, вырос не столько из каких-то изначальных идеалов, теорий (хороших, либо не очень) и даже, пожалуй, не из самого Октябрьского переворота, сколько из гражданской войны. Ведь тот тип общества, что освящал и символизировал «культ», стал типом, основанным на четкой деятельности, выработанного самим ходом многолетней бойни, механизма истребления и подавления любых проявлений всякой враждебности, не говоря уже об атмосфере ненависти, буквально перенасыщенной ядовитыми парами духа взаимного истребления. Кровь убитых врагов поистине превращалась в яд, отравлявший, как собственное, так и грядущие поколения. Недаром «Древо желаний» начинается с глубоко символических кадров, изображающих лошадь, умирающую оттого, что она вкусила траву, вспоенную кровью убитых здесь когда-то врагов.

Победа во взаимной гражданской бойне - это одновременно и поражение в чем-то очень существенном, поражение духовности и милосердия, поражение Личности, которая хотела бы остаться собой, не расплюскавшись между молотом и наковальней противоборствующих лагерей, каждое столкновение которых высекало искры, сливающиеся в неудержимое пламя алогичной и внедоктринальной ненависти. Но даже искры эти, пламя это, сами по себе еще не могли бы стать фундаментом, основой 37-го и других, куда более ранних и более поздних лет. Ибо пламя вообще не может стать фундаментом. Свирепость его утасует, как только оно сожрет все то, что в силах было сожрать.

Истоки «культа», включая и самые темные его стороны (которыми однако все далеко не исчерпывалось) - прежде всего в тех механизмах организации и управления, координации и субординации, детали которых были выточены и подогнаны друг к другу Гражданской войной, ставшей не только великим разрушителем, но и великим созидателем. Именно она создала основы той командно-административной системы, которая стала в годы «Перестройки» основной мишенью критических стрел. «Перегибы» же 20-х и 30-х (и т.д.) были лишь наиболее уродливой grimасой этой Системы.

В художественной литературе этот феномен гениально выс-

ветил Б.Пильняк в своей (уже упомянутой) «Повести непогащенной Луны». Ответив на вопрос, почему, находящийся в зените могущества и славы, командарм Гаврилов соглашается на ненужную, с его точки зрения, и губительную операцию, мы ответим тем самым и на некоторые из самых острых и болезненных вопросов, поставленных перед нами нашей историей.

Думается, дело в том, что Гаврилов и «Негорбящийся человек» - люди одного типа, части единого, отлаженного войной, механизма. Еще вчера он не раздумывая посылал на смерть тысячи людей; и в их числе он вполне мог бы отправить на верную гибель и «негорбящегося человека». Но сегодня режим работы механизма таков, что приказывает уже «Негорбящийся человек». И Гаврилов, именно потому, что сам не ведал жалости и колебаний, сам использовал тот же самый механизм, просто не представляет, что он может не подчиниться. Точно так же, как превозмогающий боль Корчагин внутренне не в силах не подчиниться вздорному приказу ничтожества, оказавшегося выше его чином. Ведь приказ-подчинение - это основа всего того грандиозного, хорошо отлаженного механизма, что был создан гражданской. Не подчиниться значило бы ломать то, созданию и служению чему ты посвятил лучшие годы своей прежней жизни.

В этом контексте становится с какой-то особой поразительной ясностью понятен и близок трагичнейший (в высоком смысле античной трагедии) образ машины. Той самой машины, что вспарывая ночную тьму несется, послушно повинаясь малейшему движению командарма. Но стоит на какое-то мгновение не удержать руль - и то, что было как бы твоим собственным продолжением становится взбесившейся стихией, а рабски-покорная, огромная сила, превращается в безжалостного убийцу...

Несколько примечаний 95-го

1. Я вполне сознаю условность термина «Культ личности» и даже его неточность. Если вдуматься, то культа личности-то как раз и не было. Возьмите наугад то, что говорилось о Сталине, Чаушеску, Мао, Ким Ир Сене - вы зачастую и не разберете, о ком это речь, кто это именован «Великим Героем», «Испытанным Вождем», «Маяком», «Несравненным Стратегом», «Наимудрейшим Кормчим» (здесь - Чаушеску...)

По сути перед нами не культ личности, а наоборот - культ, воплощенного в человеке, точнее олицетворяемого им мощного государства, или, по крайней мере, мечты о таком государстве.

2. История социализма может быть понята не как история собственно идей, а как история социальных структур и систем, которые всегда устойчивей живой идеологии, не сводящейся к внешне стабильному словесному антуражу лозунгов и эталонных героев, указующих «делать бы жизнь с кого». Точнее говоря - идеи - это пусть и важные и бросающиеся в глаза, но все-таки винтики, а не приводные ремни, сложных социальных механизмов. Сравнение, возможно, упрощает суть дела, но главное здесь в том, что пока мы будем искать истоки сущего лишь в хороших или плохих доктринах, мы недалеко уйдем...

3. Итак, командно-административная система, как современная модификация «азиатского» способа производства и организации общественной жизни (и, как ее частный случай наш «культ») вырастает из потребностей в консолидации общества и организации производства и распределения в специфических исторических условиях, таких условиях, когда существование всего социума, либо обширных слоев его населения оказывается под угрозой... когда «чисто экономические» рычаги не работают...

Такие угрозы и, нависающие над социумом проблемы, могут выглядеть по крайней мере трояко:

- а) внешняя угроза самому существованию социума;
- б) социальная напряженность между стратами или, если хотите, классами и достигающая критических пределов стагнация или деградация экономики. Но тут на первом месте именно напряженность. Стагнация страшна постольку, поскольку она ее усиливает, но не обязательна. Ведь «азиатский способ производства» сам по себе, когда он утверждается дает и массу примеров процветания. Но речь здесь не о его оценке, а о его истоках.
- в) ожесточенная борьба между кланами, политическими группировками в верхних слоях общества.

Давайте попробуем взглянуть на постсоветское пространство с этой точки зрения. (Опущу Прибалтику - о ней просто ничего не могу сказать).

У нас все три фактора налицо: ряд стран СНГ прямо втянут в военное противостояние. Другие перед лицом, хотя и экономической и культурной, но тем не менее самой откровенной внешней агрессии...

Во многих странах СНГ жизнь огромных масс людей настолько ухудшается, что иначе, как пользуясь хорошо известными рецептами прежних авторитарных режимов, вроде бы и сделать что-то трудно. Тут выбора нет: надо либо кормить народ, как кормили римский плебс, либо позволить ему самому накормить себя, достаточно зарабатывая на жизнь. Но для этого нужен хотя бы подъем производства. Либо нужна очень хорошая идеологическая обработка масс (возможная лишь при направленной Единой Рукой деятельности СМИ) вкупе с крепкой уздой. Последнее проще всего.

Третий фактор тоже действует вовсю. Но он, во всяком случае со стороны не замечен, там где переходный этап уже пройден - в Туркменистане, например. Да и с первыми двумя там, пожалуй, дело может обстоять иначе (но тут не берусь судить). Думаю только, что путь к авторитаризму и путь авторитаризма - это не одно и то же: авторитаризм, нравится он нам или нет, это определенная стабильность и определенные гарантии, но и конечно же, теплое море обещаний.

4. Следующее же замечание - это неожиданный для меня самого шаг в сторону. Просматривая сейчас и печатая этот старый обзор, я по сути невольно поднял тонкий пласт полемической литературы лет, предшествовавших распаду (или может быть убийству (?) державы):

Какие разные авторы! Как искренне они негодуют, говоря о насилии! Совсем как и миллионы других людей тех лет. Но всмотритесь, если не считать отдельных, не бросающихся в глаза штрихов - перед нами симфония, словно рождающаяся под взмахами палочки Одного Дирижера.

И становится немного странно (это сегодня становится): ведь собственно ужасы «культа и «докультовых» времен уже в отдаленном прошлом - а нам все о них, и о них. Причем, то прямо, то исподволь спрашивают: вы разве хотите снова в лагерь? и т.п. Доходит до того что уже бывшие зеки с экрана многозначительно вещают: лагерь не сломаны. Они вас ждут...

Зная, памятуя о маятнике нашей истории, мы призадумываемся - и вот уже готовы очертя голову бежать куда угодно, от возможного завтрашнего насилия, и от реальной лжи, фальши и бестолковости (ох, о такой ли уж «бестолковости» или только ли бестолковости, думаешь сегодня).

Короче, оказывается, что благие намерения и ненависть ко

злу взрыхлили и удобрили почву раскола, распада Страны. Я никого не виню, я и сам искренне не принимал то Зло, что вставало передо мной со страниц и экранов, говоривших о Прошлом, которое, как нам намекали, могло стать Настоящим...

Никого не обвиняю. Просто сегодня мне показалось, что я увидел парадоксальный поворот в битве со Злом: кляня Систему и, прежде всего ее Страшное Прошлое, кто вольно, а большей частью, думаю невольно, подталкивали массы к принятию разрушения Страны. Я был такой же, как и эти массы. Я также, как и многие не мог принять ГКЧП, в котором привиделись пугающие черты Страшного Прошлого.

5. Но, может быть, в одном я отличался от большинства цитированных авторов: уже тогда понимал, что искать корень бед собственно в большевизме, как конкретном социально-историческом феномене, явное упрощение. И в этом мне помог Спенсер, нащупавший закон, который я бы назвал законом корреляции или Соответствия. Согласно этому закону развитие любой сферы жизнедеятельности общества неуклонно воздействует и на развитие и функционирование других сфер. Как в организме занятия спортом, например, не только развивают мышцы, но и влияют на внутренние органы, интересы личности и т.д. Таким образом, скажем, милитаризация не может не наложить отпечаток на всю жизнь социума, вплоть до отношения к женщинам и воспитания детей. С этой точки зрения, если ее развить, ну просто не может быть демократии и прочих «излишеств» цивилизации в обществе, постоянно сжимающем кулаки. В приложении к нам это и означало, что проблема далеко не собственно в большевизме, а в том, что я здесь уже сказал.

Конечно же, тут еще очень многое неясно. По всей вероятности, к авторитарным режимам и соответствующим им системам организации всей жизнедеятельности социумов, ведут не просто милитаризация, а такое развитие военной машины, которое связано с потребностями борьбы не на жизнь, а на смерть, будь то борьба внешняя, либо внутренняя.

Может быть, поэтому и Штаты пока в несколько ином положении, что, участвуя во множестве войн, они, по крайней мере, больше столетия не знали войн, грозивших бы непосредственно их существованию.

Проблемой остается и Израиль. Согласно закону корреляции, длительное существование во враждебном окружении (если

такое сохранится) в перспективе должно бы превратить его в подобие Спарты с ее военным коммунизмом. Правда, по сей день приток свежей крови дает противовес казарменности... Возможно дело и не только в этом. Возможно, реальная острота противостояния снижается, что тем самым расширяет базу того, что называют демократией. Для меня лично здесь много неясного.

Конечно, можно заметить, что горстка десятилетий - слишком короткий срок. Но, возможно, в какой-то мере дело еще и в том, что Спарта была достаточно самостоятельной, относительно замкнутой социальной системой, тогда как тот же Израиль - лишь видимая часть Системы куда большего масштаба, нежели он сам, иначе у него навряд ли хватило бы ресурсов для ведения тех военных действий, которые он вел и способен вести.

Примерно то же можно сказать и об абхазском, чеченском и иных конфликтах. (По крайней мере, достаточно многочисленных). Они просто невозможны были бы в тех масштабах, что мы видим, если бы питались лишь «внутренними резервами». Это сама по себе банальность, но очень любопытная и немаловажная, если посмотреть на наши трагедии с точки зрения историсофии.

¹ Здесь обойдены монографии. В частности такие, достойные внимания, как «Осмыслить культ Сталина». М., 1989; «Историки спорят», - М., 1988.

² Подлинно масштабное сопоставление должно включать сравнение культов, как «соц. лидеров», так и вождей ряда мусульманских государств и определенные тенденции в иных постсоветских республиках. Причем здесь нужна не «критика» в принятом смысле слова, а максимально возможный объективный анализ. - Примечание, 1995 г.

³ Думается, что в отношении к лести и возвеличиванию собственной персоны Сталин был отнюдь не скромнее падкого на награды Л.И. Просто он предпочитал «вечное» звучание названий городов и т.п., хотя бы и прочному, но все-таки тленному и плавкому металлу орденов.

⁴ Можно, конечно, не принимать двучленного классового подхода, удоб-

ного при мордобое, но не серьезном исследовании. Однако отметить социально-классовый подход как таковой только потому, что он ассоциируется с архаизмами марксизма, было бы скольжением в прошлое науки. Не говоря уже о том, что все эти нынешние заклинания отойти от классового подхода очень удобны для тех, кто исподволь и без лозунгов создает в СНГ прелюбопытнейшие объекты, анализ которых без хотя бы элементов классового подхода просто невозможен. - Это и иные примечания - 95 г.

⁵ Хотя, пожалуй, не совсем так. «Яркость - слабость таланта». «Ярких» били, вероятно, чаще. Но ведь, если опустить «бывших», то окажется, что происхождение этих «ярких» было разнородным. Есть ли исследования на этот счет? Да и насколько это верно?

⁶ Я вполне отдаю себе отчет, что здесь не все так просто: именно знать и возможные претенденты на власть страдали в первую очередь при всяком деспотизме. Низы же, используя выражение Маркса, будучи лишь «пассивным пьедесталом» для этих борцов за власть, могли и страдать меньше, там, где речь шла именно об этой борьбе.

⁷ Спустя тот же самый подход стал использоваться при разговоре уже о Ленине и Марксе. Но, думается, что смена имен не меняет сути, и уход от «демона Сталина» к демонам-предтечам мало поможет в нашем стремлении понять собственное прошлое.

⁸ Поэма «Под кожей статуи свободы». Интересно обратить внимание и на эволюцию взглядов самого поэта: в более ранних стихах - монологе попа, ставшего боцманом на реке Лене, он еще на пути к этой сверхкрамольной мысли: «И понял я, ложь исходила не от ошибок испокон, а от хоругвей и кадила, из глубины самих икон». Т.е. видение истоков нашей боли здесь иное.

⁹ Я вовсе не отрицаю мысль о значимости идей и теорий в жизни человечества. Но связь идей и жизни более сложна. Вербальный же и символический пласт этой связи в силу своей определенной поверхности не может выразить всю ее многозначность. Сегодня это очень важно понять, хотя, вроде бы, что тут понимать: когда все стало очевидным: сбросив вербальные покровы «ложных идей», растоптав «псевдонимы» (образ Аннинского Л.А.), мы пока не далеко ушли от того, что так усердно топчем.

¹⁰ В связи с печально знаменитым процессом «промпартии» классиком был написан ряд статей. Первая из них, появившаяся в «Правде» и «Известиях» 15 ноября 1930 г., так и называлась: «Если враг не сдается, его уничтожают». (Москва, 1988, № 11, с. 84).

¹¹ А после-послезавтра в «прекрасном», посткоммунистическом «далеко» такие же писатели интеллигенты, как и Горький будут сочувственно воспринимать залпы по Белому дому. - Ведь там «коммуняки», а значит, вроде бы и люди, но не совсем те... Слова иные - а идеи? А настроения?

¹² Сегодня я, пожалуй, выразился бы точнее: историческая действительность и, в частности, безжалостные жернова «социальных битв» не деформируют, а трансформируют, видоизменяют все, включая и личностей, барахтающихся в истории и при этом творящих ее, и идеи, и теории. Деформация же частный случай трансформации, как закона. В каждую эпоху идеи живут своей жизнью; поэтому «возврат к чистым истокам» всегда только лозунг (возможно мобилизующий), но не реально выполнимая задача.

¹³ Здесь дан взгляд только с одной стороны. Но я касаюсь не истории Ком-

муны как таковой, а представлений Маркса и Ленина о ней, как об идеале, живом образце пролетарского государства.

¹⁴ Вот этой-то «логики борьбы» и не предвидел Ленин в своем «Разливе», когда писал об отмирании государства и, соответственно, ненужности армии и т.д. Увы, тут вождь пролетариата был близок другому историческому коллосу - Лютеру, совершенно не представлявшему, какие потоки крови прольются с Реформацией, на знаменах которой были отнюдь не кровавые идеи.

¹⁵ Заметьте, Маркс писал о побежденных, которых победители могли не только уничтожать, но и обогатить.

¹⁶ Здесь я не касаюсь того, а был ли «штурм», да и собственно исторических работ. Напр., энциклопедии «Великая Окт. соц. рев.» - М., 1977

¹⁷ Эмиграция 17-18 гг. и 22 года.

¹⁸ Правильнее было бы начинать не с гражданской, а с мировой и отчасти - русско-японской. Гражданская выплавляла сталь для новой Государственной машины, но горючий материал был, что банально, в избытке поставлен мировой... Так что Октябрь, как бы мы к нему не относились, - далеко не начало...

¹⁹ Обратите внимание на одно отличие большевиков от нынешних могильщиков «прогнившей системы»: большевики боролись с Системой, находясь вне ее, нынешние же «революционеры» - изнутри, находясь на немаловажных постах: т.е. за хаос нынешний они ответственны гораздо более, нежели большевики тех лет.

²⁰ Сравните сами с сегодняшним днем, присовокупив к сказанному радио и телевидение.

²¹ Было бы интересно проследить романтически-народническое предвосхищение революции в XIX в.: от Ф. Купера - до Гоголя и даже Сенкевича, в чьих романах по сути не поляки противостоят украинцам, а Культура - Дикой Стихии - безудержной и темной, но природной и потому такой, которой польский писатель вольно или невольно любит. Вспомните хотя бы оппозицию: Богун-Володыевский. Интересно, существуют ли в литературоведении развернутые, панорамные и незаидеологизированные исследования этого феномена?

²² Вот отрывок из доклада инструктора комиссариата внутренних дел о том, как подавлялось антиколчаковское восстание: «...Был в городе тихий плач и стон, но если громко какая-нибудь женщина заплачет о своем муже, то ее расстреливали. Людей вешали за ребра, людей выгоняли из домов, а дома сжигали. На мужиков стали налагать непосильные контрибуции, в случае отказа расстреливали. (Чем это краше подразверстки? - Ю.Б.) В результате кровавой бойни в Кустанае было убито 10 или 11 тысяч человек. Из них 7 тысяч похоронены в одной могиле... В таком маленьком городке, как Кустанай, не пугали людей ни расстрелы, ни эшафоты, все горело энтузиазмом и говорили: «Мы отомстим!» (Кустанай: вчера, сегодня, завтра, - Алма-Ата; 1979, с. 81)

А вот другой документ, принадлежащий уже противной стороне - отрывок из приказа белого генерала Томашевского, подавлявшего антиколчаковское восстание: «Я лично, - писал он, - если верить публикации, содержащей документ, - убедился, что в восстании большевистских банд... принимали факти-

ческое участие не только мужчины, но и женщины, позволяя себе стрельбу из-за угла, окон, крыш и чердаков. До сего времени преступницы не получили должного возмездия. Считаю совершенно неправильным и слишком почетным расстреливание и повешение такого рода преступниц, а посему предупреждаю, что в отношении означенных лиц будут применяться исключительно розги, вплоть до засечения виновных. Более чем уверен, что это домашнее средство произведет надлежащее воздействие на эту слабоумную среду...» (Цит. по: Ушаков В. Православие и XX век, - Алма-Ата, 1968, с. 218.

²³ Сравните с гладкими, отшлифованными на станках Идеологии, фразами из учебника: «...в огне революции сгорают отжившие нормы официальной морали господствующего класса». А с другой же стороны наблюдается «бурное кипение нравственного творчества революционного народа». При этом «революционная мораль - это не только фейерверк страстей и разрушения. Она несет в себе семена нового, более высокого, нравственного развития общества и человека». (Марксистская этика. - М., 1980, с. 47-51).

²⁴ Та же логика вела и к развернутому наступлению на такие массовые молодежные религиозные организации 20-х, как «Бапсомол», «Христомол»... Идеология идеологий, но довольно ясно, что многообразие организаций делает Систему и социум в целом менее управляемым из единого Центра.

²⁵ Но и тут не все ясно, как на ладони. Ревтрибуналы сами стали следствием хаоса: в условиях политических и уголовных убийств, переходов власти было не до обычного суда. Речь идет не об оправдании, а о стремлении понять, что любой «хаос» - преддверие диктатуры, что всякая беспорядочно проливаемая кровь - все ее ручейки текут в единую Реку крови, проливаемой «централизованно». И разве сегодня миллионы людей не готовы потянуться к «сильной» руке, готовой сокрушить преступность?

²⁶ Вам это ничего не напоминает? - Может быть изречения славного кормчего Мао? А может быть, кого-то еще? - Впрочем, зачем так далеко ходить - Включите телевизор и, если повезет, вы сами услышите Раскольниковых, вещающих с голубых экранов о Моисее, который сорок лет водил народ по пустыне - чтобы люди обновились, а «зараженные» прежней греховностью отошли в мир иной. Слышите? - историю эту вспоминают, не намекая, а говоря напрямую: так и нам надо дожидаться, пока не вымрут мамонты совковости. - Надо думать: вот тогда житуха-то настанет. И, боюсь, нашим Моисеям, и сорока лет не понадобится для достижения очередной великой цели...

²⁷ Опять словно зеркало перед нами. Студенты, но уже со стипендиями, а то и в чинах нам настойчиво твердят: Не важно, откуда деньги! Не важно на что строят дворцы, обретают прочную подвижность и недвижимость, стоящую таких денег, что и за сотню лет труда не заработаешь! Я вовсе не предлагаю что-то конфисковывать - имеют, так имеют. Я просто спрашиваю: разве вы не слышите в этих речах знакомый голос студента?

²⁸ И далека ли от этого та же В.Новодворская в своей готовности не щадить жизнь при изгнании раба из павшего в коммунизм русского человека? Жаль, не помню дословно, но нечто подобное весьма и весьма сурово она напрямую говорила с телеэкрана. Здесь уж не только Достоевского вспомнишь, а и экзорцистов, изгоняющих дьявола и искренне убежденных в том, что избавленная от сатанинских козней душа дороже какого-то бренного тела.

²⁹ «Обыкновенные должны жить в послушании и не имеют право преступать закона, потому что они, видите ли, обыкновенные. А необыкновенные имеют право делать всякие преступления и всячески преступать закон, собственно потому, что они необыкновенные». (Там же, с. 281). Достоевский, где вы? Что бы вы сказали сегодня?

³⁰ Здесь «азиатчина» употребляется в смысле того «темного», что есть в Азии. Вполне понятно, что оценка всех «азиатских» элементов как в «советской», так и вне советской истории России не может быть однозначной. И очень жаль, что Советское государство так часто совершенно неумело использовало этот «азиатский фактор». Сколько наломано дров - от Средней Азии до Афганистана... И только ли там?

³¹ Сейчас я бы выразился несколько иначе. Так называемый «наш культ личности» - не плод единственного Акта (Революции), и не дитя одной силы, одной партии, а результат процесса, в котором сплетались устремления, интересы и деяния разных сторон. (Это было мне вроде бы ясно и в 80-х). И как таковой «культ» - не просто больное дитя больных родителей, либо на-рост на здоровом в целом теле общества, а компонент, слагаемое целой системы общественных отношений на определенном этапе ее развития. - Системы консервативной, но не абсолютно неизменной. Системы, которую нельзя анализировать пользуясь только знаками плюс и минус. Причем, когда речь идет о темных сторонах «азиатчины», дело не просто в крови, а в потребности и желании опереться на силу там, где собственно экономические рычаги очень несовершенны, а экономика в упадке или застое...

КОМАНДНО-АДМИНИСТРАТИВНАЯ СИСТЕМА И КУЛЬТ ЛИЧНОСТИ В СВЕТЕ ДИСКУССИЙ ОБ АЗИАТСКОМ СПОСОБЕ ПРОИЗВОДСТВА

Так к чему же мы пришли в результате гражданской войны и последующего хода событий, завершившегося отходом от ленинской установки на НЭП? Многие из современных советских авторов именно разрыв с НЭПом рассматривают, как решающий этап на пути укрепления административно-командной системы и сталинизма, представляющего одну из наиболее одиозных форм её проявления.

По критически встреченному мнению историка Ю.Афанасьева, вряд ли вообще можно говорить о социализме. Согласно же суждению автора цитировавшейся статьи «Нужен ли Маркс перестройке?», социализм, созидавшийся при Сталине, - это социализм по Дюрингу, а не по Марксу, а значит, по сути, социализм неистинный. По духу этот способ полемики напоминает, и напоминает далеко не случайно, аргументы периода Реформации, по которым католицизм - это христианство, отошедшее от Библии, и уже поэтому христианство неистинное.

Модным стало и выражение «деформированный социализм». Но, во-первых, видимо, точнее говорить о деформации идеалов социализма. А, во-вторых, если следовать данной логике, придётся вводить и такие категории, как «деформированное рабовладение», «деформированный феодализм» и «деформированный капитализм», в качестве образца которого иные буржуазные историки могли бы привести германский нацизм. Но что брать за точку отсчёта «деформации», если исходить не из абстрактных идеалов, какими бы прекрасными они ни были, а из исторической реальности во всём её многообразии?

Ещё менее серьёзно было бы говорить о том, что Сталин деформировал социализм. Казалось бы, незначительная смена акцентов, а суждение полностью утрачивает всякий смысл. Ибо деформировать можно лишь то, что уже есть. Но разве до Сталина социализм существовал, как строй? - Скорее, были только какие-то основы, векторы, направления на пути к социализму. Это лишь по Маяковскому, «трамвайные рельсы вымеев», взбужденный и окропленный живой водой Революции Петербург, а точнее Петроград, после 25-го очутился уже в «социализме». В жизни, а не в сказках, увы, так не бывает.

Можно услышать и мнение, что построенное у нас общество - не что иное, как государственный капитализм. Но это тоже явное упрощение, при котором многогранное и во многом новое явление подгоняется под уже известные, очень привычные определения и мерки. Но капитализм как таковой подразумевает наличие рынка и свободной продажи рабочей силы. Прикрепление же к колхозам без паспортов и гроздя лагерей, увенчавшие древо сталинизма, никак не вяжутся с тем, что характеризует собственно капитализм, даже государственный. (Конечно, лагеря и т.д. возможны и в условиях военизированного монополистического капитализма. Но для функционирования «нормального», «обычного» капиталистического общества они не нужны, так как противоречат исходным принципам капиталистической организации производства. Появление же лагерей и иных симптомов возрастающего организованного насилия - прежде всего результат военизации общества, под воздействием которой происходит глубочайшая трансформация всех социальных структур. - Подробнее об этом см. в работах Г.Спенсера, который одним из первых предпринял необычайно интересную попытку анализа взаимосвязи уровня военизации общества и соответствующих этому уровню форм социальной и духовной жизни).

Но, с другой стороны, нам, пожалуй, мешают и те стереотипы, исходя из которых до сих пор нередко полагаем, что в период сталинизма было построено общество, являвшееся почти во всех отношениях принципиально новым. Однако попробуем взглянуть на сталинизм и командно- административную систему, соизмеряя их с масштабами веков и тысячелетий.

Что же было главным в сталинизме? Репрессии? Пожалуй, нет. Они являлись вполне логичным, но лишь следствием явлений более глубокого порядка. Главным было стремление к максимальной концентрации власти и собственности в руках государства. Это, в свою очередь обуславливало поиски и шлифовку соответствующих социальных механизмов. Так, те самые командно-административные методы, о которых сейчас столько пишут - это прежде всего довольно эффективный путь использования внеэкономического принуждения в условиях XX века ибо, «культ» помимо всего прочего, которое во многом вторично, - это и активнейшее использование целого спектра средств внеэкономического принуждения. Принуждения, в определённом

ной мере эффективного, если исходить не из абстрактных общественных интересов, а из целей и задач определённой социальной подсистемы.

Но как раз в этом-то использовании внеэкономического принуждения, как и в концентрации власти и собственности в руках государства, не было ничего принципиально нового. По мысли К.Маркса, высказанной 2 июня 1853 г., (Соч., т.8, с.215), для Востока на протяжении веков было характерно «отсутствие частной собственности на землю.» С этим отсутствием многие связывают разработку идеи «азиатского способа производства», упоминание которого встречается у Маркса. (Соч. т.13, с.7; т.46, ч.1).

Правда, в 40-е - 50-е годы в нашей исторической науке господствовали концепции, начисто отрицавшие наличие в кладовой прошлого такого способа производства.

К началу 70-х, наряду с прежними взглядами, стали утверждаться и иные, которые, согласно исследованию Ю.В.Качановского (Ю.В. ...Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? - М., 1971) можно разделить на три группы:

1) Одни рассматривают азиатский способ производства, как определённую стадию социального развития, появляющуюся при переходе к классовому обществу.

2) Другие усматривают в нём не столько стадияльное, сколько региональное явление и видят его лишь там, где существовала потребность в искусственном орошении и создании развёрнутых ирригационных систем, требовавших наиболее чёткой организации и особой концентрации сил. Это вполне соответствует известным рассуждениям Ф.Энгельса о том, что могло помешать развитию частной собственности на Востоке: «Но почему, - писал Ф.Энгельс, - восточные народы не пришли к частной собственности на землю, даже к феодальной собственности? Мне кажется, что это объясняется главным образом климатом и характером почвы, в особенности же великой полосой пустынь, которая тянется от Сахары через Аравию, Персию, Индию... вплоть до наиболее возвышенной части азиатского плоскогорья. Первое условие земледелия здесь - это искусственное орошение...» (Соч., т.28, с. 221). Подробнее о взглядах Маркса и Энгельса на эту проблему и об их эволюции см. в работе В.Н.Никифорова «Восток и всемирная история.» - М., 1977, с.115- 154.

3) Третьи видят в азиатском способе производства особую «кабальную» форму эксплуатации человека.

Выделяя те признаки, которые считают решающими многие сторонники реальности существования азиатского способа производства, Ю.В. Качановский отмечает общинное землевладение и эксплуатацию подданных деспотическим государством. Правда, сам он считает, что «государственная форма собственности не меняет природу того или иного способа производства. Социально-экономический или классовый характер рабовладельческой или феодальной собственности в принципе не меняется, если её форма не индивидуальная - частная, а государственная.» К тому же, подчёркивает Ю.В. Качановский, у Маркса и Энгельса ничего не говорится о специфических методах «высасывания труда» при азиатском способе производства. (Указ. соч., с.203).

Кажется близки к этому выводу взгляды В.Н.Никифорова, выраженные в его работе «Восток и Всемирная история» /М., 1977/, согласно которым, как отмечает Л.С.Васильев, «азиатский способ производства» - лишь случайный поворот во взглядах К.Маркса. (Л.С.Васильев. Что такое «Азиатский способ производства.» - Народы Азии и Африки. - 1988, №3, с.65).

Но если быть более точным, то Никифоров В.Н. в своей обстоятельнейшей работе характеризует «азиатский способ производства» не как случайный поворот мысли классиков, а как гипотезу, выдвижение которой «явилось гигантским шагом вперёд в изучении истории Востока... Гипотеза азиатского способа производства сменилась на следующем историческом этапе концепцией первобытнообщинного строя, рабовладения и феодализма на Востоке.» (Никифоров... М., 1977, с.134). При этом в своей работе, богатейшей по обилию идей и фактического материала, В.Н.Никифоров отнюдь не унифицирует социально-исторические процессы, разворачивающиеся в разных регионах в ходе всемирной истории. Хотя, как мы видели, понятие «азиатского способа производства» рассматривается им лишь в качестве определённого момента в развитии учения Маркса о социально-экономической формации.

Но и этот вывод не завершил полемику. Развернувшаяся вновь на страницах научных изданий дискуссия о специфике развития стран Востока всё более акцентирует внимание на полифонии исторического развития, на «восточной или западной» разновидности феодализма и поэтому вновь возвращает нас к проблемам, связанным с полемикой вокруг азиатского способа про-

изводства. В частности, эти акценты ясно прослеживаются в статье Л.Г.Алаева «Формационные черты феодализма и Восток». (Народы Азии и Африки, 1987, №3,) в уже упомянутой статье Васильева и целом ряде других, среди которых можно отметить статьи Ю.Г. Александрова «О формационной специфике доколониальных обществ» (Народы... 1988, №2) и В.Э.Петровского «Феодализм на Западе и Востоке.» (Народы... 1988, №5). Так, в последней остроумно и свежо поставлена проблема диалектики отрицания и преемственности в общественном развитии. С точки зрения В.Э. Петровского именно преемственность и даже наличие определённого «консерватизма» обуславливают поступательность, прогрессивность исторического развития: «Если бы, - пишет он, - феодализму удалось полностью подавить наследие античных отношений, то это наверняка был бы уже не феодализм, а некое доисторическое состояние, лишённое черт цивилизации и культуры, - в общем доантичное. Кампучийский опыт (да и наш собственный), пожалуй, даёт некоторое представление о том, как попытка полного подавления предшествующих отношений сразу ввергает общество в дикое состояние, из которого оно может вырваться, лишь восстановив что- то существенное из своей истории. Парадокс как раз в том и заключается, что феодализм в Западной Европе получил интенсивное развитие в тех обществах, которые были связаны нитью преемственности с античностью (вспомним идею феодального синтеза, выдвинутую Б.Ф.Поршневым). В качестве примера, подтверждающего это правило применительно к капитализму, можно привести Англию, где буржуазная революция носила во многом компромиссный по отношению к феодализму характер и где капитализм, тем не менее, развился до классической формы. Любопытно, что Энгельс, считавший Англию «самой буржуазной из всех наций», называл её так же государством, которое «по уши увязло в средневековье»... Напротив, во Франции, где имела место самая радикальная из антифеодальных революций, ставившая целью полностью подавить ненавистное феодальное наследие, капитализм получил далеко не интенсивное развитие.» (Нар..., 1988, №5, с.117).

Особый же интерес, для осмысления рассматриваемой нами проблемы представляет статья Л.С.Васильева «Что такое «азиатский способ производства» (Нар. ... 1988, №3) Обходя ряд наиболее спорных моментов в публикации Л.С.Васильева, вы-

делим то, что, по его мнению, стало альтернативой частной собственности в ранних неантичных структурах. Суть этой альтернативы он усматривает в феномене власти-собственности, связанном с формированием надобщинных политических образований и сосредоточением ресурсов в руках представителей власти, возвышающейся над общинами.

Здесь «Власть и собственность слиты воедино.» Государство же - не орудие господствующих классов, а самодовлеющий и всё подминающий под себя господствующий класс. По Л.С.Васильеву, «В рамках описываемой структуры, государство - никак не надстройка над базисом, но и важный элемент производственных отношений, доминирующий над обществом.» (Там же, с.70-71).

По отношению к государству, всё общество - безликая масса подданных, что создаёт максимальные возможности для произвола и соответственно, объективные предпосылки для складывания такой формы правления, как Восточная деспотия, когда бесправие по отношению к государству выражается в холопстве перед «государем милостью Божией», персонифицирующем величие данного государства. Отсюда и факты, подобные отмеченному бароном Герберштейном в его «Записках о Московии.» (Санкт-Петербург, 1866, с.76). По словам барона, в описываемой им стране все подданные «признают себя холопами, то есть рабами князя.» Та же мысль о поголовном рабстве подданных, которые следуя воле Божьей, не должны противиться властям, явственно проступает и в пылком послании Ивана Грозного, именовавшегося на Западе, как Иван Террибл-Ужасный, князю Курбскому. (Послания Ивана Грозного. - Л.- М., 1951, с.286-293). Наличие аналогичных представлений можно констатировать и при рассмотрении собственно Востока, например, Османской империи. (См. дискуссию об абсолютизме, развернувшуюся на страницах журнала «История СССР» в 60-е годы: 1968, №2, №5 и особенно №4, с.71, и др.).

По мнению Д.С.Васильева, в обществе такого рода право ориентировано на защиту государства, ибо перед лицом государства частный собственник всё равно, что Пигмей перед лицом Левиафана: «Слабая и не опирающаяся на легитимирующие и защищающие её институты и нормы частная собственность не в состоянии противостоять мощному и эффективно функционирующему государству. Как и всё остальное общество

она вынуждена склонить голову... и принять предложенный ей статус строго контролируемого, постоянно ограничиваемого и практически беззащитного перед произволом власть имущего, рода деятельности.» (Нар. ...1988, №3, с.71). При этом данный тип общества оказывается настолько устойчивым, что взломать изнутри его социальную структуру бывает практически невозможно.

Таким образом, по Л.С. Васильеву, азиатский способ производства - это государственный способ производства, при котором нет частной собственности, как ведущего звена производственной и общественной жизни. В принципе, при таком способе производства возможны разные варианты развития и, в том числе, со слабым государством. «Смысл здесь не в силе государства как такового, хотя это очень важный фактор. Государство не обязательно должно выступать в форме гнетущей власти (хотя так часто бывало). Суть способа производства сводится к тому, что государство выполняет функцию субъекта производственных отношений, что оно - элемент производства в том секторе, за счёт активности которого в основном существует общество.» (Там же, с. 74). Отсюда и неизбежное при таком способе производства разрастание, разбухание бюрократическо-управленческого и контролирующего аппарата.

Уже эти характеристики азиатского способа производства свидетельствуют о том, что современное советское востоковедение вплотную подошло к принципиально новой, глубинной интерпретации того, что мы называем социальной основой командно- административной системы.

Сделаем маленький шаг вперёд и увидим, что всё сказанное в значительнейшей мере приложимо к тем структурам, которые сложились и окрепли в 20-е - 30-е годы в нашей стране. В свете подобного подхода напрашивается вывод о том, что в результате силового подавления НЭПа наша страна при Сталине решительно повернула в сторону вольного или невольного использования традиционно «азиатских» форм и структур, что повлекло за собой цепную реакцию в самых различных сферах политической, нравственно-духовной и культурной жизни.

Выпестованная при Сталине командно-административная система, изначальные элементы и социальные механизмы которой сформировались и окрепли уже в годы гражданской войны, не была ни чем-то принципиально новым, ни даже своеобразным, хотя и искажённым, по-медвежьему грубым, повторе-

нием азов европейского феодализма и бюрократизма. Она явилась стержневым моментом, трансформированных самим историческим развитием, традиционно-«азиатских» методов, а точнее, традиционно-«азиатской» системы организации общественной жизни. Системы, которая столь властно дала о себе знать на новом витке истории. Правда, это не был азиатский способ производства в его неизменном виде. Производительные силы, средства производства - иные, техника, средства связи и многое, многое другое - иные, нежели некогда...

В целом это был всё-таки социализм. Думается, ни к чему отказываться от данного термина только потому, что реальность в немалой мере расходится с абстрактными, туманными идеалами. Но социализм с чётко выраженными азиатскими чертами. Социализм, спавленный с архаикой азиатского способа производства и, следовательно, обречённый в исторической перспективе на те социально-экономические трудности, с которыми мы сейчас имеем дело. Именно косная неповоротливая «азиатская» организация социально-политической и производственной жизни - одна из основных причин необъяснимого, на первый взгляд парадокса: почему «новый, более прогрессивный тип» общества не принёс до сих пор ни более высокой производительности труда, ни более высокого среднего уровня жизни, ни, соответственно, ломающихся от обилия товаров, прилавков. Возможно, ключи ответа кроются в том, что в силу капризной диалектики истории, доминирующими, или, по крайней мере очень влиятельными его элементами на сложном и весьма нелёгком этапе развития стали возродившиеся традиционно-«азиатские» структуры, начавшие, подобно сказочным жерновам, перемалывать на свой лад и новые идеи, и новые возможности техники. И лозунг: «Больше социализма!» означает, с этой точки зрения, вытравливание и ломку традиционно «азиатских» компонентов нашей жизни, той самой «азиатчины», которая давно уже превратилась в цепь, приковывающую народ-Прометей к скале прошлого и позволяющей время от времени рапидовым разных национальностей и разных рангов безнаказанно клевать у него печень.

Однако есть один, и очень важный пункт, по которому хотелось бы поспорить с Васильевым, представляется, что он гипертрофизует роль частной собственности-либо собственности, которую условно можно было бы назвать «альтернативно-

государственной», в её воздействии на все сферы общества. Конечно же, частная, как и государственная собственность на землю и самые разнообразные средства производства очень важны. Они многое определяют. Но не на 100%.

Вспомним, каким видел себя самого Людовик XIV - «блистательный представитель европейского абсолютизма». Как замечает А.Н.Савин в своей работе «Век Людовика XIV» (М., 1930, с.10-11), с точки зрения Людовика, монарх - верховный администратор, распоряжающийся всей собственностью подданных. Не мудрствуя лукаво, Людовик делил всё это имущество на три части: на те деньги, что в шкатулке короля, в казне и на те, что король милостиво оставляет в кошельках граждан своего королевства. Сам он считал, что вовсе ни к чему как-то разграничивать имущество собственно короны и государства. Стоит заметить: сила и претензии Людовика, а, быть может, если говорить точнее, то лесть его придворных - были столь велики, что он был прозван «Великим Моголом» (Там же, с.19). Но уж на что, на что, а на величальные здравствующим «сильным мира сего» человечество привыкло не скупиться.

Так в чём же, спрашивается, отличие подобной абсолютной монархии от Восточного деспотизма? С точки зрения сугубо экономической, оно трудно уловимо. Но различие есть и довольно серьёзное. Различие, высеченное ещё Г.В.Плехановым в его «Истории русской общественной мысли.» (Соч., т. XX..., 1925, с.73, 79.88, 214 и др.). Различие это связано с другой стороной социальных процессов, когда не собственность как таковая определяла судьбы индивидов и социальных групп, а система межличностных отношений. Так, например, богатейший человек Рима - Сенека, несмотря на всё своё богатство, а, возможно, и именно благодаря ему стал беззащитной жертвой Нерона. Столь же беззащитны были и жертвы проскрипций, ибо собственность ничего не решает там, где ничего не стоят ни жизнь, ни, тем более, человеческое достоинство.

Вполне понятна наша недооценка этой, чисто человеческой стороны проблемы. Ведь мы - марксисты, а Маркс всю мощь своего аналитического ума сосредотачивал прежде всего на социально-экономических процессах. Но стоит ли винить К.Маркса за то, что он чересчур много внимания обращал на экономику, недооценивая иные стороны жизни? Отчасти на этот вопрос довольно чётко и аргументированно ответил Ф.Энгельс в

своих знаменитых «письмах об истмате». Отчасти же ответ кроется в самой атмосфере, которая обуславливала во многом, как то, о чём писал Маркс, так и то, о чём он не писал.

Думается, в этом отношении наши суждения слишком часто оказываются во власти стереотипов и в плену того, что записано на бумаге, выдавлено на глине, либо высечено на камне. Так, есть мнение, что древние греки не различали синего цвета, потому что (у Гомера) он не упоминается. Касаясь же Средневековья, искусствоведы порой упоминают о том, что художники той эпохи оставляли в тени природу, и делают вывод, что, следовательно, человек тех времён не придавал особого значения природе и даже не воспринимал её эстетических качеств.

Но так ли это? Не писать и не изображать - ещё не значит не ощущать и не придавать значения. Помимо прочего, возможно и обратное: не пишут и не говорят о том, что как бы, само собой разумеется, что естественно словно воздух, о котором приходится вспоминать лишь когда начинаешь задыхаться.

Маркс столько писал о собственности и её социально-исторической роли, потому что он жил в обществе, где сформировалось своеобразно-устойчивое отношение к человеку, как к личности, если он, по крайней мере, принадлежал к соответствующей социальной категории. Анекдоты об англичанах, которые, возвращаясь из гостей, думают, что они уходят с достоинством, не случайны. Англия - это страна, где традиционно ценилась честь свободного человека, страна, где могли казнить женщину ранга Марии Стюарт, но в присутствии исключительно дворян, с соблюдением всех положенных церемоний. Так того требовали правила чести, и правила эти столь глубоко вросли в законы, сознание и быт народа, что даже последующие социальные бури не могли их вырвать с корнем. Хотя, например, английская армия нашего века знает примеры попраения человеческого достоинства, попраения, ничуть не уступающего в своей разнузданной изощрённости действиям иных наших «стариков». Но здесь речь идет именно об основных традициях.

В нашем же обществе, к сожалению, и сегодня, в условиях перестройки возможна ситуация, когда раздетую донага женщину привязывают к кушетке с заведёнными за спину руками. И это происходит в вырезвители, куда её, отнюдь не испитую, доставляют силой чересчур переусердствовавшие опекуны трезвости с милицейскими погонами.

Причём в ответ на возмущение беззаконием можно услышать: «Так заведено... и ничего, жалоб вроде не было...» (Н.Сенчев. До остановки не дошла. - Правда, 29, 1, 1989).

Представим, что такое случилось с Женни Маркс, чьей красотой её муж столь восхищался. Пожалуй, и представить такое трудно. По отношению к её социальной группе в условиях Англии XIX века это было практически невозможно. Свобода йомена и свобода респектабельного англичанина - это и принципиальная свобода от угрозы унижений. Вполне понятно, что поскольку такая проблема не стояла перед Марксом, он и писал больше о том, что было гораздо значимей для общества, в котором он жил. Но это не означает, что Маркс ценил человеческое достоинство и, естественно, жизнь меньше собственности.

Стоит заметить, что подобное попрание достоинства - отнюдь не прерогатива социализма, как это порой пытаются показать, хотя, безусловно, отсутствие гласности служит ему надёжным прикрытием. Но в целом корни этого явления гораздо глубже. И не случайно, что в «самой демократичной стране свободного мира» - в США, в таком же, а, пожалуй, и в ещё более тяжёлом положении, чем описанная женщина, очутился в результате ошибки полиции знаменитый некогда Бобби Фишер. (В.Симонов. По следам Бобби Фишера. - Лит. газета, 1984, № 49, с.14).

Само же отношение и к достоинству, и к жизни индивида зависит не только от сугубо экономических факторов, но, повторимся, и от факторов организационного и даже этического порядка, включающего устойчивость определённых традиций. Это банальность. Но необходимо подчеркнуть, что при формировании такого отношения очень важна система организации государственной силы, оказывающейся при азиатском способе производства и соответствующем ему образе жизни, более сплочённой и более мобильной, чем любая другая сила, либо даже целая совокупность этих, «других» сил. Вследствие чего всегда возможна перекачка в госказну практически любых или почти любых материально-экономических ресурсов страны, в том числе, и перекачка самая грубая, самая насильственная. В принципе Васильевскую «власть-собственность» можно было бы трактовать и как постоянное допущение такой перекачки.

Но с одним разъясняющим, хотя, возможно, и спорным добавлением, которое позволяет, пусть несколько условно, выделить четыре сферы собственности (здесь, возможен и иной тер-

мин): 1) На землю и скот, либо, как вариант, - на недвижимое имущество; 2) На движимое имущество и финансы; 3) На кровь; 4) На собственную рабочую силу, включая личный интеллект и личную образованность, проф. квалификацию и т.д.

Проведя такое разделение, думается, стоит обратить внимание, на то, что при гипертрофии власти в условиях азиатского способа производства, экономическая мощь государства является в значительной мере результатом возможностей налогово-репрессивного аппарата, а не государственного производства. Иначе говоря, экономическая, финансовая мощь государства может достигаться не за счёт улучшения организации производства, не за счёт государственной производственной сферы, а за счёт произвола по отношению к производителям и собственникам, крайними примерами чего могут служить экспроприация крестьянской собственности периода коллективизации и имущества жертв сталинских репрессий. В качестве же образца более смягчённой и менее очевидной формы такого произвола можно назвать государственные займы, относящиеся к тому же периоду, не говоря уже об изобретательности при создании таких налогов, как налог на бездетность и т.д.

При наличии таких легко доступных резервов обогащения и подпитки государства реальное развитие производства, развитие, которое бы опиралось на тонкий учёт социально-экономических механизмов и постоянное умелое маневрирование, очень часто может выглядеть делом хлопотным и далеко не обязательным. Создаётся парадоксальная ситуация: с одной стороны, государство вроде бы сверхпристально следит за производственной сферой и с особым вниманием опекает её развитие. Так что, говоря языком Л.С.Васильева, представляет уже не просто компонент надстройки, а нечто, глубоко проникающее в базис и напрямую воздействующее на развитие этого базиса. Но, с другой стороны, как мы видели, создаётся ситуация, при которой государство оказывается более автономным и более независимым от общества, чем обычно, а точнее, чем при иной организации социальной жизни. Оно, как и его живое воплощение - служащие госаппарата - могут довольно долго процветать даже в условиях крайне неблагоприятной экономической обстановки в стране в целом. Причём это «процветание» или хотя бы более устойчивое, чем в иных областях развитие, может касаться целых сфер производственной и социальной жизни... Ведь воз-

возможности безвозмездной перекачки ресурсов в ту или иную сферу (и далеко не обязательно с лично-корыстными целями) при такой системе поистине почти безграничны. При таком, не совсем привычном подходе к «сферам собственности» первая и вторая сферы традиционны. Третья же и четвёртая сферы собственности могут быть выделены на основании марксистского положения о том, что при капитализме рабочий как собственник своей рабочей силы продаёт её предпринимателю. Что, при таком подходе, мог бы предлагать в качестве товара рыцарь-«наёмник» эпохи феодализма? - Своё воинское искусство и свою кровь. (Вспомним выражение: «Подороже продать свою жизнь» в бою). Поэтому, думается, можно выделить третью сферу, собственности - собственность на кровь.

Такой подход поможет многое уяснить в социальном положении и этике дворянства. Достоинство дворян определялось, прежде всего, не имуществом, как таковым (имуществом, легко отчуждаемым в условиях господства силы), а собственностью на кровь, проливаемую на алтаре отечества, государства, либо на службе у сюзерена. В этом отношении большая древность родов, которая столь ценилась феодалами, по сути, означала большие размеры капитала, именуемого кровью и оказывающегося на счету представителя того или иного рода. Обратно говоря, иные отпрыски старинных родов были подобны рантье буржуазного мира, живущим за счёт стрижки купон с капиталовложений своих предприимчивых предков.

При азиатском способе производства крови тоже льётся немало, даже поболее, но сама кровь обесценивается, а с ней и определённое понимание достоинства, понимание, вытекающее из обладания собственностью такого рода. То есть девальвация крови с неизбежностью ведёт к девальвации чувства собственного достоинства тех социальных слоев, для которых кровь предков и собственная кровь являются главным товаром.

Четвёртая сфера собственности - это собственность на рабочую силу и, в наше время, прежде всего на интеллектуальную рабочую силу и талант. В условиях всей системы, формируемой «азиатским» способом производства и типом социальных отношений работоспособность, интеллект, талант, всё чаще подменяются чинами и умением приспособиться к системе, вписаться в неё, т.е. становятся чем-то второстепенным и при этом как бы отчуждаемым (и довольно легко) от личности. Тем,

что является скорее принадлежностью и частью системы, а не самой личности.

При этом, в силу факторов, о которых подробнее будет сказано несколько позже, создаются богатые возможности для имитации деятельности вообще и интеллектуальной деятельности, в частности. В этих условиях цена собственно работоспособности и интеллекта падает, а значит и обладание знаниями, умениями, навыками, не подкрепленное связями и чинами и не отражённое в тех или иных социальных бирках, само по себе ничего не даёт для самоутверждения индивида.

Поскольку параметры и критерии научной и прочей деятельности выбираются при такой системе произвольно, либо в зависимости от вкусов и целей определённых социальных групп, а не объективных потребностей развития, постольку они вполне могут не совпадать с этими потребностями и даже вступать с ними в противоречие. В таком случае никакое стимулирование умственной, как и иной, деятельности не даст само по себе осязаемых результатов, как мы это видели на примере «шэньши» в Китае. Этому способствует и то, что при всём внешнем произволе, направления творческой деятельности жёстко задаются специфическими целями жизнеобеспечения и стабилизации системы. Жесткость же и чрезмерная запрограммированность противопоказаны творчеству.¹

Подводя итоги сказанному, можно коротко отметить следующие черты, роднящие традиционно азиатский способ производства, с соответствующими ему социально-политическими и духовно-нравственными структурами и всем укладом жизни, - с командно-административной системой и всем духовным климатом, создававшимся в условиях укрепления сталинизма - явлениями, чьи корни столь сложно выкорчевать и сегодня в атмосфере перестройки.

1) Максимальная централизация всей жизни и предельная концентрация политической, экономической и духовной власти, при которой весьма возможно подчинение экономики политике, идеологии и, в частности, религии. Примерами чего могут служить пирамиды Египта и современный Иран.

2) Господство внеэкономического принуждения (и иных средств внеэкономического воздействия) при использовании трудовых ресурсов самых различных категорий населения и прежде всего энергии народных масс, как это, например, про-

исходило при строительстве Великой Китайской стены.

Поскольку использование внеэкономического принуждения и прямой силы является в условиях данного способа производства наиболее простым и удобным путём, постольку всегда существует соблазн их применения, обратная сторона чего - отказ от хлопотных поисков каких-либо альтернатив. Как, например, произошло, когда решались судьбы миллионов крестьян. (Рой Медведев. О Сталине и сталинизме. - Знамя, 1989, №10, с.159-210). Историки сейчас спорят: была ли альтернатива сталинскому типу коллективизации, или, может быть, уместно говорить о целом веере вариантов?

Думается, если исходить из чисто экономической стороны проблемы и посмотреть на вопрос объективно, то мы должны признать наличие возможностей для выбора. Нельзя же превращать историю в театр, на сцене которого играют пьесы, поставленные одним режиссёром, под каким бы псевдонимом он ни выступал - провидения, либо Законов Истмата.

Но поскольку основные, наиболее мощные механизмы, командно-административной системы были уже реальностью, постольку для данной системы, в условиях последовательного подавления всех оппозиционных сил, наиболее вероятным было движение по пути наименьшего сопротивления. Отсутствие того самого полезного сопротивления, о котором писал Короленко Луначарскому, облегчило до максимума скольжение по наклонной плоскости произвола. При этом в годы сталинизма и плановое хозяйство представляло по сути один из рычагов внеэкономического принуждения, не изжитого до конца и сегодня.

3) Реальное бесправие и бессилие человека любого ранга перед лицом государственной машины, наблюдавшееся в Османской империи, Китае и т.д. И вытекающее из этого вытравливание нормального чувства собственного достоинства. Если монарх Англии и Франции был в силах уничтожить своего противника, то восточный деспот мог ещё духовно растоптать, унижить подданного любой социальной категории. Вспомним бояр из Петра Первого» А.Н.Толстого, тех, чьими задами толкли куриные яйца в кадушках. Ещё колоритнее и показательнее описание отношения Ивана Грозного к жёнам опальных, сделанное уроженцем Померании А.Шлихтингом (Новое известие о России времени Ивана Грозного. «Сказание Альберта Шлихтинга.» - Л., 1934, с.51):

«...если едет какая-либо знатная женщина, или супруга воеводы или лица какого-нибудь другого положения или состояния, то заметив ее, тиран посылает тотчас спросить у нее, кто она. Если та скажет, что жена того, на кого он сердит, то он тотчас велит ей сойти с носилок и в таком виде поднять платье и предоставить срамные части для созерцания всех. Ей нельзя двинуться с места, пока тиран со всею своею свитой не увидит её обнажённой».

В определённом смысле и действия Берии, стремившегося удовлетворить свою похоть с жёнами партийных работников немалого ранга - явление того же порядка. И там, и тут мы видим полнейшую незащищённость индивида перед лицом произвола представителя власти. Правда, было бы поспешным суждение о том, что произвол Берии вырастал из побегов, рождённых произволом Грозного. Родство здесь скорее типологическое, а не генетическое. Так, уже в XIX веке Россия сделала громадный рывок в сторону европеизации в плане отношения к человеческому достоинству и чести. Наглядный пример этого - судебный процесс над Верой Засулич. Она в 1877 году выстрелом из пистолета тяжело ранила шефа жандармов Трепова. Но суд присяжных оправдал её, потому что она мстила за достоинство заключённого, которого, по распоряжению Трепова, высекли розгами. (Известия.- 1989, №17, с.3).

Но в 30-е годы следующего столетия отношение к человеческому достоинству было уже иным. Суть этого изменения интересно отражена в монологе Рощаковского из «Непридуманного» Льва Разгона (Юность, 1988, №5, с.29-31). Хвала Сталина за то, что он, по его мнению, последовательно проводит идею великодержавности, Рощаковский, в то же время, замечал: «Жалко мне, что пока не видел я в нынешних русских одного важного качества - чувства достоинства, что ли. В старой России оно было. И было что давать этому чувству. Во-первых, дворянство. Пусть ты самый задрипанный и бедный дворянин, но дворянин! Твоё достоинство охраняют законы, царские указы. Тебе никто не может тыкать, никто не смеет материть, никто пороть тебя не может, пока ты не лишён дворянства по суду. Старший офицер не может оскорбить младшего - на дуэль вызовет...»²

Когда Александр III был ещё наследником, то обматерил на параде одного поручика. Тот ему письмо: поскольку Вы царс-

кого рода и вызвать Вас на дуэль не могу - пишите письменно извинение - иначе покончу с собой.

Когда же покончил, царь заставил Александра идти пешком в траурном cortege через весь Петербург.

«В вашей партии этого, корпоративного духа нет и не может быть, она управляется сверху, и правильно, для того она и существует.

...А у не дворян - власть и сила денег. Если у тебя голова варит, если ты богат - тебя никто оскорбить не посмеет!.. «Даже сын дьячка, дослужится до определённой степени - «у него уже и ленты, и звёзды орденские, и никто их у него отнять не может...

...А у вас, батенька, я почуюл наверху такое холуйство, какое у вас было только в уездной полиции. И то: у человека ни звания, ни денег, сегодня ты министр, а завтра тебя выгонят, кем станешь? Пыжатыся, а понимают свою полную зависимость от вышестоящего ...у всех у вас в глазах страх и угодничество. У последнего английского матроса не встретите этого...» (с.29- 31).

4) Бессилие личности перед произволом и, становящееся нормой, попрание человеческого достоинства в свою очередь ведут к трансформации внешних, навязанных индивиду требований и клише поведения, во внутренние установки, стереотипы мысли, которые способны передаваться из поколения в поколение и губить тем самым творческую мысль ещё до её рождения. По сути, образ жизни, соответствующий «азиатчине», вырабатывает чётко отлаженную систему, предохраняющую от беременности нестандартными, не вписывающимися в рамки системы, идеями. И это не менее пагубно для общества, чем попытки удушения уже родившихся идей. Внешняя, хотя и не всегда до конца осознаваемая, сторона этого стреноживания и причёсывания мысли - особая приверженность к ритуалам, эмблемам и т.д. Недаром, интуитивно ощутивший потребности системы, Конфуций писал, что ритуал - основа общественной жизни, выделяя при этом 300 обрядов первой категории и 3000 - второй.

5) Для азиатского способа производства характерно определяющее влияние поста и положения в социальной нише на оценку индивида и на характеристику его реальных возможностей.

6) И, наконец, весьма важна персонализация права, при которой происходит слияние воли лица, занимающего определённый пост с волей государства. Это в свою очередь вело к тому, что перед владыками Востока, бывало, простирались ниц, как перед

высшей, почти божественной силой, воплощённой в облике человека. (Хотя, повторяем, дело здесь не столько в регионе, сколько в типе отношений между людьми. Во всяком случае, и на Западе можно было услышать: «Государство - это я!» Но реальное содержание подобной формулы в условиях абсолютной монархии отнюдь не тождественно реальному содержанию такой же формулы, прозвучи она в условиях Восточной деспотии).

Выделение именно социальных и духовно-нравственных факторов а также механизмов самой общественной жизни, механизмов, формирующих эти факторы, представляется особенно важным при поисках путей развития в условиях перестройки. Иначе, если исходить только из традиционного, узко-экономического подхода, к общественной роли собственности, как отчуждаемого имущества, мы вынуждены будем сделать вывод о неизбежности диктата личного или узкогруппового произвола - ведь концентрация производительных сил и определённых видов деятельности в руках государства - процесс закономерный. Ракетную технику в кооперативах не построишь. То же можно сказать и о сфере непосредственно творческой, и, в частности, о научной деятельности. Сегодня роль государства в субсидировании, как науки, так и производства, в выборе приоритетных направлений исследования, во многих отношениях даже возрастает.

Так что же - восточный деспотизм - это то, что ожидает человечество за горизонтом века?

Но он несёт с собой унификацию, обезличивание, монополизацию всех сфер социальной жизни. Монополия же на истину в наших условиях - это, как многократно показывала практика - путь к пропасти, экологической, социально-экономической, духовной.

Где же выход? В возврате назад и отказе от существующей формы собственности, как определяющей? Но в прошлое, каким бы желанным оно кое-кому не рисовалось, возврата нет. «В одну и ту же реку нельзя войти дважды» - сказал ещё отец диалектики Гераклит. Выход - в выработке гибких социальных механизмов. Ибо даже при традиционно-азиатском способе производства лицо общества определяет не только собственность как таковая, а система сложившихся социальных и межличностных отношений. Система отношений к личности, как таковой.

Изменить статус личности, достоинства и чести - вот одна из стержневых задач современности. Но не морализаторством, а выработкой таких социально-юридических механизмов, которые бы на деле защищали жизнь, достоинство и честь (правовое государство). А это значит - решительнее отмежёвываясь от рокового наследия 20-х-40-х, избавляться от «азиатчины», пропитавшей поры нашего общества в период господства сталинизма, и начавшей давать о себе знать уже в годы Гражданской войны.

Особого анализа требует ещё одна сторона той организации социально-политической жизни, которая порождается азиатским способом производства. Это - своеобразное слияние административной и жреческой власти, а спустя - административных и идеологических средств воздействия на массы, наглядный образец чего мы видим в шариате.

Цезарепапизм - явление не только восточное. Но вот какова его специфика в условиях азиатского способа производства? Можно ли выявить нечто общее, прослеживая, как единую логическую цепь, правление «магов» в Месопотамии, всемогущество жрецов Египта и т.д.?

Здесь перед нами огромный материал, который нуждается в свежем осмыслении с той точки зрения, которая помогла бы полнее высветить многообразие и единство всемирно-исторических процессов. С одной стороны, этот своеобразный симбиоз власти (и др.) проявлялся в примате собственно жречества над другими социальными группами, как это бывало в Индии и Др. Египте. С другой (что прослеживается гораздо чаще), в присвоении светскими властями жреческих функций и соответствующим слиянием светской и духовной власти, примеры чего мы наблюдаем в истории конфуцианского Китая, где обязанности верховного жреца выполнял император (а конфуцианские жрецы, как сословие, вообще отсутствовали) и на исламском Востоке, где во многих странах (а точнее в определённых странах) в руках халифа сосредотачивалась светская и религиозная власть.

В Европе же, при всех претензиях пап, сложилась принципиально иная схема взаимодействия светской и духовной власти. Вследствие локализации Ватикана и раздробленности феодальных владений, а также ряда других причин, возникло своеобразное двоевластие, итогом которого в конце концов явились Реформация, религиозные войны, и окончатель-

ное «разведение» социальной и индивидуальной жизни, вопросов свободы совести и политики, культурной, духовной и социально-политической жизни. При всей своей непоследовательности, ограниченности и условности это разведение создавало принципиально иную ситуацию, нежели та, что складывалась на основе азиатского способа производства. (Иначе говоря, представляется, что один из корней неожиданно-мощного взлёта Европы - в раздвоении, различении сфер светской и духовной властей и соответствующем ограничении возможностей более косной «духовно-идеологической сферы», которые были огромны даже там, где, как в Московии, духовная власть, казалось бы, целиком и полностью была под пятой светской власти. Но и будучи под пятой она пропитывала социальные структуры, становилась неотъемлемой частью госаппарата).

Проблема же симбиоза и, напротив, различения, раздвоения, светской и духовной власти наталкивает на ещё одну мысль, бесспорно, нуждающуюся в проверке, но имеющую право на существование. Суть её в том, что ножницы между политикой и искусством, правом и нравственностью, административными и духовно-идеологическими средствами воздействия - один из важнейших рычагов духовного и социального прогресса. Так, мораль более гибка, чем право и более сплавлена с обыденным сознанием, по сути она сама - его часть. Искусство тоньше, многоцветнее и неизмеримо глубже политики и даже идеологии. Его прогностические возможности зачастую богаче. Естественное развитие и искусства, и морали происходит, в отличие от развития права и административного аппарата, спонтанно, воплощая своими бесчисленными гранями потребности и чаяния всех без исключения слоев общества. В силу этого создаётся постоянное напряжение между более статичным правом и сравнительно трудно изменяемым административным аппаратом - и другими более динамичными и более обширными сферами общественной жизни и общественного сознания. При этом, нравственность и искусство, например, чутче и точнее реагируют на возникающие социальные трещины и грядущие катаклизмы, предвосхищая будущие преобразования. Так для того, чтобы рабство и крепостничество лишились своего юридического обоснования и административной опоры, необходимо было, чтобы до этого они утратили свою нравственную ценность в глазах представителей самых различных социальных

слоев... Иными словами, здесь мы наблюдаем то самое единство и ту самую борьбу противоположностей, которые в данном случае являются одним из мощнейших источников общественного развития.

Там же, где эти различия и эта борьба искусственно приглушаются, резко снижаются и слабеют факторы, обуславливающие динамичность общества. Такое общество может быть довольно устойчивым и по-своему монолитным. Но эта монолитность требует своей платы, выражающейся в развитии соответствующих черт общественной жизни, характерных для азиатского способа производства.

Оживление же определённых черт азиатского способа производства и соответствующих ему социально-политических структур вольно или невольно вновь и вновь ведёт к слиянию и субъективному отождествлению (девчонка: брюки с экстравагантным черепом одела, а мы: «Куда смотрит милиция!») административных и идеологических средств воздействия и к постоянному смещению мировоззрения, идеологии и политики. И в этом плане, видимо, не стоит обольщаться восточной веротерпимостью, которая столь восхищала А. Дж. Тойнби (Индия, Китай, Япония). Будучи лишь гранью социально-духовной действительности, она не отменяла жёстких социальных установок и стереотипов поведения, которые буквально пронизывали всю жизнь. Недаром именно Древняя Индия знала должность «министра по вопросам морали».

Не случайна и идеологизация всех сфер общественной и даже частной жизни в условиях сталинизма. Как не случайно особое внимание со стороны руководителей государства к вопросам литературы, искусства и культуры, гипертрофия которого вела к появлению публикаций, названия которых воспринимаются не иначе, как с иронией. Например: «Партийность в преподавании наук о резании металлов.» Это внимание - результат проведения в жизнь линии, направленной на слияние административных и духовно-идеологических средств воздействия на массы.

В этом плане не случайны и Сталинские премии, которые присуждались не одним бездарям (Возьмём только семикратного лауреата К. Симонова и пятикратного - М. Ромма - В. Кожин «Самая большая опасность.» - Наш современник - 1989, № 1, с.142), и самое пристальное внимание лично Сталина к вопросам литературы. Недаром он был человеком, который бо-

лее пристально, чем кто-либо из известных нам государственных деятелей современности следил за развитием отечественной литературы. (См.: К.Симонов. Глазами человека моего поколения...»).

Как не случайны и, сменяемые отеческими разносами, застоля, устраивавшиеся для писателей во времена Н.С.Хрущёва. (См. напр., Тендряков «На блаженном острове коммунизма.» - Новый мир...) В этом ряду «мемуары» Л.И.Брежнева - явление вполне закономерное, доводящее сам ряд до своего логического конца или завершения: высшее лицо в стране - от указаний, что и как писать перешло к конкретной демонстрации того, каким должно быть «подлинно партийное» литературное творчество. Причем демонстрации отнюдь не такой уж бездарной, как это может показаться, судя по её современным оценкам. Хотя и выдержанной в духе определённых стереотипов. Кого-кого, а людей, владеющих пером, у нас всегда хватало. И найти профессионалов для создания «мемуаров века» - дело не столь уж сложное.

Нынешнее же заметное ослабление административных вожжей в деле науки, искусства и даже педагогики - одна из наглядных попыток вырваться из тисков «азиатчины». Мы вновь пытаемся «в Европу прорубить окно» и мерить себя мировыми стандартами, а не так как некогда в Португалии, где для придания себе веса в своих собственных глазах мощь армии измеряли по числу ног солдат и лошадей вместе взятых...

Нам со школьной скамьи вдалбливают слово «диалектика». И мы знаем, что всё взаимосвязано или, говоря иронично-язвительным языком А.Вознесенского «всё согласовано в природе: луна, корова, лук-пырей...». Хотя до сих пор не научились, либо не решились использовать это знание, сталкиваясь с жизнью, с окружающей нас действительностью. И мы, хотя и постепенно, но начинаем открывать глаза на эту взаимосвязь и сознавать, что полнокровные, освобождённые от массы излишних приводных ремней, приторачивающих их к административной машине, и развивающиеся по своим естественным законам искусства, философия и наука - это не роскошь, а мощнейшие рычаги, дающие надежду на медленное, но неуклонное расшатывание и выкорчёвывание основ тех «азиатских» структур, которые мешают нашему обществу встать на уровень требований современности.

Примечания 95-го

Так я совершенно искренне, хотя и в духе времени» писал в 1989. Не отказываясь от написанного, думаю, что был односторонен. Поэтому в чём-то повторяюсь, но сжато подытожу.

Я и сегодня убежден, что оптимальное развитие творческой деятельности - необходимое условие не просто движения вперёд, а и выживания современных социумов, ибо свободная в деле поисков истины творческая деятельность с необходимостью включает расширение возможностей при ответах на вызовы Времени, НТП и т.д.

Но сейчас я гораздо чётче вижу то, что начало вырисовываться передо мной ещё в 1989. Сколь бы ни были малопривлекательны иные черты командно-административной системы, она - не просто монстр, зачатый матерью Историей в результате флирта с бродившим по Европе призраком, а многогранный феномен, связанный с необходимостью драться не на жизнь, а на смерть за существование определённых социальных структур, а то и социума в целом.

В этих условиях даже, казалось бы внешне бесполезные, а то и вредные компоненты общества, такие, как «партия», профсоюзы..., кои усматривались, как некое подобие миндалин или аппендицита, могут быть существенной частью системы организации общественной жизни и фактором поддержания стабильности социума и его целостности.

Сегодня это выглядит банальным, тогда я, как и очень многие проглядел данную сторону. Ну что ж, думать дальше, пока ещё нам никто не мешает. Давайте думать вместе:

Время выбивания пыли из ковров Прошлого прошло. Любая система требует и соответствующего к себе отношения, а именно: изучения её, как системы, как целостного социального организма.

Очень жаль, что я пока, если не считать «Зияющих высот», не знаком с работами А. Зиновьева. Мне кажется, он - один из тех, кто стремится рассматривать нашу историю именно как историю определённой системы общественных отношений, а не как набор тканей для модных идеологических костюмов.

¹ Так я думал тогда. Но, пожалуй, в истории культуры все сложнее. Иначе мир не ведал бы вершин церковно-религиозного искусства (П. 2006)

² Но при такой идиллии веками существовало и крепостничество...

ТАК ЛИ УЖ ВСЕ ЯСНО С КОММУНИЗМОМ?

Статьи и выступления автора о «коммунизме» родились после краха «коммунизма» официального и явились, с одной стороны, реакцией на давнюю привычку пинать «дохлого льва», с другой - попыткой призвать к анализу, а не примитивному бичеванию сложнейшего исторического феномена.

ТАК ЛИ УЖ ВСЕ ЯСНО С «КОММУНИЗМОМ»?

Сегодня «коммунизм» и «совковое государство» не ругает разве что ленивый. Словно верша ритуал, свидетельствующий о правоверности, наши интеллектуальные и политические звезды почитают своим долгом во всеуслышание заявить о том, что коммунизм и совесть несовместимы и что вообще коммунизм - это бяка, хуже которой на свете нет и не было. Вот и статья А.Кутачева «Коммунизм - опиум народа?», напечатанная в «КН» 25 июня 1996, - ария из той же оперы.

Правда, сама мысль о том, что так называемый «коммунизм» стал превращаться в своеобразный вид (или заменитель) религии без Бога-Творца, сегодня многими признается справедливой. Не случайно побывавший еще в 30-е годы в СССР великий английский историк А.Тойнби писал, что вряд ли найдешь более религиозного человека, чем русский коммунист, хотя последний сам и не согласится с этим.

Но уже сопоставления автора вызывают сомнения, потому что, на мой взгляд, когда речь идет о социальном содержании той или иной религии, признание либо отрицание Бога-Творца может и не быть главным. Поэтому точнее было бы сопоставлять «коммунизм» не с джайнизмом и многоликим буддизмом (кстати, правильное «хинаяна», а не «хинаяма», а еще точнее было бы говорить об этом течении буддизма как о тхераваде), а, например, с конфуцианством и отчасти даже с исламом, явно признающем единого Бога - Аллаха. Ведь в социальном плане главной здесь оказывается идея первенства интересов целого (государства, коллектива, мусульманской общины - уммы, воз-

можно: партии, церкви), олицетворяемого халифом, вождем, императором (папой римским) и т.д. над частными и соответственно более узкими интересами клана, этноса, индивида и т.д. Идея эта рождалась не горстками слепых фанатиков и тупоголовых начетчиков, а самой жизнью, и, видимо, есть какая-то закономерность в том, что, несмотря на все провалы, она, словно птица Феникс, многократно возрождалась в самых различных обликах.

И уж совсем нельзя согласиться со штампованными оценками суперразрушительной роли коммунистической идеологии и «коммунистического государства», рожденного во зле и во зле же погибшего. Речь идет не об оправдании зла, а о попытке понять элементарную логику истории. К сожалению, у меня нет здесь возможности упомянуть хотя бы азы, поэтому попробую обратить ваше внимание только на две типичнейшие ошибки (или намеренные подмены понятий?).

Во-первых, выведение всех наших и вселенских бед из коммунистической идеологии, рисуемой плоско, как тещин блин. Но, извините, в таком случае и инквизиция, и истребление, по некоторым данным 70, а то и 90 млн. индейцев (или пусть даже куда меньшего их числа), и крестовые походы, и религиозные войны надо отнести на счет Евангелия, а кровавые завоевания Тимура - на счет Корана. Но не слишком ли это будет просто? Ведь, как известно, «ссылаться может Сатана на доводы Священного Писания».

Во-вторых, если уж говорить о нашем «коммунистическом государстве», то оно не с неба свалилось, а оказалось преображенной, пережившей тяжелейшую болезнь Российской Империей. Империи же только в воображении школяров и нынешних светочей «демократического духа» являются абсолютным злом. Их реальная роль в истории гораздо более многозначна, чем может показаться поверхностному взгляду. Что же касается «первородного греха» рождения во зле, то пусть кто-нибудь из вас вспомнит хотя бы одно крупное государство, кое рождалось бы бескровно.

Не стоило бы и напоминать обо всей этой азбуке, если бы нескончаемая критика коммунизма не превращалась все заметней в слаженную симфонию, заглушающую стоны наших нынешних, ой каких нелегких дней.

КОММУНИЗМ - КУРЬЕЗ ИСТОРИИ?

Наше время - не время юбилеев. Да и В.И. Ленин для меня, пожалуй, и в молодости не был идиолом, усердно кланяясь которому стоило разбивать лоб. Хотя не буду отнекиваться, я немало просидел над его работами - ведь как бы мы не относились к «марксизму-ленинизму» сегодня, - он - часть истории, а «из песни слова не выкинешь».

Правда, в наши дни чего только не слышишь - вплоть до того, что было бы неплохо вообще запретить в СНГ или хотя бы в России коммунистические идеалы, как человеконенавистнические, а иные уважаемые авторы убеждают нас, что сталинизм - это марксизм в действии. Другие же высказываются еще похлеще. А их противники, естественно встают в каре, оцетиниваются штыками ненависти и отвечают: «Не троньте Ленина!»

Думаю, что вот так, походя, на страницах газеты, судить марксизм-ленинизм, как учение я просто не имею права - это было бы то же, что развалясь на диване, с пирожком или папиросой в зубах, оценивать класс игры футболистов, мелькающих на телеэкране. Но, боюсь, что вопрос выходит за рамки собственно учения, тем более он не в том, чтобы молиться или хулить. Меня поражает, что сегодня иные образованнейшие люди всерьез пытаются доказать, что не будь таких монстров, как В.И. Ленин, человечество не заразилось бы, возвращенным им вирусом коммунистической идеологии.

Да чепуха все это! Голову нам морочат в очередной раз, намеренно, либо неосознанно смешивая все и вся. Во-первых, коммунизм с его идеалами и чаяниями, а также марксизм, ленинизм и тем паче сталинизм исторически отнюдь не одно и то же. То, что называли у нас марксизмом-ленинизмом - лишь одна из сравнительно поздних попыток систематизации тысячелетних поисков справедливого устройства общества. (Что и почему получилось - это уже другое дело). Вспомним историю и увидим что, например, в Китае немало восстаний разворачивалось под знаменами социальной справедливости, как того, что соответствует **естественному**, достойному человека порядку вещей. И только ли в Китае?

Во-вторых, нынешние неистовые критики коммунизма, как и прежние его глашатаи (не потому ли, что из глашатаев они так скоро превратились в его разрушителей?) чересчур уж непос-

редственно выводят нашу историю из истории идей и основанных на них учений. Идеалы и лозунги, конечно же, значимы и нужны всегда. Но «учение» - дело куда более сложное. Миллионы участников гражданской войны просто не могли знать собственно теоретических и философских доктрин тех или иных партий. Не эти знания определяли их выбор, что было гениально показано в кинофильме «Чапаев». Помните, на вопрос, за какой ты интернационал, хитроватый мужик отвечает: «За тот, в котором Ленин». Еще существенней то, что в огромнейшей мере логика событий, а значит и логика личного выбора миллионов, определялась стихией борьбы. А спустя время - логикой системы.

Система же эта вовсе не была чем-то сугубо надуманным, не была результатом козней скрытых пришельцев. Не претендуя на бесспорность, все-таки думаю, что с точки зрения мировой истории в своей основе наше «социалистическое государство» явило миру один из современных вариантов «азиатского способа производства». Причем, особенно на ранних этапах, характер правления напоминал «восточную деспотию». Только давайте будем смотреть на это, как на естественное, а следовательно и многогранное явление, оценить которое нельзя одним росчерком пера.

Да, при таком способе производства, при такой общественной атмосфере личность ценна прежде всего как часть системы, как «винтик», ставший притчей во языцех. Отсюда и идеалы: «Жила бы страна родная, и нету других забот». Но не будем зубоскалить и потешаться над этим. История показывает, что конвульсии «родной страны», гибель, пусть даже «плохой», но системы, обычно оборачивается миллионами личных трагедий. Ярый враг «тоталитаризма», я сегодня все чаще вспоминаю, что в III в. нашей эры при гибели империи Хань в Китае население ее территорий, по подсчетам некоторых специалистов, уменьшилось чуть ли не с 50 до 4-х миллионов - больше, чем в 10 раз! Тут нам всем есть над чем подумать.

Но вернемся к нашей «коммунистической красной империи», и увидим, что не уникальна и еще одна ее черта: сплав духовной и светской власти (у нас в лице генсека). Отсюда и самое пристальное внимание к духовной жизни народа, к обычаям, привычкам и т.д., вплоть до деталей. Не случайно, как мне кажется, И.В. Сталин, видимо, знал современные ему отечествен-

ную литературу и кинематограф, как ни один другой из глав государств того времени.

Конечно, система эта была жесткой, а то и крайне жестокой, но не неподвижной, не опухолью на теле человечества или курьезом истории. Вглядимся непредубежденно в окружающий мир. Ведь очевидно, что независимо от собственно «коммунизма», о крахе которого поют на все лады, на Земле, помимо прочего, остается огромный мусульманский мир, чьи государства во многом или, по крайней мере, кое в чем, близки нашему прежнему. Возьмем хотя бы то же внимание к духовному, к идеалам социальной справедливости и равенства. Идеи общинности, единства мусульманского мира, нередкий культ лидера. Я не хвалю и не осуждаю. Я просто говорю: «Да поглядите же, нельзя все, что у нас было, сводить к коммунистической идеологии, а ту, в свою очередь, к проповеди классовой ненависти. Ислам исламом, но вспомните хотя бы нравственный кодекс строителя коммунизма. Да, он набивал оскомину. Да, казался банальным, а что еще печальней - не стал кодексом жизни. Что в нем человеконенавистнического? Напротив, немало известного и прежде. Недаром на Западе иные критики марксизма (правда, не только поэтому) называли марксизм листком, вырванным из евангелия.

Что же касается зла и ненависти... то где, какие философы учили убивать и насиловать тех, кто совершал зверства в Приднестровье, Закавказье, Таджикистане, уже явно после того, как ленинские идеи перестали быть «руководящими и направляющими»?

Но вернемся хотя бы к самым известным «марксистско-ленинским» идеям. И что мы видим? Видим, что идея диктатуры пролетариата явно не сработала. Упрощением сегодня выглядит и прежнее жесткое деление на пролетариев и буржуа. Но... Разве вся наша теперешняя жизнь не говорит о подлинности классовых различий, выпукло выступающих при стремительном дележе народных, государственных богатств, когда частенько одним достается бублик, а другим дырка от бублика? Разве мы не видим, что под аккомпанемент разговоров о национальном возрождении то в той, то в иной части СНГ начинается грабительский дележ искромсанной Родины, и выигрывают при этом отнюдь не «коренные нации». Сие - очередной блеф. Выигрывает тонкий слой национальных элит - и только. А значит

социальное, классовое расслоение «коренных» наций неодолимо должно идти нарастающими темпами. Тут уж, хочешь - не хочешь, а невольно вспомнишь В.И.Ленина. И только ли его?

Оговорюсь: меня лично ничуть не раздражают ни коробейники с товарами из «зарубежья», ни малые предприятия, ни «комки». Они - не причина, а лишь следствие наших болезней. Я лишь, как историк, знаю что подобных «мелких собственников» очень легко давить сверху, либо превратить в красную тряпку для быка народной ярости, в козла отпущения невесть чьих грехов. Боюсь, но вся эта «приватизация», «фермеризация», а в России и ваучеризация и т.п. напоминает дележ крыши горящего дома. Верьте Ленину или нет, но частная собственность сама по себе еще не спасала ни от войн, ни от социальных катастроф. У нас она не спасет тем более. Устойчивое малое возможно лишь в надежном большом. Это - азбука, которую давно постиг Восток и мир в целом.

Да, запрещайте, господа, коммунизм хоть тысячу раз! Но наша варварская «капитализация» будет сама подталкивать людей к «классовой борьбе» и «классовой солидарности», какую бы оскомину не набили эти слова и кому бы они не принадлежали! Ах, если бы дело было только в коммунистических, ленинских идеях. Развенчай их - и строй очередное светлое будущее. Так нет же. Жизнь упрямо не хочет считаться с этим. А уж если говорить об идеях, то есть только один вид идеологии, который, безусловно, не имеет никакого оправдания: идеология нацизма и национализма. Не зря же мир, немало знавший о дикостях сталинской системы, все-таки встал на сторону СССР, а не Гитлера в страшные годы, будем надеяться, последней мировой бойни.

(Кустанай, 24.04.1993, с. 1)

ПЛАТОНОВСКОЕ «ГОСУДАРСТВО» В СВЕТЕ ОПЫТА «РУССКОГО КОММУНИЗМА» И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПОСЛЕДНЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ

«Русский коммунизм» вызывал и продолжает вызывать немало споров. В последние же годы в средствах массовой информации и прежде всего на телевидении споры эти все чаще уступают место заурядной брани, далекой от каких бы то ни было намерений хотя бы попытаться проникнуть в суть явления. При этом показательно, что «осуждение» и «предание анафеме» всего, что напоминает о коммунизме, по крайней мере, в одном отношении являет собой зеркальное отражение еще недавнего «вознесения» идей коммунизма на небывалые высоты: и тут, и там внимание по существу концентрируется на уникальности феномена и титанической роли собственно марксистских идей при создании основ того общества, которое у нас получило название социалистического.

Знаменательно, что этот разговор о «коммунизме» ведется зачастую так, словно он начат едва ли не в годы Перестройки. Забываются даже такие вещи, как «Истоки и смысл русского коммунизма», где Н.А. Бердяев уже десятилетия назад высказывал мысль о том, что было бы наивно напрямую выводить «русский коммунизм» из учения Маркса: «Большевизм гораздо более традиционен, чем это принято думать, он согласен со своеобразием русского исторического процесса. Произошла русификация и ориентализация марксизма».¹

Обращая внимание на эти размышления Н. А. Бердяева, хотелось бы заметить, что, во-первых, здесь говорится о своеобразии «русского исторического процесса», а не абстрактной «русской души», а, во-вторых, на то, что своеобразие - еще не уникальность, выходящая за рамки известных, либо неизвестных законов истории. Уже сами бердяевские слова «ориентализация марксизма» наталкивают на мысль о том, что речь идет о чем-то большем, чем узко понятая «русскость».

При внимательном взгляде оказывается, что это большее, пожалуй, не ограничивается только русскостью, но и ориентализмом. Поэтому представляется не лишней интереса еще одна попытка взглянуть на определенные истоки ряда

коммунистических идей. Истоки, которые, вероятно, можно осмыслить в достаточной степени, лишь ознакомясь с той ситуацией, с теми обстоятельствами, при которых идеи были отлиты в слова.

Известный теоретик марксизма К.Каутский, касаясь этого вопроса в своем труде «Предшественники новейшего социализма», начинает свой анализ с платоновского «Государства» и «древнехристианского коммунизма». Практическое же существование элементов коммунизма, согласно Каутскому и ряду других авторов, еще древнее. «Нет ничего более ошибочного, - пишет он, - как общераспространенное мнение, будто коммунизм противоречит сущности человека, человеческой природе. Напротив, уже у колыбели человечества стоял коммунизм и вплоть до нашей эпохи он являлся социальной основой большинства народов земного шара».²

Приняв последнее за аксиому, наше отечественное школьно-вузовское обществоведение к Платону и христианам отнеслось несколько иначе. Вроде бы они и были, но как-то оставались в тени. Хотя, например, фрагменты из работ Платона и Аристотеля и вошли в «Хрестоматию по научному коммунизму»,³ но «идеолог аристократии», идеалист Платон как-то не очень внушал доверие в качестве предтечи «научного коммунизма».

Однако уже сама логика развития идей заставляет вспомнить о платоновском «Государстве», ибо никто иной, как Томас Мор в своей «Утопии», книге, давшей название «утопическому социализму», сопоставляет жизнь утопийцев с тем, что изображено Платоном». По Каутскому же, платоновская «Книга о государстве» - первая, дошедшая до нас, философская, систематическая защита коммунизма».⁴ А сам Платон - далекий предшественник «утопического коммунизма», создававшегося людьми, которые принадлежали к «духовной аристократии общества».⁵

Характеризуя труд Платона, автор «Предшественников новейшего социализма» «счел своим долгом» обратить внимание на специфику платоновского коммунизма. «Платон, - считает Каутский, - слишком аристократ для того, чтобы желать уничтожения классовых различий. Коммунизм (по Платону) должен поддерживать государство, он должен стать консервативным элементом, но только в виде коммунизма господствующего класса. Если частная собственность господствующего класса упраз-

днена, то тем самым будет устранено для него всякое искушение эксплуатировать и мутить трудящийся народ. Тогда господствующие будут уже не волки, а верные сторожевые псы, живущие своей задачей защищать народ и вести его ко благу». Следуя далее, Каутский подытоживает: «В платоновском государстве господствующий класс не производит ничего. Он содержится за счет трудящихся классов. Коммунизм не есть коммунизм средств производства, но средств потребления, принимая значение этого слова в широчайшем смысле.»⁶

Вполне понятно, что такая характеристика, хотя и не лишенная наблюдательности, давалась в рамках революционной парадигмы своего времени. К сфере труда здесь отнесен лишь труд производительный, тогда как управленческая деятельность и охрана социума, равно как и поддержание порядка в нем, вынесены за скобки таковой.

Но что же писал сам Платон и чем были порождены его поиски идеального государства? - Сосредоточимся только на одной грани этой знаменитой работы, появившейся, согласно Каутскому,⁷ незадолго до 368 г. до н.э.: на отношении к собственности тех, кто должен управлять государством и его охранять. Платон был убежден, что людям, стоящим на страже государства, необходимо строго запретить обладать какой-либо частной собственностью, «если (только) в том нет крайней необходимости.»⁸ Обобщение имущества должно в идеале доходить вплоть до общности жен, так что у стражей «не будет никакой собственности, кроме своего тела».⁹

Конечно, они должны иметь припасы, поставляемые другими группами населения, но без избытка. Питание должно быть совместным, как в дни военных походов. Что же касается предметов роскоши, золота и серебра, то «Им одним не дозволено в нашем государстве пользоваться золотом и серебром, даже прикасаться к ним, быть с ними под одной крышей, украшаться ими или пить из золотых и серебряных сосудов. Только так, - добавляет великий мыслитель Эллады, - могли бы стражи оставаться невредимыми и сохранить государство. А чуть заведется у них собственная земля, дома, деньги, как сейчас же из стражей станут хозяевами... из союзников остальных граждан сделаются враждебными им владыками; ненавидя сами и вызывая к себе ненависть, питая злые умыслы и их опасаясь, будут они все время жить в большем страхе перед внутренними

врагами, чем перед внешними, а в таком случае и сами они, и все государство устремятся к своей скорейшей гибели.»¹⁰

Образец такого общества, терзаемого борьбой за власть, которую ведут те, кто и понятия не имеет об искусстве управления, красочно обрисован Платоном в аллегорическом рассказе о кормчем и корабле: «Кормчий и ростом, и силой превосходит на корабле всех, но он глуховат, а также близорук и мало смыслит в мореходстве, а среди моряков идет распря из-за управления кораблем: каждый считает, что именно он должен править, хотя никогда не учился этому искусству... Вдобавок они заявляют, что учиться этому нечего, и готовы разорвать на части того, кто скажет, что это надо. Они осаждают кормчего просьбами и всячески добиваются, чтобы он передал им кормило... Одолев благородного кормчего... они захватывают власть на корабле, начинают распоряжаться всем, что ни есть, бражничают, пируют и, разумеется, направляют ход корабля именно так, как естественно для подобных людей. Вдобавок они восхваляют и называют знающим моряком, кормчим,... того, кто способен захватить власть силой или же уговорив кормчего, а кто не таков, того они и бранят, считая его никчемным. Они и понятия не имеют о подлинном кормчем, который должен учитывать времена года, небо, звезды ветры, - все, что причастно его искусству, если он действительно намерен осуществлять управление кораблем, независимо от того, соответствует ли это чьим-либо желаниям или нет.»¹¹

Вполне вероятно, что такой корабль может расколоться, налетев на скалы. Но что такое крушение корабля, как не угроза гибели всей его недружной и своевольной команды? Поэтому Платон задает вопрос, ответ на который для него очевиден: «Может ли быть... большее зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадению на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?»¹²

Связует же государство не страх перед правителем, и не ответственность сама по себе, а «общность удовольствия и скорби, когда чуть ли не все граждане одинаково радуются либо печалются, если что-нибудь возникает или гибнет.»¹³ То есть, когда, говоря словами уже советского поэта В.Маяковского, «общие даже слезы из глаз.»

Такое государство, по Платону, не только избавится от внут-

ренных раздоров, но и сумеет оградить своих стражей от массы мелких неприятностей, отвлекающих от решения общих задач. Здесь не придется говорить «об угодничестве бедняков перед богачами, о трудностях и тяготах воспитания детей, об изыскании денежных средств, необходимых для содержания семьи». Все необходимое, и в первую очередь пропитание, они получают от остальных граждан, «как плату за свою сторожевую службу...»¹⁴

В более поздней платоновской работе «Законы» жесткая регламентация жизни общества приводит к «полицейскому», «казарменному» государству, «которое, - по замечанию немецких исследователей, - принуждает людей «быть счастливыми» помимо их воли.»¹⁵

Любопытно, что спустя века, но задолго до катаклизмов нашего столетия, государство, напоминающее о модели Платона, появилось в Парагвае и просуществовало 150 лет. Основанная в 1610 г. миссионерами-иезуитами на малопродуктивных землях и с разрешения испанской короны, «христианская республика... являлась, - по мнению А.М.Арзамасцева, - остроумным и выгодным соединением крепостничества и рабства. Как крепостные, обращенные индейцы принуждены были сами зарабатывать себе средства к жизни, и, как рабы, были лишены всякой собственности.» Жизнь была строго регламентирована, «вплоть до мельчайших подробностей» и «даже до того, когда мужчины должны были приступать к исполнению своих супружеских обязанностей. Всякая индивидуальная свобода была полностью исключена.» Но при этом порядок и дисциплина поддерживалась не мощью аппарата принуждения, а «только моральным авторитетом господствующей верхушки.» В результате «за все время существования государства там не было ни длительных тюремных заключений, ни казней.»¹⁶

Итак, перед нами прообразы отторгнутого ныне «казарменного коммунизма»? Но какие социально-исторические реалии, и поиски решения каких проблем отражало платоновское государство, предвосхитившее и парагвайский эксперимент и отдельные грани тектонических социальных сдвигов нашего столетия?

По Марксу, «поскольку в республике Платона разделение труда является основным принципом строения государства, она представляет лишь афинскую идеализацию египетского кастового строя.»¹⁷ Каутский же обращает внимание на иное, на органическую связь платоновского идеала с собственно греческой

историей. Но и он, сосредотачиваясь на экономике, пожалуй, оставляет в тени то, что, исходя из опыта нашего столетия представляется крайне важным: платоновский коммунизм по самой своей изначальной направленности - это коммунизм военный, коммунизм социума, который в силу обстоятельств должен превратиться в сжатый кулак, способный сокрушить любого внешнего врага.

Сама идея создания такого государства была навеяна историей. Породивший Платона пятый-четвертый век до н.э. был для Эллады временем потрясающих взлетов и катастроф. Это было время, когда греческие гоплиты раз за разом громили армии могущественнейшей Персидской империи и слова «Фермопилы» и «Марафон» вращались в анналах так же, как тысячелетия спустя слова «Брест» и «Сталинград». Но это была и эпоха, когда, победившие страшного врага, Афины и Спарта, словно науськанные друг на друга псы, сцепились в изнурительной схватке, верша руками своих воинов то, что оказались неспособными сделать персидские полчища. А Персия, та самая Персия, коей, казалось бы, не оставалось ничего иного, кроме как зализывать раны, подзуживала соперников, субсидируя то одних, то других, в зависимости от того, кому в данный момент благоприятствовала крылатая богиня победы Ника. Говоря же иначе, персидские правители искусно и равномерно подбрасывали хворост золотых монет в пламя междоусобной войны. Таким образом, платоновский «коммунизм» и его ненависть ко всему, что способно стать основой раздора граждан, призванных охранять покой страны, в огромнейшей мере выросли из горчайших уроков усобиц, кровавейших внутригреческих баталий, в ходе которых Спарта в конце концов одолела Афины. Потому-то платоновское «государство» и вобрало в себя идеализированные, «усовершенствованные» черты спартанского устройства, что это были черты победителя в изнурительной многолетней войне. Его государство не обходится ни без ремесленников, ни без земледельцев, но основная речь не о них, а о правителях и стражах, потому что - какой прок трудиться, если нажитое потом могут ограбить чужеземцы, либо расточить или выудить собственные правители и их слуги?

Обращаю на это внимание не для того, чтобы доказать некую изначальную порочность коммунистических идеалов, их «первородный грех», а чтобы вновь сосредоточиться на тех социаль-

но-исторических обстоятельствах, при которых было четко сформулировано самое раннее из известных развернутых теоретических осуждений частной собственности и дано обоснование необходимости своеобразного «тоталитарного государства».

Это могло бы показаться банальным, но, отмечая привычные штампы, мы сегодня, к сожалению, частенько отбрасываем и азбуку историософии. Новейший наглядный пример этого дает выступление Г.Пугачева в ноябрьской передаче 1997-го - «Один на один», где он афористично произнес: «Для русских государство - это ценность, поэтому они никогда не смогут стать либералами.» Опять-таки, в который раз у нас выводятся отношения к государству из чьего-то менталитета, будь то менталитет конкретного ученого или целого народа.

Думается, что дело все-таки не в пристрастиях Платона или русского мужика, которые в силу особенностей своего мышления зачарованы мощным государством, а в ритмике истории и тех исторических ситуациях, которые воспроизводят сами потребности в державе, способной, даже ценой жестких, а то и жесточайших ограничений, обеспечить самосохранение социума. В эпоху серьезнейших потрясений российской государственности реальный «русский коммунизм», равно как и «коммунизм» платоновского «Государства», оказался в огромной степени следствием втягивания гигантской страны в серию жесточайших военных коллизий (включающую как «внешние» войны, так и «полыхавшую от темна до темна» беспощадную гражданскую). Не навязанные кем-то учения, не ослепляющие разум идеи, а логика самой борьбы превращала страну в военный лагерь и соответственным образом обуславливала трансформацию всей социальной (да и духовной) жизни, характер которой, как пытался показать еще совершенно недооцененный у нас английский мыслитель Г. Спенсер, зависит от степени милитаризации общества.

Милитаризация же российского общества XX века определялась, как внутренними, так и внешними факторами. Даже самое поверхностное рассмотрение показывает, что нынешняя «критика» коммунизма является фактически по большей части способом переключения эмоциональной энергии масс на определенные объекты - своего рода громоотводом. И только. Почему? - Потому, что и внешние, и внутренние факторы, порождающие потребность в государстве-монолите не исчезают авто-

матически с исчезновением тех или иных лозунгов. Более того, любой «Хаос» - это питательный бульон для будущей диктатуры, ибо «неуправляемое», либо раздираемое непримиримыми противоречиями общество просто не в силах долго существовать, и никакие слова о том, что «нам нечего делить» (быть может, потому что уже все поделено между теми кому следовало?) сами по себе абсолютно ничего не значат там, где интересы значительных социальных групп все более расходятся. С внешними факторами тоже не все так просто, как хотелось бы, потому что различные геополитические интересы отнюдь не исчезли с гибелью СССР.

Дело совсем не в том, под какими знаменами будут разворачиваться события в нашей измученной стране, а в том, в какое русло будет направлен сам ход этих событий. Если это будет русло усиливающейся фрагментаризации социальных и религиозных интересов, то, вероятнее всего, может остаться только два исхода: либо стагнация и деградация социума, вплоть до его дальнейшего распада и даже гибели как целого. Либо очередная попытка претворить в жизнь идею «мощного» государства, способного железной рукой задушить силы, раскалывающие общество, а вместе с ними попутно придавить и то, что сегодня входит в обиход эталонных «либеральных ценностей».

(Доклад был прочитан в МГУ)

-
1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. - М., 1990, с.89.
 2. Каутский К. Предшественники новейшего социализма. Часть первая. От Платона до анабаптистов. - С-Петербург, 1907, с.3.
 3. Утопический социализм. Хрестоматия. - М., 1982, с.57.
 4. Каутский ... с.7.
 5. Там же, с. 1.
 6. Там же, с.8.
 7. Там же, с.7.
 8. Платон. Соч. в трех томах. Т.3. 4.1. - М., 1971, с.204.
 9. Платон ...с.264.
 10. Там же, с.204-205.
 11. Там же, с.290-291.
 12. Там же, с.260.
 13. Там же, с.260.
 14. Там же, с.264,263.
 15. Словарь античности. Пер. с нем. - М., 1989, с.436.
 16. Арзамасцев Л.М. Казарменный «коммунизм». - М., 1974, с.32-33.
 17. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т.23, с. 379.

СОВЕТСКИЙ «КОММУНИЗМ» ГЛАЗАМИ РЕЛИГИОВЕДА И КУЛЬТУРОЛОГА

Попытки рассмотреть «советский коммунизм» в свете религиоведения и культурологии и, следовательно, в контексте изучения религиозного сознания и религиозной практики, дело не новое. Хорошо известно, что в так называемом «буржуазном религиоведении» «советский коммунизм» давно уже стал рассматриваться, как один из видов или суррогатов религии. Так, согласно знаменитому английскому историософу А.Дж. Тойнби, «большевистский» коммунизм - один из вариантов культа **Человека** в его современных ипостасях.¹ Истмат же для А. Тойнби - лишь «божество», которому поклоняются коммунисты. - (Toynbee A. J. A Study of History, V. 5, L 1939, pg.25).

Марксизм же в целом рассматривается им с одной стороны, как «лист вырванный из Евангелия», с другой же (отражающей сплав теории и практики), как «кошмар государственной религии» - религии, основанной на ужасной гиперборейской догме, что есть одна действенная, исключительная, определенная и неизменная панацея от всех зол, которые мучили человечество с тех пор, как Человек стал Человеком.² По его словам, «народы СССР принесены в жертву одному из... воплощений институциональной религии...» Особый интерес в этом отношении представляют его рассуждения, основанные на личных впечатлениях, вынесенных из поездки по Советской России в 1930 году: «Никто, - утверждал он, - не может быть более религиозным, чем ваш молодой воинствующий атеист, хотя неизбежно это такая истина, которая скрыта от его глаз».

Справедливости ради, следует добавить, что все сказанное относилось к воинственному духу большевизма, а не сути его идей; и уже поздний Тойнби полагал, что будущее - за обществом либеральным в духовной сфере, но социалистическим в сфере экономики и социального обеспечения. Ведь выжить перед лицом глобальных проблем способно лишь организованное общество, не раздираемое стихией частных интересов.

Другими вариантами такого культа в XX веке назывались Индивидуализм (Пожалуй, почти проигнорированный, как объект исследования отечественным религиоведением) и Национализм, охарактеризованный, как «враг номер один» в нынешней главе человеческой истории.

В годы же «перестройки» сопоставление партии с церковью и «коммунизма» с религией стало довольно обычным и в нашей собственной, тогда еще единой стране. При этом крайне любопытен, рождавшийся прямо на глазах парадокс: в условиях смягчения официальных позиций и «общественного мнения» по отношению к религии и церкви, сопоставление партии с церковью, а коммунизма с религией было до штампованности негативным. Хотя, казалось бы, элементарная логика требовала обратного: если партия - подобие церкви, а «коммунизм» - одна из форм, пусть и нетрадиционных религий, значит должны четче вырисовываться и аргументы в их пользу.

Однако, отойдя от сугубо полемических задач, можно и должно хотя бы тезисно очертить сам феномен, используя при этом опыт мирового и отечественного религиоведения и культурологии.

Чтобы разговор не был, как это часто случается, абстрактным, попробуем для начала вспомнить, что же обычно понимается под религией. При всем разнообразии целого вороха определений, несколько огрубив, можно сказать, что религия - это социокультурный феномен, эмоциональным и идейно духовным ядром которого является вера в сверхъестественное.¹ (О возможности иного видения в религиозном комплексе см. ниже).

Сверхъестественное же - это то, что стоит над естеством или природой и, следовательно, не подчиняется ее законам и не может быть постигнуто разумом человека.

Из учебников же атеизма недавних времен можно почерпнуть, что вера в сверхъестественное опирается в свою очередь на следующие группы представлений:

А) Представления о сверхъестественных свойствах, коими с точки зрения верующего, обладают совершенно реальные, осязаемые предметы материального мира: зеркала, бусы, одежда и т.д.

Б) О сверхъестественных связях явлений. Т.е. таких, которые не объяснимы логически. Как, скажем, перебежка примелькавшейся черной кошки и события в жизни того, кто двигался ей навстречу.

Своими корнями или основами б), как правило, связано с а), восходит к нему. В данном смысле - к представлениям о мистических свойствах кошки.

В) О сверхъестественных существах, т.е. ангелах, демонах,

богах и Боге. Иными словами тех, кто обладает надчеловеческими способностями и силами.

К этому можно было бы добавить и четвертый элемент такого рода представлений - г), а именно: сверхъестественные объекты. Т.е. такие, чье существование и функционирование не вписывается в привычные пространственно-временные координаты и систему материалистических детерминант, (здесь стоит оговориться, что, фактически, с точки зрения любого верования и «обычная» земная действительность, включая и жизнь индивидов, тоже не определяются тем, что можно было бы назвать собственно материалистической системой детерминант. Даже в реальном марксизме, такие нематериалистические по своей сути факторы, как «воля партии», а на определенных ее этапах и иные, играют видную роль).

К таким объектам можно отнести чистилище католиков, а также рай, ад. Места, где нет времени в обычном понимании. Нет старения и износа. Так, у корчащихся в мусульманском аду сторевшая кожа возрождается вновь и вновь облекает истерзанную плоть, чтобы продлить мучения, заслуженные грешниками. В раю же дело доходит до того, что прелестные гурии, предназначенные для праведников, как пылко не отдавались бы тем или иным счастливчикам Обители Вечного Блаженства, «Вновь становятся девами каждую ночь.» «Этой сладости мысли нельзя превозмочь.» - добавляет восторженный старинный автор, понимая, что в мире сугубо земном мечтать о чем-либо подобном просто бессмысленно (Нынешнее восстановление девственности не в счет. Хотя... у нас плюрализм. Может кто-то и сочтет, что оно несет кусочек земного рая).

Для того же, чтобы панорама взглядов на суть религии оказалась более объемной, уместно дополнить ее совершенно замечательной цитатой из трудов П.Флоренского и упоминанием концепции французского социолога (в широком смысле слова) Э.Дюркгейма, по которому «Религия представляет собой целостную систему верований и обрядов, относящихся к священным вещам, то есть к вещам отдаленным, запретным; это система таких верований и обрядов, которые объединяют в одну моральную общину, называемую церковью всех тех, кто признает эти верования и обряды. Религия есть особая форма выражения общественных сил, которые стоят выше индивидов и подчиняют их себе». «...Она представляет собой систему идей»,

посредством которой индивиды стремятся охватить то сообщество, членами, которого они являются, а также «темные, но интимные связи» с этим социальным целым».³

П. А. Флоренский, наоборот сконцентрировал внимание на природных в глубинном смысле этого слова и индивидуально-психологических аспектах религии. Он писал: «Если онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас, то феноменалистически религия есть система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе спасение, другими словами спасение в том наиболее широком психологическом смысле слова есть равновесие душевной жизни.»⁴

Заметьте: уже у Дюркгейма повторяется мысль о религии, как **системе**. И это закономерно. Отечественное религиоведение также подходит к религии, как к целостному комплексу, включающему:

1) а) **Теоретическое** (т.е. религиозную идеологию) и б) **обыденное религиозное сознание**.

2) **Совокупность чувств, настроений и традиций**.

3) **Религиозные действия** и прежде всего такую, наиболее четко детерминированную их сферу, как религиозный культ или систему действий, предназначенную для непосредственного контакта с Высшими Силами. Как разновидность религиозных действий можно рассматривать и религиозное поведение, т.е. такое реагирование на возникающие жизненные ситуации, которое определяется религиозными мотивами.

4) **Разнообразные религиозные объединения и организации**, в рамках которых разрабатываются религиозные и сопряженные с ними иные идеи, готовятся кадры, разворачивается культовая деятельность и т.д.

Хотя, как уже было отмечено, обычно ядром такого комплекса считается вера в сверхъестественное, но на практике иерархизация элементов религиозного комплекса гораздо сложнее и неоднозначней. Представляется, что в реальных, а не идеализированных, исторических условиях, и вырастающих из них бесчисленных, хотя и типизирующихся, жизненных ситуациях, в которых оказываются, как индивиды, так и группы и целые социальные слои, детерминирующими, т.е. ведущими факторами могут быть религиозные настроения (но не идеология) религиозный культ, а то и религиозные объединения - церкви и т.д., которые, как правило, всегда стремятся поставить себе на

службу, казалось бы, вечные, но не ригидные, а многозначно текущие системы религиозных образов и представлений в целом. В таких случаях на уровне обыденного сознания понятие церковности становится синонимом религиозности, а приближенность к данной конкретной церкви, либо лояльность по отношению к ней - показателем правоверности как таковой, что фактически приравнялось к **истинной** религиозности, как способу эмоционально-интеллектуального отношения к Правильной, Истинной религии, указующей единственный Истинный путь. (Отсюда и упомянутый парадокс, негативного отношения к коммунизму, как религии, при общем потеплении отношения к религии вообще: если усматривать в «коммунизме» религию неистинную, то все встанет на свои места и пойдет по обкатанному столетиями пути).

Поясняя сказанное о ведущих элементах религиозного комплекса уже чисто психологическими примерами, можно примерно так очертить те же самые типы связей:

А) Примат идей. А точнее - Идей-Образов, нацеленных на сердца конкретных людей, групп, классов, сословий... Как в случае с Мухаммедом, после зажигательных речей которого, люди готовы были идти на бой и на смерть. Здесь эмоционально окрашенные образы-представления рождали соответствующие им настроения, приводившие к определенным действиям.

Б) Примат движений души, и непосредственно психических состояний: состояние экстаза и т.п. В таком случае образы-понятия и целые системы рассуждений могут быть следствием последующей рационализации и словесного развертывания, очерчивания изначальных психических феноменов.

В) Примат действий, которые, как хорошо известно в психологии, способны оказывать самое непосредственное воздействие на психофизиологическое состояние отдельных людей и целых групп. Феномен, замечательно подмеченный в одной восточной притче, где монах спрашивает Учителя: «Имею ли я право молиться, если не чувствую веры в душе?» Учитель же отвечает:

«Ты молись. И вера придет». Таким образом, может быть и так, что именно действия оказываются кресалом религиозных настроений, рождающих или оживляющих в душе человека те или иные религиозные образы.

Г) Еще более многолико психологическое доминирование в религиозном комплексе объединений, в чьих руках отработан-

ные механизмы прямого и косвенного воздействия на психофизиологическое состояние людей и их поведение.

С учетом всего этого можно попытаться подойти к рассмотрению любого сложного социокультурного феномена, включая, в частности, и «советский коммунизм».

И что же мы увидим? 1) На уровне теоретического сознания или идеологии - целенаправленное и развернутое отрицание практически всех основных моментов традиционных религий. Но по своей гносеологической и психологической сути здесь перед нами лишь переведенная на иные рельсы идея Единственного Верного пути: «Много в поле тропинок. Только правда одна.» - если говорить словами песни из популярного советского кинофильма. И идея эта не так уж одиозна, как ее представляют в полемическом задоре: и в моделирующих познавательные задачи, и в спортивных играх, и в искусстве, сплошь и рядом мы встречаемся именно с этим единственно верным путем, пролегающим над пропастью поражений.

Проблема же в том, что идея эта, как и масса других, справедлива лишь в соответствующих пределах. При выходе за эти пределы Единственно Верная Истина, становится беспомощной, как рыба, выброшенная на берег. Но не это для нас здесь важно, потому что любая реально существующая в пространстве и времени религия не обходится без абсолютизации, догматизации и канонизации. И соответственно без постоянного тяготения к выходу за какие-либо пределы в мир беспредельного. Это противоречие коренится в самой религиозной жизни, да и человеческой жизни вообще, и здесь для нас существенно то, что оно с поразительной точностью воспроизводится в атеистической по набору целого ряда понятий предреволюционной и советской марксистской теоретической мысли.

Не случайно уже сами методы и формы такого отрицания традиционной и прочей «религиозности» включают как собственно научные (которыми, кстати, охотно и нередко умело пользуются и представители одних религиозных направлений в борьбе с другими направлениями), так и по сути своей религиозно-церковные (или «сектантские») приемы аргументации, когда главным критерием оценки чего-либо оказывается принадлежность к **данному** направлению мысли: христианин ли ты? Истинный ли ты христианин или замаскированный еретик? С этой точки зрения и «истинный марксист» - явление того

же порядка, что подметил еще Богданов в своем ответе на ленинский «Материализм и эмпириокритицизм», где фактически предупреждал об угрозе сокрушения «мечом» ортодоксального марксизма всяческого инакомыслия.

(Вопрос остается лишь в том, можно ли было уйти от этой угрозы и, если «да», то как далеко, если «советский коммунизм», становясь государственной идеологией в критических условиях отчаянной внутренней борьбы и масштабной разрухи, воспроизвел достаточно типичные вопросы, разворачивавшиеся в истории борьбы целого ряда церквей и течений?)

Если же взглянуть еще глубже, то мы вслед за Плехановым и его, оказавшейся провидческой работой «К вопросу о роли личности в истории» увидим, что законы истмата (вспомните Тойнби) советской философии являли собой в социально-психологическом плане такую же опору для действий в этом мире, а также для их обоснования и оправдания, как и Воля Божья для лидеров Социальных движений и правителей иных эпох.

Более того, истмат говорил о путях движения к Новому Миру - т.е. миру, где «естественные» прежде законы развития и функционирования человеческого общества уже не действовали. Выражаясь иначе, по отношению ко всем существовавшим прежде, это было бы уже иное Высшее или Сверх-общество - Земной Рай, Царство Божие на земле, но без небесного Бога. Таким образом, как не крути, а отдельные черточки, трансформированной до неузнаваемости идеи былого сверхъестественного просвечивали и здесь... Однако пока еще, на уровне теоретическом эти контуры «преображенного сверхъестественного» еще очень зыбки и едва уловимы...

Показательно, что здесь точно, так же, как и в богословии, когда оно сосредотачивается на вопросах потустороннего мира, осуществляется постепенная детализация представлений о том, с чем никто из теоретиков никогда не соприкасался в своем личном опыте. (Хотя элементы «райской жизни», оазисы «райских уголков», равно, как и коммунистической, а точнее религиозно- и военно- коммунистической организации общественной жизни - исторические факты. Взять хотя бы христианский коммунизм и Спарту, послужившую прообразом идеального платоновского «Государства»).

Своего апофеоза в советской теоретической мысли эта детализация достигла в «Программе КПСС», принятой на XXII ее

съезде, где говорилось: «Коммунизм - это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип «от каждого - по способностям, каждому - по потребностям». Коммунизм - это высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердится общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа.⁵

Необычайно интересно и заслуживает особого анализа сочетание рационалистических и иррационалистических тенденций в марксистской, особенно предреволюционной, отечественной мысли, а также в первые годы Советской власти. С одной стороны, ставка на Разум и четкую жесткую логичность, доведенную до заметного совершенства в 30-е и 40-е годы. С другой же - пренебрежение к «дипломированным лакеям поповщины» и апелляция к классовому чутью пролетариата, способному вернее ухватить истину, чем всякие изыски «буржуазных» ученых.

Здесь, по сути перед нами продолжение очень древней линии, идущей от даосов, многократно прослеживаемой в христианстве и изученной в гневной лютеровской филиппике: «Разум - потаскуха дьявола.» Характерная особенность этой линии в том, что при всем различии, облакавших ее форм, критика разума, как такового, по существу всегда оказывалась критикой его конкретных, «застывших», как казалось тогда форм, и потому, помимо прочего, обязательно расчищала плацдарм для **новой** рациональности. Просто в революционном российском и советском марксизме (до определенных пор) это делалось наиболее открыто. 2) С переходом же ко второму уровню общественного сознания и способам апелляции к нему, а также к смыкающейся с этим уровнем собственной социальной психологии мы видим, как архетипы и глубинные психологические потребности начинают явственно проступать сквозь лики и маски вроде бы совершенно новых идей: Распеваются песни: «Долой, долой монахов! Долой, долой попов! Мы на небо залезем - прогоним всех богов». Но в то же время лепят-

ся образы новых Земных Божеств. Лепятся по уже известным образцам. Мало того, даже отблески христианской Троицы (на что противники коммунизма могут сказать: «Дьявол - обезьяна Бога») светятся на ликах Маркса (Бог-Отец), Энгельса (Св.Дух) и Ленина (Бог-Сын). Психологически очень точно и в полном соответствии с существующей религиозной традицией определяется и место Сталина: верный ученик Ленина бескомпромиссно сражающийся с неверными учениками, среди коих можно лицезреть и самого «Иудушку Троцкого» (и пусть спецы сколько угодно доказывают, что речь здесь у вождя Революции шла об Иудушке Головлеве. Ведь в психологии масс куда более четко запечатлен образ другого Иуды - того, что предал самого Христа.) Прямо социалистический апостол Петр («Камень», который лег у основ Западной ветви Христианства) или, раз уж речь идет о Востоке, то скорее Андрей Первозванный новой эпохи, готовый доблестно противостоять погрязшему в грехе и падшему Западу, обожеествившему Золотого Тельца (вспомним горьковский «Город Желтого дьявола.») Человек же, знакомый с мусульманской традицией, может разглядеть в атеисте Сталине нечто от Пророка (а если хотите то халифа, т.е. преемника Пророка, чье место тогда обыденное сознание, а еще скорее - психология человека из массы отведет в таком случае Ленину.) И в том, и в другом случае он предстает Существом, вершащим на Советской земле бессмертное дело Ленина.

Таким образом, перед нами своего рода Высшие Существа. Хотя, с другой стороны, говоря словами пролетарского поэта, тот же Ленин - человек вполне «земной»,

В тени этих Высших Существ вырастают и свои галереи святых и святых-мучеников - от Лазо до Павлика Морозова (Характерно, что одна современная книга о Павлике, в варианте, предназначенном для Запада, называлась точно: «Вознесение Павлика Морозова». Но, увы, на русском это название сменило вестернизовано-попсовое: «Доносчик 001», совершенно не выражающее сути феномена) Галереи, заслуживающие анализа, а не фиглярства и осмеивания, очень напоминающих вулгарный атеизм первых лет Советской власти. Впрочем, это и понятно: там, где ломают систему - сжигают ее иконы и отвергают ее святыни.

Однако власть архетипа в Советском обществе, особенно

первых десятилетий, не ограничивалось кругом Высших Существ и Святых Новой Формации как таковых. Сам образ Советского Человека – целеустремленного, нестигаемого, закаленного, как сталь и впаянного в «железный поток», чуждого метаний и Уверенного в Своей Правоте – это образ Правоверного, Сына Света, неутомимого Борца За Веру – Многоликий образ, мерцающий своими гранями в самые различные эпохи в самых различных местах земного шара.

Здесь же – и заменители отринутых Священных книг – труды классиков марксизма-ленинизма, цитировать которые столь же необходимо, как и одеваться соответствующим образом, отправляясь на официальный прием.

Четко проступают и, лишь смутно прорисовывавшиеся в туманных высях теории, уже упомянутые сверхъестественные объекты. Точнее объект – т.е. рай. Но рай земной, а не небесный, отделенный от ныне живущих не пространством, а временем.

Здесь был бы небезыntересен анализ специфики «сверхъестественного» или близкого к нему духовно-гносеологического феномена, в теоретическом сознании – с одной стороны и обыденном и социальной психологии – с другой. Движение к «сверхъестественному» тут идет как бы по двум векторам. В первом случае – в теории – «сверх...» это то, что позволяет обуздать стихии природных, социальных и внутриличностных сил оказаться сверху, и тем самым выйти из сферы безраздельного господства, известных прежде законов. Строго говоря, с этой точки зрения, и человек в сравнении с обезьяной существо сверхъестественное. Ведь его бытие определяется не одними только законами природы в их обычном понимании. Разве не эта мысль кроется за довольно расплывчатым утверждением о том, что человек – существо биосоциальное?

С другой же стороны движение к «сверхъестественному» разворачивается по привычному пути мифологизации и введения нового в русло устоявшихся образов-Архетипов. Т.е. тут уже доминируют чаяния, узнаваемые зрительные ряды, а не иерархизированные сверхзадачи.

Кстати, как неоднократно было замечено, в советском обществе появились и свои священные объекты, существовавшие уже в этом временном измерении: памятники, бюсты, мавзолей... Но именно их содержание (при всей близости некоторых форм) резко отличались от того, что было сопряжено с обычными

представлениями о сверхъестественном. Так, хотя молодой А. Вознесенский и писал о посещении мавзолея: «Ленин, как рентген, просвечивает нас», однако это был психологически насыщенный художественный образ. - От посещения мавзолея Ленина никто не ждал исцеления недугов, как от посещения иных мазаров, либо «могилы Авеля» в Сирии.

Но, если наложить на Советское общество концепцию Дюркгейма, то мы увидим, что идея разделения сакрального и мирского здесь обнаруживает себя очень наглядно. Причем именно в социально-психологическом плане.

В глубинных же пластах массового сознания мы видим, как социальное, спрессовываясь с индивидуальным (словно стволы и листья в каменноугольных пластах) предлагало каждому Посвященному (а говоря популярным «марксистским языком, - Сознательному) двоящийся путь спасения. Сопоставьте со сказанным П. Флоренским:

А) Чисто психологическое обретение чувства внутреннего равновесия (как у целостных, словно «выкованных из единого куска стали» обточенных соцреализмом Маяков «коммунистического мира») за счет веры в незыблемость и вечность Системы, к коей ты лично принадлежишь («Социализм в СССР победил полностью и окончательно», - как учил любой студент, любой школьник) и возможности зная четкие правила игры, достаточно легко прогнозировать собственное будущее и будущее своих детей: «Это наша судьба. Это наша дорога: Пионер. Комсомолец. Потом коммунист». Как было выложено на фронтоне одной из сельских школ советского Казахстана.

Короче говоря, в Советском Союзе упорно стремились укрепить чувство внутренней устойчивости путем поддержания веры в устойчивость «социалистического мира».

Б) Психолого-онтологический аспект «личного спасения» - обретение веры, родственной убежденности спартанцев, что даже и после верной гибели в неравном бою. (напр.: Фермопилы) они будут и после смерти продолжать жить в жизни социума. Надо лишь заслужить это собственными делами и выбрать единственно достойную дорогу Мальчиша Кибальчиша, а не Мальчиша Плохиша.

Замучен Мальчиш злодейскими буржуинами. Но высоко вознесена его незабытая могила, осененная красным флагом: «Плывут пароходы - привет Мальчишу!» - Смерти нет для того, кто

пал за Родину (веру) и правое дело. Сравните сами с досоветски-российским: «за веру, царя и отечество».

Поэтому и безыскусные слова: «Смело мы в бой пойдем за власть Советов. И как один умрем в борьбе за это.», сколько бы усмешек они не вызывали своей кажущейся алогичностью («Кто же будет жить, если все умрут? Для кого она, тогда эта самая власть?») в психологическом плане подразумевают развитие мощно прозвучавшего христианского гимна: «Смертию смерть поправ» и идеи жизни Духа после гибели брennого тела.

К тому же, такие песни, как «Смело... в бой...» пели не абстрактные приверженцы Советской власти, а бойцы, настраивавшиеся на беспощадную схватку. Чисто психологически это означало то же, что знаменитое «сжигание мостов». «Со щитом или на щите» и т.д. Такие песни, как и прежние культовые песнопения, молитвы и т.д. являли собой практическое претворение в жизнь буддийского (а по сути важнейшего психологического) принципа: «Ты молись и Вера придет.» Т.е. их можно в полной мере оценить, лишь рассматривая, как часть специфической психоделической культовой практики. (В случае с «советским коммунизмом» - практики преклонения Частного - перед Целым.)

Так мы коснулись, пусть и очень-очень поверхностно некоторые моменты советской практики в свете 3-го элемента религиозного комплекса (в его сплаве со 2-м.)

4) Банальной стала и уже упомянутая идея Партии-Церкви, с ее только что затронутым, четко отработанным культом. Т.е. идея организации, жестко соединяющей духовно-воспитательные и управленческие функции. Недаром же Генсек, подобно китайскому императору и мусульманскому халифу, сочетал в своем лице светскую и духовную власть. А все, с ним связанное, относилось к сфере запретного, и было окружено массивной стеной табу, правда, проламываемой пронырами-анекдотами.

Более того, как уже говорилось в отечественной печати, в советском обществе со сталинских времен мы видим такую стыковку элементов религиозного (или квазирелигиозного комплекса), где, вопреки массе публикаций, не идея, как таковая (1-й элемент) детерминировала непосредственно социальную практику, а Организация канонизировала идеи и образы, превращая их в инструменты, предназначенные для достижения ее собственных целей. Т.е. мы видим ведущую роль 4-го эле-

мента... комплекса. Иными словами, **учение** Маркса-Ленина (обратите внимание на традиционно-религиозное звучание самого слова) именно, как учение, определенным образом выстроенное, канонизированное и священное, появилось во время правления Сталина...

Впрочем, все подмеченное, но в иных пропорциях и формах, приложимо, например, и к США, где, как показывает ряд исследователей и, в частности, отечественный молодой ученый В.Легойда, сложилась своеобразная «гражданская религия», целый ряд черт которой напоминает о некоторых гранях советской идеологии. Об этом же свидетельствуют и лингвистические исследования декана факультета современных языков МГУ С. Г. Тер-Минасовой, согласно которой уже анализ русского языка советского периода и современного ему американского говорит о сходстве многих стереотипов и т.п., складывавшихся, как в СССР, так и в Америке.

1. Toynbee A.J. A Study of History. V. 5, L., 1939, p. 25.

2. Toynbee A.J. A Journey to China and the Things I've seen. L 1931, pg. 29.

3. Цит. по: Основы религиоведения. /Яблоков И.Н. -М. 1994, с 22-23.

4. Там же с. 15.

5. Материалы XXII съезда КПСС.-М.: Гос. изд-во полит. Лит. - 1961, с. 366.

СОВЕТСКИЙ «КОММУНИЗМ» ГЛАЗАМИ РЕЛИГИОВЕДА И КУЛЬТУРОЛОГА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ. ВЗГЛЯД С ДРУГОЙ СТОРОНЫ.

Даже поверхностный обзор различных аспектов данной проблемы демонстрирует, что имеется достаточно оснований для того, чтобы рассматривать «советский коммунизм», как один из подтипов «религии», ориентированной на так называемый культ человека и «посюсторонние» задачи, как, например, конфуцианство в старом Китае. (кстати, и в нынешнем Китае звучат голоса о строительстве «конфуцианского социализма»). Но при этом в ряде социальных моментов близкий к таким верованиям, как, скажем, ислам с его, казалось бы, несомненно и четко выраженной «потусторонней» ориентацией и идеей покорности воле Аллаха, как неизмеримой человеческими средствами Надземной Силе. Ведь недаром же сами мусульманские богословы говорят об исламе не только как о религии, но и как об образе жизни.

Но сказать так, значило бы остановиться на полпути, лишь повторяя и структурируя, т.е. выстраивая тем или иным образом уже известные взгляды и суждения.

Однако проблема представляется несравненно более сложной. Дело не в том, чтобы доказывать или опровергать «религиозность», «квазирелигиозность» или «внерелигиозность» советского «коммунизма» и давать этому феномену оценки, соответствующие нашим политическим пристрастиям. Куда интереснее и, возможно, плодотворнее было бы подойти к этому вопросу с другой стороны, окинув мысленно взором весь социокультурный комплекс в целом, учитывая при этом подвижность и историческую изменчивость составляющих его элементов.

Ограничимся лишь тем, что традиционно, хотя и несколько «старомодно» было принято называть в отечественных изданиях «формами общественного сознания». Но с двумя, и думается, весьма существенными поправками:

1) С признанием того, что очертания и определения этих форм сами по себе есть в немалой мере результат сознательно-го человеческого творчества («чины людьми даются»), а отнюдь не бесспорные копии реальности. Скорее — это наслаивающиеся друг на друга тени платоновкой пещеры и застывающие под

кистями привычных философских систем многоцветные хороры явлений...

2) Формы эти далеко не всегда существуют в чистом виде. (Если только такая чистота вообще не является исключением из правил). В реальной панораме мировых социокультурных процессов они постоянно взаимопроникают друг в друга и образуют множество промежуточных форм, таких, как, например, паранаука, религиозная философия, религиозная мораль и т.д.

При этом само понятие «промежуточные» в данном случае оказывается весьма условным. Так, еще вопрос, можно ли говорить о существовании морали как таковой, а не морали религиозной в Западном средневековом обществе вплоть до Нового Времени с его знаменами, окрашенными Свободомыслием, этим детищем Индивидуализма, упорно рвавшего из цеховых, сословных и церковных уз.

При таком подходе к так называемым формам общественно-го сознания и, в частности, к религии мы видим, что все это социокультурные феномены, представляющие взаимосплетющиеся, а то и сплавляющиеся компоненты социальных систем или, выражаясь иным и, думается, более точным языком, социальных организмов.

В таком случае для анализа характера «советского коммунизма» было бы уместно использовать целую сеть координат, часть которых (естественно, не исключая уточнений) предлагается здесь для размышления и, возможно, для дальнейшего расширения и обогащения.

Какие же «координаты» или факторы прежде всего подлежат рассмотрению?

1) Способы вплетения религиозно-культурного комплекса (Р-К К) в целостную систему социальных отношений и соответственно место, занимаемое этим комплексом, либо его расщепляющимися элементами в социуме в целом.

2) Воздействие религиозно-культурного комплекса и его отдельных элементов на характер регулирования массового, группового и индивидуального поведения.

3) В связи с этим требует дополнительного сопоставительного анализа система мотиваций человеческого поведения (внутренняя сторона того, что отмечено в пункте 2) с преобладанием ориентации на посясторонние, либо потусторонние цели. Хотя, возможно, в ряде случаев было бы точнее говорить не столько о

преобладании той или иной ориентации, сколько о специфике разнообразных комбинаций этих ориентаций.

Однако здесь необходимо учесть, что при реальных, а не идеализированных комбинациях мотивов и их иерархизации обычно наблюдаются не полюса (как у крайних нигилистов или апологетов чего-либо), а тенденции.

Так между полюсами Земли существует множество промежуточных зон и они-то как раз и представляют, образно говоря, место обитания «духа» или сопряженных с телами «душ» основных масс представителей рода человеческого.

4) Место в самом религиозно-культурном комплексе функций и соответствующих им форм деятельности, тяготеющих к достаточно условно выделенным собственно религиозным, «полурелигиозным» и по сути своей внерелигиозным (функциям и видам деятельности.)

5) Специфика выстраивания социальной мифологии с более широкими, чем собственно социальные, картинами мира в целом. Или, выражаясь иначе, особенности методов антропологизации природы и всего мироздания, либо, наоборот, космологизации постоянно рисующихся красочных полотен социума или моделей индивида. (Взять хотя бы протестистичную идею мира человека-микрокосма.)

6) Природа рационализации мифа и мифологизации и иррационализации науки (и политики) по мере их включения в духовный мир и практическую деятельность социума в целом.

Одну из наиболее ранних и блестящих пародий на это обожествление науки и техники мы, в частности, встречаем в повести Э.Форстера «Машина останавливается», вышедшей в 1911 г. и словно предвосхитившей катастрофу Первой мировой войны).

Определенная мифологизация философии и науки может уже проследиваться на уровне языка. Так, например, такое стереотипное понятие, как закон единства и **борьбы** противоположностей, названный в марксизме одним из всеобщих законов «материалистической диалектики», - прекрасный образец антропологизации законов природы и стремления подвести вселенский фундамент под сугубо социальное марксистское понятие классовой борьбы. Ну о какой борьбе электрона и позитрона, ассимиляции и диссимиляции можно говорить в строгом понимании этого слова? Не случайно поэтому еще в 70-е годы

в среде советских философов стали раздаваться голоса о необходимости уточнить данное понятие и перейти к употреблению выражения: закон единства, борьбы и взаимодействия противоположностей.

Таким образом, уже при самой грубой в чем-то, естественно, условной прорисовке, перед нами вырастает примерно такая модель религиозно-культурного комплекса (Р.-К. К.) в ее взаимодействии с другими макроэлементами социума в целом.

1. Первое слагаемое (или составная этой модели): **Мифология** с ее постоянно движущимися встречными потоками антропологизации мира и космологизации социума и человека.

Где-то между крайними точками этих потоков оказывается принцип «природосообразности». С одной стороны, здесь перед нами вырастающая из мифологии и перерастающая ее идея включенности человека в мир, с другой – сплав научно-педагогической мысли и житейского опыта. И, думается было бы любопытно проследить в данном случае свежим взглядом, как на том, что мы привыкли называть наукой, отражается сам факт принятия эстафеты «из рук» мифологии.

2. Поскольку же мифология, как хорошо известно, тесно сплетена с ритуальной практикой (вспомним, что в древнеиндийской мысли слово «Рита» означало космический миропорядок и истину «в самом широком смысле слова»), постольку она одним своим крылом тяготеет к будущим духовным аспектам **Религии**, другим же срастается с **Магией**, магической практикой и мышлением, основанным на убежденности в том, что человек в принципе способен детерминировать, как свое собственное будущее в узком смысле слова, так и ход природных процессов, либо развертывание исторических событий.

3-й элемент этого суперкомплекса или Р.-К. К. (ср.: суперэтнос) – собственно Религия, компоненты которой постоянно срастаются то с мифологией, то с магией, то с моралью, то с искусством... то с философией и даже... с наукой.

4-й - **Философия**, временами неотделимая от тех или иных религиозно-церковных комплексов, а временами, как, например в античности, выходящая за их пределы. (Хотя, возможно, не столь часто, как это могло бы показаться сегодня.)

Опуская для большей краткости **мораль**, **политику** и **экономическое сознание**, перейдем как к пятому сразу к **Науке**, которая, как показали исследования Автономовой Н.С., Гайден-

ко П.П. и других, всегда со своими задачами и формами познания была сращена с социумом, а отнюдь не являлась и не является только чистым ристалищем теоретической мысли.

Наука, и в том числе советская, и особенно общественная ее грань, в свою очередь в целом ряде своих подсистем кореллировала и кореллирует с «ненаукой». Так, по задачам, эмоциональной окраске (и только ли?) она способна сближаться с магией, уверяющей своих адептов, что при достаточной информированности весь мир («все царства мира сего») может оказаться у ног Посвященного. Не случайно уже в двадцатом веке кое-где в Африке наука была названа «магией белого человека». А в предвоенном СССР пели: «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор». Конечно, это – слова из песни, а не какого-нибудь философского сочинения или постановления «партии и правительства». Но они с поразительной непосредственностью и точностью передают эмоциональность восприятия науки широкими массами той эпохи.

6-й компонент. Как силовое поле науки и одновременно – сфера скрещивания и переплетений самых разнородных элементов эмоционально-интеллектуальной жизни общества предстает **Паранаука**, включающая как вектор поиска и отработки методов, не освоенных еще собственно наукой, так и трансформацию научных сведений, идей и методов на уровне обыденного сознания.

В этом плане совершенно не исследован «советский марксизм» в тех его ипостасях, в каких он предстает на уровне обыденного сознания и социальной психологии. Этот парамарксизм (слово используется не как ярлык, а как рабочее понятие), подобно любому интеллектуально-духовному феномену, нацеленному на массовое сознание, вольно или невольно, а вынужден опираться на привычные для масс образы, понятия, логико-психологические ходы и архетипы, как наиболее глубинные образы. (Имеется в виду, что марксизм «кухарок» практически нигде еще не рассматривался всерьез в структуре паранауки.)

Но не забыли ли мы помимо прочего и **эстетическую форму общественного сознания**, в частности **Искусство**?

Нет. Однако и оно, при своем вплетении в ткань духовной и социальной жизни, комбинируется с другими макроэлементами социума. Как не крути, а будучи явлением социальным, сплошь и рядом стремится к решению задач, далеко выходящих за сферу собственно эстетического.

Как, например, социалистический реализм, хлестко названный И.Глазуновым «искусством лакировки социальных манекенов». С точки зрения художника, которому тесно в стенах «метода», такое суждение вполне объяснимо. Но с точки зрения культуролога, стремящегося постичь логику мировых процессов, не все так просто.

Социалистический реализм — одна из форм мифотворчества нашего века, среди которых и «западные» кинофабрики грез, и киноинкубаторы суперменов, «арийский» культ существа Высшей расы, и многие другие феномены, которые объединяет даже не само содержание, либо интонации и некоторые «технические» приемы (этот вопрос требует особого и скрупулезного философского анализа), а вплетенность в жизнь социума согласно канонам мифологических по своей природе образов.

Поскольку же миф сопряжен с ритуалом (т.е. буквально находится с ним в одной упряжке), постольку есть смысл хотя бы поставить вопрос о рассмотрении каких-то граней такого мифотворчества, допустим «социалистического реализма», с учетом опыта, обретенного при исследовании магии. (Слова «мифическое», «мифотворчество» опять-таки используются здесь, не как оценочные, а лишь, как рабочие понятия.)

Вспомним классификацию искусств, используемую английским автором Б.Роулэндом: «Как искусство Востока, так и Запада, — писал он, — можно разделить по типу выражения на два вида: связанное с традицией и не связанное с ней. Искусство, связанное с традицией, является творческим выражением общества, где в живописи, скульптуре, архитектуре и даже в мельчайших предметах повседневного обихода создается форма, не просто продиктованная соображением полезности, но служащая вместе с тем символическим раскрытием тех сверхъестественных сил, которые, как считали, правят земным миром...

Такое искусство можно было бы назвать магическим, ибо цель его дать человеку власть над великими силами, которые он изображает символически, либо дать ему возможность постичь бесконечное, выраженное в осязаемой форме — иконе или схеме. Действенность такого искусства не в реализме изображения, а в передаче того, что художник и его современники в обществе, связанном с традицией, считают сутью изображаемого. Искусство, связанное с традицией, можно было бы назвать и функциональным, ибо в нем религиозные изображения,

подобно инструментам, создаются ради их действенности. Созданные в упомянутых целях, они могут выполнять свои раздельные функции – магические и практические – только в том случае, если художник верно следовал законам своего ремесла, различным предписаниям и табу, рассчитанным на создание магического образа незримой силы».

Казалось бы, причем тут размышления о магии? – Ведь социалистический реализм – грань совсем иного мироощущения, нежели то, которое принято считать магическим.

Но, если отойти от жесткой привязанности прежнего искусства (речь идет об искусстве определенного рода) к сверхъестественному в его устоявшемся понимании и перенести центр тяжести на специфику творческой природы и общественных задач социалистического реализма, то не увидим ли мы здесь своеобразный сплав искусства, связанного с традициями, и искусства, рвущегося за их пределы?

Ведь здесь: А) интересы социума, а точнее его ведущих структур, довлеют над личными изысками индивида, художника, который подчас и безо всякого внешнего принуждения готов не только отдать «атакующему классу» «всю свою звонкую силу поэта», но и, если потребуется – наступить «на горло собственной песне.» (Сравните с шолоховским, прозвучавшим в разговоре о «партийности литературы»: «Мы пишем по велению собственного сердца, а сердца наши отданы партии.»)

Веление же сердца, гражданский долг в соответствующем его понимании может при этом определять не только художественный язык, но и выбор темы. «Голосует сердце. Я писать обязан по мандату долга» - воскликнул некогда Маяковский, приступая к своей поэме о Ленине.

(Художественный аспект подобного восприятия Должного – предмет особого разговора. Вполне понятно, что в результате появилось немало таких лауреатов престижных премий, чьи «шедевры» сейчас просто невозможно читать. Но ведь и классицизм перерастал в академизм. И еще большой вопрос, будут ли кому-либо интересны лет так через двадцать иные ультрамодные вещицы дней нынешних).

То же и в собственно «традиционном искусстве», игравшем на протяжении тысячелетий прежде всего служебную роль в смысле Служения, а не прислуживания. (Хотя – человек слаб. Не обходилось и без этого.) Не отсюда ли, не из этой ли толщи

веков вырастает и знаменитое, но еще отнюдь не «социалистическое»: «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»?

То есть от прежнего искусства «революционный» соцреализм наследует сами принципы иерархизации ценностей и целей. (Здесь уместно вспомнить о выступлении М.Горького на 1-м съезде советских писателей в 1934 году.)

Отсюда вытекает и Б): Цель «дать человеку власть над великими силами.» Но не в том прежнем, буквально повторенном виде, а, образно говоря, в сублимированной, «снятой» форме, когда эстетическое сознание, пестующее такое искусство, сосредотачивается на человеческом, но Надличностном и настраивается на преклонение перед Мощью, сопричастность с которой может испытывать каждый член Данной Системы, данного сообщества: «Я счастлив, что я этой силы частица, что общие даже слезы из глаз».

Подобные сопоставления могли бы показаться натянутыми, если бы мы по привычке сосредотачивались на изолированном рассмотрении таких социокультурных феноменов, как религия, искусство и т.д. Однако взгляд на них, как на взаимосплетенные элементы целостных социокультурных комплексов, неотделимых от социальных макрокомплексов в целом, позволяет гораздо шире посмотреть и на «советский коммунизм», либо иные черточки советского общества. Посмотреть, как на струи в потоках несравненно более широких в пространственно-временном отношении, явлений, целостный и незаидеологизированный анализ которых еще далеко не завершен. И, хотя абсолютно полный их анализ очевидно невозможен, однако тем не менее сама жизнь побуждает к максимально полному при наших возможностях и как можно более беспристрастному их охвату.

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1983, с.585.

2. Роулэнд Б. Искусство Запада и Востока. – М., 1958, с.7-8.

ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА, ДАЛЕКОГО ОТ ПОЛИТИКИ

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА В СВЕТЕ РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИИ

Катастрофически быстрый и повлекший за собой неисчислимые жертвы распад Союза будет ещё ее временем темой множества дискуссионных работ, включая и те, что не уместятся в прокрустово ложе сиюминутности и конъюнктуры. Однако уже сейчас высвечивается целый ряд проблем, требующих хотя бы эскизной обрисовки.

Среди них - одна, из самых острых и деликатных и в то же время самых неотложных - это этнографическая грань коллизий, оказавшихся пагубными для великой страны. Иными словами, это - проблема национально-культурных особенностей различных этносов, сосуществовавших и сплошь и рядом тесно сплетавшихся на гигантском советском пространстве.

На протяжении десятилетий нас убеждали, что в Советском Союзе сложилась новая историческая общность - советский народ. В постсоветское время данное утверждение стало объектом многочисленных и, казалось бы, «очевидных» опровержений, да и насмешек. Хотя, как представляется подлинный поиск истины (а не его имитация) не нуждается ни в апологетике, ни в ёрничестве, ни в высокомерно-снисходительной «беспристрастности», когда, как во вроде бы объективной и сравнительно сдержанной телепередаче «Намедни», «русских» где-нибудь в Эстонии 1989 г. походя, словно ненароком, величают «пятой колонной».

Но проблема-то реальна, серьёзна, и понимание её отнюдь не лежит на поверхности. Поэтому, ничуть не претендуя на всеобъемлемость и абсолютность подмеченного, хотел бы, тем не менее, обратить внимание на некоторые, существенные с моей точки зрения, моменты.

1) Советский народ - это совершенно реальный, а вовсе не надуманный «коммунистической пропагандой» феномен, корни которого уходят далеко в глубь веков. Такой же реальный, как, скажем, американский народ, или турецкий.

И думается, что беспристрастная социальная психология, смогла бы при желании уже в ближайшем будущем высветить сегодняшним светом «типичные черты» именно советского человека. Черты, сформировавшиеся у значительной части представителей самых различных национально-этнических групп. Не говоря уже о постоянном смешении носителей конкретных национальных черт, когда, по некоторым данным, только в канун распада великой державы в ней проживало 16 - 17 млн. людей, вступивших в межнациональные браки.

Естественно, что на протяжении столетий наиболее энергично вбирал в себя носителей самой различной крови именно русский народ. Ведь волею истории он оказался ведущей этнической силой, образовавшей гигантскую Российскую империю. Особенно же активными в этом процессе абсорбации или впитывания были два сословия, а по существу, - субэтноты со своей особой культурой, а в чём-то со своим языком и даже ее своими антропологическими особенностями. Это - дворянство и казачество.

Тут уместно вспомнить, что ещё Иван Грозный гордился полиэтничностью русской элиты, о чем красноречиво свидетельствует его письмо шведскому королю: «Наши бояре и наместники, - писал он, - известных прирождённых великих государей дети и внучата, а также ордынских царей дети, а иные польской короны и великого княжества литовского братья, а иные княжества тверского, рязанского, суздальского и иных великих государств прироженцы и внучата, а не простые люди».¹

Да и после Ивана влияние собственно нерусской крови в русское дворянство продолжалось очень интенсивно. (Особенно активно и целенаправленно вливалась так называемая «немедкая» кровь).

И этот процесс дал блистательные результаты, как в собственно военной сфере, для коей были предназначено дворянство, так и в области культуры.²

То же самое можно сказать и о казачестве. Только этнические элементы, вбравшиеся этим субэтнотом, расселявшимся первоначально в основном в пограничных и «прифронтовых» землях государства Российского, были, пожалуй, по своему составу иными, без обильной западноевропейской крови. Показательно, что по ряду данных, вплоть до XVI века даже казачьи имена были в значительной мере тюркскими. О таких же словах, как «атаман» и т.д. и говорить не приходится.

Но, если казачество - это совершенно особый феномен мировой культуры, а образ казака по своему глубинному потенциалу куда богаче, колоритнее и психологически интереснее, чем выхваченный из кинопотока, какой-нибудь покоритель американского «Дикого Запада», то полиэтничное русское дворянство, в то же время значительно отличающееся и по крови, и по культуре от основной массы населения, явление гораздо более типичное.

Так в образцово-демократической Великобритании ведущим слоем дворянства довольно заметный период в истории были норманны; и ещё в романах Вальтера Скотта мы ощущаем явную антипатию к этим пришлым и надменным воителям. Антипатию, чем-то напоминающую пренебрежение грибоедовского Чацкого к «Французику из Бордо», который, выпячивая грудь, пыжится показать свою значительность российским поклонникам иноземщины.

Но особенно любопытно и поразительно сопоставление российского дворянства с элитой Османской империи. Все мы знаем о янычарах, набиравшихся в основном из детей, похищенных у христиан, а значит не турок по крови. Они являли собой отборные силы турецкой армии. Однако янычарами дело не ограничивалось. «Оттоманские падишахи, - отмечает крупнейший английский историософ нашего века А. Тойнби, - управляли империей с помощью обученных рабов, и это стало залогом продолжительности их правления и мощи режима»³.

Абстрагировавшись от существенных различий у российской и турецкой элиты, обратим здесь только внимание на то, что и тут, и там направленно культивировалась её полиэтничность.

Смешанным по крови (даже, если не считать уже упомянутого и в немалой мере специально приглашавшегося западноевропейского элемента) было и российское русское крестьянство. И было бы большим упрощением расценивать эти процессы смешения кровей и этнокультурных потоков, лишь как следствие лубочно обрисованной «колонизации» и «русификации». Подобные процессы разворачивались в самых различных частях земного шара и в самые разные эпохи. Причём, чем выше была их интенсивность, тем большие препятствия сметались с пути развития отдельных индивидов и целых этнических групп. Ибо обратный феномен - формирование каст⁴, апартеид... имел во многих отношениях для реальных живых людей, а не идеализированных носителей «национального духа» куда более печальные последствия (хотя и мог

на каком-то этапе давать для каких-то групп вполне осязаемые и привлекательные результаты).

Как же повлияли на этносоциальные процессы, развернувшиеся на шестой части суши революции, (сейчас, об этом говорят, как об одной революции), гражданская война, а затем и социалистические преобразования?

Вопросы эти очень сложны, многоплановы, а ответы на них не однозначны.

Поэтому здесь мы коснёмся лишь нескольких моментов, требующих дальнейшего развёрнутого анализа, который бы учитывал не только внутренние, но и общемировые социокультурные процессы.

Отталкиваясь от положения о том, что царская Россия была «тюрьмой народов» большевики почти сразу же после своего прихода к власти приняли «Декларацию прав народов России», отменявшую соответственно всяческие национальные и религиозные ограничения. Но, сегодня, из-за пропагандистского антикоммунистического шума, совершенно недооценивается то, что очень непростые, а в ряде существенных моментов и противоречивые этнокультурные процессы не были следствием какой-то мифической «единой линии партии», а протекали довольно-таки по-разному на различных этапах советской истории. Хотя и уходили своими корнями в предреволюционное время и первую мировую войну, которая с предшествующими ей русско-японской и балканскими войнами, пожалуй, положила, начало трагедии славянства в целом и русского народа, в частности.

Думается, что из всех событий XX века, какими бы броскими они не представляли перед взором, самый фундаментальный и значительный феномен уходящего столетия - именно эта трагедия. Ведь ещё к началу века предполагалось, что за столетие население России, в котором преобладали собственно славяне и те, кто себя с ними идентифицировал, достигнет 600 млн. человек. Таким образом народонаселение России было бы сопоставимо по своей численности с нынешним народонаселением крупнейших стран мира.

Однако уже ко времени кануна распада Союза относительная численность русских резко уменьшилась, что уже само по себе не могло не породить определённые центробежные тенденции и целый спектр взаимосвязанных с ними явлений, ко-

торые отнюдь не всегда сводятся к собственно центробежным.

Сложилось так, что, «если до революции мусульманское население России (а это была вся территория СССР плюс Польша и Финляндия) насчитывало едва 10-20%, то накануне распада Советского Союза народы, традиционной религией которых является ислам... составили уже половину населения страны».⁵

Можно, конечно, было бы отмахнуться от имени, ставшего одиозным, или подвергнуть сомнению приведённые цифры, что никому и не возбраняется. Но, пожалуй, было бы уместно сопоставить их с вполне официальными этнографическими данными, взятыми из «Демографического энциклопедического словаря.» (М.: Советская энциклопедия, 1985):

Возьмём Казахстан. Поначалу здесь процент казахского населения трагически резко сократился. Но затем стал стабильно возрастать. Так, по переписи 1897 года здесь проживало 4,3 млн. человек, четыре пятых их которых составляли казахи. А вот в 1959 году казахов здесь было уже только 30% или 2 млн. 787 тысяч. Тогда как русских - 42,7% или около 4-х млн. Немцев - 659 тысяч. Украинцев - 761 тысяча или 8,2 %. Заметны были также диаспоры татар, корейцев и узбеков.

В 1970 году казахов здесь в силу естественного прироста уже 4 234 тыс. или 32,6%. Русских всё ещё 42,4%. Но относительный прирост их даже с учётом миграции заметно ниже. Их всего здесь 4 млн. 522 тысячи. Украинцев к этому времени - 933 тыс. или на один процент меньше, чем в 1959. Процентное отношение немцев тоже уменьшилось с 7,1% до 6,6%: татар - осталось почти на том же самом уровне. Узбеков в процентном отношении стало немного больше, а вот корейцев примерно на столько же меньше.

В 1979 году казахов уже 5 289 млн. Это 36%. Заметьте: при, казалось бы, медленном процентном приросте, наблюдается очень существенный абсолютный прирост - за девять лет больше, чем на миллион человек! Русских в 1979 г. - 5 991 тыс. или 40,8% . Немцев 900 тыс. или 7,1%, украинцев - 898 тыс. или 6,1%. Татар, корейцев и узбеков в процентном отношении почти столько же.

Перейдём к Узбекистану. В 1913 году здесь проживало 4 млн. 334 тыс. узбеков. В 1984 - 17 498 тыс.

Таджиков в 1865 г. было 686 тыс. В 1913 г. - 1034 тыс. Среднегодовой темп прироста - чуть больше процента. Сравните

теперь с картиной, разворачивающейся с конца 50-х по конец 70-х: в 1959 г. таджиков - 1 млн. 052 тыс. В 1970 - 1 млн. 630 тыс. В 1979 - больше 2-х млн. 200 тысяч. То есть, меньше чем за двадцать лет число таджиков выросло в два с лишним раза.

Туркмен в 1959 г. около 924 тыс. В 1979 - около 1 млн. 900 тыс. Рост в два с лишним раза.

За это же время число украинцев на Украине увеличилось с 32 158 тыс. до 36 489 тыс. А русских в России - с 97 863 тыс. до 113 522 тыс.

Эстонцев, к примеру, в 1959 г. было в Эстонии 892 тыс. или примерно 74 %. Тогда как русских там же было 240 тыс. или 20,1%. В 1979 г. эстонцев в Эстонии около 948 тыс. Тогда как русских - 408,8 тыс. или уже почти 28%. Латышей в Латвии было в 1959 г. 62%, а в 1979 - 53,7%. Процент же русских здесь вырос соответственно с 26,6 до 32,8. (Мы видим, что рост доли русских в этих республиках Прибалтики в значительной мере не имеет никакого отношения к «сталинской оккупации», а связан с иными причинами).

Итак, мы видим, что в целом тенденция очевидна. Таким образом, первый момент колоссальных этнодемографических, а значит и подспудно и религиозных изменений (ибо изменилось соотношение возможных носителей тех или иных форм религиозного сознания) заключается в резком увеличении традиционно мусульманской части населения страны.

К этому следует добавить второй момент: то, что в мусульманских регионах последовательная атеизация разворачивалась куда медленнее. (Если о ней, как о последовательной атеизации можно вообще говорить без целого ряда оговорок). А традиционные элементы культуры сохранялись в куда большей мере, чем в немусульманской среде. То есть реальный вес ислама, а в ещё большей мере, связанного с ним традиционного (пусть и не целостного) мировоззрения и быта оказался ещё выше, чем удельный вес населения так называемой мусульманской части Союза.

Третий фактор - могучий социально-экономический подъём Советского Востока, неоспоримый, несмотря на всю противоречивость связанных с ним процессов. Так, например, в 1933-1937 годах капиталовложения в развитие Узбекистана, на 2/3 состояли из общесоюзных средств. В результате такой политики промышленное производство в Узбекистане с 1924 по 1981

выросло в 415 раз. Сельскохозяйственное производство выросло в гораздо меньшей степени. Но тоже в 12 раз. В Киргизии за тот же период объём промышленного производства увеличился в 690 раз, а сельскохозяйственного - в 10,4 раза. В Казахстане соответственно - в 902 раза и в 12,6 раз.⁶ Причём, в том же Казахстане практически все индустриальные центры и масса сельскохозяйственных созданы специально направлявшимся туда русскоязычным (не значит «русским») населением.

Четвёртый, очень важный момент: именно в мусульманских, азиатских и кавказских регионах (а также Закавказье) и среди представителей диаспор, связанных своими корнями с мусульманской культурой, в годы Советской власти наблюдался особенно интенсивный рост «национальной интеллигенции», включающей, как специалистов и людей с достаточно широкими взглядами на мир, так и лиц, «обретавших дипломы» (любыми путями и средствами).

Так в начале века более 96 % населения Средней Азии было неграмотным. И хотя сегодня точность этой и подобных цифр оспаривается, поскольку, как говорится, они не включают знавших арабскую графику, однако очевидно, что кардинальным образом картина из-за этого не меняется. Скорость же роста людей грамотных была так низка, что журнал «Вестник воспитания» вздыхал в 1906 году: При таких темпах всеобщая грамотность в Средней Азии окажется достигнутой лишь через 4600 лет!⁷

Но уже через 60 лет после революционных потрясений очень многое заметно изменилось. Причем изменения эти происходили гораздо быстрее, чем по стране в целом. Показательно, что, если на 1 тыс. занятых в народном хозяйстве СССР к началу 80-х высшее и среднее образование имело 833 человека. «...то в Казахской ССР - 836, в Туркменской - 852, в Азербайджанской ССР - 856, в Узбекской ССР - 875».

В уже упомянутом сборнике «Аргументы» за 1983 г. писалось: «Республики Советского Востока, где проживает основа мусульман, по числу студентов на 10 тыс. населения значительно опередили не только соседние страны, но и многие наиболее развитые государства Запада. В настоящее время число студентов на 10 тыс. жителей в Узбекистане, Казахстане, Азербайджане, Таджикистане, Киргизии, Туркмении в 1,5 - 2 раза выше, чем в Англии, ФРГ, Италии, в 3-4 раза выше, чем в Иране, Турции, Пакистане.»⁸

Можно сколько угодно иронизировать над такого рода сравнениями, модными ещё в недавнем прошлом. Можно подвергать сомнению истинную глубину такого образования и отыскать немало фактов, подтверждающих эти сомнения. Но в данном случае важны не фундаментальность и качество самого образования, а то, что в XX веке на территории СССР была взращена целая гроздь национальных элит.

В чём же отличие новых элит от прежней? - Не в «крови», как таковой, а в специфике ситуации. Прежде и русское дворянство, и казачество⁹ были своего рода тиглями, в которых смешивались и сливались самые различные по своему этническому происхождению человеческие ручейки. И при всей неоднозначности процесса, и православная церковь, равно, как и «русификация», играли немалую роль в создании такого целостного сплава или, выражаясь иначе, такой мощной этнической общности, как русский народ в самом широком смысле этого слова. (Отсюда и воспринимающееся, как вполне органичное, тургеневское выражение «русский немец» из его рассказа «Бретёр»).

Новая же элита, а точнее: элиты, будучи советскими, временно оказались и национальными. Причём их «национальность» неизменно подчёркивалась, даже, несмотря на реальное смешение кровей.

Иными словами, за годы Советской власти были взращены национальные элиты, которые не могли не потребовать большего участия во власти и большей доли богатств. (Причём совершенно независимо от реального трудового вклада их представителей). А значит, к середине 80-х, или времени так называемой «перестройки» был накоплен огромный горючий и взрывоопасный материал:

Резко возросший демографический¹⁰, социально-экономический и культурный потенциал (даже при всей его нередкой показушности) мусульманских районов не мог не повлиять на развитие страны в целом. Хотя, возможно, это совсем не означает, что, переживаемый нами, ход событий был фатально предрешён.

Но что же обусловило такие изменения?

Первый фактор. Прямой удар по генофонду, нанесённый сначала русско-японской, затем первой мировой и последовавшей за нею гражданской войной. Так, в русско-японской потере России составили до 270 тысяч человек, из которых более

50 тысяч погибло.¹¹ В первую же мировую, по данным «Истории СССР» в XII томах, «русская армия потеряла около 4-х млн. солдат и 77 тысяч офицеров убитыми и ранеными, 2,3 млн. - пропали без вести. От болезней умерло 111 тысяч человек и было освобождено от службы по болезни около 1 млн. человек». ¹² Гражданская же с учётом голода и болезней стоила ещё больших жертв. Но в разговоре о потерях генофонда она стоит несколько особо.

Дело в том, что две первые войны (равно, как и русско-турецкая конца семидесятых предшествующего столетия) нанесли мощный удар, прежде всего по генофонду русского дворянства и русского народа в целом. То есть многие молодые крепкие мужчины не могли дать потомства, либо, уже дав его, помочь своим детям стать на ноги.

Здесь была бы очень любопытна статистика и, касающаяся национального состава русской армии и тех, кто особенно пострадал в боях. Но и, исходя из достаточно известной картины, можно сделать выводы, что несопоставимо высокая доля потерь постоянно ложилась именно на плечи русского дворянства и русского народа. Были, конечно, в своё время «конные инородцы», замеченные ещё в боевых действиях предшествующего века, но при этом ряд народов Востока, как, например, казахи, вообще освобождался от воинской службы. И, как бы сегодня не расценивали историки республик бывшего Советского Востока этот факт, уместно предположить, что тем самым в немалой мере сохранялся и генофонд таких народов: ведь они по сути освобождались от «налога кровью», уносившего жизни самых молодых и жизнеспособных мужчин.

Правда, пламя гражданской охватило уже все народы. Но и здесь, пожалуй, было бы большим упрощением оценивать действия красных на Востоке Советской России, как колонизаторские, что, к примеру, можно было услышать при демонстрации телепередач, посвященных фильму «Белое солнце пустыни.» В реальности, думается, басмачество было лишь эпизодом, мазком в картине буйной, братоубийственной войны, никак не сводимом к колонизаторству в привычном его понимании. Ибо иначе, как, например, объяснить стотысячное движение антоновцев на Тамбовщине, бунты в Сибири и на Украине и т.д.?¹³

Быть может, тут скорее действуют «организованный пролетариат» и те, кто его вёл на ожесточённую схватку с многоликой

стихий деревни, не желавшей безропотно уступать?¹⁴

Двигаясь дальше, мы увидим, что наибольшие потери славянские народы понесли и в годы второй мировой войны, прокатившейся по гигантской части европейских территорий Советского Союза.

Второй фактор. Прямой удар по генофонду, нанесённый коллизиями и масштабными социальными преобразованиями (связанными по сути со следующим актом всё той же драматической схватки) и прежде всего с «издержками» коллективизации, а в Казахстане и со сплетёнными со всем этим процессом ускоренного, силового перевода кочевников к оседлому образу жизни. Тут подсчитать точно человеческие потери, вероятно, просто невозможно. Так, упоминают о 5-7 млн., погибших от голода на Украине и 1-2-х миллионах - в Казахстане.

Думается, что в подобных, как и во многих прочих подсчётах, касающихся, скажем, общего числа жертв репрессий и т.д. немало цифр, взятых «с потолка». Чаще перед нами лишь косвенные данные. Так, по данным первой переписи 1926 года на территории Казахстана (Казахской АССР) проживало 3 млн. 628 тысяч коренного населения. По переписи же 1939 г. отмечена убыль в 1 млн. 321 тысячу человек.¹⁵ Исследователи оперируют и иными цифрами. Хотя, видимо, надо учесть, что убыль населения была связана не только со смертями от голода и болезней, но и с вынужденной миграцией. Однако, так или иначе, а жертвы в ходе преобразований были очень велики. (И их было бы бесполезно сопоставить с числом жертв нынешних преобразований).

Но тут уместно отметить, что эти процессы не были узконациональны,¹⁶ и, пусть в разной степени, но затрагивали разные этносы, представляя собой, по сути, развёрнутое наступление унифицирующего Города на, живущие «стихийной» жизнью Села и Кочевья. Те есть удар по Селу и Кочевью и всему традиционному образу жизни и традиционной культуре с укоренившимися в них религиозными элементами в ряде своих моментов, пожалуй, напоминал те аспекты охоты на ведьм, (известные и в Новое время), когда новая жёстко организованная «Рациональная Система» Социальных Отношений наносила удар по другой Системе, выросшей на традиции.¹⁷

Думается, что такие аналогии не случайны. Ведь и в конце Средневековья пёстрый, иррациональный мир сословий, социальных групп и т.д. с их причудливыми иерархическими связя-

ми и звеньями стал сменяться сравнительно единообразным, рационализированным буржуазным миром. Миром машин и конкретного расчёта, заменяющего наблюдательность и интуицию крестьянина, вырастающую из опыта столетий.

А период самоутверждения нового, период ломки всегда нелёгок. Можно предположить, что народная, и, прежде всего деревенская культура безжалостно атаквалась и потому, что она менее всего укладывалась в какую-либо, накладываемую извне, жёсткую Систему, как в плане Организационном, так и в плане Мировоззренческом. По своей сути эта культура - в огромнейшей мере стихия, питающая Организованный Капитализм, но и противостоящая ему. (Так же, как и строго организованной и по-своему жёстко «рационализированной» Церкви, а точнее Церквям, опирающимся на относительно стройные системы догм, положений и действий...)

Как мы уже заметили, подобный же натиск на деревню явилось шествие коллективизации и индустриализации. Оно развивалось под иными знамёнами. Разящий меч был облачён уже в иные ножны, и крушил религию в целом, и христианство, «суеверия», в частности, как когда-то «ведьм» и «колдунов».

На первый взгляд сокрушение деревни и «религии» было ничем не оправданной жестокостью. Но оно соответствовало самой логике развития Системы и определённом понимании Научности и Рациональности. Вновь унифицирующее, нивелирующее начало (но в гораздо больших масштабах, чем прежде) наносило удар по стихии, всегда таящей в себе нечто непрогнозируемое, нецентрализованное, а значит и недостаточно управляемое и подчиняемое. Здесь «рациональность» и «научность» превращались в приводные ремни соподчинения, причём жёстко последовательного: у низших звеньев Системы - высшим. И в то же время в определённых отношениях была продолжена эстафета культа Разума, факел которого, зажжённый Возрождением, поднял на невиданную прежде, надчеловеческую высоту XIX век. Век, произнёсший, как казалось, окончательный приговор всяческим «суевериям» и «детским» увлечениям прошлого...

Таким образом, корни отмеченного явления оказываются глубже плакатной советскости и «издержек культа». Но последуем дальше...

Этот, второй удар по генофонду, как бы ни был он страшен, тем не менее, возможно, не перевешивает первый, если задум-

маться о судьбах собственно славянского населения, попавшего под каток второй мировой и несшего потери не только на фронтах, но и от бомбёжек, в подполье и партизанских отрядах, а также во время карательных операций фашистов, бивших и по мирному населению... Волею же истории восточные народы страны оказались вне этого катка...

Третью группу косвенных, но существенных ударов по генфонду, и соответственно - по носителям традиционных для российского славянства, форм религиозности нанесли, в числе прочих, следующие социально-демографические факторы:

а) Урбанизация и индустриализация, наиболее активно разворачивавшиеся либо в регионах с основным славянским или интернационализирующимся населением, либо за счёт целенаправленно концентрировавшихся в Сибири, Средней Азии и Казахстане на стройках века и т.д. представителей европейских национальностей и, опять-таки, прежде всего славянства.

Но, как хорошо известно, урбанизация и индустриализация, особенно в условиях, культивировавших женщину-труженика и товарища, накладывает ощутимые ограничения на темпы прироста народонаселения. Это банальность. Однако представляется, что до сих пор ещё недостаточно осмыслена этническая вариабельность таких процессов и её воздействие на судьбы страны. Ведь фактически основная тяжесть индустриализации легла на плечи европеизированной и в немалой мере экс-христианской части населения СССР. К тому же, традиционно мусульманская (или экс-мусульманская) часть, даже оседающая в городах, вступая в партию и т.д., сохраняла большую связь с традициями. Здесь в большей степени сохранился образ Женщины-Матери, Жены и Домохозяйки, которая и, выкладываясь на хлопке, продолжала быть в первую очередь женщиной, а не коллегой, товарищем по работе...

б) Изменению этнодемографической ситуации способствовало и поощрение государством не оптимальных, а как можно больших семей, введение ордена «мать-героиня», различного рода льгот многосемейным. В сложившихся в СССР условиях такая политика способствовала росту, прежде всего неславянской и менее урбанизированной части населения вообще. (Можно было бы даже сказать: менее европеизированной).

Почему?

Потому что в) Российская деревня оказалась особенно ослаб-

ленной. Точнее даже, ослаблявшейся неоднократно. Поэтому реально использовать льготы могли, прежде всего, в районах страны с традиционно мусульманской культурой.

Кроме того г) Самозабвенная «борьба с религией» оказалась наиболее эффективной в христианских регионах. Целый ряд исконно российских течений, преследовавшихся ещё со времён царизма, (духоборы, молокане) и т.д. оказался почти сведённым на нет. Особенно с тех лихих времён кавалерийских атак на «религиозные суеверия», когда стали разоблачать и ликвидировать «сектантские колхозы» и т.д.

В результате возникла парадоксальная и довольно грустная ситуация: на обочину новейшей истории страны, а то и за её пределы, сметался целый слой европейского трудолюбивого населения, настроенного на рождение и воспитание максимально возможного числа детей, или, выражаясь их собственным языком, готовностью иметь столько, сколько Бог послал.» (И тут уже не важно, сметались ли «исконно русские, либо импортированные, такие, как баптизм и др.).

Таким образом, с одной стороны, такая борьба оказывала давление на активную репродуктивную часть населения, с другой же, поскольку «свято место пусто не бывает», парадоксальным путём готовилась почва для зёрен новых в стране заморских сект и т.д.

Более того, д) Доступ к образованию, в «творческие союзы» и даже в «палату национальностей» был куда белее лёгким именно для «малых народов». Русским в ряде случаев становилось быть и не очень выгодно. Причём, по узко практическим соображениям... С распадом страны эта тенденция ещё усугубилась. Ибо этносы с развитыми родственными и иными связями оказались гораздо более жизнеспособными, чем русский народ, в условиях катастрофического самоустранения государства от прямого решения целого ряда вопросов. Потому что русские оказались в числе наиболее европеизированных и, соответственно, разобщённых. А всячески восхваляемое ныне атомизированное общество «западного типа» может сносно существовать лишь при мощном государстве.

К какому же, пусть и предварительному, заключению можно прийти?

Прежде всего, к тому, что страна, оказалась в очень своеобразном положении: те, кто считался более отсталыми, либо про-

сто маргиналами, явились более сплочёнными и лучше приспособленными к нынешним коллизиям.

Поэтому, быть может, как бы ни были заманчивы песнопения о демократии и свободе, за горизонтами настоящего, маячат либо мощное государство, либо пропасть небытия. И вопрос не в том, хотим ли мы диктатуры или нет, а в том для кого и какой она будет, если Россия не рухнет.

А понимание этого в немалой мере зависит от нашей способности смотреть правде в глаза, и просчитывать целый комплекс движений и процессов, напрямую связанных с этнокультурными и религиозными факторами.

Более того, недавний опыт показывает, что сложившаяся к началу 90-х ситуация, вероятно, требовала усиления тюркского элемента в органах центральной власти СССР, а также особого внимания к тюркскому культурному наследию. Крайнее же западничество поистине оказалось западней; и сегодня, в условиях существования независимых государств именно народы бывшего Советского Востока при разумном подходе могли бы стать одной из важнейших слагаемых реальных интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

(Около середины 90-х)

¹ Цит. по: Нестеров Ф. Связь времён. - М., 1984, с.105.

² Тут можно было бы заметить и о «немецком элементе» в истории российского земледелия, следствием чего явилась и болезненная проблема «немцев Поволжья». Выезд этих трудолюбивейших людей за пределы нашей прежней общей Родины колоссальный удар по экономике и генофонду.

³ Тойнби А. Постижение истории. - М., 1991, - с.189.

⁴ Касты отражали и закрепляли, как функциональное разделение труда, так и связь этого деления с господством тех или иных расовоэтнических групп, как, например, арии (в основном, хотя и не всегда кшатрии и брахма-

ны в Индии, - арии). Показательно, что чандалы - самые отверженные из париев Индии, которые считались незаконными детьми брахманки и мужчины из низших слоев общества, по ряду исследований отличались от других групп населения даже антропологически, то есть на деле являли собой своеобразный субэтнос.

⁵ Жириновский В. Давиденко В. Геноцид. Запад уничтожает русский народ. - М., 1997, с.8.

⁶ Аргументы. - 1983, с.53 -54.

⁷ Аргументы. - М., 1983, с.53.

⁸ Там же, с.54.

⁹ Вспомним показательный эпизод из фильма «Ермак», где казачий атаман, глядя на малыша, рождённого в семье казака и остячки, говорит: «Казак-ом будет!» Мать же поправляет: «Остяк он. Остяк он, а не казак». На что Тимофеич говорит, как само собой разумеющееся: «Ну, значит остяцкий казак будет.» - То есть казачество выше национально-племенного деления. Потому-то (уже в не в кино) и бежали в казаки, чтобы быть равными и едиными, вопреки всем прежним различиям.

¹⁰ Здесь важен и такой момент: ускоренный рост тюркско-мусульманского населения (и т.д.), при сохранившихся межличностных отношениях означал не просто изменения в процентах, а несоизмеримую силу определенных родственных групп: росли не просто этносы, а кланы, представителей которых, в силу традиции, следовало обязательно «пристроить « соответствующим образом».

¹¹ История СССР с древнейших времён до наших дней. Т.VI... с.118

¹² Там же, с.561.

¹³ Гуль Роман. Красные маршалы. - М., 1990, с.123.

¹⁴ Напомним, что по I-й Советской конст. на Всероссийские съезды Советов выбирали I-го депутата от 25 тыс. рабочих и 125 тыс. крестьян. «Кроме того, гор. Советы посылали своих деп. на все съезды Советов непосредственно, вплоть до Всероссийских.» Пособие по ист. СССР для поступающих в вузы. - МГУ, 1974, с.311.

¹⁵ Козыбаев М.К., Абылхожин Ж.Б., Алдажуманов К.С. Трагедия крестьянства. - Алма-Ата, 1992, с.28.

¹⁶ Так, в один только Казахстан в начале 30-х (1930-31-й) с Нижней и Средней Волги, из Центральной Черноземной области и Нижегородского края, Московской области, Средней Азии и Закавказья» было выселено 180 015 человек или 46 091 семья.» В самом Казахстане за пределы своих округов проживания было отправлено в «кулацкую ссылку» 6 765 человек, из семей, главы которых этапировались ещё дальше, вплоть до Колымы. Всего же, на конец 1938 г. в лагерях находилось» 1317195 человек, а в колониях - 350 538.» (Козыбаев... с.11, 10).

¹⁷ Сопоставление сталинских репрессий и охоты на ведьм современный читатель может встретить и в известном романе Г.Климова «Князь мира сего». Но там всё это рассматривается с точки зрения психопатологии... самих репрессируемых. Здесь взгляд с иной стороны, который был впервые отражён в печати в раб. Бондаренко Ю. «Колдовство на весах истории.» (Кустанай, Куст. гос. ун-т, 1993.)

БЕГЛЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ «АГЕНТАХ ВЛИЯНИЯ», РАСПАДЕ СОЮЗА И... ЭКСТРАВАГАНТНОСТЯХ МИРОВОЙ ИСТОРИИ

(Глазами человека, далёкого от политики)

Распад нашей, ещё недавно общей Родины - гигантской страны, государства, обладавшего мощнейшим аппаратом насилия, причём, казалось бы, в довольно-таки мирное время, породил массу вопросов, иные из которых звучат как риторические. Например, вопросы такого рода: Неужели же такая огромная, такая в целом ряде отношений «зацентрализованная» страна (или, если хотите - империя) могла рухнуть сама собой, без активного, а то и решающего воздействия извне?

Вопросы эти дискутировались не раз - и на самом «массовом» уровне - вплоть до «Пресс-клуба» и т.д. При этом сами дискуссии нередко обретали шаржированный вид, напоминая скорее пародии, чем серьёзные обсуждения. С другой стороны, можно встретить и немало чётких, обдуманных позиций, суждений по-своему логически стройных. Характерный образец - размышления известного автора Роя Медведева, прозвучавшие в одном из его интервью. Логика этих суждений настолько показательна, что, как мне показалось, на них стоит задержаться.

Согласно Медведеву, все разговоры о планах ослабления социализма, операциях западных спецслужб было бы уместно сопоставить с размышлениями о встречах операциях со стороны спецслужб советских. Ведь в СССР «оказывали поддержку» самым разнообразным «антиимпериалистическим» силам и лицам, и «масштабы этой поддержки намного превосходили масштабы возможностей американского влияния на советское общество, и, если бы события в мире определялись этими «агентами влияния», то именно Запад должен был потерпеть поражение в политическом и идеологическом противоборстве второй половины XX века». Хотя, конечно, и Запад, и Америка, помогли распаду Союза, но, тем не менее, не они «уничтожили СССР». (Рой Медведев: «Бывшие республики СССР будут интегрироваться, но не обязательно в составе СНГ». (Беседу вёл Евг. Шибаршин) - «Костанай», - 6. II. 1997, с.3).

Я, как и Рой Медведев, да и не только он, не хотел бы сводить всё лишь к проблемам «агентов влияния.» Да и занимаюсь-то в меру сил религиоведением, культурологией и филосо-

фией, историей, а не политикой. Но что, если попробовать взглянуть на проблему с иной стороны, далеко уходящей за сферы политики как таковой?

Давайте, абстрагировавшись от партийных, клановых и прочих «интересов», попробуем порассуждать так: а что могут представлять из себя эти, так называемые «влияния»? Ведь «влияния» на «противника» никогда не бывают абстрактными, и значимость их воздействие определяется не только затраченными усилиями и капиталом, а и законами, далеко ещё не до конца нами познанными. Условно их можно было бы назвать законами функционирования развития и взаимодействия сложных систем. Советский Союз был своего рода образцом строго организованной, централизованной (хотя и с массой прорех)¹ социальной системы. Принципы функционирования самых разнородных элементов этой системы в огромной мере определялись центром. То же самое мы видим и в человеческом организме, в сложнейших машинах, кибернетических системах и многом ином.

Что из этого следует? То, что человека, к примеру, можно измолотить так, что живого места не останется, и при этом изрядно попотеть, а глядишь - день-другой - и он опять на ногах. Так же и самолёт, выходящий из боя, может быть изрешечен. Но нередко лётчик дотягивает такую машину до аэродрома. Как в старой американской песне!

«Бак пробит,
Хвост горит,
Но машина летит
На честном слове
и на одном крыле».

И наоборот - «девять граммов в сердце» (или в голову) - «постой, не зови...» Либо и того не надо - ничтожная по массе кроха химического соединения, наркотика и т.д., удар по психике или касание определённой точки тела - и функции организма настолько разбалансированы, что последний выведен из строя, а то и обречён на гибель. Так и в машине - обрежь какой-то тончайший проводок, измени состав горючего ..., а в компьютер вложи соответствующую программу, либо внеси компьютерный вирус - всё вроде бы цело, а техника - что пьяный или слепой гигант.

Ведь и Чернобыльская катастрофа - результат действия ничтожных в чисто материальном плане факторов: что такое какие-то краткосрочные неточные (или непозволительные) ма-

нипуляции со стержнями в сравнении со всей машиной АЭС, предназначенной для долгих лет работы?

К чему я? Да к тому детскому выводу, что, чем сложнее и, главное, целостнее система, тем с меньшей затратой материальных сил можно её разбалансировать, а то и полностью вывести из строя. Ведь, говоря языком И.А.Ефремова, существование любой такой системы - это постоянное движение по острию бритвы. (Возьмите огромные мегаполисы, чью жизнь легко превратить в кошмар, уничтожив, либо дезорганизовав энерго- и водоснабжение и т.д.).

В этом свете совсем иначе, чем по учебникам философии, воспринимается идея Гольбаха - о шальном атоме, попавшем в нос полководца, (либо в иное, столь же уязвимое место) и вызвавшем насморк, неспособность здраво руководить боем и, как следствие, поражение. Идею эту я сам по привычке воспринимал с иронией. Но именно диалог-интервью неожиданно обнажил мне её гениальность. В эпоху, когда ничего ещё не знали ни об информатике, ни о теории систем², ни о многом-многом ином, была чётко сформулирована мысль о возможности грандиозных последствий вроде бы микроскопически мелких влияний, когда те связаны с воздействиями на центральные или узловые, жизненно важные звенья систем.

И в самом деле, сражение, где очень многое определяют замыслы полководца, его решительность и приказы (а значит и духовно-физическое состояние), в идеале выполняемые автоматически, великолепно иллюстрирует, как ошибки в реальных расчётах и т.п. оказываются пагубными для судеб тысяч людей, а то и целых держав.

Кто-нибудь же, прочитав эти строки, может вспомнить и незатейливые детские стихи: «Не было гвоздя - подкова упала. Подкова упала - лошадь захромала. Лошадь захромала - командир убит. Конница разбита. Армия бежит. Враг вступает в город, пленных не щадя. Оттого, что в кузнице не было гвоздя». Остаётся добавить, что отсутствовавший гвоздь оказался связанным с состоянием боеготовности центрального звена Системы - командира. Потому-то его нехватка и вызвала такие фатальные последствия.

Возможны же и не «ошибки», либо дефицит гвоздей в подковах командирских скакунов, а вещи иного рода: Допустим «выход из игры» одного из её участников. Например, умирает русская царица - и поклонник Пруссии Петр III сводит почти на

нет успеха русского оружия. Недаром Гитлер так отчаянно и настойчиво вспоминал этот эпизод в последние месяцы Третьего Рейха. Он надеялся, что кончина Рузвельта сможет привести к сходному результату... А ранняя смерть Александра Македонского, как центрального звена нарождавшейся новой системы? Каковы её последствия для истории?..

Вполне понятно, что, если некто или нечто не выходит из игры, то можно и попытаться помочь это сделать. Так, еще, пожалуй, неизвестно, умер ли Александр своей смертью. И даже, если, согласно одной из новейших версий, он умер от «перепоя», то ведь и «перепой» можно «организовать», умело подливая губительное зелье.

К тому же существует множество способов воздействия на социальные системы и подсистемы и безо всяких убийств, и даже зримой смены лидеров... И отсюда подчас тянутся существеннейшие, но незримые для непосвящённых нити исторических событий. Скажем, такое недавнее и ещё кровоточащее событие, как (завершённая ли?) чеченская война, ход и исход которой, вполне вероятно, определяли не груды тел, не численность и обученность собственно вооружённых сил (хотя и не без того), бомбёжки и расход боеприпасов, а нечто совершенно иное, возможно, напрямую связанное с тем, что война велась не разными системами, а разворачивалась внутри одной хотя и разрываемой противоречиями системы.³ Что же это за нечто? - Ответ на такой вопрос пусть ищут историки современности, политики и политологи.

Я же, после такой длинной, но совершенно необходимой преамбулы, хочу вернуться к Союзу и «агентам влияния». Перемолоть его армии (при всех их дефектах) и сокрушить боевым ударом советскую экономику можно было разве что рискуя ядерным самоубийством. А вот сбой в такой «заорганизованной» системе - дело, как мы знаем, вполне реальное.

И вот тут-то мы, возможно, подходим к самому любопытному: к направленности действий «агентов влияния» Союза и Запада. Наши в целом (особенно после середины 50-х, когда сталинские чары стали рассеиваться) воздействовали на маргинальные слои и периферию Западного мира. Они ещё могли выходить на лиц, обладающих той или иной информацией и т.д.⁴ Но не нашли пути и средства кардинального воздействия на силы, «стоящие у руля западного мира», (конечно, воздействие это было, но оно вело к относительно плавным изменениям, а не

слому общественных механизмов). И дело тут не просто в глупости, ограниченности отечественных деятелей. На периферии Запада, в странах 3-го мира, у СССР, пусть подчас ненадолго, были огромнейшие успехи: сначала на какое-то время приближен Китай. Вошла в орбиту влияния часть ЮВА. - Рванули вплоть до Индонезии. Затем «арабский» и «чёрный» социализм»⁵ Куба. Никарагуа... Здесь воздействие осуществлялось на узловые элементы систем и подсистем и давало зримые результаты. Но, повторюсь, такое эффективное (а в чём-то скорее эффективное, чем эффективное) воздействие оказалось возможным лишь на периферии.

Запад же вроде бы имел куда меньшие возможности. Но какие? Возможности непосредственного воздействия на социальную и культурную суперэлиту, т.е. на те элементы советской системы, которые напрямую связаны с регулировкой социальных и духовных процессов. (То же, что ныне какие-то процессы этого рода могут протекать абсолютно свободно и стихийно - один из очередных мифов нашего века).

Правда, не стоит представлять такое «влияние» в виде инструкций в постели и т.п. из некогда нашумевшего кочетовского «Чего же ты хочешь?» Достаточно лишь допустить, что путей такого вида воздействия могло быть немало. При этом они очень точно «ложились» на особенности самой нашей жизни. Но об этом нужна целая аналитическая книга (И такие пишут). Хотя и без книг частенько видим антироссийские по сути и прозападные до карикатурности, до автопародии действия и методы иных российских по названию средств массовой информации. Скажем, стоило России и Белоруссии попытаться сделать шагок навстречу друг другу - и российские (!!!) СМИ буквально строем встали против Лукашенко. Я сейчас не о том, хорош он или плох. Не мне судить. Я лишь о том, что принципиально различная направленность «воздействия извне» не могла не давать различные результаты. Поэтому условный поединок Союза и Запада можно представить, естественно утрированно и очень упрощённо, как мультипликационную схватку гигантов. Первый - Союз - обрубает у другого бесконечные руки и пальцы. А второй, вроде бы пятась, испускает газы. Приятно обволакивающие. Но такие, что голова гиганта-рубача кружится, он утрачивает координацию движений и катится в пропасть, теряя по пути изрядные части тела.

Конечно, это - всего лишь картинка. Конечно, дело не только

в «агентах влияния». Да и я не «оголтелый» западненавистник. Речь здесь лишь о том, что, пожалуй, пора переходить от споров, «был ли заговор» и войны с ветряными мельницами, к спокойному анализу проблемы в свете современных знаний о взаимодействии систем и подсистем. И попутно о том, что возможности «агентов влияния» обуславливаются не столько вкладываемыми в них средствами, сколько доступными, либо сознательно выбранными направлениями воздействия и «податливостью» той системы, которая подвергается воздействию. Об этом свидетельствует вся мировая история... (Но и здесь, опять-таки, - тема отдельной книги).

К тому же, как мне кажется, вообще многие реалии, как и многие иллюзии, можно увидеть лишь выйдя за рамки политики в область мировой истории и даже в целую вселенную сложных и взаимосвязанных систем. Я ни в коей мере не претендую на роль политолога. На это есть профессионалы. Но почему бы не взглянуть на проблему и с такой, не совсем привычной для гуманитариев стороны?

¹ Тут можно было бы возразить, вспомнив известный образ Динозавра, который из-за своей неуклюжести способен не заметить, как ему откусывают хвост, или Автомашину, чьи колёса не слишком-то слушаются руля. Образы остроумные, но, затрагивающие скорее страну в целом, а не собственно чиновничество, номенклатуру. Поскольку же «перестройка» по сути своей начиналась, как «революция сверху», и в огромной мере, направленная из ЦК «номенклатурная революция», постольку здесь, пожалуй, более уместен образ Достаточно Целостной Системы.

² Интересно, что тем не менее один из трудов Гольбаха назывался «Система природы.»

³ С этой точки зрения во «внешнем» влиянии на ход чеченской войны существенны не «белые колготки», наёмники из Ближнего и Дальнего Зарубежья, поставки оружия «боевикам» из-за пределов России, а возможности «закордонного» воздействия на непосредственно Российские (а не чеченские) структуры, связанные с началом, ведением и завершением одной из самых закамouflированных войн нашего века.

⁴ Иной супербогач мог, демонстрируя свои убеждения, и детей назвать «по-марксистски». Скажем так: Владимир, Ильич, Ленин. (Все это имена трёх разных людей, средний из которых стал печально известным террористом).

⁵ Дело тут, естественно, не в степени, либо «истинности» социалистичности путей тех или иных стран 3-го мира. Социалистичность в реальности была скорее одеянием довольно чёткой геополитики, проводившейся Советским Союзом. И в этом плане афганская война оказалась страшным, хотя и хорошо объяснимым, просчётом. (Если не сказать жёстче).

А ЧТО, ЕСЛИ ВЗГЛЯНУТЬ НА ВСЕМИРНУЮ ИСТОРИЮ ТАКИМ ОБРАЗОМ?

Попробуем взглянуть на один из аспектов всемирной истории, как на борьбу систем и подсистем, являющих собой этносоциумы, государства и т.д. Какие (далеко не исчерпывающие) средства воздействия на систему противника можно было бы попытаться выделить?

1) Обрушение и выведение из строя активных элементов системы, способных устремляться вовне. Иначе говоря, обескровливание, перемалывание, истребление живой силы. Такой способ использовали очень многие. Например, Чингиз-хан. Но зачастую он требует немалой затраты и собственных сил и не всегда даёт должный эффект. Ганнибал уничтожил массу римлян при Каннах, но в итоге проиграл им. С Россией ещё любопытнее. Потери и неудачи первой мировой войны оказались несоизмеримыми с потерями 41-го - 42-го годов. Но первая мировая завершилась для неё крахом всей системы, а вторая победой.

2) Удары по несущим конструкциям системы. Уничтожение или подрыв инфраструктуры: выжигание полей, вырубание садов, порча ирригационных сооружений, а в новейшее время удары по промышленным и иным жизненно важным объектам. Кстати Армия, являющая собой активный, мобильный элемент, может в ряде систем быть одновременно и тем, что входит в их несущую конструкцию. (Но всегда ли?)

3) Использование различного рода комбинаций и третьих сил, внешних либо внутренних, игра на временном совпадении интересов, - всё это для подрыва или сокрушения противостоящей системы. Этим методом искусно владели византийцы и т.д. Убийство возвращавшегося на Русь Святослава печенегами - классический пример тактики такого рода. В Китае она была давно известна, как тактика охотника, переждавшего смертельную схватку двух тигров, а затем убившего ослабленного победителя. (Эту притчу любил вспоминать и Мао).

Здесь возможны головоломные ситуации, и комбинации. Не будем вспоминать о Ленине, «как германском шпионе». Возьмём более нейтрального для нас Насера, о котором когда-то сложили стишок:

«Лежит под солнцем, греет пузо
Полуфашист, полуэсер,
Герой Советского Союза
Гамаль Абдель На Всех Насер».

Стишок хлесткий, но очень всё упрощающий. Конечно же, Насер не был ничьей марионеткой. А был Политиком, представляющим Третью Силу. Когда враг моего врага (в данном случае Британского империализма) может в чем-то и в какой-то момент стать подспорьем в достижении собственных целей.

4) Удар по управляющим жизнью системы элементам, её «мозговым центрам». Иначе говоря, физическое устранение самых опасных противников, то есть тех, кто способен усилить мощь противостоящей системы или подсистемы. Метод использовался многократно на протяжении тысяч лет и зачастую давал колоссальные результаты. Достаточно вспомнить, что, пусть и естественная, смерть Чингиза, фактически приостановила и повернула вспять движение монголов, направленное на Европу. Во всяком случае, стала важнейшим моментом этого поворота. Естественно, что неоднократно недруги стремились помочь природе, если та слишком медлила...

5) Самое любопытное: перепрограммирование ведущих элементов системы, или участие в этом перепрограммировании. Нечто подобное, по-видимому, произошло и в СССР (что ничуть не исключает и других причин его краха). Но и здесь Союз - не исключение. Не раз - от Древней Спарты - до восстания тайпинов - история была свидетельницей не просто коренных, а и пагубных трансформаций той или иной системы. Особенно тогда, когда упор делался на консервации чего-то достигнутого в сфере социальных отношений. Не удивлюсь, если бури, подобные нашей, будут ещё ждать и ряд стран мусульманского мира, чьи ценности и ориентиры кое в чём куда ближе советским, чем может показаться на первый взгляд. Увы, сегодня, пожалуй, геополитика и грызня этносоциумов начинает доминировать над тем, что мы привыкли именовать борьбой «капитализма» и «социализма». Борьбой, которая в реальности лишь камуфлировала схватки держав, их союзников и сателлитов и корпораций.

6) Возможно, ещё более приложимое к нашей современной истории, чем пятое: интенсификация и т.д. внутренних процессов, разворачивающихся во враждебной системе. (Повторюсь,

имеется в виду не социалистическая или капиталистическая система, взятая абстрактно, а держава или система держав). Это шестое требует особого осмысления. Здесь же оно только подмечено, как то, о чём стоит поразмыслить. Но тут уместно сравнение с некоторыми видами единоборств, когда противника сбивают с ног, используя инерцию движения его собственного тела и лишь «помогая» ему упасть движениями, почти неуловимыми для взгляда.

В ТЕНИ СОЦИССЛЕДОВАНИЙ

В ТЕНИ СОЦИССЛЕДОВАНИЙ или ВОЗМОЖЕН ЛИ В РОССИИ «НОВЫЙ ТОТАЛИТАРИЗМ»?

Социологические исследования всегда дают немалую пищу для размышлений, а подчас побуждают по-новому взглянуть на реюющие всюду лозунги, столь легко превращающие примелькавшееся в «самоочевидное». И в то же время нередко и выводы, да и некоторые подходы порождают серьёзные сомнения и подчас непроизвольное желание заглянуть за те грани, которые остаются в тени социологических обобщений.

В этом отношении, как мне кажется, особенно интересен и показателен материал, обобщенный Д.Е.Фурманом и Киммо Каариайненом в статье «Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности)», опубликованной в шестом номере «Вопросов философии» за 1997 год.

Основываясь на имеющихся в их распоряжении данных, авторы стремятся показать зыбкость, ставших привычными, идеологических штампов. Например, о «религиозном возрождении» в России или серьёзности «коммунистической угрозы» или, выражаясь иначе, реставрации коммунизма в России, а также возрождения СССР. Это, по мнению авторов, невозможно уже потому, что КПРФ - «партия стариков», да и «традиционные» верующие сравнительно немолоды. Куда моложе, активней и социально перспективней те, кто симпатизирует астрологии, тянется к восточным культам, верит в реинкарнацию и т.д. Из чего «вытекают хорошие долговременные перспективы для российского либерально-западнического направления. Если оно связано с общемировоззренческой неопределённостью и эклектицизмом (они же - «недогматичность», «открытость»), которые нарастают, значит, у него хорошее будущее.» (с.50).

«Религиозное возрождение» «не просматривается и впереди. Зато «отчётливо видно господство идейной, мировоззренческой неопределённости и эклектизма, которое, в зависимости от вкусов, можно назвать «открытым», «адогматическим», свободным, а можно - духовной энтропией и эклектикой, броуновским движением не связанных друг с другом, оторвавшихся от каких-либо прочных структур и не способных (разрядка моя - Ю.Б.) войти в новые такие структуры, блуждающих идей.

Не видно впереди и господства жёсткой морали, людей, застёгнутых на все пуговицы и чему-то «беззаветно преданных». Скорее всего, будет господствовать мораль, которую, опять-таки, в зависимости от вкусов, можно назвать гибкой, адогматичной, «ситуативной» а можно - вялой, расплывчатой, неопределённой. Нового тоталитаризма скорее всего не будет, ибо для него как раз нужны честные и беззаветно преданные люди, поколения которых в сколь-либо заметных количествах не предвидится.» (с.50-51).

Я сознательно допустил в цитировании некий «повтор», с тем, чтобы одна из основных идей авторов проступила наиболее выпукло.

Попробуем же теперь вместе самостоятельно поразмышлять над предлагаемыми нам выводами. И что же здесь, на мой взгляд можно подметить?

1) Боюсь, что авторы недостаточно учитывают подвижность, изменчивость мироощущения и мировоззрения и, возможно, невольно повторяют типичные суждения атеистов двадцатых и тридцатых годов, полагавших, что, раз в церквях почти одни старушки, то значит в обозримом будущем религия отомрёт сама собой.

2) Не ввязываясь в дискуссию о будущем собственно коммунизма (для этого я не имею достаточно надёжной информации), хотел бы всё-таки заметить, что «тоталитаризм», о коем столько говорят, совсем не обязательно должен иметь «красный» окрас, а «догматизм», «закрытость» - отнюдь не родимые пятна собственно «коммунизма», либо «традиционной религиозности» и, в частности, православия.

Дело в том, что, как правило, на практике никакой абсолютной «открытости» или «закрытости» не существует. (По крайней мере, на мой взгляд). Открытое в одном отношении, может быть закрытым и очень авторитарным в другом. И наоборот. У меня, например, в отличие от «русского автора» цитируемой статьи, астрология не вызывает никакой злобы. Но я, как и любой религиовед, хорошо сознаю, что и поклонник астрологии может быть догматичным в восприятии тех или иных «истин» и совершенно некритически склоняться то перед авторитетом Глобы, то Нострадамуса, то какого-либо иного пророка. С ещё большей определённости то же самое можно сказать и о симпатизирующих иным восточным и т.д. культам. Я не собираюсь давать им здесь качественных оценок, надев мантию Высшего Судии, я не собираюсь рассуждать об истинности или ложности их взглядов. Я только констатирую: мышление такого рода

людей может быть и жёстко авторитарным. А значит и готовым к приятию «нового тоталитаризма», в каких бы одеяниях последний не явился.

3) Более того, даже беглое рассмотрение имиджа, обретавшего популярность, привлекательность в глазах значительной части электората России выявляет одну любопытную и очень устойчивую тенденцию, прослеживаемую и в 1993, и в 1996 годах: привлекательным для многих становится образ политика-отца, политика-мужчины, символизирующего власть сильной руки. В 1993 какое-то время таковым был Руцкой (а с другой стороны - Ельцин, затем Жириновский). В 1996 - Лебедь.

4) Уязвимы, на мой взгляд, и прослеживаемые в статье, представления об эклектике, аморфности и «мировоззренческой неопределённости». Здесь ведь наблюдается та же картина, что и с «догматизмом», причём она ещё более ярка и рельефна. Так, с определённой точки зрения, можно было бы говорить и об эклектизме Библии, и об эклектизме существовавшего на практике «советского марксизма». С другой же стороны, эклектичное и расплывчатое во взглядах тех, кто ориентируется на «новые ценности», может обладать и определённой психологической, да и логической целостностью. Тут многое зависит от того, что мы берём за основу для оценки так называемой эклектичности, либо хотя бы для её определения.

5) Пятое частично смыкается с первым. Но акцентируется уже на довольно типичной логике текучести мировоззрения и мироощущения. Представляется, что в огромной мере всё то, что сегодня называется «открытостью», «адогматичностью», как в сфере мировоззрения в целом, так и в сфере морали, в частности, - спутники социально-психологической нестабильности. Поэтому и в силу внутренней логики своей эволюции, и в силу эволюции (или как её назвать?) общества, они преходящи. Слишком «гибкая» и «ситуативная» мораль способна властвовать там, где ещё многое не отстоялось. Пожалуй, чем стабильнее система, тем меньше для подобной морали (независимо от чьих-либо субъективных пристрастий) остаётся места. Да и в чисто психологическом плане для массы людей плавание в открытом море ценностей и мировоззренческих ориентиров - не самоцель, а лишь поиски надёжной гавани. То есть здесь очень часто открытость тяготеет к своей противоположности.

Более того, все то, что называют открытым и адогматичным может именно в силу всего перечисленного стать при опреде-

лённых условиях питательным бульоном для будущего тоталитаризма. Достаточно вспомнить предысторию и историю германского нацизма.

6) Стоит добавить, что, пожалуй, и «броуновское» блуждание идей не такое уж и броуновское. В эпоху широчайшей распространённости СМИ и прежде всего электронных средств массовой коммуникации основные потоки этого движения направлять не так уж и сложно. Достаточно с недельку по несколько часов в день проводить у телеэкрана и направляющие пальцы, пальцы, нажимающие на клавиши наших чувств станут весьма и весьма ощутимыми.

Из этого следует, что при изменении «социального заказа» направленность блуждающих идей может меняться не только в силу присущих им внутренних свойств, но и по иным причинам, не учтённым в исследованиях.

7) И, наконец, последнее но, возможно, важнейшее: связь между наличием идей, морально-психологических типов личностей и социальными системами не бывает односторонней. Не берусь утверждать. Но не задуматься ли: а не может ли случиться так, что сначала сложится некая Система, структура власти, и уже затем она будет лепить из существующих людей необходимые ей образцы, и те, под давлением обстоятельств и самой логики исторического момента станут, причём нередко искренне, «менять кожу»? Разве такое не случалось в истории?

Хотелось бы также сделать и два частных замечания:

А) По данным опроса материальное положение ухудшилось у 16%. Сомневаюсь, что это отражает реальную ситуацию в стране. Не говоря уже о цене, позволяющей многим поддерживать своё существование.

Б) По данным опроса, уверенных, что через 5 лет они будут полностью довольны жизнью, среди всех опрошенных - 10% (с.40, 43). Тут мне почему-то невольно вспомнилось из Ефремовского «Лезвия бритвы»: «...Беды нет только разве у полных идиотов. Есть такие - всем довольны...» (М., 1965, с.51). И в самом деле, подобные вопросы выглядят по меньшей мере странными. На них, думается, просто невозможно дать здравый ответ, тем паче, когда речь идет о будущем.

Однако в целом, при всей спорности, публикации такого рода представляются очень ценными и совершенно необходимыми для осмысления нашей реальности.

(1997)

ДЕМОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

«Демократия» - одно из самых ходовых понятий социально-политического лексикона. Но что стоит за этим понятием? Как взаимосвязаны в именуемом этим словом явлении образ, миф, идеал и реальные исторические процессы? Является ли демократия вечным «обретением» человечества, таким, как огонь, колесо, электричество или она столь же преходяща и изменчива, как другие сугубо социальные феномены? С чем связаны возможности демократии и какие особенности исторического бытия способны привести к ее отрицанию? Все эти вопросы со времен Платона и Аристотеля веками волновали человечество и представляют немалый теоретический и практический интерес в свете исторических коллизий последнего столетия.

ОБРАЗЫ ДЕМОКРАТИИ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Трудно найти понятие, которое было бы столь же расхожим в политически-обиходной речи, как «демократия». Но, подобно многим другим обиходным и задействованным в политике словам и выражениям, «демократия» обрастает таким частоклоном изменчивых значений, что через него, ой как непросто продрасться обычной логике. Более того, здесь сплошь и рядом встречается самое причудливое переплетение смыслов и подмен понятий.

Хотя буквальный перевод этого слова прост. Составленное из двух греческих слов оно означает «народовластие». Однако, как это обычно бывает, этимология слова еще не раскрывает суть самого явления. Тем более взятого в его исторической изменчивости. Поэтому вспомним несколько из наиболее распространенных отечественных определений демократии.

Согласно «Философскому энциклопедическому словарю», «демократия - ... форма государственно-политического устройства общества, основанная на признании народа в качестве ис-

точника власти, на признании равенства и свободы. Термин «Д» употребляется также применительно к организации и деятельности отдельных политических и социальных институтов. Например, партийная Д., производственная Д.»(1)

Близко к нему определение, данное в «Краткой философской энциклопедии»: «Демократия... - форма государственно-политического устройства общества, при которой народ является источником власти. Признается право народа участвовать в решении государственных дел в сочетании с широким кругом гражданских прав и свобод». (2)

А вот что говорится о демократии в «Политологическом энциклопедическом словаре», изданным Московским коммерческим ун-том в 1993 г.: «Д. — одна из основных форм правления, политической и социальной организации общества, государства и власти, развивающийся и прогрессирующий в истории политический режим, обычно связанный с республиканской формой государства». При этом замечается, что демократия и демократизм — не одно и то же. Последний представляет собой поведение власти, совокупность используемых ею методов. В этом плане демократическими могут в принципе быть признаны и монархические государства, особенно современные.(3)

Правда, частенько приходится слышать снисходительно звучащее в тех или иных вариациях упоминание о том, что демократия — штука весьма несовершенная и даже неказистая, но, увы, человечество пока не придумало ничего лучшего.

Спор о том, хороша или нет демократия, отнюдь не нов. Он ведется, по крайней мере, еще со времен Платона. Но задача данной статьи не в обелении или, наоборот, охаивании демократии, ибо преднамеренная критика, либо наоборот, безоговорочная апологетика — не дело собственно научного поиска. Не ставится и задача обзора различных взглядов на феномен демократии или, по крайней мере, того, что этим словом обозначают. Такой обзор был бы не оригинален и при этом потребовал бы целой монографии. Задача, поставленная здесь, в чем-то и гораздо скромнее, но и сложнее: она заключается в попытке взглянуть на демократию, как на исторический, а значит и преходящий феномен, и одновременно, как на один из мифов современной социальной мифологии.

Казалось бы, речь идет о банальностях. Но не все так просто. На протяжении последних десятилетий в массовое созна-

ние нашего, да и многих иных народов земного шара настойчиво внедряется очаровательный образ Демократии, как гавани, в которую непременно должны приплыть корабли мировых цивилизаций. Иными словами, «демократия», подобно вчерашнему «коммунизму», обрисовывается, как безальтернативный итог общечеловеческих исканий: «Все народы придут к коммунизму...», - говорил не так давно Великий Классик. Все народы, раньше или позже, должны будут признать демократические ценности и институты так, как они признали автомобили, авиацию, компьютеры и Интернет, убеждают нас сегодняшние глашатаи Прогресса.

А если кто-то заупрямится и будет не в силах оценить рвение тех, кто в очередной раз примется «загонять человечество в счастье?» - Такому упрямцу мировое сообщество вправе прописать и горьковатое лекарство, а, в случае экстренной необходимости, и хирургическое вмешательство. Когда же консилиум членов этого сообщества притормозит с «выработкой единого мнения», то за дело вправе взяться дежурные хирурги в лице лучших представителей этого сообщества из самых «доподлинно демократических стран». Как, например, в Югославии или Ираке.

С другой стороны, «странность» так называемых реформ на просторах СНГ и резкое обнищание десятков миллионов при параллельном обогащении десятков тысяч, «криминальные разборки» самых различных форм и уровней привели к тому, что многими уже само слово «демократ» стало восприниматься, как бранное, а «демократия» обрела неожиданно кузину с не слишком благозвучным именем «дерьмократия».

Но попробуем отойти от сугубо политических коллизий и взглянуть на демократию глазами Истории. Вспомним еще раз, что слово демократия в буквальном переводе с греческого означает «народовластие». И уже тут мы оказываемся свидетелями, а то и участниками карнавала, где постоянно подменяются, либо маскируются далеко не тождественные образы и понятия и стоящие за ними социальные феномены.

Так, представляется, что, прежде всего, уместно разделить следующие несколько групп взаимосвязанных, но, тем не менее, различных явлений:

1) Демократия, как залог свободы, добра и справедливости. Или, выражаясь точнее, демократия в ее связи со свободой, доб-

ром и справедливостью. Логично предположить, что, поскольку демократия – это народовластие, постольку оказавшийся у власти народ будет реализовать свое право на свободу (или свободы) и стремиться к добру и справедливости.

И вот тут-то рождается буквально тьма недоуменных вопросов, суть которых сводится к размышлениям над последствиями победы демократов и либералов на просторах СНГ. Очертим лишь некоторые из них.

А) Расширилась ли свобода передвижения? Если «да», то в каких отношениях? – Ведь для десятков миллионов граждан бывшего единого Союза, пересечение границ, регистрации и т.д. порою превращаются в настоящие круги Дантова ада. И, как не раз замечал президент Казахстана Н.А. Назарбаев, самые теплые встречи «в верхах» тут, к сожалению мало, что меняют, хотя определенная экономическая интеграция нужна нашим странам, как воздух. Парадокс, но в так называемом тоталитарном мире (на поздней стадии его существования) у колоссальнейшего большинства населения страны свобода передвижения была несравненно большей, чем в условиях «демократии».

Б) Свобода изменения своего социального статуса и получения образования. Сегодня по целому ряду причин она для множества людей куда более ограничена, чем еще пару десятилетий назад.

В) Свобода слова и получения информации. Здесь вообще трудно сделать емкий и категоричный вывод. Но очевидно, что огромные тиражи печатных СМИ остались в прошлом. Информативность же электронных СМИ требует скорее пера М.Задорнова, нежели ученого-аналитика. Этот ряд можно было бы продолжить, но и без того понятно, что здесь таится немало проблем.

Правда, с другой стороны, свободы фантазии и «частной инициативы» – хоть отбавляй. Тут все идет почти по Лему, писавшему еще в «застойном» 1970: «То была эра демократии, наконец-то осуществленной: все могли все со всеми. Следуя рекомендациям своих штатных футурологов, консорциумы, вопреки антимонопольным законам, втайне поделили между собой земной рынок и пошли по пути специализации. «General Sexotics» спешила уравнивать норму и патологию; две другие фирмы сделали ставку на автоматизацию. Образцы мазохистских цепов, биялен и молотильников, появились в продаже, дабы

убедить публику, что о насыщении рынка не может быть и речи, потому что большой бизнес – по-настоящему большой не просто удовлетворяет потребности, но создает их!» (4)

Заметьте: наступила эра демократии и при этом земные рынки, отнюдь не под звуки Гласности делятся консорциумами. Оказывается, связь демократии со свободой отнюдь не бесспорна. Ведь в «эру лемовской демократии» даже потребности навязываются народу извне.

Так же непросто обстоит дело и с добром, и справедливостью. Ведь еще в античных демократических Афинах по приговору суда был казнен великий философ Сократ. Да и других жестокостей именем народа творилось немало.

Осуждающий тиранию античный автор Элиан замечает: «Какие жестокие постановления принимал афинский народ во времена демократического строя, требуя, например, отрубить жителям Эгины большой палец правой руки, чтобы они не могли держать копья, но не лишились способности действовать веслами. По предложению Клеона... были приговорены к смерти все способные носить оружие митиленцы; клеймить лица пленных самосцев изображением совы – тоже афинское постановление. Видят Афина Громовержца, Зевс Освободитель, как мне не хочется, чтобы все это было делом рук афинян и связывалось с ними!». (5)

А сколько жестокостей от имени народа творилось в иные эпохи, и в иных странах! Вспомним только Великую французскую революцию, наши тридцатые годы XX века с пугающе-зловещим клеймом «врага народа» (Впрочем, и демократия, и «воля народа» тут не являют чего-то исключительного. «Именем...» королей, Бога или богов и т. д., и т.п. творилось столько всего, что и не перечислить).

Итак, история показывает, что не все, именуемое демократией, безусловно, несет с собой свободу, справедливость и мягкость нравов.

Так мы подходим к первой грани демократии - демократии ярлыка, этикетки, указывающей на качество и назначение товара, но по большому счету не отвечающей за сам товар. Отсюда и детские вопросы, подобные прозвучавшему в одном из рекламных роликов: «Папа, а в колбасе мясо бывает?» И соответствующий ответ: «Нет, не бывает. А вот в колбасе от Разумовича бывает». Иными словами можно было бы сказать: «А в де-

мократии народовластие бывает?» - «Нет, не бывает. Но вот в демократии от ... Бывает, и очень даже много».

Но несоответствие этикетки товару - это проблема рынка, а не науки. В данном случае рынка политического. Куда более значимым в плане не только практическом, но и теоретическом, представляется смешение формы прихода к власти и формы собственно правления.

2) Перейдем ко второй грани того, что именуют демократией. Демократией обычно называют определенный способ избрания правящих органов, либо каких-то их элементов.

Выделение такого способа естественно. Ведь существуют и другие формы создания властных структур. Более того, не всякие выборы могут быть названы демократическими. Так, например, конклав или своеобразный съезд кардиналов избирает главу Римской католической церкви. Но это выборы, осуществляемые узким кругом лиц, представляющих не непосредственную массу верующих католиков, а высшие слои в сложной системе церковной иерархии. Здесь скорее форма рекрутирования в руководство системы ее членов, отбираемых согласно определенным правилам и принципам.

Власть может и просто захватываться силой. В античности, базирующаяся на таком захвате власть была названа тиранией. Тирания могла способствовать развитию экономики и культуры, и поначалу само это слово означало не нравственную характеристику власти и используемых ею методов, а лишь способ обретения единоличной формы правления, а также, соответственно, и само такое правление. Со временем же тиранией стали называть жестокую и ничем неограниченную власть, самоуправство.

Но не всякая единоличная власть получила название тирании. Так, монархия, тоже может быть и по форме, и, по сути, властью единоличной, но освященной авторитетом религии и обычая. Монарх, особенно наследственный, - не тиран, а царь «милостью Божьей».

Таким образом, демократические или какие-либо иные выборы выступают на арену истории тогда, когда наследуемая власть и, соответственно, власть традиции прерывается и формируется ряд сил, ни одна из которых не способна сама по себе достичь вершин легитимной власти.

Автор не ставит своей целью перебирать все возможные ва-

рианты обретения и легитимизации власти, а лишь обозначает специфику демократических путей ее достижения, заключающуюся в том, что, во-первых, здесь власть избирается, а не берется по принципу: «Самозванцев нам не надо. Командиром буду я». А, во-вторых, в демократических выборах должны участвовать достаточно широкие слои членов данного социума. Чем они шире, тем демократичнее будут выглядеть выборы.

Исходя из этого, и выборы первого царя из династии Романовых можно рассматривать, как относительно демократичные. По крайней мере, для своего времени. Да и во многих иных странах, причем в самые разные эпохи, родоначальники династий либо силой добивались власти, которая затем освящалась авторитетом религии, либо избирались представителями более или менее узкого круга выборщиков. И такая власть тоже освящалась авторитетом религии.

Но встает вопрос, избавляет ли самая демократичная процедура выборов от самовластия или, что не менее страшно, от создания законно избранными лидерами машины террора, выкорчевывающей с корнем даже малейшие ростки свободы и независимости? — Хорошо известно, что Гитлер пришел к власти не вследствие заговора, а в результате выборов. Точнее говоря, он, с одной стороны, стал воспреемником популярного президента Гинденбурга, сделавшего Адольфа канцлером Германии, с другой же — явился главой партии, получившей по официальным данным на выборах 5 марта 1933 года 17,3 млн. голосов, в то время как коммунисты имели около пяти млн., а социал-демократы — до 7,2 млн. голосов.

Можно, конечно, утверждать, что «все разговоры о том, что фашисты «легально» захватили единоличную власть в Германии — сплошная фикция». (6) Ведь даже в условиях крепнущего нацистского террора они не набрали и половины от общего числа голосов, а для получения абсолютного большинства в рейхстаге недобрали трех миллионов голосов. (7)

Оставим полемику о «легальности» историкам права. Обратим внимание лишь на то, что соблюдение каких-то внешних требований «демократического» движения к власти и волны народного ликования по этому поводу отнюдь не гарантируют роста личных свобод и т.д. при достижении власти теми, кто вроде бы (а, может быть и без всяких «вроде бы») опирался на поддержку большинства народа. Приход нацистов к власти при-

мер крайний, но не исключительный. Выборы совсем не обязательно должны выявлять волю большинства. Для того, чтобы они ее выявляли, а не просто демонстрировали, требуется целый ряд условий, нуждающихся в особом анализе. К тому же «масса» вполне может обмануться.

Но, допустим, что давление, подобное давлению на избирателей в Германии тридцатых, и подтасовки отсутствуют. Это будет означать лишь демократическое избрание представителей власти, но не «народоправство», ибо собственно демократия, как «народовластие» подразумевает максимально широкое участие народа в решении государственных проблем. То есть демократия, как форма правления, - это нечто иное нежели демократия, как форма, обеспечения прихода к власти тех, либо иных политических сил. Во всяком случае тут полного совпадения нет.

Еще в XIX в. это различие было подмечено М.Бакуниным, который, словно предвосхищая будущее торжество социалистической бюрократии, язвительно вопрошал: «Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства?»... (8)

Можно возразить, что членами правительства станут представители этих сорока миллионов. Но, войдя в правительство и т.д., они уже не будут рабочими, и где гарантия, что, изменив свой статус, эти люди окажутся защитниками интересов рабочих?

Другой видный теоретик анархизма, Элизе Реклю, развивая ту же мысль, доказывал, что таких гарантий в принципе быть не может, ибо всякая власть развращает: «Как только человек получает какую бы то ни было власть: духовную, военную, административную или финансовую, его естественно толкает пользоваться ею бесконтрольно; нет тюремщика, который поворачивал бы ключ в замке камеры, не ощущая бы некоторого самодовольного чувства своей власти, нет стражника, который, охраняя имущество своего господина, не относился бы враждебно к бродяге, или судебного пристава, который не ощущал бы глубокого презрения к подчиненному преступнику». (9)

Критический запал Реклю направлен прежде всего на капитализм, зиждущийся, по его убеждению, на групповом - классовом эгоизме. Но, подмеченная здесь проблема гораздо глуб-

же. Ведь вопрос встает о том, возможно ли вообще народовластие, как таковое. Не является ли демократия в силу самой природы человека лишь образом, макияжем чего-то иного? А, может быть, возвращаясь к уже сказанному, это просто миф?

Ответ на этот далеко не риторический вопрос может дать лишь панорамное и вместе с тем скрупулезное рассмотрение возможных, либо реальных или некогда существовавших элементов и механизмов демократии. Но для этого необходимо взглянуть на саму демократию глазами истории.

Не вдаваясь в детали, обратим внимание на основные исторические типы или формы демократии, выделяемые современной наукой.

Начнем с того, что уже веки становления этих форм трактуются неоднозначно. Например, согласно одной точке зрения, «демократия, как форма государственно-политического устройства возникла вместе с возникновением государства, заменившего первобытнообщинное родовое и племенное самоуправление...» Иными словами, демократия появляется довольно поздно, лишь в так называемом классовом обществе. И это по-своему логично, если усматривать в демократии одну из форм государственно-политического устройства. Как может появиться форма какого-либо «устройства», если самого устройства еще нет?

С другой стороны, существует мнение, что демократия появляется едва ли не раньше монархического правления, еще в первобытном обществе, то есть тогда, когда о государственности еще не могло быть и речи. (10)

Оба взгляда имеют право на существование, но при исследовании логики становления демократии именно, как социально-исторического феномена второй подход предпочтительнее, хотя он и порождает немало проблем.

Итак, суммируя разные подходы можно несколько условно выделить следующие виды демократии:

А) «Прямая первобытная»...

Б) Общинная демократия... (А и Б могут быть и объединены).

В) «военная племенная демократия предгосударственных этапов развития человечества».

Г) Полисно-номовая демократия древности.

Д) Военно-кочевая демократия, четко прослеживаемая вплоть до первых столетий Нового Времени.

Е) Демократия средневековых городов-государств.

Ж) Так называемая буржуазная демократия Нового Времени.

З) Социалистическая демократия.

И) Несоциалистическая демократия XX – начала XXI века, и, в частности, так называемая «парламентская демократия» (выражение, достаточно популярное в современных СМИ).

Уже существование родовой или общинно-родовой демократии представляется проблематичным. Во всяком случае, на самых ранних стадиях развития человечества. Если мы, стремимся реконструировать отдаленное прошлое, то вольно или невольно обязаны обратиться к этологии, изучающей индивидуальное и групповое поведение «братьев наших меньших». Изучение же это свидетельствует о достаточно жесткой иерархичности «коллективов» самых разных живых существ и прежде всего значительных групп особенно близких к человеку обезьян.

Таким образом, предполагаемая родовая демократия могла появиться лишь достаточно поздно, только с вызреванием каких-то собственно человеческих особенностей группового поведения древних людей. Таких, при которых право сильной особи или подгрупп таких особей отступало бы перед удобством взаимоуступчивой слаженности, - как при ограниченной во времени посадке в прицепной вагон, когда взаимная вежливость (вспомним известный фильм, название которого звучит по-русски, как «Игры разума») оказывается практичной и выгодной для всех.

Существование такой демократии гипотетично и в принципе недоказуемо, ибо все, что мы знаем о родовых обществах, относится к эпохам, отстоящим от периода собственно первобытности на многие тысячи лет. Но теоретически такая «демократия» допустима. Допустив же ее существование, мы можем допустить и то, что, в силу малоизменчивости уклада жизни тех далеких времен, этот подвид (или вид демократии) мог быть и самым устойчивым из всех перечисленных ее видов. Но и он, видимо, не мог быть незыблемым даже для родового строя, ибо само структурирование рода с неизбежностью вело бы к кристаллизации иерархических систем и подсистем и все большему превращению «родовой демократии» в пустеющий кокон, из которого выпархивала бы бабочка вождизма, освящаемого магическими силами самой Природы. (Отсюда сплав различного рода систем: Вождь - Шаман, Вождь и Колдун в одном лице и т.д.)

К тому же такая, «первобытная» демократия, судя по тому,

что известно, была очень далека от наших представлений о «личной свободе». Таковую она отнюдь не подразумевала, ибо, регулировавший межличностные отношения обычай бывал неумолимее самого жестокого тирана.

Следующий вид демократии - военно-племенная или собственно военная демократия, существование которой в более поздние эпохи сопутствовало существованию собственно государств и «классовых обществ».(12)

Этот вид «демократии», видимо, складывался двояко. Первым путем могла быть милитаризация жизни племен либо племенных союзов, в условиях, делавших необходимой или выгодной концентрацию и усиление вооруженных сил. То есть, либо в условиях возникновения внешней угрозы самому существованию племени, либо в таких условиях, когда появлялись возможности захвата земель и добычи у более слабых в военном отношении. Зачастую одно было исторически неотделимо от другого, и успешная «оборона» обычно оказывалась прологом наступления на чужие территории.

Вторым путем складывания военной демократии могло стать формирование дружин или ватаг, кормившихся по сути только войной.

Черты военной демократии историки просматривают уже у греков. Так, например, гомеровский Агамемнон, возглавлявший греческие силы под Троей, являлся лишь полководцем, не определявшим распределение трофеев среди воинов. Более того, как подметил еще Аристотель, этот царь, а точнее - басилевс, сдерживая себя, выслушивал брань на народных сходках, «но, когда войско отправлялось в поход против неприятеля,... имел полную власть казнить: «Если уж кого (я увижу) вне ратоборства... Нигде не укрыться ему от псов и пернатых: смерть в моих ведь руках».(13)

Сходный «демократизм» в распределении добычи существовал в самые разные исторические эпохи. Уже школьной истории ведом король франков, пожелавший лично присвоить доставшийся в бою чудесный кубок. Поскольку это было бы нарушением обычая, один из воинов смял соблазнительную добычу ударом меча. Король вынужден был стерпеть, но, дождавшись часа, придрался к воину, когда тот оказался в строю и ударил его мечом так же, как тот некогда приглянувшийся королю кубок.

Замечательный пример. Независимо от достоверности дета-

лей, сама история, как рассказ, свидетельствует о крайней неустойчивости военной демократии, особенно дружинного вида. Как видим, демократия эта на протяжении жизни одного только поколения легко соскальзывала к авторитаризму и культу силы уже не племени в целом или дружины, а их лидера. Здесь многое решали характер и способность опереться на узкий круг преданных лиц. Во всяком случае, мы видим, как и в Древней Греции, и в средневековой Европе военная демократия сливалась с прораставшей сквозь нее «царской властью».

Видимо, в ряде отношений военной демократии этого рода была близка и так называемая кочевая демократия. Правда, социальное расслоение здесь было куда более явным, чем, например, у древнейших славян или германцев, но, тем не менее, хан в степи мог выбираться и, будучи избранным, торжественно поднимался на белой кошке.

Вполне понятно, что такой хан - вождь мог превратиться и в самовластного или почти самовластного вершителя судеб тысяч и тысяч людей. То же можно сказать и о казацком атамане, чья власть в определенных ситуациях была очень велика. Но и тут были свои ограничения. Тот же Степан Разин, слыша «ропот и насмешки», вынужден был утопить в Волге свою прекраснейшую добычу - персидскую княжну. Таково было требование «военной демократии» на казацкий манер.

Интересно, что здесь дело не в национальном колорите. В «Истории турок...», упоминается, что нечто подобное случилось после турецкого захвата Константинополя. Жену императора и его дочерей отдали на забаву конюхам, а затем изрубили. Но самую красивую царевну оставили победителю султану. Царевна очаровала его. Однако, подобно казацкой вольнице (а, может, наоборот?) зароптали недовольные паши, и покоритель Царьграда - всемогущий Мухаммед приказал привести красавицу на пир, схватил ее за волосы и, воскликнув: «Так обходится Мухаммед с любовью!», рассек несчастной голову. (14)

Иными словами, родовая и «военная» демократия в огромной мере зиждились не просто на воле народа, как таковой, а на силе традиции, и народ, либо приближенные к военному лидеру его представители строго следили за тем, чтобы эти обычаи соблюдались даже в деталях. Прекрасная, даже живая добыча, не могла быть тем, что отделяло бы ведомых от ведущего, будь то кубок или родовитая полонянка. Когда же такое все-таки слу-

чалось, демократия резко соскальзывала к единовластию. Во всяком случае, здесь есть над чем поразмышлять.

Дальнейший вид демократии можно было бы обозначить, как полисно-номовый. Видимо он непосредственно вырос из демократии военной. Как показал еще Аристотель, в Древней Греции первыми гражданами были конники, так как в древнейших полисах, например, в Малой Азии, при еще неумелой организации пехоты именно конница являлась основной ударной силой. (Сравните с той ролью, которую играло в Риме сословие всадников) Затем с появлением четких пеших порядков к гражданам стали относить и тяжеловооруженных пехотинцев. (15) То есть само понятие гражданства было напрямую связано со способностью, как носить оружие, так и обеспечить себя воинским снаряжением.

Истории известен почти исключительно лишь ее античный вариант, представленный рядом греческих полисов в отдельные периоды их существования и Римской республикой. На основании этого сложились довольно устойчивые представления о будто бы едва ли не изначальной противоположности Запада и Востока. В частности эта противоположность выражается и в том, что Запад уже в древнейшие времена явил миру свободолюбие и демократию, а Восток - империи, раболепие, с одной стороны, и беспредельную власть - с другой. Утверждению таких взглядов немало способствовали представители самого древнего «Запада». Так, еще «первый учитель» - Аристотель уверенно писал в своей «Политии», что варвары по самой своей природе более склонны переносить деспотизм, нежели эллины, азиатские же варвары - в особенности, оттого «и подчиняются они деспотической власти, не обнаруживая при этом никаких признаков неудовольствия». (16)

Но, возможно, эти стереотипы лишь результат своего рода «оптического обмана» Истории. Может быть, эти различия выглядят столь рельефными потому, что мы оказались способными наблюдать Восток и Запад на разных стадиях их развития. Ведь сегодня хорошо известно, что история «Востока» гораздо древнее истории античного «Запада». Но знакомимся мы, по сути, лишь уже с достаточно поздними стадиями развития восточных социумов. Те же египетские пирамиды были сооружены в период Древнего Царства. Однако сооружение таких гигантов могло осуществляться лишь при высокой консолидации

общества, которая достигается далеко не сразу. Такое предположение подтверждают и известные факты: некогда в Египте, как и в Элладе, существовали десятки номов или городов-государств. Множество городов-государств было и в Двуречье.

Почему бы не предположить, что какие-то, пусть и отличные от греко-римских, элементы полисно-номовой демократии могли существовать и там в самый ранний период их истории?

Тот же факт, что они практически необнаружимы, возможно, свидетельствует о преходящем, «промежуточном» характере собственно демократии. Просто на Востоке этот период развития мог быть погребен под барханами столетий, на Западе же попал в поле зрения историков. Однако то, что мы наблюдаем, убеждает нас, что знаменитая античная «рабовладельческая» демократия была, во-первых, не всеобщей, во-вторых, неполной, а в третьих, преходящей, промежуточной формой организации социально-политической жизни.

Показательно, что над временностью демократии и ее обусловленностью определенными факторами задумывались уже такие великие античные философы, как Платон и Аристотель.

Платон не был сторонником демократии и относил ее к четырем, «худшим» видам правления, соответствующим определенным состояниям или типам человеческой души. Лучший вид правления по Платону - это царская власть либо аристократия. Правит один или несколько для него не существенно. Важно, что это правление - правление лучших и призвано способствовать четкой и справедливой, в понимании Платона, организации общественной жизни.

Но царская власть способна вырождаться в тимократию - власть честолюбцев, которые ради удовлетворения собственных амбиций готовы ввергать собственные народы в бесконечные конфликты и войны.

Тимократия оказывается неустойчивой - ее губит «скопление золота в кладовых у частных лиц, они прежде всего выискивают для чего бы его употребить, и для этого перетолковывают законы». (17)

Так устанавливается олигархия - «строй, основывающийся на имущественном цензе, у власти там стоят богатые, а бедняки не участвуют в правлении». «В олигархических государствах не обращают внимания на распущенность, даже допускают ее, так что и людям благородным иной раз не избежать бедности». В

таком государстве появляется «множество трутней и нищих». (18)

И что же из этого следует? Здесь древнегреческий философ живописует колоритную картину, призванную показать, как подобный строй способен породить тягу к демократии: Бывает так, - пишет он, что во время похода или боя презренный богачом бедняк и сам богач окажутся в одном строю: «человек немущий, весь высохший, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачом, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся...» В такой ситуации бедняк вполне способен придти к мысли, что «подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков» (19). Объединившись с другими бедняками, он свергает олигархов. Так устанавливается демократия.

«Демократия, - по Платону (Сократу), - устанавливается тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожают, иных изгонят (остракизм - сравните со знаменитым «философским пароходом» - Ю.Б.), а остальных уравнивают в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию...» (20)

Людей, живущих в демократическом государстве характеризует то, что они прежде всего являются свободными. В таком государстве «появится полная свобода и откровенность, и возможность делать что хочешь». Поэтому каждый может устроить себе жизнь «по своему вкусу».

«Казалось бы, - продолжает Платон устами Сократа, - это лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех». (21)

Полная свобода ведет к снисходительности по отношению к тому, что могло цениться прежде. И что же? - «Если у человека, - продолжает Сократ, - ... не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства - в играх и в самих занятиях - он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, от каких кто занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается

почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе». (22)

Формируется целый «класс», а, говоря языком Платона, такая «часть» демократического общества, как «трутни». Трутни имеются и в обществе олигархическом, но и при демократии их не меньше, причем они «много ядовитее», чем при олигархии.

«Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением немногого, распоряжаются подобные люди». (23)

Так, к радужным, мажорным тонам добавляются все нарастающие тревожные нотки. Самым же драматичным оказывается именно временный, преходящий характер такого общественного устройства. По Платону, подобно тому, как олигархия, ставящая превыше всего богатство и пренебрегающая всем, кроме наживы, обрекает себя на гибель, так и демократия, более всего культивирующая свободу, но пренебрегающая всем остальным, искажается и «подготавливает нужду в тирании».

Переход демократии в тиранию происходит следующим образом: «Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется стать дурным виночерпием, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде (чтобы оценить всю силу этого образа уместно вспомнить, что в Элладе употребление неразбавленного вина считалось признаком варварства, а, с другой стороны, если и бывало допустимо, то не раньше определенного возраста), а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не представляют всем полной свободы, и обвиняют их в мерзком олигархическом **уклоне**». (Пройдут тысячелетия и слово «уклони́ст» будет в ходу уже в Советском Союзе тридцатых годов XX века).

В таком обществе «граждан, послушных властям, ...смешают с грязью, как ничего не стоящих добровольных рабов...» Люди станут чувствительными к мелочам. Все принудительное будет возмущать их, как нечто недопустимое: и кончится это тем, что перестанут считаться с законами.

Тем самым, та же болезнь, что погубила олигархию, разви-

вается и здесь - культивируемое «благо» становится чрезмерным. Свобода, выливающаяся в своеволие, губит демократию, ибо «все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах...

Тирания возникает... не из какого иного строя, как из демократии; короче говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство».(24)

Таким образом, согласно Платону, у демократии прослеживаются две главных слабости. Первая заключается в том, что она на своих волнах вздымает вверх тех, кто заискивает перед толпой, услаждает ее слух обещаниями и, вообще, говорливых «трутней». Не случайно, наверное, нынешнее слово «демагог» греческого происхождения и означало оно первоначально «вождя народа». А что это за «вождь», если он не обещает лечь на рельсы при росте цен и прочие эффектные действия?

Во-вторых, демократия самой логикой своего внутреннего развития при достижении апогея переходит в тягу к тирании. И в этом самая большая ее беда.

Другим античным мыслителем, давшим анализ различных форм государственного устройства и в их числе - демократии, был Аристотель. Но, если у Платона мы видим полет мысли, то у Аристотеля, которого по весьма спорному замечанию одного из культурологов «не поцеловала Муза», перед нами скорее анализ вариантов, напоминающий разбор серий шахматных партий. Анализ этот основывается на обобщении колоссального эмпирического материала - знакомстве с государственным устройством 158 греческих полисов.(25) Карфаген - и тот упомянут в «Политии» Аристотеля.

Как и Платон, Аристотель полагает, что существуют «правильные» и «отклоняющиеся» от них формы правления.. «Правильные» - это царская власть, отклонением от которой оказывается тирания, аристократия, отклонением от которой - олигархия, и полития, отклонением от которой является демократия.

Наихудший вид отклонения - тирания, ибо она являет собой отклонение от «первоначального божественного строя», то есть монархии. К ней примыкает олигархия «...наиболее же умеренный из отклоняющихся видов - демократия». Она «бывает именно тогда, когда власть сосредоточена в руках большинства».(26)

Что касается «правильных» форм правления, то аристократия все же предпочтительнее царской власти - только б у управления было «несколько способных людей».(27) Наилучшая же форма - основанная на гармонии и доминировании средних слоев (как сказали бы в XX веке «среднего класса») - полития. Но она встречается нечасто.

Главных же видов государственного строя, замечает Аристотель, видимо два. Это демократия, важнейшие черты которой равенство и свобода, и олигархия.

Как видим, Аристотель, не является заведомым противником демократии. Но он и не ее апологет. Философ прежде всего аналитик, и в своем анализе разбирает различные варианты вроде бы одинаковых государственных устройств. Касаясь собственно демократии, Стагирит выделяет четыре ее вида, связанные с преобладанием тех или иных слоев населения, имеющих разные занятия и соответственно различное имущественное положение.

Первые три разновидности демократии базируются на законе, и самая удачная из них, та, которая основана на доминировании земледельцев. Люди эти занятые, собираться часто на собрания им недосуг и потому они предпочитают господство закона, а не решений, выработанных на совместных собраниях.

Четвертый же вид крайней демократии - наиболее опасен. Он появляется в государстве, где слишком много бедных. У этих, не обремененных хозяйством людей избыток досуга, и они склонны скорее руководствоваться решением собраний, чем устоявшимися законами.

В такой обстановке легко выделяются демагоги, управляющие настроениями масс, ибо «там, где все основано на законах, демагогам нет места». (28)

Народ, оказавшийся в роли монарха, становится деспотом. Такая, крайняя демократия, более всего напоминает тиранию. И не только напоминает. Собственно тирания и появляется из «чрезвычайно распушенной демократии»(29), а большинство тиранов вырастает из вождей народа - демагогов. (30) (Но не только. В отличие от Платона, Аристотель подчеркивает, что тирания может развиваться и непосредственно из олигархии, и, как мы уже видели, - из царской власти).

Крайности сходятся, «крайняя демократия» оказывается «той же тиранией».(31)

Таким образом, демократия, основанная на господстве бедных и доходящая до крайностей, оказывается неустойчивой и тяготеет к превращению в собственную противоположность.

По Аристотелю, вообще любое государство, допускающее чрезмерное увеличение в числе бедных и противостояния бедных и богатых оказывается неустойчивым. Здесь Аристотель основывается на общем для античности признании приоритета «золотой середины». В применении к общественному это означает, что «средний достаток из всех благ всего лучше».

Свое утверждение Аристотель стремится подкрепить довольно любопытными психологическими соображениями: имея средний достаток и вообще, принадлежа к «золотой середине», «легче всего повиноваться доводам разума...» А вот сверхсильным, сверхзнатным, сверхбогатым и наоборот, сверхуниженным делать это гораздо труднее.

«Люди первого типа, по Аристотелю, - становятся по преимуществу наглецами и крупными мерзавцами. Люди второго типа делаются негодьями и мелкими мерзавцами. Сверх того люди обоих этих типов не уклоняются от власти, но ревностно стремятся к ней, а ведь и то, и другое приносит государству вред. Далее, люди первого типа, имея избыток благополучия, силы, богатства, дружеских связей и тому подобное, не желают, да и не умеют подчиняться. И это наблюдается уже дома, с детского возраста: избалованные роскошью, в которой они живут, они не обнаруживают привычки повиноваться даже в школах. Поведение людей второго типа из-за крайней необеспеченности крайне униженное». Таким образом, одни способны лишь властвовать, и лишь так, как господа над рабами, а другие - подчиняться, причем лишь той власти, «которая проявляется у господ над рабами».(32)

Все это пагубно для государства. Поэтому устойчиво лишь то общество, где преобладают средние, то есть полития, как бы суммирующая в себе свойства демократии и олигархии, то есть такое государство, где масса достаточно представлена у власти, но при этом не доминируют бедные и допускается обогащение. Образцом в этом отношении, по мысли Аристотеля, был Карфаген, который он в одной из книг своей «Политии» даже именует демократией, но такой, которая допускает обогащение своих граждан.(33)

Для обеспечения устойчивости государства, по Аристотелю,

следовало бы избегать и этнической неоднородности его граждан.

Кроме того, для стабильности и справедливого устройства государства необходимо соблюдение еще двух требований - требований соразмерности населения и территории.

Государство не должно быть слишком малым, иначе трудно будет создать устройство, позволяющее иметь баланс между богатыми и бедными, и такое государство сможет стать легкой добычей тиранов. Но оно и не должно быть слишком большим. Здесь, можем добавить, сказывались и знания об обширных империях Востока с неограниченной властью монархов.

В своих суждениях Аристотель был не одинок. Полис в античности вообще считался образцом справедливо устроенного государства. Поэтому при множестве интереснейших и по сей день наблюдений, Аристотель оставался аналитиком лишь строго определенного типа демократии - полисной, то есть демократии, а еще шире - политики, возможной на строго ограниченной территории при соответственном ограничении числа граждан такого социума. Вполне понятно, что в более поздние времена, возрождая термин «демократия», использовали его применительно к обстоятельствам в огромной мере изменившимся. Но мы так подробно остановились на рассуждениях Платона и Аристотеля потому, что они были связаны с первым нам исторически известным анализом демократии, причем анализом, затронувшим целый ряд очень существенных социально-психологических феноменов.

Дальнейших типов демократии коснемся лишь абрисно. Заметим только, что стремление античных философов усматривать связь между складывающимся государственным строем и размерами государств получило своеобразное развитие в Новое Время. Так, знаменитый французский просветитель Монтескье, сравнивая Восток и Запад, делал вывод, что развитие европейского духа свободы связано с умеренными размерами европейских государств. Конечно, это были уже далеко не античные полисы, но тем не менее они своими масштабами заметно уступали знаменитым азиатским империям: «В Азии всегда были обширные империи, в Европе же они никогда не могли удержаться. Дело в том, что в известной нам Азии равнина гораздо обширнее и она разрезана горами и морями на более крупные области; а поскольку она расположена южнее, то ее источники скорее иссякают, горы менее покрыты снегом и не

очень многоводные реки составляют более легкие преграды.

Поэтому власть в Азии должна быть всегда деспотичной, и если бы там не было такого крайнего рабства, то в ней очень скоро произошло бы разделение на более мелкие государства, несовместимое однако с естественным разделением страны.

В Европе в силу ее естественного деления образовалось несколько государств средней величины, где правление, основанное на законах, не только не оказывается вредным для прочности государства, но, напротив, настолько благоприятно в этом отношении, что государство, лишенное такого правления, приходит в упадок и становится слабее других.

Вот что образовало тот дух свободы, благодаря которому каждая страна в Европе с большим трудом подвергается посторонней силе, если эта последняя не действует посредством торговых законов и в интересах ее торговли». (34)

Не будем разбирать, насколько бесспорны эти рассуждения. Здесь важно иное - стремление высветить с помощью философской традиции и так называемого «географического детерминизма» специфику Европы, которая к XVIII веку стала проследиваться довольно четко. И предстоит еще исследовать, насколько подобные рассуждения использовались в «демо-либеральной» аргументации уместности раздробления СССР, да и России, как чрезмерно громоздких для «подлинной» демократии. Но вернемся к историческим типам демократии.

Следующий по времени тип - «демократия» средневековых городов-государств. Точнее европейских средневековых городов-государств. В «Политологическом энциклопедическом словаре», в частности, упоминаются города Голландии, Венеция и Великий Новгород, где вече избирало религиозного Владыку, посадника и тысяцкого. (35) Практиковалось вече и в других городах средневековой Руси.

Но, надо заметить, что символ русской вольницы Новгород, у чьего колокола, победившие москвиты торжественно вырвали его мятежный «язык», уже по своим размерам никак не вписывался ни в философские античные, ни в более поздние каноны. Земли, подчиненные Господину Великому Новгороду, были столь обширны, что после его включения в состав Московии, территория Московского царства удвоилась. (36)

Во-вторых, спорен и «демократизм» республик, подобных Новгородской. Советские историки называли Новгородскую

республику «феодалной боярской». (37) Возможно, Аристотель, попади он в этот гигантский торговый город Средневековья, охарактеризовал бы его, как «политию», соединяющую в себе черты демократии и олигархии.

А как обстояло дело в Западной Европе? - Здесь многие города тоже обладали относительной самостоятельностью. Но степень ее была различна. Одни из них, как полагает ряд ученых, имели «условно демократические институты местного самоуправления», существовавшие в рамках определенных монархий. (38)

Города, добивавшиеся различными путями местного самоуправления, назывались коммунами. Они имели «право иметь собственные выборные власти, суды, полицию, ополчение, устанавливать налоги, располагать городской казной, издавать местные законы и т.д.» (39)

Другие города становились совершенно самостоятельными городами-государствами. Например, Венеция, Флоренция, Новгород.

Были и такие города, которые не пользовались правами коммун. В них властей назначали синьоры, сохраняя, однако, для горожан обладание личной свободой. По установившемуся обычаю такой свободой мог обладать и беглый крестьянин, проживший в городе один год и один день. Поэтому говорили, что «городской воздух делает свободным». (40).

Немалыми правами обладали и средневековые университеты.

Все это, безусловно, закладывало фундамент будущей так называемой «буржуазной демократии». Но проблема самой средневековой «демократии», даже при тщательном перечислении средневековых городов-коммун и городов-государств, еще остается нерешенной. Ведь «самоуправление» и «демократия» - это разные понятия. Своеобразное самоуправление может быть и в аристократическом, и в олигархическом социуме. Более того, средневековое европейское общество было в принципе корпоративным. Так, например, помимо воли цеха мастер был не вправе даже увеличить зарплату подмастерью. Но с другой стороны корпорация, будь то рыцарско-монашеский орден, цех ремесленников или купеческая гильдия, давала определенную защиту от беспокойного внешнего мира и чувство устойчивости в мире, где все так шатко. Поэтому не случайно члены цехов, равно как и монашеских орденов, называли друг друга братьями.

(Братство это закреплялось соответствующими обычаями и

ритуалами, немаловажное место среди которых занимали совместные трапезы. Не случайно, хорошо известное слово «гильдия», обозначавшее купеческие объединения, переводится, как «пир», так как «члены купеческого объединения время от времени устраивали собрания с выпивкой». Слово же «цех», связанное уже с жизнью ремесленников, возводят к немецкому «цехе», означающему «пирушка», «попойка» (41)

Было бы небезынтересно сопоставить эти средневековые феномены с сисситиями критян и спартанцев, название которых в переводе так и означает «совместная трапеза», а также с эпическими упоминаниями и описаниями королевских, княжеских и иных пиров. Любопытно, что в русском языке существовало даже слово «братина», означавшее своеобразный пиршественный кубок для вина.)

Но здесь для нас пока принципиально важен один момент: «средневековая демократия» смогла пережить само средневековье лишь в виде элементов и тенденций. Города-коммуны вошли в состав государств Нового Времени, то есть, как некие самостоятельные феномены, оказались явлением преходящим, временным. Иными словами и средневековая демократия, равно, как и демократия античная оказалась поглощенной новыми для региона социальными феноменами. Она явилась промежуточной стадией - своеобразным временным буфером между феерическими, но недолговечными империями, вроде империи Карла Великого, полупризрачной Священной Римской империей и абсолютными монархиями более позднего времени. Древность словно повторилась. Но на новом витке исторической спирали.

На этом витке замечается и одно существенное отличие этого периода. Древняя демократия была фактически целиком смещена протоимпериями, вроде Римской республики, и империями-колоссами, сохранившими лишь название и кое-какие формы древних демократических институтов, все более превращавшихся в приличествующие одеяния совсем иных государственных порядков. Средневековая же «демократия» в какой-то мере влилась в виде ряда элементов в новые социальные структуры. Вполне понятно, что при этом что-то менялось, причем кардинально, но что-то и сохранялось.

Так перед историками культуры была поставлена проблема включения демократических, пусть и в очень ограниченном понимании, элементов в недемократические системы. Скажем,

в истории той же царской России интересно было бы взглянуть с этой точки зрения, как на казачью вольницу, так и на крестьянскую общину, вокруг которой уже в XIX веке было сломано столько копий, а также и на рабочие артели.

Новым типом демократии, связанным уже с Новым и Новейшим временем принято называть «буржуазную демократию». В Новое Время она была скорее тенденцией и формой либерализма и эгалитаризма, ставших молотом и наковальней для сокрушения сословных привилегий и корпоративных перегородок Средневековья.

Поскольку в этот период начинают зарождаться современные средства массовой коммуникации, постольку именно «буржуазная демократия», а также ее более поздние, либо альтернативные типы, оказались особенно плотно окутанными туманом социальной мифологии. Словно из сказочного горшочка, которому некто Незримый повелел: «Горшочек, вари!», полились потоки эпитетов и определений, в которых становилось все труднее разобраться даже людям искушенным, ибо этикетки «демократия» и «народность» ставились на политических товарах самого различного рода.

Вспомним, некоторые из них. Здесь и «Масло масляное», то есть народная демократия, и «революционные демократы», и «социал-демократия» (от латинского «социалис» - «общественный, товарищеский», что побуждает поразмышлять: «А может ли народовластие быть не общественным?»), и «христианская демократия»(42), а также демократия либеральная, название которой восходит к латинскому «либералис», то есть «касающийся свободы» (пр.: ЛДПР). Тут же и «парламентская демократия» и такое ноу-хау последних десятилетий, как «рыночная демократия». С другой же стороны - «социалистическая демократия», ливийская Джамахирия, знаменующая, по словам Каддафи эпоху, сменяющую «эпоху республик», когда наступает «этап народного самоуправления»(43)...

Звание демократа, может получить и прогрессивный, либо считающийся таковым монарх. Так, в сообщениях СМИ можно услышать: «Король (Малайзии) избран совсем недавно, но уже сыскал славу демократа». (НТВ. 5 августа, 2003.)

Коллекция такого рода терминов и словоупотреблений могла бы быть и любопытной, и поучительной и каждый желающий может попробовать ее пополнить. Но обратимся к теоре-

тикам. Одна из наиболее емких характеристик «буржуазной демократии», пожалуй, представлена в еще советской «Философской энциклопедии». Если сделать скидку на языковые и прочие штампы своего времени, то картина вырисовывается довольно четкая.

Для объективности приведем ее здесь с максимальной полнотой: множество определений демократии, «данных буржуазной наукой», можно условно разделить на три основные группы: «1) Д. означает гл. обр. или исключительно форму правления, отличающуюся от др. форм правления своими специфич. признаками; 2) Д. представляет собой не только форму правления, но «философию общества» в смысле идеалов и принципов, движущих и управляющих поведением членов общества (с этой точки зрения, вполне можно говорить о «короледемократе» Ю.Б.); 3.) определения дем., включающие в себя в том или ином сочетании элементы определений первых двух групп.

Авторы первой группы обычно относят к признакам демократизма гос. устройство, разделение властей, верховенство парламента над правительством, независимость судебных органов от исполнительной власти, избирательное право и некоторые др. правовые гарантии, провозглашенные конституциями.

Авторы определений, входящих во вторую группу, выдвигают на первый план систему абстрактных этических идеалов, «моральных предпосылок» (моральные качества деятелей, способность к достижению прогресса и т.п.), регулирующих поведение членов общества, и распространяют демократизм не только на политические, но и на экономические, социальные и культурные взаимоотношения людей.

Авторы третьей группы определений считают, что Д. включает правовые и моральные элементы, понимают под Д. «образ жизни» народа.

Идеологи буржуазии и социал-реформисты отождествляют Д. с буржуазным парламентаризмом, который на деле является политич. системой, не создающей необходимых условий для активного участия трудящихся в политической жизни». (44)

Этот обзор определений демократии важен тем, что позволяет подметить одну их общую черту: все они сосредоточены, не на демократии, как таковой, а на демократии определенного исторического периода. Такая ограниченность имеет и свои

плюсы: мы можем уловить основные черты «демократии» в ее современном «западном» понимании.

Своего непредвзятото, причем исторического анализа требует так называемая «социалистическая демократия», один из вариантов которой представляет советское общество. Тут не все так линейно просто, как пытались обрисовать «перестройщики» и иные рьяные либералы. Например, достаточно сложен вопрос о демократических функциях печати и СМИ в целом на разных этапах существования советского общества. СМИ могли быть и розгой, а то и карающим мечом в руках правящей партии, а их удары наноситься всяческим уклонистам от тех или иных эталонов, либо просто противникам в борьбе за место на политическом Олимпе. Однако они же давали выход и, пусть профильтрованным, голосам и «письмам трудящихся». Оценить действенность таких публикаций сегодня очень трудно. Но вполне поддается статистическому рассмотрению поток «писем снизу», опубликованных в тех или иных печатных органах за такие-то годы. Их анализ с сегодняшних позиций мог бы быть очень интересным. Ведь ныне, в условиях «рыночной демократии» роль прессы в жизни общества не просто заметно снизилась, а буквально рухнула. Достаточно сравнить прежние и нынешние тиражи основных изданий и наиболее «ходовую» тематику.

Особое место в типологии «демократий» могли бы занять раскинувшиеся широким веером варианты постсоциалистической и, в частности, постсоветской, «рыночной» демократии.

Какие же предварительные выводы мы могли бы сделать, и что же здесь можно было принять в качестве «рабочей гипотезы»?

1) Первая группа выводов оказывается связанной с исторической логикой развития человеческого общества. Выводы эти сводятся к тому, что все известные виды (типы) или подвиды демократии оказывались исторически преходящими феноменами и на определенных этапах развития тех или иных социумов сменялись авторитарными формами правлений:

Родовая и военно-племенная демократия, сменялись прораставшими сквозь нее различными видами «монархии» и (реже?) олигархии.

Полисно-номовая демократия сменялась имперскими структурами и колоссальной властью царей-воителей, будь то цари Ассирии, Персии, преемники Македонского или римские императоры.

«Феодальная» демократия» вращалась в структуры «восточных деспотий» и европейского абсолютизма, трансформируясь и в первом, и во втором случае.

«Буржуазная» демократия Нового Времени оказалась подрубленной двумя мировыми войнами и на немалой части земного шара была потеснена либо фашистскими режимами и т.п., либо «социализмом», дополнявшимся с ходом десятилетий такими его вариантами, как «африканский социализм», «арабский социализм» и др.

«Социалистическая демократия» оказалась не просто весьма «своеобразной», но и недолговечной. Начинаясь, как «диктатура пролетариата», сопровождавшаяся помимо всего прочего и заметным ограничением избирательных прав у немалой части населения Советской России, она переросла в консервативную «демоолигархию».

На сегодняшний день остаются «западные демократии», «молодые демократии» ряда стран Третьего мира, включая и «рыночные демократии», о которых говорят на постсоветском пространстве. (Китай требует особого анализа).

Таким образом, логика исторических процессов, разворачивавшихся на протяжении всей человеческой истории, наталкивает на довольно печальное предположение о том, что «демократия», не локомотив, который, будучи изобретенным, раз и навсегда займет свое место на рельсах Истории, а временный феномен, преддверие иных, более авторитарных форм правления, а, точнее говоря, организации социальной жизни.

Из этого следует, что и различные варианты «современной демократии» - лишь пролог к иным формам организации социальной жизни. Другой вопрос, каким?

Либо все более жестко авторитарным, при возможном сохранении драпировок нынешней демократии в виде выборов и т.д. Либо, по Конту, стремление поставить на место монархов народ, характерное для «второй» - «метафизической» стадии развития человечества, уступит место готовности дать дорогу специалистам, чей приход к управлению станет важнейшей чертой третьей, «позитивной» стадии истории человечества.

На практике, человечество, видимо, будет комбинировать и то, и другое. При чем (увы) «специалисты», следуя многовековым традициям, будут подчас больше «обслуживать интересы» определенного рода элит, нежели социумов, как систем.

2) При этом встает практически очень важный вопрос: Оставит ли демократия или так называемая «демократия» что-либо будущему миру? - История показывает, что здесь возможно несколько вариантов.

А) Демократические начала сметаются и почти начисто выветриваются из исторической памяти, как в ряде «восточных деспотий» и их предшественниц – великих империй Древнего мира.

Б) Антураж демократии, ее формы и одежды надолго переживают саму демократию или какие-то ее элементы, как это, например, произошло в Римской Республике. Наиболее блистательные примеры этого дает принципат Августа. Но серьезное исследование здесь, конечно, требует не примеров, а развернутых, последовательных и масштабных сопоставлений.

В) Возможно и вращение, пусть и трансформирующихся элементов «демократии» в новые структуры, как это случилось с рядом средневековых городов-коммун. Такое вращение, когда сохраняются не только формы, но и какие-то моменты прежней самоорганизации сообществ, вливающих в более широкие социальные образования.

Возможны и комбинации очерченных здесь вариантов.

3) Третий, крайне важный момент, заключается в том, что поскольку речь заходит о вариантах, было бы логичным отказаться от привычного, но, следующего еще древней зороастрийской традиции, своеобразного дуализма и деления политического мира планеты на зоны действия сил Света и сил Тьмы.

Здесь уместно вспомнить слова Н.А.Назарбаева о том, что «пора отказаться от попыток найти универсальный ключ, который откроет все двери на пути к новому состоянию общества...», равно, как и категорически делить политические системы различных стран на «чистые» и нечистые. Так, например, пишет президент, «в настоящее время мы не можем характеризовать Казахстан, как демократическое или авторитарное государство по западным меркам...» Иными словами, нет одного раз и навсегда выработанного «демократического мерила», которое само по себе, без учета исторического своеобразия тех или иных регионов, подходило бы везде и всюду. (11)

4) Это означает, что у демократии как таковой нет своей собственной истории. Понять демократию мы можем, не противопоставляя ее так называемому авторитаризму и тоталитаризму, а лишь рассматривая ее на изменчиво-многоцветном полотне,

перетекающих одна в другую и комбинирующихся друг с другом, форм организации социальной жизни.

Иными словами нужны своеобразные «карты» и своеобразная социокультурная «таблица Менделеева», где были бы выстроены самые различные типы и формы организации социальной жизни и продемонстрированы самые различные комбинации тех или иных элементов «демократизма» и «авторитаризма».

Более того, уместно посмотреть на так называемые «передовые демократии» из «космоса». То есть, как на часть человечества. И мы увидим, что их физическое существование, равно, как и функционирование «передовых» социально-политических систем, по крайней мере, в нынешнем виде, оказывается возможным лишь благодаря тому, что на Земле сосуществуют рядом с ними «менее прогрессивные и менее демократические» системы. Достаточно вспомнить, какую долю энергоресурсов Земли и т.д. потребляет флагман Западной Демократии - Соединенные Штаты.

Иными словами, «образцовая» демократия оказывается по самой своей природе уже географически ограниченной. Ревностно относясь к собственным боевым потерям, «демократы» США, например, в широком смысле этого слова, куда спокойнее смотрят на людские потери от войн и т.д. за пределами собственно передовых демократий. Тут жизни тысяч иракцев стоят дешевле нежели жизнь одного джи ай. Пиночет, может приветствоваться. Хотя он и уничтожил физически законно избранного президента Чили Альенде, зато «поднял экономику страны» — и т.д., и т.п.

Такая, «географическая» ограниченность демократии может оказаться чрезвычайно важной для ее судеб. Ведь и «демократии» прошлого уходили в тень не только в силу «внутренних» причин, очерченных еще Платоном, а и в результате разворачивания исторических событий на территориях, включавших в себя «анклавы» собственно «демократических», либо еще более «устойчивых» государств. Так, восхищавший Аристотеля Карфаген был буквально стерт с лица Земли как раз в период своего экономического подъема.

С другой стороны, встает вопрос о том, в каких обличьях и аспектах или, если хотите, ипостасях, предстает перед нами «современная демократия»?

Суммируем сказанное.

1. Перед современным массовым сознанием «демократия»

прежде всего предстает, как этикетка, своего рода «лэйбл» социального товара. Причем такая этикетка, которая в духе современного предпринимательства, может на джинсы, пошитые в Нью-Васюках, указать, как на те, из «которых выросла вся Америка». Иначе говоря, термин «демократия» сплошь и рядом превращается в этакий «ханский ярлык», который на поверку не имеет отношения ни к хану, даже весьма невеликому, ни к какому бы то ни было ханству.

Рассмотрение оттенков – логических и эмоциональных – такого рода ярлыков могло бы уже само по себе стать предметом увлекательнейшего исследования. Причем такого, которое могло бы охватить, как СМИ в широком смысле слова, так и литературу – от публицистической до художественной (включая анекдоты) и т.д.

2. Во второй своей ипостаси «демократия» предстает перед сознанием масс, как некий бумеранг или граната, которую противники ловко швыряют друг другу. Иначе говоря – это не просто «ярлык», но и оружие словесных и прочих околополитических баталлий.

3. Третья ипостась «демократии» – это образ. В той сфере так называемой демократической деятельности, которую именуют выборами, избиратели все чаще выбирают не программы, как таковые, а «образы» кандидатов и партий. Наглядные примеры этого дают выборы, как в США, так, например, и в России девяностых. В так называемую «телевизионную эру» появились эталоны, кои претендентам на роли в политических спектаклях никак нельзя игнорировать. Скажем, американский президент должен быть высок и не лыс. Для российского президента это не обязательно. Но образ «мужчины», обладателя «сильной руки» притягателен и здесь, о чем свидетельствуют успехи Ельцина, Лебеда и Путина.

Замечательный штрих такого рода дают и последние выборы в Карачаево-Черкесии, где «банкир», хотя и с небольшим перевесом, но победил импозантного генерала. Как прозвучало в программе «Сегодня», избирателям этой республики «сделать ... выбор было нелегко. Б. умный и много обещает. А генерал уж больно красив и форме». (НТВ. 10 сентября 2003)

4. В более же широком своем значении «образцовая» демократия выступает, как один из современных мифов. Ведь, как уже говорилось, ни в одной современной образцово-демокра-

тической стране демократия, как форма «народовластия в чистом виде» просто не существует. Даже там, где народ вроде бы сам выбирает образы и одежды приличествующей его стране политики, это еще не означает, что он «правит». При этом, чем более милитаризируется и окутывается тайной политическая жизнь общества, тем меньше остается у народа возможностей выбора и тем более компетентного. Он еще может в принципе одобрить или не одобрить ту или иную войну за пределами его страны, но у него нет совершенно никаких возможностей для проверки того, есть ли, скажем, в Ираке оружие массового уничтожения или нет. Здесь ему просто остается верить специалистам и политикам.

Но, подчеркнем, миф в широком понимании – это не просто сказка, мыльные пузыри иллюзий, а мощнейший социальный регулятор человеческого поведения. Поэтому и данная ипостась демократии не должна оцениваться однозначно.

5. Пятая ипостась примыкает к четвертой. Демократия, равно, как и Коммунизм или Рынок и т.д. это еще и идеал, свет далекой и недостижимой звезды, который тем не менее помогает ориентироваться и соответственно плыть в совершенно реальном море человеческих ценностей.

6. Демократия – это, пусть и несколько условное, но название совершенно реально существующих общественно-политических систем. Можно, конечно, спорить о том, насколько, например, демократичны современные Соединенные Штаты; но то, что образ жизни там несколько отличен от того, что существовал в полпотовской Камбодже, пожалуй, неоспоримо. Для Трумена, Никсона или Буша (будь то старший или младший) видимо, пока еще не реально, подобно африканскому Амину уничтожить пятьсот тысяч собственных сограждан. Правда, стереть с лица Земли тысячи сограждан других стран, не сподобившихся приобщиться к «истинной демократии» дело для них такое же естественное, как жвачка или «пепси».

Однако напомним, демократичность такого рода систем может быть осмыслена лишь при рассмотрении их в качестве подсистем некоей большей целостности.

7. Демократия – это еще и тенденции и компоненты более сложных и подчас «противоречивых» социальных систем. И изучение механизмов включения демократических слагаемых в те или иные социальные системы, вплоть до так называемых

авторитарных или тоталитарных, представляется одним из важнейших направлений современной культурологии и дисциплин общественного цикла в целом.

Подытоживая, уместно заметить, казалось бы, очевидное, но обычно остающееся в тени: демократия, равно как нервная или кровеносная система может существовать лишь как компонент определенного организма. В данном случае социального. Это значит, что для демократии определенного типа необходима и своя социально-экономическая инфраструктура. Отсюда и неизбежный вопрос: насколько вообще можно говорить о росте демократии там, где, допустим, с одной стороны, резко растет, число миллиардеров, а, с другой, десятки миллионов человек оказываются за чертой бедности. (По данным Починка в России начала третьего тысячелетия таковых 34 миллиона).

Точно так же встает и другой вопрос: можно ли демократию «экспортировать» в любую страну Земного шара? И что это даст? Ведь даже для компьютеров необходимо, как минимум, электричество, а для супер-современных авиалайнеров требуются соответствующие взлетные полосы.

Последний вопрос отнюдь не риторичен. Ведь смог же Петр I «экспортировать» в Россию не только «западное» вооружение, но и «западные» формы организации государственной жизни. Так почему же именно демократия не может быть привита силой? Но в таком случае, как можно силой привить, например, чувство свободы?

И, наконец, последнее: должна ли «западная демократия» стать обязательным эталоном (пусть даже умозрительным) для стран всего мира? Неужели у столь разнообразного человечества здесь нет и не может быть иных, либо дополнительных вариантов? Не является ли подобная безальтернативность исторического развития формой современного «европоцентризма»?

Представляется, что вопросы такого рода еще ждут своего непредвзятого анализа.

- 1) ...М. Советская энциклопедия, 1983, с. 146.
- 2) ...М.: Прогресс. - Энциклопедия, 1994, с. 130.
- 3) ...М., 1993, с.92.
- 4) Лем С. Маска. Не только фантастика. - М.: Наука, 1990 (318 с.) - с.203.
- 5) Элиан. Пестрые рассказы. - М. - Л.: Наука, 1964, с. 18.
- 6) Мельников Д., Черная Л. Преступник №1. Нацистский режим и его фюрер. - М.: АПН, 1981, с.171-172.
- 7) Там же, с. 172
- 8) Бакунин М. Цит. по: Антология мировой философии Т.4: М: Мысль, 197, с.361.
- 9) Реклю Э. Избранные сочинения. - Петербург: Голос труда, 1921, с.55.
- 10) Философский энциклопедический словарь... с. 146.
- 11) Политологический энциклопедический, словарь... с.92.
- 12) Политологи отмечают, что понятие «военная демократия» ввел Л.Морган. Он использовал его в полемике с европейскими авторами, отождествлявшими, по его мнению, власть греческого бацилея с властью европейских монархов более поздних эпох: «Басилейю», писал он, - можно определить только как военную демократию, народ был свободен, и дух строя, что является наиболее существенным, был демократическим. Басилевс был полководцем и занимал высшую, влиятельнейшую и значительнейшую должность из известных тогдашней общественной системе. За недостатком лучшего выражения, греческими историками для обозначения этого строя было принято слово бацилейя, так как в нем заключалось представление о командовании войском, что составляло выдающуюся черту тогдашнего общественно-го строя.. Для формы строя, при которой (военный) совет и агора продолжали существовать рядом с бацилевсом, может служить точным и верным названием «военная демократия», тогда как употребление выражения «царство» - в смысле обыкновенном соединяемом с этим словом - ошибочно». (Морган Л.Г. Первобытное общество. - С- Петербург: Изд. Л.Ф.Пантелеева, 19000, с.243.
- 13) Аристотель. Сочинения. В четырех томах. Т.4, с.475.
- 14) История турок ... С. -Петербург, 1829, с.75.
- 15) Аристотель. Там же, с.475.
- 16) Там же, с.513.
- 17) Платон. Сочинения. Том 3. Часть 1, - М.: Мысль, 1971, с.364.
- 18) Там же, с.363, 370 - 371.
- 19) Там же, с.371-372.
- 20) Там же, с.372.
- 21) Там же, с.373
- 22) Там же, с.373-374
- 23) Там же, с.382.
- 24) Там же, с.380 - 38
- 25) Краткий очерк истории философии. - М. Мысль, 1981, с.8
- 26) Аристотель... с.489, с.458.
- 27) Там же, с.479.
- 28) Там же ..с.496.
- 29) Там же, с.497, 508.

- 30) Там же... с.552
- 31) там же, с. 557.
- 32) Там же, с.507.
- 33) Там же, с. 567.
- 34) Цит. по: Антология мировой философии... Т.2, с.544.
- 35) Указ. соч...с.92.
- 36) История СССР с древнейших времен до наших дней. Первая серия. Т.1 - М.:Наука, 1966, с.627
- 37) Там же, с.638.
- 38) Политологический ... словарь... Там же.
- 39) Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. История средних веков. Учебник. - М.: Интерпракс, 1995, с.141.
- 40) Там же, с. 136
- 41) Там же, с. 137.
- 42) См., например: Маркевич С. Современная христианская демократия: Пер. с пол.. М.: Политиздат, 1982. - 287 с.
- 43) Каддафи Муаммар. Зеленая книга. - М.: Международные отношения, 1989, с.13.
- 44) Денисов А. Демократия. - Философская энцикл. Т.1. - М.: М.: Советская энцикл., 1960, с.457.

ВЕДАЛИ ЛИ НА ВОСТОКЕ О ДЕМОКРАТИИ?

Поразительные вещи случаются в жизни! Года полтора назад мне довелось выступать на международной конференции в Московском Государственном Университете со своими размышлениями о демократии или тем, что принято ею называть. Размышлениями не политолога, а историка и немножко философа. И один из заданных мне вопросов звучал: «А были ли традиции демократии на Руси?» – И вот чудо: приходят из Парижа книги Александра Скирды, и одна из них так и называется: «Вольная Русь. От веча до Советов 1917 года». Мало того – эта книга попадает мне в руки. Ну как после этого утверждать, что в мире господствует слепой случай?

Итак, «Вольная Русь...» Казалось бы, нам, да еще в Казахстане, мало дела до вольной или не слишком вольной Руси. – У нас теперь «своя история». Но могут быть отдельными государства. А вот «отдельных» историй не бывает. Да и вопросы-то перед нами – не из старых бабушкиных сундуков, а из самой жизни! Только ли в далеком прошлом дело, и только ли в прошлом Руси, если сегодня сплошь и рядом можно услышать то горестные сетования, то философические сентенции о том, что, мол, народы бывшего СССР не имеют ни мало-мальских навыков, ни традиций демократии. А чего нет – того нет. Тут уж ничего не попишешь. Оттого и годны-то наши народы лишь на то, чтобы одно ярмо менять на другое. Но, чтобы без ярма – ни-ни. – Традиции не те. Тут и глас именитого кинорежиссера слышен. И целый хор демократо-либералов.

А что делать с теми, у кого традиции «не того»? – Учить уму-разуму. Сначала Соросам и Бжезинским... А потом, в случае туговатой усвояемости, и бомбочками можно подстегнуть. Чего не сделаешь ради первых уроков демократии для тех, у кого нет этих самых злосчастных демократических традиций, нет исторического опыта духовной и прочих свобод! Благо в Югославии и Ираке уже потренировались...

Правда, кого-то такая прямолинейность может покоробить: Когда нам реклама вещает, что есть «правильное пиво» – хочется глотнуть. Но традиции-то – не пиво. Неужели одни –

скажем, англосаксонские – исключительно правильные: только глотай, а другие – всякие там славянские и тюркские – сплошь «неправильные» и очередной раз нуждаются в срочной коренной перестройке, да еще с народом (черт бы его побрал!), совершенно не настроенным на демократическую диету. Ему, видишь ли, – все царей да вождей подавай!

Как видим, разговор о традициях и привычках – далеко не академичен. Потому и книга Скирды выглядит удивительно современной, хотя речь в ней вроде бы идет о полусказочно далеком прошлом. Правда, не только о нем. Три завершающие главы посвящены русским анархистам, их столкновению с большевиками и большевистскому приходу к власти. Но – не объять необъятное. С обзором последних мы познакомим читателя чуть позже. Сегодня же поговорим только о «традициях». Был ли «дух рабства» исконным в славянской жизни? – Есть и такие, кто пытается доказывать нечто подобное. Даже словами поигрывают. «Слэйв» у англичан – раб. Значит, и славяне по своей природе были рабами. Но с помощью таких словесных игр можно доказать что угодно – к примеру, что «ветеринар» – это тот, кто пускает ветры на нарах.

А что говорит история? – За всю историю, как и «за всю Одессу», мы сказать не можем. А вот суждения и данные, приводимые Скирдой, пусть они и не бесспорны, дают немало пищи для размышлений. И здесь для нас значима не их оригинальность либо «кричащая» новизна, а именно созвучность дискуссиям сегодняшнего дня.

Не скрою, я нашел немало и такого, что перекликалось с моими собственными, давними раздумьями. Так о чем же размышляет уважаемый автор из Парижа с украинской фамилией?

О, казалось бы, очевидном: как можно всерьез говорить об отсутствии традиций демократии, если в самых разных древнерусских городах были известны массовые собрания, называвшиеся «вече»? Участвовали в таких собраниях фактически все свободные граждане.

На этих собраниях, которые порою длились довольно долго, решались жизненно важные вопросы, избирались должностные лица и даже ...князья. «Из пятидесяти киевских князей 14 были избраны ...непосредственно вечем». Князя же, вызвавшего недовольство, могли и изгнать, а то и заключить

под стражу, чтобы тот не попытался использовать силу. (с.13).

Вообще, князья и их «дружинушки хоробрые» нередко были лишь своего рода «контрактниками», бравшимися на службу тем или иным городом. Эти сведения наталкивают на мысль, что в знаменитой истории призвания варягов на Русь нет ничего необычного для тех далеких лет. Мало ли откуда могли нанять людей служилых! Другое дело, что и те были не промах и, действуя по принципу Жванецкого «что охраняешь, то и имеешь», норовили то там, то тут превратиться из просто служилых в господ. Так ведь это случалось не только в истории Руси! А ведь бывало и куда хуже. Знаменитые своей образцовой демократией англичане никого вроде бы не нанимали, а викинги сами пришли и в 1066 г. расколошматили их в битве при Гастингсе и стали господствующим классом.

С другой стороны, есть же и мировая традиция. – Какой уважающий себя правитель хотел быть доморощенным владыкой? – Римляне, например, вели родословную своих древнейших царей от Энея, бежавшего из сожженной греками Трои. Прочие – сплошь и рядом от самих богов. Славяне – русы оказались скромнее, Родословную самых именитых князей, а затем и царей повели не от богов, а от варягов. Кстати, как считают многие, а вместе с ними и автор «Вольной Руси», и само наименование «Русь» варяжского происхождения. Это мнение не бесспорно. Но интересно. И уж во всяком случае ни для кого не унижительно. Не возмущаются же современные нормандцы оттого, что их земля названа Нормандией в память о каких-то наглых грабителях прежних столетий. А на Русь-то, если верить начальной русской летописи, варяги пришли не как завоеватели, а как призванные служители. Но вернемся к вопросу о «демократии», пусть и в ее средневековом варианте, и самоуправлении. Известны исследования, где перечислено 49 городов, разбросанных ныне по России, Украине и Белоруссии, – городов, «имевших своей политической основой вече и выборного князя». (с.15). Более того, по мнению Скирды, распри между князьями лишь усиливали значимость веча. Образцом же вечевого республики, как хорошо известно, был Господин Великий Новгород, торговавший с сорока девятью городами Ганзейской гильдии, город, чьи владения были сопоставимы с территорией крупного западноевропейского государства. (с.18).

Уже этих примеров достаточно, чтобы показать: не так-то все просто с истоками демократии и «исконностью духа рабства» у какого-либо народа. Но как же и почему стали утрачиваться вольнолюбивые традиции самоуправления?

Скирда полагает, что во многом здесь повинна... христианская церковь. Она «приложила усилия к тому, чтобы заменить принцип выборности принципом власти милостью Божьей (разумеется, при ее посредничестве). Чтобы овладеть умами, она сумела выдать себя за покорную и послушную, скрывая при этом в византийском мракобесье свои огромные амбиции и безграничную нетерпимость». (19).

Сегодня в СНГ подобные филиппики в адрес церкви звучат довольно непривычно. Я, например, о «византийском мракобесии» говорить не стал бы. Даже самые ярые атеисты советских лет усматривали в принятии Русью христианства и благие стороны. Но, пожалуй, А.Скирда довольно точно подметил одну реальную проблему. Христианство, поднявшее над погрязшим в разврате, насилии и чинопоклонстве Римом знамя духовной свободы, само со временем частично переняло, частично создало организации с очень жесткой системой подчинения – церкви. Организации, принципы которых разительно отличались от «вечевого демократии».

Но куда более сильный удар этой демократии нанесло «монгольское нашествие» и иго, не только крушившее древнерусские города, но и давшее матрицу, образец создания единой крепкой – царственной власти, которым и воспользовалась уже Московская Русь. Московские князья, пишет Скирда, «стали наследниками монголов, унаследовав так называемую систему восточного деспотизма». (с.21).

Здесь, я лично хотел бы добавить, что влияние «нашествия и ига» и кочевников в целом, возможно, не так однозначно, а, по крайней мере, двойственно. Казачество, корни которого уходят, видимо, еще в домонгольский период, – как русское, так и украинское – бедовое дитя славяно-тюркских народов. Может быть, точнее было бы сказать: тюркско-славянских... Но это ли не вольница? Это ли не «степная демократия», правда, со своей достаточно жесткой дисциплиной. Но кто сказал, что демократия возможна без дисциплины? Кто сказал, что самоуправление не требует порой жесточайшей дисциплины от сообщества, в котором оно суще-

ствуется? – Думается, что философское и историко-философское осмысление феномена казачества еще впереди, при всем том, что написано о нем. Ведь тысячекратно воспетое Голливудом ковбойство по своей исторической значимости, по масштабности событий и колориту – просто грязная лужа рядом с грандиозными волнами казацких движений.

Но все это было на периферии. Собственно же система, подавлявшая былые ростки демократии, по мысли Скирды, складывалась под двойным влиянием военной силы и духовной власти. Это же привело к вырождению былые демократические традиции, и уже избравший первого Романова Земский Собор 1613 г., как полагает автор «Вольной Руси», являл собой лишь «жалкое подобие веча». (с.22).

Конечно же, со всем сказанным можно спорить, можно при желании отметить истоки тех или иных идей и суждений. Такой спор, такая полемика – дело читателя. Однако в подобных, обобщающих работах всегда привлекает четкость мысли, конкретность проблемы. Здесь есть с чем спорить и что защищать, и нет стыдливого поигрывания словами, уводящими нас от сути.

Но, при всей возможности дискуссий, хотелось бы отметить значимость самой проблемы и стремления осмыслить логику драматичнейших событий отечественной истории, шлейф которых лег не только на будущее собственно России. Это – петровские преобразования и дальнейшее укрепление российского самодержавия, а вместе с ним и крепостничества.

Увы, деятельность Петра по давней привычке отождествлять патриотизм с мундиром и со всякой властью, лишь бы она была «своей», у нас даже в научной и учебной литературе обычно изображается излишне картинно. А ведь, наверное, она в первую очередь была трагедией для огромной страны. И этот вывод четко прорисовывается в книге Скирды, которую всякий желающий может сопоставить с нетривиальной «Несостоявшейся империей» Андрея Бурковского (Красноярск «Бонус», Москва «ОЛМА – ПРЕСС», 2001 – 512 с.).

И там и тут неотвязно звучит одна мысль, которая последние годы жгла и меня: как прославлять реформы, которые так ударили по населению? Как абстрактно славить единение народов, если обратной его стороной были жесточайшие

расправы? Цифры, конечно же, несколько условны. Но судите сами. Одним только запорожцам измена Мазепы стоила рек крови. 9 тысяч из них были повешены после воспето́й Пушкиным победы под Полтавой и 40 тысяч сгнило при строительстве Петербурга. (с.22). Там же погибли и тысячи плененных шведов, а уж своих, русских и иных подданных империи, – не счесть. Недаром говорили, что Петербург строился на костях. В целом же, по хорошо известным подсчетам, тягловое, то есть облагаемое налогами, население государства к 1710 г. уменьшилось на 20 и даже 25%. Правда, не все они погибли. Примерно треть подалась в бег и разбойничьи ватаги. И все-таки, какая катастрофа!

А ведь были и непрямые последствия «реформ» – массовое и жесточайшее закрепощение крестьянства. Поборница «просвещенного абсолютизма» раздаривала своим любимцам 800 тысяч крестьян. Ее сын Павел, русский глава Мальтийского ордена успел за куда меньший срок раздарить 530 тысяч, вдобавок «ввел крепостничество в Крыму и на Кавказе». (с.25). Все это привело к тому, что в 1855 г., накануне освобождения крестьян, из 60 млн. россиян 46 млн. были крепостными. (с.26).

Однако была и иная, не менее зловещая для будущего всего народа сторона «реформ»: в 18 и 19 веках Россия 128 лет и 4 месяца провела в военных столкновениях. В целом в них участвовало 10 млн. человек, треть из которых погибла. (с.23).

С цифрами можно спорить, их можно уточнять. Но, думается, картина в целом очень наглядна. Ценою колоссальных потерь, метаний и вырывания с корнем самых разных ростков демократии и самоуправления, была создана, видимо, лучшая в 18 веке армия. Но вдумаясь: и что с того? Воевали то с турками, то в Крыму, что еще хоть как-то можно было объяснить стратегическими интересами страны на то время. Громыхали победами в Европе. Сумели пройти сквозь Чертов мост и на ягодицах съехать с Альп. Уморили болезнями, переходами и уложили под пулями и ядрами массы людей. Уложили в европейских войнах, которые, с точки зрения интересов страны и ее народа, были совершенно бессмысленны. Губя же массы и «своих», и «чужих», закручивали и закручивали гайки. Ибо не может быть военной империи без самого жесточайшего подчинения воле вышестоящих свое-

го собственного народа. Народа, жизнь которого не ставилась ни во что.

Замелькают десятилетия. Будут русско-турецкая 1877-1878 г.г. война, русско-японская, революция 1917, гражданская и вокруг нее две мировые. И каждый раз будет повторяться одно и то же — то, что мы встречаем и в написанной с болью книге А. Скирды, — полнейшее безразличие к тысячам и миллионам жизней.

И вот печальный итог. Россия на грани демографической катастрофы. Не все блестяще с демографией в Украине и Казахстане... А Индия и Китай, которые тоже не баловались идиллией, но тем не менее не знали в последние столетия столь же блистательных, как российские, побед, медленно, но упорно выходят в число ведущих держав мира.

Но это уже не мысли, почерпнутые из книги, а мысли, навеянные и книгой, и самой жизнью. В этих кратких заметках ухвачена лишь одна из основных проблем «Вольной Руси». Очень многое осталось за кадром. И, честно говоря, жаль, что эта популярная, доступно написанная книга издана в Париже и потому недоступна нашему сегодняшнему студенту, да и читателю вообще, тому читателю, который хотел бы познакомиться с разными взглядами на, увы, слишком хорошо знакомые ему проблемы. Как бы то ни было, а перед нами одна из тех книг, в которых Прошлое прорастает в настоящем, которые побуждают задуматься, в чем-то усомниться, а с чем-то поспорить, но обязательно — соразмышлять. А это ли не задача книги об истории?

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВОМ?

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВОМ?

...Идет ли речь о языке литературы, театра, кино и т.д., не зная его азов или не желая их знать, зачастую трудно, а то и просто невозможно наслаждаться многогранной красотой шедевров, да и более рядовых произведений. Тут как в шахматах: красоту игры, комбинации, творческого замысла способен почувствовать тот, кто достиг какого-то минимума - хотя бы второго или третьего разряда. Прочие же будут видеть лишь скопление фигур на доске. И ничего больше.

Не надо далеко ходить, углубляться в древнюю историю, посещать экзотические страны, либо ворошить груды научных и околонаучных трактатов. Удивительное - рядом. Только оно нам кажется естественным и самоочевидным. Как «естественны» шуточки и недоумения недавно «прозревших» критиков: Господа! Как же это так? В центре Москвы - кладбище. На Красной площади - мавзолей. В склеп стала превращаться кремлевская стена. Поневоле вспомнишь о вампирах, вурдалаках и прочих непривлекательных персонах.

И в самом деле, ну не уродство, не извращение ли - кладбище в центре столицы гигантского (пока еще?) государства? Да и вообще, может ли город, особенно устремленный в будущее, каким-то образом ассоциироваться с могилой?

- Нет, конечно, - скажут многие. - Могила - это что-то мрачное, чуждое устремленности в светлое завтра.

И вот уже люди, иные из которых из года в год, не задумываясь, всходили на мавзолей, решают, что Акмолинск - Белая Могила - куда как некрасиво. Назовем-ка звучнее: Целиноградом. Пожалеет тех, кто на вопрос: Откуда ты? - вынужден отвечать: из Белой Могилы.

Но... Странно. Почему же это спустя считанные годы Целиноград вновь становится Белой Могилой - Акмолой? И мало того, этот город превращают в столицу целого государства. Это что же теперь, указы и всякие там директивы будут исходить из... Белой Могилы?

Не буду касаться вопросов о пользе или вреде переименова-

ний, переноса столиц и т.д. Это разговор особый. Замечу только, что и в России, неподалеку от Казахстана есть целый город, название которого очень близко к названию нынешней столицы Казахстана. Город этот - Курган. Некогда (судя по БСЭ), слово «курган» означало на тюркском «укрепленный холм». Но уже с XVI века курганом в России стали именовать собственно «насыпь над могилой», а в отдельных случаях и целый комплекс погребальных сооружений.

Опять какие-то странности? Какая-то необъяснимая тяга наших тюрко-славянских предков к ужасикам и щекотанию нервов? Разве такой вывод не логичен? Логичен и убедителен, если посмотреть на все это с точки зрения грубовато-прямодушного (а отнюдь не научного) атеизма и воинствующего индивидуализма: жизнь - это стол, движение (желательно в иномарке), объятия, деньги, а могила - тлен, небытие. Что ж, такой взгляд, такие ощущения естественны, но не всеобъемлющи и не безусловны.

Поэтому давайте попробуем взглянуть и на кремлевскую стену, и на мавзолей, и на Курган, и на Акмолу иначе, как бы с другой из вершин мировой культуры - и соотношение прекрасного, притягивающего и мрачного, а то и отталкивающе-безобразного покажется совсем иным.

Вспомните мавзолей Тадж-Махал, этот неповторимый памятник вечно живой любви. Мавзолей. Усыпальница. А какая светлая красота! Случайно? Вовсе нет. Испокон веков у самых разных народов, исповадовавших самые несходные религии, места захоронения любимых и чтимых людей становились символами высшего существования. Существования, не ограничивающегося мимолетными контурами бренного тела.

К тому же люди верили, а во многих странах верят и поныне, что места эти таят в себе источники животворной силы, несущей избавление от самых различных недугов. Так, в Сирии даже чтят могилу, которая считается местом захоронения жертвы самого первого в человеческой истории убийства - Авеля. Хотя мавзолей находится на высоте примерно 1200-1400 метров и добраться до него нелегко, захоронение носит следы постоянного внимания. По свидетельству очевидца, вся могила «покрыта слоем ковриков и платков, зеленых, желтых, красных». К ней и поныне привозят больных, жаждущих исцеления. (Майбаум Ханс. Сирия - перекресток путей и народов. М., 1982, с. 8-9).

В Центральной же Индии, неподалеку от Бхопала, местом

уже массового паломничества является святыня, чтимая всем буддийским миром. И святыня эта - ступа, считающаяся местом захоронения части останков самого Будды Гаутамы. Это, хорошо нам знакомое по русским сказкам слово, здесь не имеет никакого отношения к страшной Бабе Яге, а используется в совершенно ином смысле и не случайно обладает общим корнем с другим словом - «тепе», обозначающим погребальный холм. Сообщают, что при императоре Ашоке было воздвигнуто целых 84 тысячи ступ.

Казалось бы, места расположения таких холмов должны быть окутаны благоговейной тишиной или навевать настроение, напоминающее о картине Левитана «Над вечным покоем». Ничего подобного. «Ступы воздвигались обычно там, - говорится в «Истории искусств стран Востока» (М., 1986, с.154-156), - где проходили шумные празднества с музыкой, танцами, процессиями, торжественными обрядами в честь духов-покровителей и местных богов».

Аналогичные примеры известны и в других культурах. Достаточно сказать, что название Эн-Неджефа (Ирак) - самого чтимого города шиитов означает по своей сути почти то же самое, что Курган и Акмола. Это - «Бугор». То есть могильная насыпь. Назван же он так (по сообщению востоковеда О.Г.Герасимова) потому, что здесь захоронили одного из первых халифов (преемников пророка Мухаммеда) - «меч ислама», зятя и двоюродного брата Мухаммеда-Али, чтимого шиитами наравне с самим пророком.

История гласит, что Али был заколот отравленным мечом и, умирая, завещал похоронить его там, где остановится нога верблюда, несущего тело халифа. Воздвигнутая там же мечеть, судя по рассказам иракцев, не только святыня, но и одно из прекраснейших и богатейших сооружений мира. (Герасимов О.Г. На ближневосточных перекрестках. М., 1979, с.170-174).

Не удивительно, что в Казахстане, тоже окреп культ священных могил - мазаров, в число которых вошла и чтимая «Акмола». И ничего уродливо-мрачного это название не несло тем, кто селился вокруг священного места. Скорее наоборот. Ведь смысл казахского слова «ак» - «белый» расщепляется словно солнечный луч; и если для кого-то из нас «Белая Могила» может стать тем, что навевает мысли о замерзающем в бескрайней, заснеженной степи ямщике, то для человека, чтящего мазары,

белая значит еще и «светлая», излучающая мистические целительные силы. Иначе говоря, Святое Место. Святыня.

Итак, Белый - это еще и светлый, и, возможно, - святой. Да и на русском слова «святой» и «светлый» созвучны. Ведь святые - согласно христианской вере - не только образцы нравственной чистоты, но и, образно говоря, носители Божественного света.

Точно так же, как с Акмолой, непросто обстоит дело и с кремлевской стеной, и с мавзолеем. Да и могила Неизвестного Солдата остается в самом центре Москвы, и это никого не уязвляет. И, наконец, разве пирамиды - последняя обитель фараонов - видятся нами в мрачных тонах?

Превращение же Акмолы в Астану - это уже иная тема.

P.S. Автор не касается других версий происхождения названия столицы.

ПОЧЕМУ ПОБЕЖДАЛИ СПАРТАНЦЫ?

На днях на телеэкранах появился вновь довольно старый уже фильм, «чемпион отечественного кинопроката» - «300 спартанцев». Казалось бы - так, красочная лента о прошлом. А ведь есть о чем подумать и нам сегодняшним. В самом деле, почему, каким образом горстка греков посмела и смогла противостоять несчетному войску персов в совершенно безнадежном бою, когда, по словам «отца истории» Геродота, воины Ксеркса тысячами падали на землю?

Не будем вдаваться в цифры - они непроверяемы. Тем более, что греко-персидские войны знакомы нам прежде всего по рассказам самих греков, а Геродотово описание Фермопил напоминает эпические битвы, сказания о которых сложены у самых разных народов мира. Но сами события - не выдумка. Фермопильское сражение было. В 480 г. до н.э. Точно так же, как не выдуманы ни Марафонская битва, ни бой при Платеях, где пал вместе с отрядом отборных телохранителей не раз упоминающийся в фильме Мардоний.

Что же давало грекам силу? Судя по некоторым данным раскопок, греки были не крупнее воинов многоплеменных персидских армий, а подчас и мельче. Не случайно в фильме проскользнуло, что спартанцев считали сравнительно низкорослыми. Да и греческие доспехи не всегда были лучше персидских, а вот копья - подлиннее. Так в чем же дело? Прежде всего в спайке, организованности и взаимодействии. Даже неоднократно «убегая» от преследующего врага, спартанцы строго следили за тем, чтобы никто не отставал и не вырывался вперед. Потом же разом неожиданно поворачивались лицом к противнику - и вновь и вновь перед персами и прочими их союзниками и подчиненными оказывалась стена. Получалось, что всякий раз враги греков кидались то в одиночку, то группами по 10 и 50 человек на эту стену и разбивались о нее, как волны.

Кстати, на той же синхронности действий и спаянности основывались победы фаланги Македонского и «свиньи», или клина, крестоносцев, что замечательно показано в уже отечественном фильме «Александр Невский». Механизм, искусно сконструированный из тел, всегда побеждал человеческую массу, какова бы ни была ее величина. И недаром в «300 спартанцев» один из персонажей фильма роняет: «Персы знали, что будут

сражаться с людьми, но не ожидали, что им придется драться с «живыми машинами».

Организованность и сплоченность оказывались решающими и когда дело доходило до борьбы, выходящей за рамки отдельных сражений. На протяжении всей человеческой истории, пожалуй, побеждали не более рослые, сильные, индивидуально храбрые, богатые (лучше финансируемые), а более сплоченные и мобильные. Те же кочевники, равно, как викинги и другие, бывали сильны не числом своих орд, ватаг, отрядов, а стремительностью и единством.

Увы, как это ни банально, а единство, превращающее массу в коллектив - оно и прежде всего оно на протяжении тысяч лет позволило человеческим сообществам сохраняться под ударами внешних сил. Там же, где лозунгом или же негласным руководством к действию становилось: «Каждый за себя...», не спасали ни чья-то личная храбрость, ни число, ни сводящие с ума богатства. Такие общества гибли. Сказано же в Библии: «...всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит».

«ТИТАНИК». ФИЛЬМ - О ПРОШЛОМ?

Признаюсь, я поначалу совсем не хотел смотреть этот фильм на ОРТ. Мало ли о чем шумят сегодня? И куда только не залетают мыльные пузыри рекламы?

И в самом деле: события достаточно знакомы. Все возможные ходы десятки раз обкатаны в вещах подобного рода. Ну на что смотреть? На какое-то время даже выключил телевизор. Но... ненароком включил и... почувствовал странную притягательность старомодной по самой своей сути киноленты. С чего бы это?

Возможно от того, что, когда мы соприкасаемся с искусством и масс-медиа, нас всегда задевают две вещи: как и о чем? Причем на первом месте все чаще оказывается именно как.

Так вот, язык фильма, его аура, оказываются необычными своей рельефной «допотопностью». Люди в фильме, как и герои античной трагедии, статичны. Они в принципе не склонны на непредсказуемые поступки. Никаких разломов душ. Никакой потаенной сути, высеченной молнией пограничной ситуации - положением между жизнью и смертью. Старая и чопорная леди и в минуты катастрофы больше беспокоится о том, что она не напудрена, да о своей собачке, нежели обо всем остальном. Вор и негодяй так и остается вором и негодяем. Его же молодой напарник ведет себя иначе лишь потому, что в его душе уже теплились ростки добра. Джентльмены поднимают бокалы. Оркестр играет. Команда делает свое дело. Даже полноценной, щекочущей нервы паники - и то нет. Фильм - об одной из величайших катастроф - и не триллер.

Но, может, этим он и притягивает? Самим дыханием светлой печали и наивно-непрактичной любви, так контрастирующей со всеми духовными помоями и нескончаемыми брызгами раздражения, злобы, психических деформаций, которые хлещут на нас с экрана и, боюсь, способны внести «немалую лепту» в штамповку психопатов и генезис массовых психозов.

Оказалось существенным и то, о чем фильм. Я, конечно, субъективен. Но не стало ли здесь главным ощущение того, что люди могут жить по-человечески, даже если жить остается считанные часы и минуты? В таком случае внешне абсурдное поведение многих из терпящих крушение (скажем, бокалы в руках или слова любви) обретает глубинный смысл. Мало того, тут и восклицания: «Бога нет!» становятся несущественными. Потому, что между «Бога нет» и другой хрестоматийной фразой: «Бога нет - значит, все дозволено» - в реальной жизни дистанция огромного размера.

Она, думается, кроется не в словах, не в четкой отточенности аргументов, а в привычке быть человеком, которая куда глубиннее того, что мы именуем верованиями и убеждениями.

И, увы, уж не эту ли привычку в нас усиленно расшатывают сегодня, неустанно убеждая в том, что каждый из нас должен надеяться не на государство, добрых дядь и т.д., а на себя и только на себя? По мне - в подобных постулатах-утверждениях двойная и «ой, какая!» страшная ложь.

Во-первых, она уже в том, что, находясь на одном корабле, каковым является любое общество, просто невозможно быть киплингской кошкой, которая гуляла бы сама по себе. В критической же ситуации такие люди-кошки становятся смертельно опасными и не случайно в фильме и паникер, и преступник, обманом забравшейся в шлюпку, гибнут в числе первых.

Но есть и вторая грань той лжи, которой нас потчуют так же настойчиво, как детсадовцев манной кашей. Вспоминаю фильм, действия его команды, для которой ничего не значили ни положение в свете, ни деньги тех, чьи жизни зависели от ее выбора, и думаю: а что было бы, когда бы такой вот «Титаник» заполнили нынешние СНГовцы? Кому бы давала те путевки в жизнь сегодняшняя команда? Очень боюсь, что не женщинам и детям.

Да и что тут фантазировать, представлять? Разве не напоминает погибший Союз, напоротившийся на айсберг, «Титаник»? И как же повела себя его команда? Расхватала срочно приватизированные суверенные шлюпки и в придачу все иные, подвернувшиеся под руку, спасательные средства. А потом изо всех рупоров стали раздаваться рулады о значимости личной инициативы и о том, что спасение утопающих - дело рук самих утопающих. Хорошенькие слова. Разумные. Да только вот заковыка: те, кто кричит их - на шлюпках. Миллионы же других барахтаются в ледяной воде. Тренируя тем самым свою личную предприимчивость. Пока не окончили. Или не захлебнулись.

* * *

Существует и несколько иная версия развертывания трагедии в ночь на 15 апреля 1912 г. Шлюпок на самом деле не хватало. В 20 шлюпках было лишь 1178 мест, тогда как на борту лайнера находилось 2207 человек. Но и те, что имелись, были не заполнены до конца. Даже не из-за спешки спасавшихся. А просто потому, что многие были уверены в непотопляемости «Титаника», вместе с которым погибло 200 человек. Около же 1300 (абсолютно все, оказавшиеся вне шлюпок) умерли на воде от переохлаждения. Всего погибло 1503 человека.

ЧТО СЛАВНЕЕ: ПОБЕДА НАД МОГУЧИМ ВРАГОМ ИЛИ СТОЙКОСТЬ В НЕРАВНОЙ БИТВЕ?

«ЛУЧШЕ СЛАВНАЯ КОНЧИНА, ЧЕМ БЕССЛАВНЫХ ДНЕЙ ПОЗОР»

В мифах, эпосе разных народов мы встречаем немало историй о достославных победах героев и богатырей над самыми могучими недругами. Здесь и Гильгамеш, и Геракл, и библейский Давид, и русские герои былин, и казахские Алпамыс и Кобланды, и многие, многие иные.

Но не менее замечательны и сказания совсем иного рода – истории об идущих на смерть, на бой, в котором их не ждет победа.

В совсем недавно прошумевшем «блокбастере» «Троя» мы встречаем любопытный диалог Ахиллеса и его матери, когда решается: идти ли герою на Троянскую войну.

Выбор за ним самим. Идти, точнее плыть в неблизкие земли он вовсе не обязан. Стоит ему остаться, предоставив царям самим разбираться в своих проблемах, – и его ждет семейная жизнь, потомство, которое в должный час позаботится о его могиле. Но... Минут сотни, тысячи лет. Забудутся и дети Ахиллеса, и дети его детей. А вместе с ними и само имя Ахиллес выветрится из памяти людской.

А что ждет героя, если он все же отправится к Трое? – Подвиги, но и неминуемая гибель. Однако только гибель обессмертит его имя, и спустя тысячелетия имя Ахиллеса будет жить на устах людей, так, словно герой никуда и не уходил из этой, земной жизни.

Ахиллес выбирает второе.

Что это – всего лишь славолубие, суетность которого подметили еще древние китайцы? – И в самом деле. Все ли, некогда прославлявшиеся имена звучат в кругу людей спустя столетия после ухода из жизни их обладателей? Да если и звучат, то что с того? В силах ли простое созвучие вернуть к жизни, того, кто некогда обладал прославляемым именем?

Ох, и тщеславны же были эти древние, особенно греки – наши

учителя в деле культуры. Один готов очертя голову кинуться в пекло боя, лишь бы только и через тысячи лет, кто-нибудь мог бы пробормотать: «А, Ахиллес, что-то говаривали нам о нем еще в школе...» Другой – и того круче: сжигает чудо света, лишь бы люди не запаматовали, что жил некогда Герострат.

Что ж, слава – это тоже поиск одной из тропинок к бессмертию. Пусть даже не абсолютному. Но, может быть, у славолюбия есть и более глубокие корни? А что если некогда тяготение к славе было слито с... вербальной магией?

Каким же образом? – спросите вы.

Да вполне объяснимым. Хорошо известно, что некогда слово и вещь, имя и его обладатель воспринимались, как неотделимые друг от друга.

С одной стороны люди были убеждены: назвать – значит понять, более того, овладеть названным, подобно тому, как, говоря современным языком, знающий код или ключевое слово, способен открыть сейф, ячейку в камере хранения или снять деньги с пластиковой карточки.

Подобные взгляды мы встречаем уже в истории о предпервой женщине Лилит – опаснейшей для мужчин чаровнице. Однако стоило назвать верно скрытое от постороннего имя – и чары Лилит покидали ее. Прямо, как воздух – проколотый шарик. То же самое – в известной сказке великих собирателей германского фольклора: «Гром Тихогром». Этот сказочный волшебник помог милой девице выполнить задание столь же непростое, как из задумки иных эсенговских реформаторов от образования. Взамен же потребовал ее будущего сыночка. Ну, на то, чего еще нет, мы все не особо скупимся. Не поскупилась и девица. Но настал черед расплачиваться. И только знание имени гнома могло б избавить от выполнения тягостного долга. И что же? – Девица, теперь уже царевна, выведала имя – и гном мигом исчез при звуках, выпорхнувших из ее рта.

(Любопытно, что это, еще магическое: назвать – значит понять и даже овладеть активно использовалось в «атеистическом» большевизме. Все эти «оппортунисты», «рenegаты», «интернационалы» были для «рабоче-крестьянской» России скорее чарующими, околдовывающими звуками, диковинными этикетками на заморском товаре, нежели собственно обозначениями реальности, как таковой.

Кстати, столь же околдовывающие, смутные для обыденно-

го сознания понятия начинают буйно пробиваться сквозь привычный язык по сути во всякую переломную эпоху. Вспомните хотя бы все эти «саммиты» (а не встречи), «транши» (а не переводы), «спикеров» (а не председателей) и прочая, и прочая, имея чему «легион»).

С другой стороны, для древних имя, слово, это и хранитель сверхтелесного и существенного в вещи и в самой личности. Как и пирамиды, имя тоже путь к вечности. А, может быть, и еще более надежный. Вспомним строки древнеегипетских писцов, полагавших, что и пирамиды, и мумии тоже не вечны. Во всяком случае, куда менее долговечны, чем писания о «делах давно минувших дней».

С этой, и светской, и, пожалуй, еще более древней вербально-магической точки зрения, сохранение имени – высшая ценность. Тогда как был ли его носитель «успешным», был ли он «победителем» – дело вторичное. Мужественное движение навстречу судьбе может быть и более славным, чем самая великая победа. Не случайно уже в Средние века, данный принцип стал одним из краеугольных камней рыцарской этики.

Как же этот образ (а если хотите архетип) героя, идущего навстречу Судьбе представлен в мировой эпически-художественной и... исторической литературе?

Возьмем лишь горстку в целом достаточно известных примеров.

Начнем с вошедшего практически во все учебники древней истории. С подвига трехсот спартанцев. Где был совершен этот подвиг? – Пожалуй, из нынешних школьников и студентов ответит далеко не каждый. И все же многие, вспоминая Греко-персидские войны, вероятно, назовут Фермопилы. Кто-то вспомнит еще и Марафон. Последний связан с первой заметной победой греков над считавшимися неодолимыми персами. В числе других побед – битва при Платеях и морское сражение при Саламине. Не так уж много. Да и те остались лишь на страницах учебников истории. Лишь Марафон и Фермопилы вошли в наш язык, стали капельками в потоке общемировой культуры. Да и то – Марафон мы скорее помним не благодаря самому сражению, а тому пехотинцу-гоплиту, который, пробежал после сражения больше сорока километров, и, успев выкрикнуть согражданам: «Мы победили!», рухнул замертво на родную землю.

Фермопилы же – так и вовсе поражение. Хотя и достойное многовековой памяти. Само слово это – название ущелья, в котором греки выставили сводный отряд в 7 200 человек, призванный преградить дорогу несметному персидскому воинству. По Геродоту боевые силы вторгшихся в Грецию персов насчитывали 5 миллионов 237 тысяч 320 человек и 1207 кораблей. Современные ученые полагают, что на самом деле персов было от 100-150 до 200 тысяч. Да и это лишь предположение.

В любом случае персов было очень много. Но пройти заслон им вряд ли удалось бы: судя по древним описаниям, первые столкновения были не в пользу персидских «полчищ». Во время этих схваток, – пишет «отец Истории», – наблюдавший за схватками царь варваров, «как рассказывают, ... в страхе за свое войско трижды вскакивал со своего трона... Царь не знал, что делать дальше». (История, с.370)

Однако нашелся предатель-проводник, который вывел часть персидских отрядов в тыл грекам. После этого оборона ущелья с чисто стратегической точки зрения стала бесполезной. К тому же, по Геродоту, далеко не все эллины готовы были остаться там, где их ждала верная гибель. Поэтому спартанский царь Леонид отпустил большую часть греческих воинов. Однако прикрывать отход остался отборный отряд из трехсот спартанцев и добровольцев из двух других городов Эллады.

Конечный исход такого противостояния был очевиден. Потому-то царь спартанцев Леонид, заботясь о будущем Родины, старался разослать с теми или иными поручениями самых молодых и неженатых, дабы не дать им умереть, не оставив потомства. (Пример поучительный, но, увы, бесполезный для нынешних военкомов и главкомов). Утром же завершающей схватки, Леонид, как вспоминает Сенека, обратился к бойцам с простой и краткой речью, чуждой даже намеков на выспренность или «светлое будущее» в раю (какое уж там светлое будущее можно представить в мрачном Аиде – юдоли покинувших мир земной?): «Давайте завтракать, товарищи, ибо ужинать нам придется в преисподней»...

Так что же, помимо многочисленности и коварности зашедшего в тыл врага, делало сражение в глазах древних роковым, а значит и героическим в высшем смысле этого слова?

Откроем Геродота. Еще до появления перебежчиков, сообщивших об обходном движении персов, прорицатель Мегис-

тий, гадавший на внутренностях животных, предрек элинам гибель при Фермопилах. Более того, еще ранее, «когда спартанцы спросили бога об этой войне (...в самом начале ее), ... Пифия изрекла им ответ: «или Лакедемон будет разрушен варварами, или их царь погибнет». (Геродот. История. – Ленинград, 1972, с.371-372).

В этих обстоятельствах мужество Леонида выпукло проступало уже в жертвенности, в готовности устремиться навстречу судьбе, чтобы ценою своей жизни спасти Родину.

Но, по Геродоту, эта жертвенность была слита с упованием на славу, которая переживет века, после безнадежного с чисто военной точки зрения боя. Отослав колеблющихся союзников, «сам он считал постыдным отступать. Если, думал Леонид, он там останется, то его ожидает бессмертная слава и счастье Спарты не будет омрачено... Так, вероятно, рассуждал Леонид. А так как он желал стяжать славу только одним спартамцам, то, по-моему, вероятнее, что царь сам отпустил союзников, а не они покинули его из-за разногласий, нарушив военную дисциплину». (Там же, с.372)

Пройдут столетия - и это движение навстречу судьбе вкупе с нежеланием делить даже с близкими собственную славу не раз польхнет багряными отсветами на страницах хроник и эпических творений.

Вот русский князь Игорь, устремляющийся со своим полком в степь половецкую, вопреки мрачным предвестьям природы (Изборник, - М., 1969, с.199. Новый перевод этого фрагмента смотри в кн.: А.Тарасенко « Вначале было «Слово». – Костанай, 2003)

Вот киевский князь Святослав, обращающийся к своим «воям», запертым в болгарском Доростоле мощною византийскою ратью со словами: «Мертвые сраму не имут». – Не посрамить землю русскую оказывается куда более значимым, чем выжить! И не важно – на своей ли, на чужой земле разворачивается очередная битва, единственная добыча в которой – имя, немеркнувшее в веках.

А вот еще более древняя, чем Фермопилы Троя. И здесь рокот пророчеств и предчувствий, не способных удержать не только Ахиллеса. Предсказано же: умрет первый, ступивший на побережье близ Трои. Но ступают же! Да и Гектор, который поначалу трепещет перед Ахиллом, почувствовав, что богиня –

покровительница обманула его и оставила беззащитным в решающие мгновения поединка, встречает (говоря уже словами русского поэта), «смерть лицом к лицу, как в битве следует бойцу».

Но вернемся к Геродоту. - Как же разворачивалась эта безнадежная для спартанцев, но затяжная битва?

«Итак, отпущенные союзники ушли по приказу Леонида. Только одни феспийцы и фиванцы остались с лакедемонянами. Фиванцы остались с неохотой, против своей воли, так как Леонид удерживал их, как заложников, феспийцы же, напротив, - с великой радостью: они отказались покинуть Леонида и его спартанцев. Они остались и пали вместе со спартанцами.

Между тем Ксеркс совершил жертвенные возлияния восходящему солнцу». Спустя некоторое время войско персов двинулось на сближение с эллинами. «Эллины же во главе с Леонидом, идя на смертный бой, продвигались теперь гораздо дальше в то место, где проход расширяется. Ибо в прошлые дни часть спартанцев защищала стену, между тем как другие бились в теснине, куда они всегда отступали. Теперь же эллины бросились врукопашную уже вне прохода, и в этой схватке варвары погибали тысячами. За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. (Своеобразные заградотряды древности. Что ж, когда не было пулеметов, приходилось пользоваться более простыми, но, видимо, достаточно действенными средствами. Недаром, считавшийся большим стратегом прусский король Фридрих учил в восемнадцатом веке: «Надо, чтобы солдат боялся палки капрала больше, чем пули неприятеля».)

Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору. Поэтому-то они и проявили величайшую боевую доблесть и бились с варварами отчаянно и с безумной отвагой.

Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем продолжало поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления и вместе с ним много других знатных спартанцев... Много пало там и знатных персов.

...два брата Ксеркса пали в этой битве. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартан-

цами, пока наконец отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали врага в бегство). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме – все вместе, кроме фиванцев. Холм этот находился у входа в проход (там, где ныне стоит каменный лев в честь Леонида). Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами. Пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереда, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон.

Из всех доблестных лакедемонян и феспийцев самым доблестным все же, говорят, был спартанец Диенек. По рассказам, еще до начала битвы с мидянами (одни из передовых отрядов персидского войска. –Ю.Б.) он услышал от одного человека из Трахина: если варвары выпустят свои стрелы, то от тучи стрел произойдет затмение солнца. Столь великое множество стрел было у персов! Диенек же, говорят, вовсе не устрасился численности варваров и беззаботно ответил: «Наш приятель из Трахина принес прекрасную весть, если мидяне затемнят солнце, то можно будет сражаться в тени».

...Им и павшим еще до того, как Леонид отпустил союзников, поставлен там камень с надписью гласящей:

Против трехсот мириад здесь некогда бились
Пелопоннесских мужей сорок лишь сотен всего.

Эта надпись начертана в честь всех павших воинов, а лакедемонянам особая:

Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемон,
Что, их заветы блюдя, здесь мы костями полегли».
(Геродот... с.373 -374)

Картина, нарисованная здесь, замечательна. Мужество павших достойно бесспорного восхищения. И все же невольно раздражается вопрос: что перед нами: протокольное описание прошлого или ... эпос, преломивший историческую память сквозь призму архетипических, устойчивых образов?

Представляется, что скорее – последнее. Поэтому довольно загадочным видится «отсеивание» исторических реалий и того, что ныне кажется таковыми, оттого, что кажется невероятным. Пять миллионов «варваров» - это уж чересчур. Допустим. Но

тогда на каком основании мы должны воспринимать прочие фрагменты текста как описания, достойные безо всяких оговорок учебников истории, а не литературы?

Не показалось ли Вам несколько странным то, что «персы», которые были способны затмить стрелами солнце, предпочитали гибнуть в рукопашной, а свое грозное оружие стали использовать лишь тогда, когда у многих спартанцев уже не только древки копий, но и мечи изломались? И то не сразу. Иначе, как бы могли спартанцы отбиваться руками и зубами?

В чем тут дело? - В неких, для нас условных, но для древних непререкаемых правилах игры? Такое можно допустить. Ведь даже в годы совсем недавней по историческим меркам Второй мировой войны советские войска штурмовали рейхстаг, в то время, как, видимо, можно было бы избрать и менее кровавый для своих способ сокрушения противника. А уж в течение такой войны подобных примеров, в том числе и совершенно неоправданных лобовых атак наберется множество... Да и что уж тут поминать ту войну, если во второй «чеченской» был принят фактический штурм Грозного, с опять-таки немалыми потерями с обеих сторон?..

Итак, правила игры, либо безразличие к жизням собственных солдат - вещь весьма немаловажная. Но являлся ли рукопашный бой безусловно необходимым для вечной воинской славы? - Вопрос не из легких. Ведь еще аккадцы победили шумеров благодаря лукам, сокрушавшим сомкнутые ряды более древних обитателей Двуречья. Богом-лучником был верховный бог ассирийцев.

Когда же победивший Спартака знаменитый римский полководец Красс углубился в Парфию, то его силы, сосредоточившиеся, подобно остаткам спартанцев, на вершине и склоне холма, были буквально сметены парфянскими стрелами - слишком уж удобную мишень являли бойцы не только первых, но и последующих рядов.

Да и в мировом эпосе лук - оружие достойное богатырей и детей самих богов. Стрелами истребляют своих врагов доблестные герои древнеиндийских «Махабхараты» и «Рамаяны». И даже русский богатырь, «старый козак» Илья Муромец, не гнушаясь лука, сбивает стрелой с дерева Соловья-разбойника.

Поэтому перед нами головоломка, один из наиболее вероятных ключей к которой - в поисках скорее устойчивых архети-

пов, нежели хроникальных исторических описаний. Архетипов, переживающих столетия – возьмем ли мы в руки героические афганские сказки или, к примеру, древнерусскую «Повесть о разорении Рязани Батыем».

В примечаниях переводчика «Повести» на современный русский язык Ю.Е. Безгунова говорится, что в основе повести – утраченная летопись, а также княжеский рязанский поминальник. Но самое драматическое ее место – рассказ о Евпатии Коловрате базируется на народных преданиях. («Изборник»...с.743)

Приведем почти без купюр этот широко известный рассказ, использованный, в частности, в трилогии В.Яна («Батый»).

В «Повести» говорится о том, что в дни гибели Рязани в городе Чернигове был «некий из вельмож рязанских по имени Евпатий Коловрат». Прослышав о нашествии, он выехал со своей дружиной из Чернигова и, прибыв в Рязанскую землю, увидел опустевшие города, останки погибших, да сожженные церкви.

«И воскричал Евпатий в горести души своей, распаяся в сердце своем. И собрал небольшую дружину – тысячу семьсот человек, которых Бог соблюл вне города. И погнались вослед безбожного царя, и едва застали его в земле Суздальской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И бил их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сек ими. Почудилось татарам, что мертвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, бил их нещадно. И ездил средь полков татарских так храбро и мужественно, что сам царь утратился».

И едва поймали татары из полка Евпатьяева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батю, и царь Батый стал их спрашивать: «Какой вы веры и какой земли, и зачем мне много зла творите?»

Они же отвечали: «Веры мы христианской, рабы великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя ... тебя, сильного царя, почествовать и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу – рать татарскую».

Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские.

Хостоврул же похвалялся перед царем, обещал привести к царю Евпатия живого.

И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассек Хостоврула на-полы до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубил.

И побоялись татары, видя, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнеметов, и едва убили его. И принесли тело его к царю Батюю. Царь же Батый послал за мурзами, князьями и санчакбеями – и стали все дивиться храбрости, и крепости, и мужеству воинства рязанского. И сказали царю приближенные: «Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвцов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти и так крепко и мужественно на конях бьются один с тысячею, а два – с десятию тысячами. Ни один из них не съедет живым с побоища».

И сказал Батый: «О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня потчевал с малою своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня – держал бы его у самого сердца своего». И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватили на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им».

(«Изборник... с.352 - 353)

И в рассказе о Фермопилах, и в повести о Евпатии перед нами то, что принято называть «историческими документами». Но «документы» эти - не слепок с Истории, а ее образ. И эта образная, архетипическая основа объединяет, казалось бы, самые несхожие эпохи и земли.

Кое в чем сходство прямо бросается в глаза, хотя пружины событий различны. В первом случае – стояние насмерть в ущелье, переставшем быть неодолимой преградой для врага. Во втором – месть за опустошенные города и «поруганную землю» предков. Но, заметьте: и там, и тут – битва заведомо безнадежная, если в надежде видеть упование на победу в обычном смысле слова. Победа здесь – демонстрация мужества и воинского искусства, а не сокрушение вражьего войска.

Еще разительнее совпадение акцентов в живописании рукопашных схваток. И там, и тут гибнут знатнейшие из врагов. И это при том, что, как известно, воинская тактика «татар» (в отличие от воинской тактики русских, западноевропейских и ряда иных боевых отрядов) не требовала участия полководцев в «поединках молодецких», либо размахивания мечами в самой гуще боя.

Поразительно близки и способы одержания победы над малочисленными силами героев. В первом случае, выживших и уже почти безоружных спартанцев засыпают стрелами (хотя, казалось бы, именно тут можно было бы использовать мечи и копья, более короткие у персов в сравнении с греческими и оттого мало полезные в битве «стенка на стенку»). Во втором – витязей русских сокрушают, словно скалы великие или стены городские, камнями из машин камнеметных. Теоретически это, конечно, допустимо. Но не совсем понятно, почему превосходные стрелки – «монголы» («татары») не поступили проще и не засыпали отчаянных рязанцев стрелами.

С точки зрения формальной логики военного искусства и его истории здесь многое может показаться странным. Но с точки зрения эпического мышления здесь все четко. Подобно мифическому Ахиллесу реальные исторические персонажи рисуются словно недоступными обычному оружию и гибнут либо от стрел, либо от камней.

(Кстати, в повести о гибели земли Рязанской выпукло проступает и еще одна грань – вражеское восхищение мужеством героев и вражеское же умение воздать должное героям. Тем самым, вольно-невольно, а царь «поганных» рисуется по-своему великодушным и умеющим ценить и щадить достойного противника, даже когда тот повержен. Те же качества, по описаниям, проявляет Батый и после взятия Киева, а вместе с ним и израненного воеводы Димитра. Великий хан дарует воеводе жизнь.

Пройдут столетия и сходные картины, сходные образы породит вторая мировая война. Схваченному, наконец, «бессмennomу часовому» Брестской крепости немецкий командир отдаст воинские почести. Опять-таки, перед нами тот, кто умеет ценить мужество противника. Но вспомните ли вы нечто подобное в отношении сильных врагов, плененных русскими, а затем и советскими войсками?

Я лично кроме Петра под Полтавой что-то пока не вспомню. И это при том, что, видимо, немалой части офицерства вермах-

та в советском плену реально было легче, нежели наоборот. По крайней мере, о немецких Карбышевых мы пока не знаем. Тут, конечно, было бы интересно беспристрастное сопоставительное историческое исследование. Хотя, увы, сравнение отношения к захоронениям убитых врагов не в нашу пользу.

Но, если не ограничиться историей недавней, то можно вспомнить почести, оказанные царизмом побежденному Шамилю. Да и вообще грандиозное территориальное расширение и вливание в русло Российской империи многочисленных ручейков и потоков различного рода племен, родов, ханств и т.д. было бы невозможно без достаточной лояльности сильных...

А ведь, заметьте: Шамиль, как историческая личность был. Представители тюркских и иных знатных родов, вливавшиеся в ряды русского дворянства были. Равно как и многое иное. Включая забавное описание Герберштейна того, как русский царь, увидев во время поединка москвитя и иноземца гибель последнего, с досады плюнул и запретил поединки с иностранцами. Чужеземное ценили. Врагов умели одолеваять не только силой оружия. А вот образ русского (советского), умеющего по достоинству оценить поверженного врага, причем не только оценить, но и воздать ему за это почести — припомнить сложно. Правда, писал когда-то замечательный наш К.Симонов о японцах: «Да, враг был храбр. Тем больше наша слава». Но ведь и тут он восхищался «нашей славой», а отнюдь не склонялся перед «славным» именами врагов.

Несколько дальше от Геродота и от повести о Коловрате отстоит уже упомянутое «Слово о полку Игореве». Здесь половцы одолевают русских обычным оружием. Во всяком случае, на стрелах, как, возможно, на чем-то само собой разумеющемся внимание не акцентируется, хотя «дождь стрелами» и упомянут.

Вспомним драматичнейшие и дышащие поэзией строки, рисующие последние схватки «далеко залетевших» русичей с бесчисленным врагом: «На другой день спозаранку кровавые зори свет предвещают, черные тучи с моря идут, хотят прикрыть четыре солнца, а в них трепещут синие молнии. Быть грому великому, идти дождю стрелами с Дону Великого!..

О Русская земля! Уже ты за холмом!

Вот ветры, внуки Стрибога, веют с моря стрелами на храбрые полки Игоря. Земля гудит, реки мутно текут, пыль поля прикрывает, стяги говорят: половцы идут от Дона и от моря и

со всех сторон русские полки обступили. Дети бесовы кликом поля перегородили, а храбрые русичи перегородили червлеными щитами.

Яр тур Всеволод! Бьешься ты впереди, прыщешь на воинов стрелами, гремишь о шлемы мечами булатными. Куда, Тур, поскачешь, своим золотым шлемом посвечивая, - там лежат поганные головы половецкие. Расщеплены шлемы аварские твоими саблями калеными. Яр Тур Всеволод! Что тому раны, дорогие братья, **кто забыл честь и богатство**, и города Чернигова отчий золотой престол, и своей жены, прекрасной Глебовны, свечаи обычаи!..

(В оригинале: «забыв чти и живота...». Учитывая нынешнее значение слова «честь», пожалуй, уместнее было бы перевести «почести» и, возможно, все нажитое.. Но так или иначе, а эти строки с изумляющей силой передают «упоение боем», когда наступает миг – и боль, и все значимое в еще недавнем прошлом стирается отчаянной схваткой).

...Игорь полки заворачивает: жаль ему милого брата Всеволода. Бились день, бились другой, на третий день к полудню пали стяги Игоревы! Тут разлучились братья на берегу быстрой Каялы; **тут кровавого вина не доставало**; тут пир закончили храбрые русичи: сватов напоили, а сами полегли за землю Русскую. Никнет трава от жалости, а древо с тоской к земле приклонилось». («Изборник». – М., 1969, с.202 -203)

(Сравните выделенную часть текста со словами пленных Батыем воинов Евпатия: «Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаши, на великую силу – рать татарскую»).

Мы знаем, что сам Игорь остался жив. Но логика такого рода эпоса требует описания безусловной и полной гибели храброго воинства, polegшего в чистом поле, хотя и вдали от родной земли, но во имя отчизны.

В том же ряду и всемирно известная «Песнь о Роланде». Более того, она оказывается своего рода ключиком и к ... «Слову о полку Игореве». Подобно тому, как невозможно соединить четыре точки квадрата тремя прямыми линиями, не выйдя за пределы этой фигуры, нельзя и понять многие грани конкретных эпических, либо историко-эпических (к таковым можно отнести, например, Геродота) творений, не сопоставляя их с эпосом, рожденным вроде бы совершенно иными культурами.

Пока лишь обратим внимание на то, что и «Слово...», и

«Песнь о Роланде» сосредотачиваются на событиях совершенно незначительных с сугубо исторической точки зрения.

В первом случае, как это не раз замечали исследователи, перед нами мелкий неудачный набег на степняков, с которыми Русь давно была повязана частыми брачными узами. Этакие мелкие семейные «разборки», которые, казалось бы, невесть почему обрели эпическое звучание.

Во втором - и того любопытнее: «Песнь» рисует перед нами грандиозные картины битвы с неисчислимыми, словно саранча, сарацинами. Историки же говорят: Да там вообще никаких сарацин и не было. Просто, когда Карл Великий удачно, но без особых стратегических последствий для Франции, повоевал в Испании с маврами, он стал отходить. Баски же (предки тех самых, что и сегодня хорошо известны миру) напали на арьергард некого Роланда. Перебили его и захватили обоз с богатой добычей, взятой французами у мавров. («Вор у вора дубинку украл»).

А что же мы видим в «Песне»? – Не только отчаянно-славную битву, но и столкновение честолюбий, амбиций, взаимной ненависти. Когда потрепанные франками мавры просят о мире, Карл советуется со знатью, кого же отправить послом. А кому не известно, что посольство в таких случаях дело рискованное?

Вспыльчивый Роланд на свою беду предлагает своего отчима Ганелона. Тот явно не в восторге от столь рискованного задания. Вот и мстит он пасынку, вступив в сговор с нехристями и «подставляя» его со сравнительно малым, двадцатитысячным арьергардом под удар четырехсоттысячного мусульманского войска.

Разгорается долгое и изнурительное сражение, в котором французы выказывают чудеса мужества и фантастического по своему совершенству воинского искусства. Как и под Фермопилами либо в битве с Евпатием, в сражении гибнет множество знатнейших мавров. Рядовым же и счету нет.

Бурные потоки враждебных сил разбиваются на сверкающие кровью и доблестью брызги отдельных поединков. Мелькает масса имен, натуралистических деталей, цифр. Но все они не столько эхо реального боя – сколько цветы в великолепный венок немеркнувшей французской славы и буйный плеск поэтического воображения:

«Сражение грозно, и враги упорны.
Роланд бесстрашно рвется в гущу боя.
Бьет так, что не выдерживают копыя:
Уже пятнадцать раз он брал другое.
За Дюрандаль он взялся, меч свой добрый...»

Ринулся на могучего врага и:

«Шлем, где горит карбункул, им раздроблен.
Прорезал меч подшлемник, кудри, кожу.
Прошел меж глаз середкой лобной кости,

Рассек с размаху на кольчуге кольца,
И через пах наружу вышел снова.
Пробил седло из кожи золоченой.

Увяз глубоко в крупе под попоной.

Роланд коню ломает позвоночник,
На землю валит всадника и лошадь
И молвит: «Нехристь, зря сюда пришел ты!

Ваш Магомет вам нынче не поможет,

Не одержать победы маврам подлым».

(Западноевропейский эпос. — Лениздат, 1977, с533 – 534).

...Славно бьются и французы, и мавры. «Одни разят, другие отражают...» Картина для средневекового певца – одно загляденье. Гибнет цвет французов. «...рвутся в клочья и значки, и стяги». «...ждут матери и жены их напрасно. Напрасно ждут друзья на перевале...». (Там же, с.535)

Заметьте, и здесь поминаются тщетно ожидающие своих милых матери и жены. Но их стенания не звучат столь же пронзительно, как плач Ярославны. Французские жены упоминаются лишь попутно, мимолетно. Чтобы оттенить величие славы их близких, бьющихся с могучим врагом.

Но поначалу это все-таки гибель победителей. Арабы несут ужасающие потери. Из первой их сотни тысяч в живых остаются едва ли двое. И славный служитель Бога, и одновременно лихой боец Турпен произносит панегирик французскому воинскому духу: «Бесстрашен наш народ. С ним не сравнится никакой другой. В «Деяньях франков» писано о том, что Карл один имел таких бойцов».

(Сравните сами эти слова с характеристиками спартанцев под Фермопилами и живописанием уникальности русских воинов Евпатия Коловрата.).

Но... Подходят все новые вражеские силы. Страшные поте-

ри несут и эти басурманы. Однако один за другим гибнут (обратите внимание!) в поединках и знатнейшие воины Роланда.

Отчаянно трубя в рог, призывает Роланд на помощь гибнущим армию Карла, а сам же продолжает бой. Обескураженные враги вопят:

«В бесстрашии Роланду равных нет.

С ним не один не сладит человек.

Метай в него копье – и прочь скорей!»

Град пик и дротов в графа полетел.

Пустили мавры рой пернатых стрел.

Щит рыцаря пронизан ими весь.

Пробит и рассечен на нем доспех,

Хоть сам Роланд ни разу не задет.

Но Вельянтриф (боевой конь) поранен в тридцать мест,

На землю он упал и околел...

Остался граф Роланд один и пеш».

(Там же, с.556)

Спешит подмога к Роланду. Да не успеть ей. Гибнет граф со славою. И как и в фильме братьев Васильевых «Чапаев», на долю подоспевших остается праведная месть, а погибшего роландова арьергарда – вечная слава.

Обратите внимание на еще один момент, роднящий и Геродота, и автора рассказа о Евпатии, и творца «Песни о Роланде»: герои столь могучи, что к ним, даже к израненным и истекающим кровью, враг не решается приблизиться и стремится поразить издалека. Таким образом, исторические персонажи (не будем здесь углубляться в споры о достоверности конкретной основы рассказа о Евпатии) превращаются в полусказочных чудо-богатырей. И почему в полу? Пожалуй даже, что вполне в сказочных.

Поэтому ничего удивительного в том, что в этот же ряд можно было бы, как мне кажется, поставить и героев уже афганской **сказки** «Фатех - хан Барей». По нашим понятиям они далеко не идеальны. Да и по понятиям своего времени не все в их жизни было гладко. Нашкодили будущие герои. Нахулиганили, говоря современным языком. (То кувшины у женщин ради баловства разбили, то бурдюки с водой продырявили. Словом, веселились, как умели). Рассердили тем самым хана. И нет, чтоб повиниться, являя тем самым «типично восточную» сыновью почтительность, так взяли и ушли из отчих домов. Ушли и де-

вущек с собой прихватили, так что пришлось бедняге хану задабривать щедрым калымом отцов похищенных дочерей.

Поскитавшись, нашли селение, заняли его, а жителям дали деньги, чтобы те себе новое отстроили — земли на всех хватит. По своему благородно. Могли бы и просто так выгнать. Мало-помалу сдружились с аборигенами. Решили даже помочь им избавиться от чересчур тяжких налогов, а потому кое-кого из сборщиков податей поубивали. Вдобавок же караван сильного хана моголов ограбили.

Началась вражда. А где вражда — там и битва великая. «Четыре дня и четыре ночи бились храбрые дружинники с бесчисленным войском Шамсуддина. Четыре дня и четыре ночи не смолкал звон сабель. Как хищные птицы, сея смерть, свистели в воздухе стрелы. И солнце вставало и садилось, окрашенное в цвет крови.

Фатих-хан, расправив свои усы, носился среди своих врагов, наводя на них ужас. Усы его развевались по ветру, страшен был горящий взгляд его черных глаз».

Передохнули несколько дней — «и снова сошлись воины в страшной битве. И тут случилась беда: налетели со всех сторон» враги на одного их храбрецов, отсекали ему руку. Перехватил тот меч в другую «и как отважный лев сражался с врагом, пока не стемнело»..

На другой день — опять бой «... упал бездыханный (однорукый боец) Пурдиль-хан, с лицом нежным, как у девушки, с сердцем храбрым, как у льва».

Пришел день — и в новом бою сразился с врагом Фатих-хан. «Вот уже все воины его погибли и остался в живых только он да Карам-хан...» «Печальные возвращались братья домой. Оплакивая своих друзей. Но не сломилась их воля, и следующим утром они снова пошли в бой». Пал на сей раз и отважный Карам-хан. Остался в одиночестве Фатих-хан, но продолжал многодневную битву до тех пор, пока весь израненный не вернулся с боя и не умер истекая кровью у ног жены.

Пришедший через несколько дней в селение, хан моголов увидел лишь вдов да сирот и набальзамированные тела воинов, лежащих, словно живые, с оружием в руках. Потрясенный увиденным, вражеский хан сказал жене героя: «Эта земля отныне ваша!»

«...И Биби Рабийя сказала людям, которые окружали ее:

- Эту землю дали нам сабля Фатех-хана и славных его друзей, да пусть простит их Аллах...

И стала Биби Рабийя царицей над всеми живущими на земле Аминиот. Прошло время, выросли дети, женились и родили детей. Внуков славного Фатих-хана и его воинов.

И живут они так и по сей день...»

(Афганские сказки. Перевод с афганского. — М., 1955, с.105 — 112).

Во всех этих историях только у Геродота и «Повести...», рассказывающей о подвиге Коловрата, герои гибнут на своей исконной земле, сражаясь с захватчиками. Но для эпоса данного рода не это главное. Земля, добытая саблей, тоже становится твоей. И лихой поход в чужие земли ничуть не менее славен, чем защита своей собственной. Да и где она грань — между «необходимой обороной» и нападением? — Сколько раз и в реальной, и в эпической истории герои идут во вражьи земли, чтобы предупредить готовящийся врагом удар. А уж о добытом в «ратном труде» и говорить не приходится! — Славная это добыча!

Поэтому модные в последние годы стенания о грабительской сущности похода Игорева нимало не приближают нас к пониманию духа истории мировой культуры и истории в целом. Такова была жизнь. Таковы были ценности. И почему русичи, либо кто-то еще должен оказаться здесь исключением?

Другое дело, что дела-то, воспетые эпосом, не самые заметные в собственно истории, а порой и сомнительные по своей воинской славе. Возьмите русские ли летописи, французские ли хроники — там столько упоминаний о победах, что ими тома героических сказаний заполнить можно было бы. Так нет же! Логика истории и логика исторической памяти народов не всегда идут рука об руку.

В этом плане весьма показательны уже персидско-среднеазиатские легенды о Рустаме. В начале арабских завоеваний персидскому полководцу Рустаму суждено было столкнуться с арабами, вторгшимися в Персию. Захватчики без особого труда сметали персидские войска. Рустам потерпел одно из наиболее заметных поражений и погиб, не сумев благополучно спастись бегством. Однако народная память и искусство творцов великой литературы Востока сделали имя Рустама именем великого героя и нам ли сегодня срывать лавры доблестного мужа с его головы?

А вот в калмыцком народном эпосе «Джангар» аналогичная предыдущим картина схватки великого героя с несчетным вра-

гом обретаёт уже чисто мифологические черты и дополняется древним мифологическим сюжетом нисхождения в ад.

Впрочем, само описание начала решающего противостояния довольно типично для эпоса независимо от того, насколько исследованной и вообще достоверной признается его историческая основа.

Враг Джангара хан Гюргю объявляет один за другим великий, средний и малый призыв, собрав тем самым великое войско:

«Как бы ни была мягкая степь велика,
А не хватало травы для рати такой.
Как бы ни была долгой и полной река,
А не хватало воды для рати такой.

Вражьи полки по степи ураганом прошли...»

(Героический эпос народов СССР. Том первый. — М., 1975, с.288, 289)

Все, что встречалось им на пути, сметали они. И вот дошли слухи об этой рати до могучего Хонгра. Схватил тот белую раковину, подул в нее изо всех сил — и собранные им люди за день воздвигли стальную крепость. — «Скорей такой работы не помнил никто!» (Там же, с.289)

Враг же стал окружать дворец Джангара и семьдесят тысяч раз опоясал башню нойона.

Натянул батыр Хонгор двойную тетиву чудесного дальнобойного лука с которым дотоле никто совладать не смог и выпустил лавину стрел, «разом снимая восемь тысяч голов».

Две недели стоял так Хонгор, словно барс, на страже дворца. Но вот один из врагов, из-за семидесяти четырех дружин нацелился в храбреца», и пробила вражья стрела правую руку Хонгра. Пришлось прервать битву, чтобы ханша перевязала руку героя. Перевязанный же, он вновь «на защиту родины встал». (Там же, с.290. Конечно, конкретные слова и выражения — итог современного перевода. Но нам здесь важно само дыхание эпоса).

Разгорается новая битва. Теперь уже сеча.

«десять отваг у Хонгора в груди бурлит,
Силы напряг, и выхватив длинный булат,
С кличем геройским напал на среднюю рать.
С выбором головы вражьи начал снимать:

Он обезглавил спесивую знать,

Также и лучников, грозных стрелков не пощадил.

Лишь подневольных одних бедняков он щадил!»

Сокрушая врагов, прорвался Хонгор к самому хану, батыру великанского роста. Сорвал с него и растоптал знамя, сплеча нанес недругу сорок ударов. Выбил из стремени ханскую ногу и даже успел пикой коснуться плеча Гюргю. Но...

«Поздно! Исчадья адского племени здесь Хонгора настигли; десятком тысяч мечей Ребра его с одной стороны пронзены. Ребра его с другой стороны пронзены Целым тюменом отточенных бердышей. Сотни посыпались на голову мечей, Семьдесят копий вонзились в стальной живот...»

Но хлестнул Хонгор своего скакуна. Ринулся тот вперед – «и рассыпались в миг, тысячи копий, бердышей и пик.

Хонгора терзали четырнадцать тысяч ран –
Время ли думать о ранах?»
Сравните с буй туром Всеволодом в «Слове...»
«Он встал, великан,
Ринулся вихрем на неумемную рать
И отогнал от башни огромную рать...
И засмеялся так, что мир задрожал...»

Но силы оставили батыра. Заковали враги его в цепи и повелел злой Гюргю каждые сутки одиннадцать тысяч раз стегать его кожей плетеной и сверлить каленой сталью.

Швырнули пленного великана в глубокую нору и приставили стражу.

Однако настал день, и легендарный Джангар спустился в ад, разметал адское воинство, исцелил волшебной Хонгора и поднялся вместе с ним из самой преисподней.

На радостях устроили великий той. С тех пор народ этой страны Бумбы «зажил мирной семьей.

Счастья и мира вкусила эта страна.
Где неизвестна зима, где всегда весна,
Где и дожди подобны сладчайшей росе,
Где неизвестна смерть, где бессмертны все.
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где молоды все,
Благоуханная, сильных людей страна,
Обетованная богатырей страна».

(Там же, с.323)

«...И В БУДУЩЕМ ВЫ ВСПОМНИТЕ КАК МИФ...»

Зачастую сегодня уже трудно сказать о том, какие подлинные события и реальные люди скрывались за дымкою легенд и мифов, сгущавшейся с тысячелетиями и веками. Но и о сравнительно недавней, казалось бы, строго документированной истории тоже судить не так-то просто.

Все, что нам известно, свидетельствует в пользу того, что мы имеем кое-какие шансы, чтобы судить о логике истории, можем искать ключи к ее алгоритмам и пытаться высветить общее в структуре «исторических» и мифологических образов. Но сплошь и рядом загадки и тайны конкретных исторических событий и персонажей и социокультурных явлений остаются навсегда неразрешимыми. Сожженные библиотеки Александрии и Отрара уже не восстанут из пепла. Стертые из исторической памяти образцы великой древнеперсидской или карфагенской культуры никогда не вернуться к нам вновь. Даже сравнительно недавнее и вроде бы вдоль и поперек изъезженное прошлое нередко имеет очень зыбкую источниковедческую базу.

Наглядный пример — буйная эпоха Грозного. Как заметил крупный отечественный историк С.Ф.Платонов, для подробного обзора всего написанного об этой эпохе историками и поэтами уже в начале двадцатого века потребовалась бы целая книга. А вот собственно с источниками — туговато. «Главная трудность изучения эпохи Грозного и его личного характера и значения, — пишет С. Ф.Платонов, — не в том, что данная эпоха и центральное ее лицо сложны, а в том, что для изучения этого времени очень мало материала. Бури Смутного Времени и знаменитый пожар Москвы 1626 года истребили московские архивы и вообще бумажную старину настолько, что события XVI века приходится изучать по случайным остаткам и обрывкам материала. Люди, не посвященные в условия исторической работы, вероятно, удивятся, если им сказать, что биография Грозного невозможна, что о нем самом мы знаем чрезвычайно мало. Биографии Петра Великого и его отца Алексея возможны потому, что от этих интересных людей остались их рукописи, деловые бумаги, заметки, переписка, словом — их архив. От Грозного ничего такого не дошло. Мы не знаем его почерка, не имеем ни клочка бумаги, им самим написанного». Даже знаменитое по-

слание царя князю Курбскому дошло в разных редакциях и неизвестно, какая из них подлинная.

(Платонов С.Ф. Иван Грозный. – Петербург: Брокгауз – Ефрон, 1923, с.6 -7. Показательно, что книга выпущена в серии «Образы человечества»).

В изучении собственно эпохи Грозного со времен С.Ф.Платонова сделано немало. И тем не менее им четко очерчена одна из центральных проблем исторической науки – проблема оснований наших исторических знаний или, если хотите, всего, что мы относим к таковому.

Получается, что самой надежной «реальностью» - является текущая, протеистически изменчивая и, в зависимости от времени и угла зрения, переливающаяся всеми цветами радуги реальность образов. Более того, именно эта реальность превращает историю из истлевшего прошлого в кровь, пульсирующую в наших собственных жилах. Равно как и в жилах наших отцов и дедов. Тем самым изучение прошлого превращается в поиски ключиков к тайнам души любой, в том числе и современной культуры.

Искрящиеся же брызги образов истории сливаются в единый поток человеческого бытия, где прошлое неотделимо от настоящего и будущего, а нити различных, казалось бы, самых несходных культур и цивилизаций настолько переплетены, что образуют представляющееся все более и более целостным полотном человеческого духа. Целостным при всех противоречиях человеческих исканий красоты, добра и идеала. Ведь и почему-то пришедшая на ум Брюлловская «Гибель Помпеи» тоже целостна, несмотря на то, что в картине перед нами самые несходные тела, предметы и явления.

Попробуем раскрутить эту единую нить образов еще дальше, в область все более зримой, все более недавней истории – и мы увидим поразительную устойчивость некоторых алгоритмов.

Вот перед нами «город русской славы» - Севастополь. Город, который после отчаянного сопротивления дважды попадал в руки врага. Таким образом, с узко фактологической точки зрения можно было бы констатировать, что оба раза оборона Севастополя завершалась поражением. Констатируя же, можно было бы, как это стало модным со времен «Перестройки», продолжить «развенчание» очередных мифов и кумиров: тоже нашли «героя» - столько людей напрасно уложили – и все впустую!

Но с точки зрения истории мировой культуры подобное ер-

ничанье — дитя поверхностности, нежелания взглянуть в духовную глубину исторических процессов. Глубины же истории культуры многократно демонстрируют нам, что для нее (именно для истории культуры, духовной истории народов, а не истории политики, стратегических замыслов и т.д.) важнее не собственно победа, как таковая, не внешний итог событий (ведь воспеваются и победы, но это уже совсем иные песни), а поведение человека в ситуации, которую экзистенциализм назвал бы «пограничной»...

Жизнь не вечна. Однако более долговечной ее делает умение жить на грани собственного индивидуального бытия и готовность умереть, не сломившись. И это не патетика. Такова логика мирового эпоса данного рода.

Мы же двинемся дальше и увидим, что та же логика проступает в истории «Варяга»: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг». Пощады никто не жедает». И не важно, что в донесенной архивами истории, погибают не все русские моряки. Важно, что героически гибнет крейсер. Гибель эта навевает и грусть-тоску: «Плещут холодные волны. Бьются о берег морской. Носятся чайки над морем. Крики их полны тоской». Но тоска эта светла, как и пушкинская печаль. Светла потому, что в логике эпоса сама героическая гибель является залогом жизни в исторической памяти народа, которая нередко оказывается куда более долговечной, чем самые охраняемые архивы. Другое дело, что эта, уже иная жизнь, может разительно отличаться от жизни собственно «исторических персонажей».

Двинемся дальше по ухабам неумоно-кровавого двадцатого века — и вот перед нами Урал. «Урал, Урал — река, бурлива и глубока». Здесь, на его крутом берегу, горстка чапаевцев, застигнутая врасплох ночным нападением белых, отчаянно отбивается от наседающего врага:

«Последнюю пулю пошли по врагу.

Живые — скрывайся на том берегу.

Строчит пулемет. Недолет. Перелет.

И раненый в руку Чапаев плывет...

Урал, Урал река.

Могила его глубока».

Сколько удалцов, остроумных тактиков, глубоких стратегов и просто людей невероятных судеб вздыбили на гребень Истории волны гражданской войны. А надо же! — Выплыл из глубин забвения прежде всего тот, кого поглотили холодные

воды Урала. Почему? Ведь были же и Щорс, и кудесник сабли Олеко Дундич, и богатырь Пархоменко, и фантастически лихой атлет Котовский... И о каждом из них со временем были сняты фильмы. Увлекательные, живые. А вот вровень со спартаканцами встал лишь Чапаев.

Возможно, здесь в первую очередь дело в изумительном по целостности и колориту фильме братьев Васильевых «Чапаев». Но сама их гениальность заключалась помимо прочего и в поразительной интуиции, умении отыскать и высветить эпические образы в реальной истории, отодвинув тем самым эту «реальную» историю на второй план и в то же время, дав ей новое дыхание. Ведь именно Чапаев и его окружение пали в **неравном** ночном бою.

...Пролетают краткие, беспокойные десятилетия и на страну Советов обрушивается девятый вал «народной, священной войны». И вновь историческая память расширяется. В нее вливаются и «бессмертный гарнизон» Брестской крепости с его «бессменным часовым», и «двадцать восемь гвардейцев-панфиловцев», которые, согласно логике эпоса должны были все полечь в неравном бою. А если кто и уцелел, либо был где-то рядом, не входя в это, прогремевшее на всю страну число, - тем хуже для Истории, не укладывающейся на ложе мифо-эпического сознания, особенности которого довольно искусно учитывались советской пропагандой.

Стоит еще раз напомнить, что для этого сознания и поражение может обернуться победой. Не случайно сводки Совинформбюро, следуя внутренней логике эпоса, воспевавшего героическую гибель, частенько превращаясь из средств информирования в средства «выковывания боевого духа народа», давали читателям и слушателям, столь же детальные, как и у Геродота, «данные» о таком развитии событий, которое при всех внешних успехах вражеских армий (скрыть их было невозможно) рисовалось, как катастрофическое для противника.

Так, о трагичнейших для советских вооруженных сил событиях под Харьковом говорилось: Враг потерял в этих боях 90 тысяч убитых и пленных, 540 танков, полторы тысячи орудий и до двух тысяч самолетов. Наши же при этом потеряли до 5 тысяч убитыми, до 70 тысяч пропавших без вести, 300 танков, 832 орудия и 132 самолета.

(Сообщения советского Информбюро. Т.2, - М., 1944, с.317)

О потерях же первого года войны было сказано: Германия потеряла десять миллионов человек, включая три с половиной миллиона убитых, тогда как общие потери вооруженных сил СССР составили 5,5 млн. человек.

(Там же, с.365)

Нетрудно взять любой из солидных учебников, либо иные издания о Великой Отечественной войне, чтобы увидеть, как расходятся эти цифры с тем, что вы увидите там.

Но представьте, что сохранились бы только «Сводки...». Историкам будущих столетий пришлось бы принимать их так, как мы сегодня многое принимаем у Геродота. Эпос и миф сплелись бы с историей и отделить одно от другого было бы уже просто невозможно. А что уж говорить о событиях, не вошедших в сводки? – Прав, и поразительно прозорлив был поэт, оставивший нам эти пронзительные строки:

«Мы были высоки, русоволосы.

И в будущем вы вспомните, как миф,

О людях, что ушли не долюбив,

Не докурив последней папиросы».

Но, опять-таки, я не хотел бы здесь в очередной раз скатываться к газетным самобичеваниям перестроечных лет. Ведь бичевалась-то не «совковость», а нечто куда более глубинное. И при этом великая ложь заключалась уже в том, что все «одиозно советское» вырывалось из общего контекста истории мировой культуры и даже из образов второй мировой войны, родившихся за пределами Советской России. Возьмите хотя бы некоторые англо-саксонские справочники культорологического характера – и у вас может зародиться мысль, что Советский Союз во второй мировой вообще или почти не участвовал. Присопкупьте к ним многочисленные, причем эффектно сделанные американские фильмы типа «Перл Харбор» и др.

А теперь попробуйте экстраполировать нынешнее развитие событий на взгляд будущих историков на век нынешний и век минувший. Тут вполне уместно пофантазировать. Если американский гегемонизм окажется успешным, то, как и после победы Цинь Ши Хуанди, при всех одах демократии, историю будут изучать лишь по одним, в данном случае не циньским, но явно голливудизированным хроникам. А значит и образы героев будут соответствующими, равно, как и язык, коим эти образы будут живописаться.

Однако, думается, что сама внутренняя логика эпоса, стремящегося увековечить героическое стремление «смертью смерть поправь», сохранится до тех пор пока сохранятся потребности в эпосе такого рода. Не случайно даже в американском «Армагеддоне» при всей приученности американцев к хэппи-энду мы явно видим эту эпическую линию. И не только ее. Уже сами картины подбора спасителей человечества - сказочно-эпичны. Поэтому иные возмущения карикатурностью образа русского астронавта - результат недоразумения, помноженного на саморекламу: «Вот, мол, мы какие патриоты». Как будто нет своеобразной карикатурности в образах самих американцев! Но в том-то и соль, что спасатели мира в целом ряде отношений явно от «мира сего», причем отнюдь не от элитной его части.

Но это же поразительная перекличка с былинной русской и советской традицией, где «среднего роста плечистый и крепкий» паренек спасает девочку на пожаре, а потом исчезает - и найти его невозможно. Ведь он не супермен, бросающийся глаза. Да и русские богатыри, если мы внимательно вчитаемся в былины, - не ангелы, а Илья Муромец, так тот вообще, с точки зрения Идолища Поганого, явно неказист.

Но подойдем к итогам. Оставив читателю бросающиеся в глаза аналогии и соответствующие им выводы, основанные на приведенных текстах, хотелось бы заметить, что перед нами обширнейшее поле исследования. И, скорее не одного, а целой грозди, соприкасающихся исследований. Допустим: «Основные черты и эволюция кинообраза героя (персонажа) второй мировой войны в советско-российском и американском кинематографе» и т.д.

Однако более существенным представляется иное, то, что можно было бы подметить уже сейчас: героический эпос народов мира дает нам, казалось бы, недостающее звено в единой цепи. Звено, позволяющее в очередной раз уйти от плоскостного, полярного мышления, продемонстрированного, в частности, в интереснейшей работе Э.Фромма «Иметь или быть».

В чем принцип такого мышления? - В поляризации феноменов культуры. Так, по Фромму (и в огромной мере это справедливо), современный христианский мир на деле исповедует скорее языческие идеалы и ценности. Ведь в чести скорее культ героя, а не мученика.

(По словам Э.Фромма, «христианский герой был мучени-

ком, ибо, согласно иудаистской традиции, высшим подвигом является отдать свою жизнь за Бога, за ближнего. Мученик является собой полную противоположность языческому герою, олицетворенному в греческих и германских героях. Цель таких героев – завоевание, победа. Разрушение, грабеж, а итог жизни – гордость, власть, слава, превосходство в умении убивать (Святой Августин сравнивал историю Древнего Рима с историей разбойничьей шайки). У языческого героя мерилom доблести человека служила его способность достичь власти и удержать ее, он с радостью умирал на поле брани в момент победы. «Илиада» Гомера – это величественное поэтическое описание прославленных завоевателей и покорителей.

Главное, что характеризует мученика, – это **быть**, отдаваться, делиться с ближним, а у языческого героя – **иметь**, покорять, принуждать...

По Фромму, обе эти модели человеческого развития, непримиримо противоположны.

(Фромм Э. Иметь или быть? – М.: Прогресс, 1986, с.164 -165)

Но героический эпос и переливающаяся в него живая история свидетельствуют о том, что существует и мощное промежуточное звено. Это – герой - мученик. Возможно, первым в поразительном и многоцветном ряду такого рода героев-мучеников можно было бы поставить Прометея...

Своеобразным симбиозом образов мученика и языческого героя стал в Средние века образ рыцаря, призванного защищать Церковь, сирых и убогих, не жалея ни своей крови, ни самой жизни... Что, впрочем, не мешало даже «идеальным рыцарям» седлать боевых коней для отнюдь не оборонительных походов в чуждаленные земли, стремиться к личной славе и предпочитать при общении с миром гордость, а не смирение.

Конца же этого ряда пока не видно и, вероятно, не будет видно до тех пор, пока человечество останется самим собой. Ведь и в эпической, и в «реальной» жизни людей, страдание и азарт, готовность к решительному действию и принятию ударов настолько слиты в единое целое, что развести их по «разным сторонам» духовных баррикад вряд ли возможно.

Конечно, и схемы, где такое разведение допускается, тоже уместны. Но лишь как такие, которые высвечивают только узкую грань человеческой духовности и при условии, что мы сами ощущаем **относительность и условность** этих схем.

О ЛОГИКЕ ИСТОРИИ

О ЛОГИКЕ ИСТОРИИ

Ранняя стадия человеческой истории.

Проблема «мы» и «они»

Размышления над логикой мировой истории обнаруживают немало проблем. Отмечу прежде всего то, что ныне выглядят спорными сами представления об основных ступенях общественного развития – социально-экономических формациях. Не претендуя на оригинальность ибо спорам этим уже несколько десятилетий, думаю, что на таких ступенях – полочках невозможно разместить целую массу социальных феноменов. И в то же время рассмотрение этой проблемы представляется совершенно необходимым, как для постижения прошлого, так и для осмысления нашего настоящего и будущего. Причем не «туманно-далекого», а самого ближайшего.

Попробуем, обобщая хорошо известное, выделить три аспекта развития общества:

- А) Структурно-организационный
- Б) Производственно-технический.
- В) Духовно-информационный.

При желании можно использовать более привычное клише: Социально-политический и т.д.

И что же мы увидим?

Первая стадия – родоплеменное общество. Тут пока все просто. Почти как во всех основных учебниках целой вереницы десятилетий.

Разве что за исключением «доклассовой идиллии», навеивающей воспоминания об идиллии Эдема.

Если допустить, что обезьяны – наши ближайшие родичи – что-то вроде двоюродных и троюродных братьев и сестер по эволюции, то сама идея «доклассового равенства» покажется очень сомнительной. Ведь у обезьян, например, у павианов, существует довольно четкая и очень строгая иерархия, при которой, с одной стороны, доминируют отдельные самцы, либо их объединения (по два или три), и сблизившиеся с такими сам-

цами «привилегированные» самки, создающие своего рода родственные группы, позволяющие их детенышам занимать наиболее благоприятное место в стаде.

Хотя, возможно, между нами и обезьянами такая пропасть, что, далекие от собственно первобытных, человеческие сообщества, оказавшиеся доступными взорам исследователей, могли и иметь какие-то черты своеобразного «протокоммунизма».

Но, вполне вероятно, и тут не было одного – «этапного» эталона. Так у тех же обезьян (обратим на это внимание) жесткость иерархии зависит от условий существования и соответствующих им потребностей в четкой и неукоснительно соблюдаемой иерархичности. Например, у живущих в лесах (где менее опасно) шимпанзе иерархичность мягче, нежели у обитающих в саваннах павианов.

И тем не менее, как видим, даже с первобытным равенством не все просто.

Остается еще один значительный вопрос: Как родовой строй трансформировался в классовое общество?

Классический ответ, данный еще Ф. Энгельсом, известен: «Родовой строй отжил свой век. Он был взорван разделением труда и его последствием – расколом общества на классы. Он был заменен государством.» (Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. М., 1970. Т.3, с.361).

Эти, ставшие аксиоматическими, строки навевают образ некоего целого, скажем горы из обломков которой было сооружено грубоватое, но мощное и целостное здание в несколько этажей.

Но, возможно, картина была несколько иной. Путь от *родового* общества к так называемому классовому – путь не столько раскола, сколько стихийно и отчасти сознательно слагавшихся и комбиниравшихся друг с другом все более широких человеческих объединений.

Ведь что известно о человеческих сообществах, предшествовавших созданию государств? Что являло тогда собой человечество? – Множество родов, скрывавшихся на деле под вывеской родового строя.» (Кстати описывавшегося через многие тысячелетия после его появления).

Итак, сначала стада, затем роды, совершающие своеобразное «БРОУНОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ» по поверхности земного шара. У этого движения есть свои общие законы. И при всем при том – у каждого рода свои частные интересы. Мой род –

это МЫ. А все, что вне его — ОНИ. И множество складывающихся, либо вырастающих из инстинктов (соотношение и того и другого мы еще долго будем выяснять) норм и запретов — табу действует или только, или прежде всего в своем, строго очерченном круге.

Именно таков изначальный смысл ветхозаветного «не убий», уже далеко перешагнувшего за пределы узко родового мышления, но все-таки обозначающего прежде всего «не убей единоверца». То есть СВОЕГО.

Эта-то нехитрая система СВОИ-ЧУЖИЕ позволяет объяснить и «странное» поведение героев русских былин и некоторых сказок. Иван-царевич — и вдруг ворует Жар-птицу, обманывает чужеземных царей. Нет, чтобы птичник устроить. Так он за воровство взялся. Да и былинный Добрыня в бою обманом одолевает Змея. Мало того — он и змееньшей топчет. Чтобы новые Змеи не повыросли. Тот же мотив уничтожения вражеского потомства явственно звучит и в некоторых других русских былинах. Иными словами то, что преступно в СВОЕМ кругу НОРМАЛЬНО и даже НЕОБХОДИМО по отношению к ЧУЖИМ.

Подобное мы встречаем и в «Рамаяне». Здесь царевич Рама, оказавшись свидетелем поединка двух обезьяньих вождей, поражает одного из них стрелой. Умирая, царь обезьян укоряет Раму:

— У нас был честный поединок, ты же убил меня выстрелом из засады.

На что Рама отвечает:

— Будь ты человеком, это было бы бесчестно. Но ты же обезьяна! Поэтому я был вправе стрелять в тебя.

И тут мы видим то же самое — неприемлемое среди *своих*, допустимо по отношению к другим.

Можно вспомнить и андерсеновское «Огниво», где солдат не только нарушает обещание, данное ведьме, но и убивает ее. Казалось бы, убийство старой женщины недопустимо для героя, но это не обычная женщина, а ведьма. Значит она не входит в круг своих. А потому *обычные* нравственные требования на нее не распространяются.

Коснемся и реальной истории. У кочевых народов еще не так давно существовала *барымта* — обычай угона *чужих* табунов. Если обычаю следовали *свои* — они демонстрировали тем самым ловкость и удадь молодецкую. А если *чужие*? — Их, кого удастся, надо крепко наказать, чтобы впредь надолго неповадно было.

Нельзя сказать, что эта система *свои – чужие* (упоминаемая под псевдонимом «двойных стандартов») изжила себя в XX–XXI вв. Вспомните: когда взрывают бомбу в американском посольстве в Кении или бьют угнанными самолетами по небоскрегам и Пентагону – это терроризм. То есть бесспорное **Зло**.

А когда вооруженные силы США разносят то какой-то жилой дом, то колонну с афганскими старейшинами – это **иное**. Ведь, говорят нам, мир должен выбрать, на чьей он стороне.

И что же мы видим в действии этой системы на протяжении обозримой человеческой истории? – Вся обозримая история человечества – это тяготение к постоянному расширению сферы **МЫ**, но при столь же устойчивом сохранении и обратных тенденций, когда интересы каких-то сегментов расширяющихся и усложняющихся социумов начинают доминировать над интересами относительного Целого.

Пожалуй, эти процессы позволяют интерпретировать и хорошо известную историю Бога и Падшего ангела. Здесь Бог, говоря языком В. Соловьева, – тяга к Всеединству. Люцифер же – нарушение мирового и, следовательно, общечеловеческого единства и, идя глубже, гармонии самой человеческой личности.

Ступени развития человечества?

Перейдя же к собственно человеческой истории, видим следующее:

1. Стада. Затем роды.
2. Роды, сплетающиеся в племена. **Мы** расширяется.
3. Племена, которые сливаются в зачастую неустойчивые Племенные Союзы. **Мы** еще более расширяется.

При этом создаются и новые формы объединений – заменители прежних кровных уз. Те, которые, по Энгельсу, содействовали «возникновению королевской власти». Это – дружины.

«Уже у американских краснокожих, – пишет он, – мы видели, как рядом с родовым строем создаются частные объединения для ведения войны на свой страх и риск. Эти частные объединения стали у германцев уже постоянными союзами. Военный вождь, приобретший славу, собирал вокруг себя отряд жаждущих добычи молодых людей, обязанных ему личной верностью, как и он им. Он содержал и награждал их, устанавливал известную иерархию между ними; для малых походов они слу-

жили ему отрядом телохранителей и всегда готовым к выступлению войском, для более крупных — готовым офицерским корпусом. Как ни слабы должны были быть эти дружины и как ни слабы они действительно оказались, например, у Одоакра в Италии, все же в их существовании таился уже зародыш упадка старинной народной свободы, и такую именно роль они сыграли во время переселения народов и после него. Ибо, во-первых, они благоприятствовали возникновению королевской власти; во-вторых, как замечает уже Тацит, их можно было удерживать, как организованное целое, только путем постоянных войн и разбойничьих набегов. Грабеж стал целью. Если предводителю дружины нечего было делать поблизости, он направлялся со своими людьми к другим народам, у которых происходила война и можно было рассчитывать на добычу; германские вспомогательные войска, которые в большом количестве сражались под римским знаменем даже против самих же германцев, набирались частично из таких дружин. Система военного наемничества — позор и проклятие немцев — была уже здесь налицо в своей первоначальной форме. После завоевания Римской империи эти дружинники королей образовали, наряду с придворными слугами из числа несвободных и римлян, вторую из главных составных частей позднейшей знати. (Маркс К. Энгельс Ф. Избранные произведения. Т.3. — М. — 1970, с.339.)

Этот, подмеченный Энгельсом феномен, еще нуждается в новых философских и исторических исследованиях.

Во-первых, было бы интересно рассмотреть «дружины» во всем доступном объеме современных знаний, не забывая однако, что речь идет о самых последних фазах развития так называемого доклассового общества, «засвеченного» в письменных источниках уже достаточно развившихся «цивилизованных» человеческих сообществ. И нет никаких гарантий того, что мы вправе безоговорочно экстраполировать имеющиеся сведения на те формы человеческих общностей и царившие в них законы, которые существовали десятки тысяч лет назад.

Во-вторых, было бы любопытно соотнести собственно исторические знания с лингвистическим анализом, сопоставив названия **дружин**, их элементов, а также связанных с ними понятий, в языках разных народов мира.

Возьмем, к примеру, русский вариант. Сколько здесь замечательных оттенков и переливов смысла, подводящих нас к воп-

росу: как же дружина могла соотноситься с родом-племенем? Уже В. Даль в своем «Толковом словаре живого русского языка» (Т.1 -М., 1977, с.454-456) сопоставляет, как органически связанные, слова «друг» и «другой».

Другой – это и «следующий за первым», и ИНОЙ, НЕ ТОТ, что допускает предположение: друг – это человек, близкий не по изначальному «кровному родству», а каким-то иным образом.

Но, может быть, именно потому, что такая близость способна оказаться очень значимой, сразу же всплывает и новый, казалось бы, прямо противоположный смысл: Другой – «такой же точно, вполне сходный. – «Он словно другой Наполеон».

Этот, новый оттенок смысла словно перекидывает мостик к колыбели слова «друг». «Друг и Другой. Такой же равный, другой Я, другой Ты; ближний, всякий человек другому.» Иными словами, друг – это тот, кто вместе с тобой оказывается частицей единого неразделимого Целого.

Отсюда и выражения: «Любить себя – любить других.» «Больше той любви не бывает, как друг за друга умереть.» И, наконец, как ощущение высшего единства Мира: «Друг по другу, а Бог по всех». (Измененное в «западной» интерпретации на альтернативное по сути: «Каждый за себя, один Бог за всех»).

Кстати, Даль помогает почувствовать и нередко высмеивавшееся новозаветное: «Возлюби ближнего, как самого себя». Если рассматривать этот призыв, исходя из поисков основ мирового единства, то мы увидим здесь не гипертрофированную проповедь эгоизма, а ощущение целостности, сопричастности отдельных индивидов чему-то большему, чем они сами. (Об этом подробнее чуть позже.)

Но если друг – это ближний, хотя и не по факту рождения, то что же такое дружина, друговщина? – Дружиной некогда называли жену, супругу. Это же слово стало обозначать на русском севере и артель, ватагу, общество. Так же стали называть и «войско, рать в известном составе». Княжья же дружина означала «отборное войско или гвардию, телохранителей.» То есть тех, кто был особенно близок к князю – вождю, являя в древнейшие времена как бы его иное Я. Отсюда, с одной стороны, ранние вожди еще не могли пренебрегать мнением дружинников, а, с другой, – жизнь князя-вождя становилась необходимым условием жизни дружинников, как бы те не именвались. Так, уже в Испании во времена сражений с римля-

нами у некоторых племен воины после гибели вождя должны были покончить с собой.

В-третьих, был бы интересен анализ дружин, как социо-культурного феномена, то есть в связи с изучением религиозных, половых, профессиональных союзов. Вплоть до известных в Африке религиозно-террористических союзов «людей-леопардов», иных аналогичных объединений в других частях света и некоторых проявлений сатанизма.

Поскольку наша задача — осмысление логики Всемирной истории, постольку здесь для нас важно прежде всего то, как эти отчасти альтернативные родовым, отчасти дополняющие их объединения людей, своим духом, формами инициаций и т.д. были связаны с традиционным ощущением и освящением родства.

Вспомним уже сказочные обряды побратимства, когда юнаки, батыры, витязи взрезав пальцы, сцеживали кровь в наполненные бокалы и выпивали получавшуюся смесь — братались соединяя кровь с кровью нового «родича». Не тот ли древний ритуальный смысл имели и ходившие по пиршественному кругу чаши? И чоканье — касанье чарами (сравни чары, как колдовство. Очарованье). И общие трапезы? Здесь контагиозная магия служила спаиванию (от слова спайка, а не опаивание). Созданию новых целостностей тех, кто прежде не был связан узами родства. (Заметьте: уже приведенное выражение подразумевает несвободу, ограничение возможных вариантов поведения индивидов, ощущающих на себе такие узы.)

Тут интересно было бы проверить, насколько такие альтернативно-дополняющие традиционные роды феномены сохраняли их внешние формы. Как, например, в архитектуре и т.д., где поначалу при использовании новых материалов пытались с помощью условного «орнамента» и т.д. придать им какие-то, пусть условные, черты тех материалов, которые использовались прежде.

Очень важен и такой момент, который соединяет в себе, казалось бы, совершенно противоположные тенденции: с одной стороны, дружины. Товарищества воинов и охотников — двери, распахивающиеся в широкий мир и позволяющие индивидам ощутить реальную альтернативу прежнему замкнуто-родовому пространству. Но с другой, — они не просто расширение сферы возможного, сферы свободы, а новые ниши, новые зоны ограничений со своими жесткими правилами игры.

Причем подобные объединения могут создаваться и для иных

целей, как, например, ашрамы в дополнение к кастам — джати. Здесь ось: ученик — учитель заменяла ось: индивид — каста. Однако жесткость связей и системы соподчинения сохранялась...

Итак, картина становится все более сложной. Отчасти двойственной. Появляются соседские общины Надродовые феномены — города — государства или **НОМы**. И т.д. По своей направленности это — еще большее расширение **МЫ**. Но за такое расширение приходится платить. Внутри этого Нового Целого складывается своя субординация. Это **Микро-мы** и **Микро-они**.

Их появление можно условно назвать четвертой стадией расширения феномена **МЫ**.

5) **ИМПЕРИИ**. Вершины земного единства огромных масс человечества на протяжении нескольких тысячелетий его истории. Но вершины неустойчивые, чьи основы сложены как правило из самых разнородных блоков. Изумительным исключением тут, пожалуй, оказался Китай, сумевший переварить в котле своей древней цивилизации основные родовые и этнические различия, вливавшихся в него человеческих потоков. Так что крылатая фраза сказочника: «В Китае все китайцы. И сам император тоже китаец» оказывается полной глубокого смысла. Хотя в Китае на протяжении ряда десятилетий, а то и веков владычествовали то монголы, то манчжуры, Китай практически растворил в себе и оседавших в нем монголов, и манчжуров, и саму Манчжурию. И на сегодняшний день, если не говорить о ничтожных по процентной доле населения Синьцзяна и Тибета, Китай самая монолитная страна мира.

6) **Предмировые** и **Мировые** религии. Здесь мы выходим за пределы государственных границ. Обратим внимание на интереснейший нюанс: тут родство по духу, согласно изначальным замыслам, заменяет родство по крови и даже близость социального положения.

Различного характера религиозные объединения не случайно именуются **братства** — монашеские, рыцарски-монашеские..., а священнослужители именуются **патер**, **батюшка**. Главы же церквей — **папа римский** либо **патриарх**. (Правда так обстоит дело не везде. Мусульманские понятия «мулла», «имам» иного рода. Но это — предмет для особого рассмотрения.)

То есть то тут, то там разворачивается строительство своеобразной альтернативной, тяготеющей к вселенскости, семьи. Например, само слово «католический» означает Вселенский, а

высший вид любви в буддизме — *любовь-маитри* — это всеобъемлющая любовь ко всему живущему.

Не смею углубляться в дебри экзегетики, но, думаю, в свете культурологии именно здесь ключ к пониманию самых «скандальных» речений Христа.

«Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня, и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня...» и «враги человеку домашние его.» (Мф 10:36)

Во-первых, если смотреть на это со светской точки зрения, воспринимая записанный текст не как Истину, абсолютно точно запечатленную в Записанном Слове, а лишь как возможный фрагмент куда большего — перед нами вероятней всего брызги, капли незримого потока. То есть живая картинка, часть которой скрыта в Безмолвной Истории.

Но (во-вторых) мы и при этом ощущаем извечную и уже упомянутую проблему взаимоотношений *Целого* и *Части*. Бог, Христос — это Целое. И потому даже любовь к родителям не должна затмевать Света Божьей Любви и любви к Богу. Ибо правильное отношение к той или иной части возможно лишь при верном отношении к Целому. Так нельзя из любви к родителям преступать через Истину, через жизни других людей и т.д. И в этом смысле домашние, отвлекающие от помыслов о Целом, от тяготения к Целому, могут быть и «врагами». То есть вопрос не только деликатен, но и конкретен.

Правда, и с теоретической, да и с практической точки зрения, здесь немало подводных камней, об острые гребни которых не раз разбивались самые крепко сколоченные суда человеческих проектов мирового процветания. Не случайно Евг. Евтушенко, напоминая о Раскольникове, поднявшем топор на старушку из самых «высоких» побуждений, заметил:

Вот он корень всемирного горя:

Человечество — это одно.

А старуха, как данность, — другое

И жива или нет — все равно.

Не менее существенно и то, что это тяготение к расширению *Мы* до бесконечности никогда и нигде не было абсолютным. Самой историей это расширяющееся *Мы* постоянно раскалывается на множество зачастую крайне враждебных друг к другу систем и подсистем. Порою настолько враждебных, что внутреннее взаимонеприятие оказывается мощнее внешнего.

При этом комбинации враждующих сил сплошь и рядом создаются по своим правилам, когда поиск Целостности подменяется сугубо временной общностью интересов, чаще всего так называемым «общим врагом». Как, например, в Боснии, Югославии, где христиане-католики бок о бок сражались с мусульманами против христиан-сербов. Не удивительно, что такие, сугубо политические союзы никогда не бывали прочными. Так что логика всей мировой истории убеждает: и «союз» для ведения войны с «мировым терроризмом» не может обеспечить какой-либо из его более слабых составляющих долгосрочных перспектив. Не говоря уже о прочем...

Но все это проблемы куда более поздних этапов развития человечества. Они здесь упомянуты для того, чтобы рельефней высветить мысль о целостности логики всемирной Истории. Более того, пока что речь шла о вещах достаточно банальных, очевидных. Но упоминание их представляется совершенно необходимым для осмысления «письменного» периода истории человечества.

Именно этот ранний этап подводит нас ко **второй** ступени (?) развития человечества. И мы видим, что здесь все еще запутанней, чем в вопросе о первой – собственно «родовой» ступени.

Проблема рабства и Азиатского способа производства

Так что же такое эта «вторая ступень»? – **Рабство?** – Не спешите с ответом. Возможно, когда-нибудь, завершив споры, большинство ученых признает, что классическое рабство – Частный случай «послеродовой» (???) организации общества, когда самоидентификация, а проще, самоосознание членов общества стало определяться не только, а порою и не столько принадлежностью к роду, а иными факторами.

Условно этот тип общества был назван *азиатским способом производства*. (Известны и другие попытки определения данного феномена. Например: «*пракабальный*»). А наиболее соответствующую ему форму правления называли *восточной деспотией*.

При такой организации общественной жизни рабство в привычном его понимании тоже существует. Но фундамент производства – труд «свободных» общинников, а каркас социальной организации – в переливах и переплетениях многообразных

форм личной зависимости. (Подробнее см: Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – М.: Наука, 1977.)

Правда, при необходимости и труд (по крайней мере немалой части) свободных общинников и военных можно практически использовать почти так же, как и труд рабов. Как, например, при строительстве Великой Китайской Стены, дворца Эпан, усыпальницы Цинь Ши Хуанди и т.д.

При такой организации общественной жизни доминирует государственная собственность на землю и рабочую силу.

Отсюда: хороший государь, как средоточие ресурсов страны, – это кормилец народа. То же – государственный чиновник, являющийся «благородным мужем». Но только в меньших масштабах. Такой муж, как учил Конфуций, должен быть «щедр в пропитании народа и справедлив в использовании его труда».

Что же характеризует соответствующую этому способу производства так называемую «восточную деспотию»?

Не претендуя на исчерпывающий охват, можно выделить следующее:

А) Максимальное сближение, а зачастую и слияние (как в Китае и фактически в Халифате) светской и духовной власти.

Б) Соответствующая сакрализация государственных институтов. Именно *соответствующая*, ибо нет такой формы правления, при которой государственные институты не сакрализировались бы в той или иной степени.

В) Регламентация и ритуализация общественной жизни, отраженная, в частности, в учении Конфуция о том, что ритуалы являются основой стабильного общества.

Так в старинном Китае жестко определялись не только соответствующие определенным рангам одеяния и головные уборы, но и размеры жилищ, высота их фундаментов и даже материал, из коего изготавливались кольца на воротах.

Здесь уместно было бы подчеркнуть: *Определенная* регламентация и ритуализация, ибо обществ, где целиком отсутствовали бы данные феномены, просто не существует. Поэтому многие модные «перестроечные» и постперестроечные лозунги и концепции, направленные по форме против «тоталитаризма» мифологичны по своей сути и фактически служат размыванию самих основ человеческого общежития. Но это – тема для особого разговора.

Г) Специфические формы организации хозяйственной деятельности. В ряде случаев уже в древнейшие времена можно

было наблюдать появление своего рода госхозов. Так, в Египте Древнего царства, того самого, которое вознесло над Северной Африкой гигантские тела пирамид, создавались огромные по тем (и только ли тем?) временам государственные хозяйства, разнообразные труженики которых выполняли задаваемые им «уроки». «Для этих хозяйств, — пишет Домокош Варга, — примером словно бы служило строительство пирамид, на котором хорошо снабженные армии работников трудились в отрядах по пять, пятьдесят и пятьсот человек. В больших или меньших хозяйствах распределяли людей по таким же строго организованным отрядам, в которых так же строго распределяли между ними работу.» (Варга Д. Древний Восток. — Будапешт, 1979, с.79.)

При этом, как показали археологические раскопки, уже строителям пирамид с их изнурительным и небезопасным трудом оказывалась посильная медицинская помощь. В том числе и калекам, продление жизни которых с точки зрения узко «рабовладельческого рационализма» кажется весьма странным.

Любопытно, что за исключением последнего (да и тут еще немало вопросов), упомянутые черточки «азиатского способа производства» и «восточной деспотии» в той или иной мере можно обнаружить и на Западе. Во многих отношениях различия скорее в степени и оттенках, а не принципах организации общественной жизни, столетиями (как принято считать) резко отличавших Запад от Востока.

Но такое сопоставление еще впереди. Возможно, в развернутом виде оно будет сделано историками будущего. Мы же пока сосредоточимся на ином: на периодически повторяющемся в самых разных странах целенаправленном разрушении «основ», либо существенных элементов родового строя.

Особенно наглядны подобные тенденции в реформах китайского царства Цинь, развернувшихся с 359 года до н.э. под руководством Шан Яна, который был главным советником правителя. Реформы эти решительно рвали с родовым прошлым. Сами границы между родами уничтожались. Соседские поселки объединялись в уезды, т.е. — в чисто территориальные единицы. Мало того, реформы препятствовали проживанию под одной крышей братьев, взрослых сыновей и отцов. Там же, где все-таки взрослые сыновья проживали с родителями, уплачиваемые ими подати возрастали вдвое. «Бьем грошом — очень хорошо!» — как сказал бы поэт XX века.

При этом вводилась система жесткой круговой поруки, ког-

да пятерка дворов объединялась в поручительскую единицу, а десятка в звено (лян).

В случае преступления, совершенного кем-то из членов такой единицы, донос приравнялся к заслуге перед государством и награждался, как убийство врага. Того же, кто был в курсе дел, но не донес (вспомним трагически погибшего Николая Гумилева) разрубали пополам.

(Вообще с феноменом «Павлика Морозова» и нравственной интерпретацией «доносительства» не все так просто, как нам иногда преподносят наши СМИ. Вспомним одну из не столь уж недавних познеровских передач, где русский, отслуживший во французском иностранном легионе, упоминал о конфликтах, возникавших там между бывшими россиянами и выходцами из других стран именно из-за отношения к «доносам» на товарищей. Для россиян это было позором, тогда как для иных их соратников — элементарным выполнением воинского долга.)

Несколько позже, после создания уже империи *Цинь* (правда, весьма недолговечной), была предпринята попытка стереть различия и между прежними царствами. Все подданные в Поднебесной стали называться единым термином *цяншоу* — *черноголовые*.

(Интересно, что на другом конце Ойкумены — в Элладе определенное наступление на родовые обычаи повел и афинский реформатор Солон (640-580). Он не только утвердил деление своих сограждан на четыре группы в соответствии с их доходами (нечто аналогичное наблюдалось и в ранней истории Древнего Рима), но и позволил в случае отсутствия законных детей завещать имущество по своему усмотрению. Прежде, — по словам Плутарха, — «имущество и домашнее хозяйство должны были оставаться в роду умершего.» Правда такое завещание позволялось лишь при определенных условиях: «Буде не действовал в состоянии болезни, не был околдован зельем, не был заключен в оковы, или не был вынужден необходимостью, или не находился под влиянием женщины.»

Таким образом, при так называемом «азиатском способе производства» доминируют не родовые, земляческие, этнические, а государственно-иерархические системы связей. Возможно, развернутое, многоаспектное сопоставительное рассмотрение таких систем связей в самых разных странах древности еще впереди. Ведь еще вопрос, насколько принципиальны были различия римской империи, персидской, китайских и т.д.?

Повторим, что все, кроме последнего (г) и соответствующего ему отношения к земле и человеческим ресурсам (да и здесь есть над чем поразмыслить) в той ли иной степени присуще и так называемому феодализму.

А теперь задумаемся: Могла ли такая громоздкая и довольно сложная форма организации общественной жизни стать *первой* «классовой» формой человеческого общества?

— Навряд ли.

Ее появлению должен был предшествовать промежуточный этап синтеза усложняющихся по мере расширения и углубления контактов межродоплеменных и межэтнических отношений и прогрессирующего в определенных пределах (либо пульсирующего) технико-экономического развития, что вкупе привело к использованию рабского труда.

О формах личной зависимости

Обратим внимание: рабство в «чистом» — «классическом» виде — лишь одна из обилия форм *личных* зависимостей, которые, пожалуй, чаще обретали межплеменной, межэтнический, но не индивидуальный характер. Попробуем взглядеться в некоторые из них, а также в их истоки:

1. Функциональные зависимости, порождающие и определенные структуры. (Возможно, здесь было бы точнее сказать: «взаимозависимости»). Зависимости, связанные с разделением труда и закреплением тех или иных прав и обязанностей и соответствующих им преимуществ за определенными родами. Так в Древней Греции, как известно, существовали роды гексестиадов, т.е. тех, кто из поколения в поколение посвящал себя кузнечному делу, врачей-асклепиадов и т.д.

Очевидно, что при этом, роды, освоившие наиболее значимые и престижные с точки зрения своего времени виды деятельности, поднимались быстрее и выше, чем остальные.

2. Другая форма зависимости связана уже с непосредственным использованием грубой силы. Сильные (в том числе и более организованные, либо лучше вооруженные, либо — и то, и другое) приходят и отбирают, что приглянется у более слабых. Со временем такой грабеж вводится в определенное русло и начинает называться *данью*.

Один из вариантов подобной наживы — *полюдые* в Древней

Руси. Такая разновидность грабежа в определенных отношениях удобна для обеих сторон. С одной стороны облегчает грабеж, с другой — позволяет данникам уцелеть и рассчитать, что же они все-таки смогут сохранить для себя.

Когда же сильные проявляли чрезмерную алчность, а слабые — непокорность, то могли и поплатиться, как сначала русский князь Игорь, а затем — и убившие его древляне.

3. При особенно же жестких столкновениях более слабый (особенно проявлявший упорство) истреблялся, а оставшиеся в живых со временем стали попадать в рабство. В Древнем Египте рабов так и называли: «живые убитые». То есть здесь уже преимущественно использовалась непосредственно «живая сила» людей, а не результаты ее труда.

Существует мнение, что первоначально, когда оружие было еще слишком малодейственным в сравнении с орудиями труда (например, каменный или медный нож в сравнении с мотыгой), поработались женщины, одновременно рожавшие победителям детей. Тогда как мужчины, внушавшие опасения, истреблялись. Интересно, что уже в далеко не первобытном мире спартанцы периодически целенаправленно истребляли самых дерзких и сильных из покоренных ими илотов...

И не отсюда ли бранный смысл ряда слов, связанных с сексуальными отношениями? — «...твою мать» — значит и овладеть ею, и унижить ее, а вместе с ней и весь ее род.

Такой подход к вопросу о происхождении рабства позволяет, как мне кажется, искать и еще один ключик к тайнам экзогамии, давшей, как считают, мощный толчок становлению собственно человека, как несущего элемента общества.

Как ни странно, этот вопрос обычно остается в тени, хотя, не говоря о прочем, еще Ю. Семенов в своей выпущенной несколько десятилетий назад объемной и увлекательной работе о происхождении человечества пытался дать оригинальный ответ.

Анализ различных взглядов на эту проблему — задача особого рода. Мне же хотелось бы здесь коснуться лишь одного вероятного варианта. Исследователи китайской истории замечают, что в старинном Китае существовал обычай, по которому при разгорающейся вражде отправляли в сторону враждебного рода ... обнаженных девушек. Неплохой обычай. Ведь, что ни говори, куда приятней иметь дело с обнаженной женщиной, а не вооруженным мужчиной.

(Кстати, не того ли рода и куда менее «эротический» кавказский обычай, по которому для примирения женщина бросает между враждующими платок?)

Возможно затем или параллельно с этим целые набеги совершались именно для добычи живого товара, как в древнеримской истории о похищении сабинянок, давшей толчок целой войне. Не случайно в эпосе и т.д. разных народов, как, например, в «Илиаде» и индийской «Рамаяне» грандиозные войны начинаются с похищения чьих-то жен. Тем самым выражение «ищите женщину», как причину серьезных событий и даже столкновений, наполняется буквальным смыслом.

С другой стороны, хорошо известно, что подобный феномен закрепился в обычае «умыкания» невест, существовавшем у самых разных народов и комически обыгранном в знаменитой «Кавказской пленнице».

Итак, «добровольные» (или не очень) жертвы части девушек, видимо, оказывались для более слабых щитом, спасавшим жизнь целого рода, племени... (Вспомним, что и в более поздние времена итогом успешных действий русичей под Херсонесом стала женитьба князя Владимира на византийской царице, для чего, правда, князю потребовалось принять христианство.)

Возможно, сказки и мифы самых разных народов мира – от известнейшего мифа о Минотавре – до историй о Змеях, требовавших постоянных жертв, отражают не только сливавшуюся порою с человеческими жертвоприношениями аграрную магию, но и эту грань жизни древних – грань, связанную с очень непростым взаимодействием множества уже сугубо человеческих родов, племен и т.д.

Тот же факт, что в мифе о Минотавре упоминаются не только девушки, но и юноши, ничего по сути не меняет.

Конечно, бывало, речь могла идти об огромных жертвах. В империях Центральной Америки велись целые войны для добывания «человеческого материала» для кровавых ритуалов. А сколько пленников жертвовалось богам победителей в древней Евразии!

Но, вероятно, был и второй вариант, когда чужих мальчиков, а то и юношей, превращали в членов своего рода, а позже своей системы. Классический образец возможности такого варианта дают куда более поздние янычары Османской империи, набравшиеся из славян. Еще раньше таким же образом – из пле-

ненных мальчишек – начало создаваться братство мамлюков. И, пожалуй, упомянутое тут – лишь фрагменты куда более масштабной картины.

Уже в древнейшие, незапамятные времена подобное становилось возможным потому, что издавна ритуал посвящения был значимей непосредственно кровного родства. Посвященный уже становился своим, независимо от места и характера своего рождения. Он как бы вновь рождался представителем именно этой родовой, а позже этносоциальной группы. Не случайно в Индии представителей трех высших варн называли «дважды рожденными»; и это «второе» рождение должно было обязательно подкрепляться ритуалом.

Таким образом, если приведенная версия верна, изначально рабство было домашним в полном смысле слова.

При этом, когда победители приходили на чьи-то земли и оседали там, рождалось общество, где доминировали черты так называемого *феодализма*. Порабощенные, роды, племена, народы сохраняли возможность иметь семьи, какую-то часть земельных угодий. Сохранялись, и порой в очень значительной степени, элементы их прежней жизни. Пелопоннесские илоты – и те заметно отличались от «классических» рабов Эллады.

При относительно малочисленном, либо экономически слабым, даже «отсталом», но сильном в военном отношении победителе (факты, встречающиеся в истории очень и очень часто), между завоевателями и завоеванными возводились жесткие барьеры. Так в Пелопоннесе появились уже упомянутые илоты и, возможно, по этой же (но не только) причине – варны в Индии, а также многочисленные мелкие касты. Например, *чандалы* – низшие из низших, которые теоретически представляли незаконнорожденных детей от порочной связи высокородной женщины с низкородным мужчиной, но, согласно данным антропологов, являли своеобразный субэтнос.

Угнанные же на земли победителей и становились собственноручными *рабами*. Хотя, конечно же, какая-то часть побежденных могла оказаться в положении «классических» рабов и на своей собственной земле после ее захвата пришельцами.

Причем рабство всегда и всюду в Древнем Мире разъедало порождающее его общество. Вслед за рабами – *иноплеменниками* появлялись рабы *долговые*, набравшиеся из среды своих же соотечественников.

С крайностями, а порой и с самой основой такого, долгового рабства отчаянно сражались государственные деятели самых разных времен и несхожих народов.

Так, отмечает Домокош Варга, свод законов знаменитого вавилонского царя *Хаммурапи* (примерно 1792 -1750 г. до н.э.) защищал права «попавших в плен и вернувшихся из плена.» Вавилонский закон защищал «жен и детей солдат, защищал задолжавших свободных людей от ростовщиков, чтобы эти последние не забрали бы у них всего и не заставили бы их превратиться в рабов; закон защищал имущество вдов, сирот, отпускал на свободу детей раба, рожденных от свободной женщины, и детей рабыни, рожденных от свободного человека ...» (Варга Д. Древний Восток. – Будапешт, 1979, с.42).

На другом конце Ойкумены – в Афинах, и в совсем иную эпоху, уже упоминавшийся Солон (640-560) также боролся с кабальной зависимостью. Показательно, что, по убеждению Аристотеля, именно это – «отмена личной кабалы в обеспечение ссуд» – явилось важнейшей из демократических мер, запечатленных в реформах Солона. (Цит. по: Хрестоматия по истории Древней Греции. – М., 1964, с. 147.)

Вполне понятно, что, при всех писанных и неписанных законах, сами владыки, особенно в условиях античной «тирании» и «восточной деспотии» могли действовать по «принципу Жванецкого»: «Что охраняешь, то имеешь». Именно действие этого принципа с безыскусной откровенностью описывает древневосточная «Пэзма о Гильгамеше» – одном из царей Урука:

«Он прекрасный, сильный, он мудрый,
Божество он двумя третями, человек лишь одною,
Его тело светло, как звезда большая,
Но не знает он равных в искусстве мученья
Тех людей, что доверены его власти.
Гильгамеш, не оставит он матери сына.
Не оставит он жениху невесты,
Дочери отцу, супругу мужу.
Днем и ночью он пирует с ними,
Он, кому доверен Урук блаженный,
Он их пастырь, он их хранитель...»
(Дорогами тысячелетий. – М.: МГ, 1988, с. 208.)

Проблемы новых подходов к истории

Итак можно представить рабовладельческий и азиатский способы производства, как две стороны одного, третьего этапа человеческой истории – этапа кристаллизации определенных социальных структур. (Второй – промежуточный между родовым и четко оформленным классовым обществом. Условно: протоклассовое общество.)

Там, где начинает преобладать труд пригнанных чужеземцев, – рабство как «способ производства», своих же общинников или покоренных аборигенов – так называемый азиатский способ производства. На деле же, сплошь и рядом – масса симбиозов и целые палитры разнообразных форм личной зависимости.

А что же при таком подходе «феодализм»? Новая ступень? А, может быть, нечто иное? – И видим мы в этом **нечто** более высокую ступень лишь в силу привычного европоцентризма? – Ведь за образец берется феодализм Европы.

По сути же западноевропейский (да и не только) феодализм – дитя распадающихся, либо слабеющих или еще не окрепших государственных образований.

Слабеет государство, либо оно еще не сложилось – и вот вам феодал со всеми его свободами, правами на землю, угодьями и т. д., и т. п. Естественным следствием сего является чеканное: «Вассал моего вассала – не мой вассал».

(Разве не сходную позицию мы наблюдаем вроде бы при совсем ином, правда, не ясно каком, способе производства, когда то или иное вновь рожденное государство горделиво заявляет: «Вкладчики «МММ», «Тибета», либо каких-то там «свободно» выбранных пенсионных фондов – не мои вкладчики»?)

Кстати, и в Византии ростки такого феодализма были наиболее зримыми именно в периоды ослабления империи.

Таким образом, глядя на феодализм с этой точки зрения, мы видим в нем не более высокую ступень общественного развития по сравнению с предыдущим «рабством», а такое следствие слабости чиновничьегосударственных структур, когда она, эта слабость естественным образом (Свято место не бывает пусто!) восполняется клановыми и им подобными структурами.

И тут еще вопрос, кто при этом оказывается более свободным:

Народ – разного рода простолюдины – или «графья», бароны и иные представители местной элиты своего времени, кои

становились безусловными господами над львиной долей произведенного простонародьем, жизнями и даже плотью (вспомним право первой ночи!) овецек, вверенных в их подчинение?

Но, подчеркнем, господство это – не индивидуальное, а клановое и кланово-этническое. Как, например, в случаях с польской шляхтой на Украине или немецкими орденами рыцарей, нацеленных на Прибалтику и Западную Русь. Хотя необходимо добавить, что этническое – это феномен, не сводимый к банально понимаемому «братству по крови». На примере с той же Польшей мы видим, что принадлежность к господствующему этносу могла определяться не только генами, но и вписанностью в культуру элиты...

Подытожим сказанное:

Как показал еще В. Н. Никифоров в своей монографии «Восток и всемирная история» (М., 1977), формы зависимости, включая и личную, очень разнообразны.

Если же вспомним римский колонат, то увидим, что и рабы в определенных обстоятельствах – вольноотпущенники – могли сосредотачивать в своих руках колоссальные богатства. (Общая история европейской культуры. – СПб., 1914, с. 230-231.)

Поэтому, возможно, колонат – не шаг к новому, более «прогрессивному» строю, а такой период в развитии внутрицивилизационных, межэтнических отношений, когда депортированные, насильственно вывезенные (сравните с судьбой и имущественным состоянием многих кавказцев в СССР и затем в СНГ), либо побежденные, как персы Александром Македонским, через какие-то сроки начинают все более сближаться, а то и сливаться с победившим их этносом (либо еще один вариант: превосходить его в богатстве и ряде ключевых сфер деятельности). Т.е. – это не этап в развитии человечества в целом, не путь к новой формации, а этап в развитии межэтнических отношений, складывающихся в рамках единого социума.

Возможно, точно так же и феодализм – лишь усиление тех или иных родов-кланов, племен, племенных союзов и т.д., наблюдаемое там, где недостает мощных надродовых государственных структур.

Естественно, на протяжении тысячелетий наблюдались самые разнообразные варианты и формы симбиоза родового по сути строя (та же наследственная монархия¹, «надменные потомки известной подлостью прославленных отцов...» и т.д.) и

такой организации общественной жизни, которая стремится выйти за пределы клановости. Иными словами мы видим сплетение и одновременное противоборство тяготеющего к замкнутости аспекта *Мы* с другим его аспектом, направленным на расширение зоны *Мы* и создания в каждый новый период истории неких систем и подсистем *Сверх-Мы*.

Их взаимодействие, а то и отчаянная борьба, создавали напряжение и даже определяли облик и судьбы целых социумов. И, представляется: анализ мировой истории с точки зрения сплетенности и одновременно борьбы родовых (клановых) и над-родовых структур мог бы оказаться достаточно любопытным. Особенно в свете событий последних десятилетий.

Но, если мы усматриваем в феодализме не этап в развитии человечества, а этап в развитии того или иного конкретного социально-экономического организма (социума), этап, связанный с усилением кланово-родовых отношений, то это позволяет нам иначе взглянуть и на собственно родовой строй.

Он является не только почвой для будущих «формаций», но и строим, стебли которого прорастают сквозь века и цивилизации и дают бурную поросль на руинах или трещинах, в развалинах самых «модернизированных» вроде бы обществ.²

Здесь и «крестные отцы», и совсем иного круга «семья президента» Ельцина..., и «клан Кеннеди», и многое, многое иное. Причем это такая поросль, которая в определенные периоды может стать довольно органичной частью этносоциального ландшафта.

Отсюда становятся более понятными драматические, а сплошь и рядом — трагические — обострения межэтнических отношений в периоды ослабления межэтнического и в значительной мере надкланового государства³.

Ведь в этих условиях клановые (либо имитирующие «семейственность». «семью» кланово-групповые) и этнические связи начинают активно восполнять нехватку связей иного типа. Происходит же такая смена связей нередко в самой отчаянной борьбе.

И вот парадокс: Те этносы (особенно малые), те группы населения, которые до ослабления прежних надродовых структур воспринимались, как более отсталые, оказываются более приспособленными к новым условиям существования, ибо они лучше «продвинутых» и более многочисленных этносов сохранили внутриэтнические связи и в немалой мере благодаря этому, а также и по иным причинам (трудности активизируют) оказываются

способными занять те или иные жизненно важные позиции в социуме в целом. Например, в сфере бизнеса и торговли, в определенных областях культуры и СМИ, либо, как сикхи – в сфере военного дела, или в области наркотрафика, тех или иных криминальных или полукриминальных сферах и т.д...

Результатом может быть реакция, подобная уничтожению 1-2 млн. армян в период коллапса Османской империи и 6 млн. евреев вскоре после сокрушительного поражения Германии в первой мировой войне. Реакция, не стихийная, реакция обретающая государственный размах, но исходящая из самых древних ощущений межэтнических коллизий, ощущений, которыми определенные силы смогли ловко манипулировать.

Не случайно, и распад СССР знаменовался целым кровавым фейерверком межэтнических столкновений и войн, включая карабахскую, бои в Приднестровье, события в Абхазии и две чеченские войны.

(Поэтому именно сегодня необычайно важно без эмоций переосмыслить и трагедию армян в контексте всей мировой истории, и холокост евреев в годы нацизма, сопоставив их с трагедией нигерийского народа в конце 60-х гг. XX века. (Тогда погиб примерно 1 млн. человек). Сопоставить, чтобы глубже понять истоки трагедий такого рода, равно как и различных депортаций, которые задолго до Сталина осуществляли еще ассирийские и вавилонские владыки и монгольские ханы...)

Правда, можно заметить, что сталинские депортации проводились в условиях социализма. Но, во-первых, не все, что было у нас «при социализме», должно было обязательно вытекать из природы собственно социалистических структур и идей. А, во-вторых, и депортации, и «дело врачей-отравителей» (а разве русских, украинцев, прибалтов и др. не выселяли во множестве с насиженных мест?) феномены, требующие совершенно особого анализа, имеющего смысл лишь в контексте более широких, панорамных исследований, чем те, что сосредотачиваются на отдельных явлениях.)

Да и что такое социализм?

Социализм, с защищаемой здесь точки зрения, – результат другого вектора развития – надкланового или, точнее, сквозь кланового, сминающего (или пытающегося смять) на своем пути барьеры между родами и этносами и максимально слить социум в единое, управляемое целое. Хотя на практике и политика

советского руководства и реальные процессы в советском обществе были куда более противоречивы, чем обрисованная здесь схема. Ведь именно в СССР были выращены образованные многонациональные элиты, оказавшиеся в немалой степени заинтересованными в образовании суверенных государственных образований. Но это — достаточно узкая и особая тема.

В целом же представляется, что **социализм** по своей сути — **это современный вариант азиатского способа производства. Но способа**, опирающегося на технические, технологические, организационные и информационные достижения индустриального, а затем и в определенной мере «постиндустриального» общества (Обратите внимание на появившееся в Китае выражение «**конфуцианский социализм**»).

Эта «технически-информационная» сторона дела чрезвычайно важна. Парадоксально, но, вопреки убеждениям просветителей еще XVIII века, тоталитаризм, то есть всевластие государства, его «абсолютный» контроль над всеми сторонами жизни страны, где это государство существует, в определенных отношениях более ограничен как раз в огромных империях. В той же России, при всем восточном деспотизме ее царизма, сами просторы давали немалой части ее населения такую «волю», о которой массы более просвещенной и более демократической Европы и помыслить не могли. А вот в крохотной, по российским меркам, кальвинистской Женеве, осуществлять тотальный контроль над населением было, к примеру гораздо проще... (Те же чудачества российского Павла или его предшественника Петра III затрагивали по сути лишь малый круг близких к ним людей. Даже Петр I и тот не был властен над старообрядцами, шедшими в горы, леса и к северным морям.)

По крайней мере здесь требуется свежий анализ и взгляд, свободный от привычных штампов. Но многое существенно изменилось с появлением «индустриального» общества, которое, однако, не только мифологизировано, но и само постоянно порождает и воспроизводит устойчивые мифологические системы.

Скажем, миф о «рынке», абсолютной оппозиции Свободы и Несвободы и т.д.

По сути же индустриальное общество XX века, как, в частности, показал известный английский историк Э.Г. Карр, это далеко не стихийно-«рыночное» общество. Его экономика давно уже управляется; и то, что мы называем социализмом и капитализ-

мом – не спор свободы и тоталитаризма, а лишь два варианта управления обществом и общественным, массовым сознанием. Причем такого управления, которое, подчеркнем, не ограничивается экономикой, а все более проникает в самые разные сферы человеческой жизни. (Что ж, кто платит, тот и заказывает музыку. А платит тот, в чьих руках экономические рычаги.)

Поэтому *Судьбы Демократии* вовсе не определяются нашим сознанием, сознательным выбором (я имею в виду являющееся объектом манипуляций и т.д. сознание масс.), как это обычно преподносят СМИ.

Увы, в условиях глобализации механизмов управления человеческим сообществом демократия в ее прежнем, но устоявшемся понимании все более превращается в декорацию, в нарисованный очаг, скрывающий потаенную дверцу очага Новых Пап Карло. Или, иными словами, она – лишь стрелки и циферблат часов, механизм действия которых скрыт от человека, стремящегося по ним определить время.

Но это – не повод для причитаний (ахи и охи вообще не дело науки). Столь сложный и становящийся все более единым мир людей просто не может быть миром свободной игры стихий в их недавнем понимании.

Впрочем, здесь можно вспомнить и Конта, который полагал, что демократия – лишь промежуточная форма правления, которая должна смениться властью специалистов-ученых. И в самом деле такие вопросы, какой ход делать в критической позиции Иванчуку или Каспарову, или ввозить или нет в Россию отходы ядерного производства из других стран, равно как и сотни других, причем подчас жизненно важных, – это не те вопросы, которые можно решать путем голосования.

Но новая серьезнейшая проблема в ином – в том, что принимающие решения ученые отнюдь не витают в царстве Чистой Науки. Да и глобализация в ее нынешних формах осуществляется по сценариям родового строя... Но опять-таки, все это феномены, требующие своего особого анализа. Мы же подытожим то, что имеет непосредственное отношение к собственно целостному видению Мировой Истории.

Итак, «на новом витке развития» в немалой мере повторяется то, что уже видели. Доминирующие в экономической, информационно-технологической сферах кланы, группы и т.д. расширяют зоны своего влияния совсем не для того, чтобы не-

сти землянам прелести «свободного мира», а для того, чтобы использовать их так, как некогда использовали американских и негритянских аборигенов христианизируемых земель, а еще раньше «варваров», без чьего труда было бы невозможно ни искусство, ни философия, да и само могущество Эллады.

Но это – лишь попутное замечание. Главное в ином, в напрашивающемся более глобальном выводе: элементы родового строя – не просто архаичный пережиток, а составная жизнедеятельности целого ряда культур и социумов (и есть ли те, что начисто лишены этого «архаизма»?), которая потому и пережила тысячелетия, что в определенных обстоятельствах была (и остается) необходима определенным людям, являясь одной из слагаемых организации общественной жизни. Хотя и таким слагаемым, роль которого была подчас очень противоречивой. Более того, нередко противоречащей интересам социума в целом, что периодически приводило к социальным взрывам и краху этносоциумов. (В свете сказанного было бы небезынтересно рассмотреть различные формы неопатернализма и личных связей в индустриальных обществах, такие, как те, что хорошо прослеживаются в организации жизнедеятельности японских фирм.)

Возможно, ставшее привычным, деление обществ на традиционные «индустриальное» и «постиндустриальное» – вчерашний день науки. Вычленили нечто существенное из единой живой реальности – и хорошо. А теперь пора переходить к целостному рассмотрению живых взаимосплетений родовых и неопатерналистических элементов (равно, как и просто патерналистических) в их органической связи с различными типами социумов, включая и так называемое «постиндустриальное» общество.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Думается, что внутренняя логика развития социума ведет или может вести к самоотрицанию «родовых» доминант социальной жизни. Возвысившиеся и укрепившиеся роды могут слиться с надродовыми госструктурами. Интересы и тех, и других станут все больше совпадать. Поэтому-то сакраментально: «Государство — это я» может пониматься и так, как это виделось Петру I — как идея служения Отечеству. (Хотя сам характер подобного «служения далеко не всегда и не всем мог казаться безупречным. Но это уже другой вопрос.)

2. Интересно, что и не раз здесь цитировавшийся Энгельс, но не канонизированный, а живой, размышляющий, подмечал возможность «врастания» родового строя в классовое общество. По его мнению, главные формы, в которых «государство поднимается на развалинах родового строя» тройки: «Афины представляют собой самую чистую, наиболее классическую форму: здесь государство возникает непосредственно и преимущественно из классовых противоположностей, развивающихся внутри самого родового общества. В Риме родовое общество превращается в замкнутую аристократию, окруженную многочисленным, стоящим вне этого общества, бесправным, но несущим обязанности плебсом. Утверждение о бесправности плебса требует анализа и современной интерпретации. — Ю.Б.); победа плебса взрывает старый родовой строй и на его развалинах воздвигает государство, в котором скоро совершенно растворяются и родовая аристократия, и плебс. Наконец, у германских победителей Римской империи государство возникает как непосредственный результат завоевания обширных чужих территорий, для господства над которыми родовой строй не дает никаких средств. Но так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением, ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, и экономическая основа общества остается, следовательно, прежней, то родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме в виде маркового строя и даже на некоторое время восстанавливаться в более слабой форме в позднейших дворянских и патрицианских родах, и даже в крестьянских...» (Маркс К., Энгельс Ф. Указ.

соч. с.360-61.) Не все здесь бесспорно в деталях, да и материал ограничен лишь несколькими примерами, но завершающая идея очень показательна.

3. Нередок и такой процесс, когда «государственное», образно говоря, «приватизируется» и используется в узко групповых интересах. С древнейших времен в подобных процессах усматривалась серьезнейшая угроза самому существованию социума. Но здесь нужно не морализаторство, а трезвый и масштабный сравнительно-исторический анализ.

-
1. Варга Д. Древний Восток. – Будапешт, 1970.
 2. Дорогами тысячелетий. – М., 1988.
 3. Общая история европейской культуры. – СПб, 1914.
 4. Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. – М., 1977.
 5. Хрестоматия по истории Древней Греции. – М., 1964.

О ПАССИОНАРНОСТИ И МЕЖЭТНИЧЕСКОМ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ

Одной из самых деликатных сторон разговора о взаимосплетенности судеб народов нашей Родины (да и только ли ее?) стала тема, очерченная Л.Н.Гумилевым. Вкупе с А.Л. Чижевским и рядом его последователей Л.Н. Гумилев и все те, кого можно было бы без всяких оговорок отнести к оригинальной отечественной (в широком смысле слова) школе в историософии, дали колоссальный толчок социально-исторической мысли, рассматривая собственно человеческую историю, и, в частности, историю этносов, как составляющую естественного и социального целого.

В принципе сама идея такого сплава не нова и имеет очень давние корни. Но ее разработка, основанная на видении коллизии и осмыслении научных достижений именно нашего, завершающегося века, безусловно, оригинальна, и при этом с показательной четкостью вписывается в одно из мощнейших направлений исследовательско-философской мысли последних столетий.

Даже, если не касаться того, что принято относить к «географическому детерминизму», мы сталкиваемся с очень интересным и, пожалуй, еще недостаточно осмысленным во всей его масштабности феноменом, проступающим сквозь вроде бы самые несхожие направления европейской психологической и историософской мысли.

Одно из них - марксизм, словно в ответ на гимны Разуму, он призвал сосредоточиться на неосознаваемых, но лежащих в основе человеческого бытия, социально-экономических процессах. С другой стороны, неожиданно выхватив эстафету у Маркса, уже Фрейд вперил свой взор исследователя в глубины бессознательного, доказывая, что и поведение отдельного индивида руководствуется далеко не только, а скорее и не столько его личным разумом. И спустя годы Гумилев, Чижевский и все те, кто сосредоточил внимание на еще более глобальных - энергетических основах грандиозных, сродни тектоническим, движениях человеческих масс.

Однако, как мне кажется, тут важно само движение мысли, а не ее фрагментарные формы, запечатленные либо в высказываниях самого Л.Н. Гумилева, либо элементах его концепции. И

здесь Гумилев-мыслитель может стать нашим добрым спутником в путешествии к тайнам истории, но не Гумилев-кумир, Гумилев-пророк и кладезь подходящих цитат, коим мы по своей привычке воскуривать фимиам порою пытаемся заменить вчерашнюю троицу: Маркс - Энгельс - Ленин.

Что я имею в виду? - То, что идеи Гумилева колоссальны по своему эвристическому потенциалу, но не бесспорны и требуют огромнейшей дальнейшей работы.

Остановимся на «пассионарности», упоминание о которой становится подчас таким же признаком хорошего тона и интеллектуального правоверия, каким еще недавно была «классовость». В том виде, в каком о ней рассуждают сегодня СМИ, пассионарность исподволь превращается в своего рода знак качества и красивую этикетку. Так уже название интереснейших и живо, но не развязно, (что ныне, увы, встретишь не столь часто) написанных Вячеславом Огрызко очерков - «Великий Пассионарий» несет в себе эмоционально-оценочный заряд.¹

Но ведь, по существу, гумилевская «пассионарность» - это не выражение «добра» и даже «героизма» в его привычном смысле, а своеобразная концентрация биосоциальной энергии в группах индивидов. (Напомним, по Гумилеву, «пассионарность», как характеристика поведения - эффект избытка биохимической энергии живого вещества, порождающий жертвенность, часто ради иллюзорной цели. В глубинном же отношении - это избыток биохимической энергии живого вещества, обратный вектору инстинкта и определяющий способность к сверхнапряжению.² Для любителей точности обращаем внимание на то, что в книге самого Л.Н. Гумилева используется не ставшее привычно-трафаретным понятие «биосоциальный», а слова «биохимическая энергия»).

То есть концентрация пассионарности, биохимической, говоря языком Л.Н. энергии, сама по себе далека и от эстетики, и от морали. Так, можно было бы сказать, что пассионарии - это и Колумб, и Кортес, и английские «королевские пираты», и многие, многие иные, включая тех, чья активность была связана лишь с грабежами, насилием и разрушением. Показательно, что сам Лев Николаевич, упоминая такие масштабные, но неоднозначные фигуры, как Александр Македонский и Наполеон, добавляет, что «типичными пассионариями» можно назвать и Пушкинского Алеко, и Дон Жуана, и даже... Скупого рыцаря,

«одержимого алчностью». При этом Гумилев подчеркивает, что пассионарий не обязан быть не только героем, но и вождем: «...сопоставление пассионариев с вождями, - пишет он, - домysel, цель которого описание одного из поведенческих признаков свести к банальной, давно отброшенной теории.³

Но это деталь. Куда серьезней то, что «пассионарность» в своем нынешнем, пока еще, на мой взгляд, вольно расплывчатом виде, в немалой мере повисает в воздухе. Достаточно строгого и развернутого анализа пассионарности и ее основ, пожалуй, пока еще нет. Более того, уместно вспомнить, что сам Л.Н., говоря, например, о таком этническом процессе, как метисизация, подчеркивал, что этот сложнейший процесс - отнюдь не расовый.⁴

Такие оговорки и такая осторожность вполне объяснимы. Слишком уж много кровавых, да и просто уродливых явлений ассоциируется со словом «расизм». А Гумилеву только обвинений в расизме не хватало.

Но не утрачивает ли взятая в таком, «причесанном» виде пассионарность кое-какие логические опоры, да и саму оригинальность? Ведь, если мы будем, говоря об этносах, сосредотачиваться вопреки какой бы то ни было терминологии, прежде всего на социокультурных моментах, то красивое слово «пассионарность» легко заменяется бергсоновским «жизненным порывом», а «пассионарий» без боя уступает тойнбианскому «творческому меньшинству».

Более того, само понятие пассионарности, равно, как и сопутствующие ему термины начинает казаться довольно туманным. Так, например, уже рассмотрение этногенеза, как «инерционного процесса», где первоначальный заряд энергии ... расходуется вследствие сопротивления среды»⁵, что, в конечном счете, ведет к «сумеркам» этноса и его упадку, оставляет немало вопросов, причем безответных. Скажем, таких: что считать «первоначальным»? Где тут точка отсчета?

Нельзя ли подмеченные этим блестящим полемистом процессы объяснить (по крайней мере, - зачастую) куда проще: истощением социумов в результате антиестественного отбора? - Истощением, которое в основном происходит трояким образом:

1) Дисперсия или распыление генофонда в результате войн и далеких походов. Заметьте: слишком часто знаменитые державы-воительницы превращаются довольно скоро после своих

ослепительных успехов в пустой кокон. Греция начала сходиться с авансцены истории именно после походов Александра Македонского. Франция ушла на роль второстепенной державы после походов Наполеона. СССР надломился под тройной ношей Великой победы (и подводящей к ней концентрации жизненных сил), активной внешней политики и гонки вооружений. О Монголии средневековья и говорить не приходится.

2) Деградация генофонда, связанная с падением традиционных и, прежде всего ориентированных на семью нравственных устоев, падением рождаемости и ослаблением жизнестойкости и качественных показателей уже рожденных, которые в периоды кризисов зачастую не нужны ни родителям, ни обществу.

Показательно, что еще с самых давних времен на процессы ухудшения генофонда и здоровья этносов в целом могли оказывать воздействие экологические и иные факторы «социогенного», но не социального характера в привычном смысле слова. Так, известны версии, согласно которым на здоровье древних римлян колоссальное негативное воздействие оказал... свинец, коим покрывали внутреннюю поверхность посуды, а также свинцовый сурик, добавлявшийся в сусло, чтобы вино не казалось слишком кислым. Так оно или иначе, но в среде римской знати женское бесплодие «распространилось столь широко, что, по оценке С.Джиллфиллэна, рождаемость в среде элиты составляла лишь одну четверть от той минимальной величины, которая еще способна обеспечить положительный прирост населения». «Мор среди римской аристократии, - утверждает ученый, - исторический факт. Но мор - не то слово. Он предполагает смерть каждого десятого, а в данном случае на вершине римского общества вымирали три четверти из каждого поколения».⁶

С аналогичными проблемами столкнулись и в еще более древнем Шумере, чьи женщины по не вполне ясным причинам стали в определенный период рожать все меньше детей.

3) Заметное ограничение потомства у наиболее активной части народонаселения, особенно в периоды интенсивного социального напряжения и прямая гибель самых динамичных. Так, в том же Риме времен Августа легионеры, служившие 25-30 лет в трехсоттысячной армии, не могли до окончания службы вступать в брак. По четверть века служили и рекруты послепет-

ровской российской армии, поражавшей мир своими победами, но, увы, и они долгие годы не имели своих очагов.

Еще масштабнее и, возможно, куда трагичнее антиестественный отбор, обескровливающий Россию - СССР - СНГ на протяжении многих десятилетий XX века.

Как видим, все происходящее в театре Истории можно было бы попытаться объяснить, не изобретая таких понятий, как «пассионарность», а следуя старому совету Уильяма из Оккама не умножать «сущности... без необходимости.»

Но, представляется, что все, здесь сказанное, отнюдь не перечеркивает творческих поисков Льва Николаевича. Тем более что он и сам прекрасно видел целый веер вариантов исторического развития, при которых человеческие сообщества теряли (и очень часто безвозвратно, то есть без должной компенсации) самых активных, упорных и т.д. Так, размышляя об этногенезе, он прямо писал, что «любой этногенез - это более или менее интенсивная утрата пассионарности системой, иными словами, гибель пассионариев и их генов; особенно это проявляется во время тяжелых войн, ибо пассионарные воины по большей части погибают молодыми, не используя полностью возможностей по передаче своих качеств потомству».

Однако тут же Гумилев тонко замечает то, что он именует «пассионарностью» может утрачиваться не только во время войн. Мало того, в военные годы «женщины ценят героев, идущих в бой, благодаря чему те, прежде чем погибнуть, успевают оставить потомство, далеко не всегда в законном браке. Дети вырастают и продолжают совершать поступки, подсказанные их конституцией, даже не зная своих отцов. И, наоборот, в тихие эпохи идеалом становится умеренный и аккуратный семьянин, а пассионарий не находит места в жизни...»⁷

Наиболее же трагично, по мысли Гумилева, пассионарии погибают «в конечные фазы этногенеза, когда их становится мало и взаимопонимание между ними и массами обывателей утрачивается».⁸

Конечно, и тут можно было бы поспорить с автором «Этногенеза...». Я лично, к примеру, против резкого разведения «пассионариев» - соколов и основной массы «обывателей, а говоря языком Горького, «рожденных ползать ужей» и всяких там «глупых пингвинов», робко прячущих жирные тела в утесах. На мой взгляд, одни и те же люди бывают способны, причем подчас

неожиданно для себя самих, играть самые разные роли, бывая то ужами, то соколами, то глупыми пингвинами.

Итак, Гумилев, как и любой иной автор социального плана не бесспорен и спокойный, взвешенный и разносторонний анализ его концепции и основных используемых им понятий был бы несомненно и полезен, и интересен. Но я в своих беглых и очень поверхностных заметках хотел бы обратить внимание на совершенно иное - на те зерна идей, которым, как мне кажется, еще предстоит дать богатые всходы. Подчеркивая, что «пассионарность - это биологический признак».⁹

Гумилев по сути заставляет нас задуматься о природе людей - творцов истории - не абстрагированных и уплощенных «движущих сил» и « субъектов» исторического процесса, а существ во плоти и крови, у коих духовное и телесное - нерасчленимо, а собственно социальное немислимо, а собственно социальное немислимо без биологического.

При таком повороте исследования понятие «пассионарность» представляется не только допустимым, но и полезным инструментом современного социального познания. Ведь именно сегодня, в период нескончаемых коллизий и смен идеалов и ценностей в целом нам так необходимо хотя бы поверхностно, но разобраться в себе самих, и в себе подобных.

Думается, что углубление в очерченные Гумилевым, биологически-антропологические и, тут уж никуда не денешься, в их числе и расовые аспекты глобальных и региональных проблем, позволит полнее постигать боли и прошлого и сегодняшнего дня и одновременно способно придать особую весомость идее пассионарности, которой слишком уж легко уготовить участь модного блюда в нынешних интеллектуальных гостиных. Представляется, что современная наука позволяет поставить вопрос о глубинном проникновении в механизмы того, что Гумилев называл пассионарностью, акцентируя внимание на биохимических, энергетических гранях исторических феноменов. Иными словами, мы вновь и вновь сталкиваемся с необходимостью рассмотрения самых различных антропологических аспектов истории в их неразрывной связи с пониманием отдельных индивидов и разнообразных этнических, этносоциологических и даже расовых групп, как своеобразных энергетических объектов.

Здесь очень важно попытаться вникнуть в наиндивидуаль-

ную природу пассионарности, ее основ и того, что, возможно, выходя за ее собственные пределы, тем не менее, оказывается с нею связанным. Ведь «пассионарий», «энергетический человек», или назовите это как-то иначе, проявляется в конкретных людях, обладающих конкретными телами и психофизиологическими особенностями, причем таковыми, которые никогда не сводятся к особенностям сугубо индивидуальным, а всегда представляют собой комбинации индивидуального и социально-этнического, а то и расового.

Так, в прессе отмечалось, что, скажем, сахарным диабетом представители негритянского населения Америки заболевают куда чаще, чем белые. Ныне, как сообщалось в «Аргументах и фактах», «более 3-х млн. чернокожих американцев болеют сахарным диабетом - их в 2 раза больше, чем диабетиков с белой кожей. Особенно подвержены заболеванию чернокожие женщины: каждая четвертая негритянка старше 55 лет - диабетик, говорится в докладе «Афроамериканская программа.»¹⁰ И, наоборот, невооруженным глазом видно, что во всех видах спорта, требующих скорости и взрыва энергии - от бега, баскетбола и до бокса - множество чернокожих.

Кстати, в те времена, когда на судах использовался труд каторжников и рабов, отменными гребцами считались рабы-славяне, тогда как негры оказывались непригодными для такой работы и, как правило, быстро умирали.

Интересно, что уже в казахстанской печати появилось сообщение, напоминающее загадку с сахарным диабетом. Правда, здесь упоминалось о женской болезни на юге республики, которая минует казашек, но бывает опасной для женщин «европейской национальности».

Конечно, подобные сообщения нуждаются в проверке и комментариях специалистов - слишком уж много сегодня сенсаций - пустышек. Но проблема-то не снимается! Тем более что современной медицине хорошо известно о доминировании определенных наследственных болезней у представителей тех или иных этносов.

А ведь болезни - это только полюса, контрастные цвета. Но сколько еще есть оттенков, переливов, нюансов и мазков, обрисовывающих то, что мы, в частности, привыкли называть национальным характером. Да и не только.

Так достаточно хорошо известны различия в темпераменте,

сексуальной активности, наблюдаемые у «типичных» представителей разных этносов. Например, сексологи отмечают, что средний итальянец в сексуальной сфере будет активнее среднего немца.

Можно возразить: а при чем здесь пассионарность? Но, если не подходить к Гумилеву догматически, то мы увидим, что связи есть, потому что речь идет об энергетической основе личностного поведения. Не случайно в мифологии самых разных народов мира сексуальность и воинская сила зачастую сливаются воедино в одних и тех же персонажах. Достаточно вспомнить римского Марса, индийского бога Шиву и богиню Кали. Используя язык Фрейда можно было бы сказать о сублимации сексуальной энергии, преломленной в мифологических образах. Правда, и тут не стоит упрощать, постельные доблести отнюдь не всегда совпадают с доблестями в ратных и иных делах.

Недаром, в годы второй мировой те же немцы подтрунивали над итальянцами, поговаривая, что, если у танков вермахта три скорости вперед, одна назад, то у итальянских - наоборот...

Но с древнейших времен известно, что особенности характера, темперамент и т.д. связаны с человеческой конституцией. Одним только поискам этих связей, преломленным сквозь призму истории мировой культуры можно было бы посвятить увлекательнейшую книгу. Мы здесь ограничимся лишь несколькими примерами, высвечивающими проблему взаимосвязи энергетики человека и его внешних, «физических» данных.

Начнем с писателя, ибо трудно найти людей более зорких, чем они. Еще Сомерсет Моэм писал: «Физический облик человека отражается на его характере, и, с другой стороны, характер, хотя бы в самых общих чертах, проявляется во внешности». Поэтому, создавая того или иного персонажа своих произведений, писатель может менять его социальное положение, страну, в которой тот живет и т.д., но изменить внешность прототипа или уже сложившегося литературного героя гораздо труднее: «Нельзя убавить человеку рост, а в остальном сохранить его без изменений. Высокий рост заставляет человека по-иному смотреть на мир, а значит меняет характер. Точно так же нельзя, чтобы замести следы, превратить миниатюрную блонетку в крупную блондинку. Внешность приходится оставлять в неприкосновенности, иначе разрушится то, что и заинтересовало писателя...»¹¹

Однако XX век далеко не ограничился наблюдениями, а по-

пытался, начиная с Адлера и др., построить целостные психологические теории, обретшие известность. Достаточно привести как их характерный образец характерологическое описание внешности Путина. «Посмотрите на Путина, - рассуждает А. Кормушкин, руководитель практической характерологии при Санкт-Петербургском отделении Российской академии наук, худой, стройный, с грубо выделяющимся мышечно-костным рельефом, жировых отложений нет, или их мало. Лицо яйцеобразное, подбородок маленький, шея длинная и тонкая, нос длинный, подбородок острый. Немецкий психиатр Кречмер назвал бы человека такого типа лептосоматиком, а американский психолог Шелдон - церебротоником. Эти ученые установили зависимость характера и темперамента человека от строения его тела. Если судить по конституции Путина, он относится к широкому кругу астенических характеров. А это значит, что основными его свойствами является нервная истощаемость и неуверенность в себе». Что же касается занятий борьбой, тягой к риску, опасности - то это лишь «реакция гиперкомпенсации». Природу ведь не обманешь, а она дала астенику именно такую систему - более нежную, что ли, более слабую...».

Ельцин же - «совершенно другой тип, полярный, если хотите. Он человек стеничный и отличается неистощимостью, смелостью.

Ельцину природа отпустила то, что недодала Путину - гипертрофированное тщеславие, силу воли, работоспособность, низкий уровень тревожности... решительность в его натуре...»¹²

Интересно, что и, согласно старинному восточному автору Абуль Фараджу, «длинная и тонкая шея - признак робости. Такой человек пуглив, как олень.»¹³

Да и сравнительно небольшой рост нового президента России побуждает то тут, то там вспоминать все о той же теории гиперкомпенсации.

Касаясь конкретно тех или иных теорий и сопоставлений, хотелось бы заметить, что было бы неосторожным воспринимать их за зеркала Абсолютной Истины. Так, если, к примеру, в Китае большие уши принято было считать знаком ума и будущей долгой жизни, то по тому же Фараджу «Человека с большими ушами можно уподобить по ловкости ослу. То же подмечено и у собак. Те, у кого маленькие уши, более ловки и подвижны.»¹⁴

Но, представляется, дело не только в тех или иных разночтениях человеческой внешности, а в упрощении реальности. Связь энергетики личности и ее конституции безусловно существует, но она не примитивно-линейна и, убежден, не сводима к гиперкомпенсации. Просто сама природа человеческой энергетики, возможно, куда сложнее, чем это представлено в иных модных ныне теориях. Худощавость, малорослость и т.д., и т.п. не только подталкивают к «гиперкомпенсации». Ведь даже животные отнюдь не всегда жилистые и тонкие слабее более крупных. Напротив, подвижные хищники зачастую уступают в массе своим жертвам...

Однако само направление и исследований, и обычных, но многовековых наблюдений, конечно же, выбрано не случайно, это направление имеет самое прямое отношение к разрыву гумилевской идеи пассионарности, прояснению ее глубинных биологических основ. Необходимо только попытаться вникнуть: как выглядели, какими обрисовывались «пассионарии» у тех или иных народов, в ту или иную эпоху? Однако, даже для самого поверхностного ответа на этот вопрос требуется не набор примеров, а достаточно представительное исследование культурологических и антропологических аспектов проблемы.

Причем, огромный интерес здесь представляют не столько сами характерные черты представителей тех или иных этносов (здесь сделано очень много), а динамика их изменений с учетом самых современных данных.

Уже Гумилев особо обратил на это внимание, подчеркивая: «...хорошо известно, что модификация одного признака сказывается не только на анатомии человека, но и на его поведении... в условиях исторического бытия в человеческих сообществах продолжают протекать биологические процессы, стимулирующие даже изменения скелета. Но тогда должны быть и вариации меньшего диапазона, отражающегося на физиологии и поведении. Их вскрыть труднее, однако предположение об их наличии... позволяет нам начать поиски фактора человеческой деятельности, действующего наряду с хорошо известными социальным...»¹⁵

Итак, физические, физиологически-энергетические изменения в индивидах, составляющих этносы, субэтносы и т.д., заслуживают самого серьезного внимания, если понять логику истории во всей ее многозначности.

Но что в свою очередь ведет к таким изменениям и насколько можно говорить об их постепенности?

По Гумилеву, «Естественный отбор стабилизирует этническую систему, что ведет к ее неминуемому упрощению. А это обстоятельство, в свою очередь, говорит о необходимости признания концепции эксцесса, т.е. толчков-микромутаций, возникающих время от времени и нарушающих естественный ход изменения энергетического уровня, связанного с возникновением этноса...»¹⁶

История свидетельствует, рассуждает далее Гумилев, что «время от времени происходят вспышки этногенеза, влекущие за собою расширение ареала и перетасовку многих элементов гиперсистемы, называемой «человечество». И... эти вспышки необъяснимы социальным развитием, ибо отнюдь не ориентированы на прогресс и столь редко совпадают со сменой формации, что эти совпадения следует считать случайными».¹⁷

Не будем вновь останавливаться на том, что такое, зауженное видение «социального», может быть спорным. Здесь для нас важнее иное - четкая постановка проблемы взаимосвязи биолого-энергетических и этнических, а (если уйти от плоского комментаторства и буквализма) по сути и этносоциальных процессов... При использовании понятия «социальный» в его широком, а не зауженном смысле.

И вот тут-то мы напрямую выходим на непосредственно современные грани темы. Будут ли они сопряжены с собственно новыми процессами этногенеза, а то и «возрождения», как ныне модно упоминать, уже известных этносов, либо с чем-то более частным - судить не в этих коротких заметках. Но мы можем вместе поразмышлять о специфике, пусть только какой-то части, современных «толчков-микромутаций».

Размышления же эти выводят на вопрос о реакции этносов и субэтносов на экологические, социально-политические и иные, подчас очень резкие изменения, происходящие в завершающем веке второго тысячелетия.

Даже то, что можно наблюдать поверхностным взглядом наталкивает на мысли о во многом еще не вполне ясных закономерностях динамики этих изменений и их, порой поразительной, направленности.

Достаточно обратить внимание на то, что «акселерация» (термин, на мой взгляд, упрощающий многозначность феномена)

по-разному протекает в различных этносах. Когда эти этносы, народы (для удобства не касаюсь нюансов в разграничении данных понятий) обитают в целом на разных территориях, то вроде бы все достаточно просто. Так несложно попытаться объяснить, почему за последние десятилетия средний рост испанца увеличился не настолько, как средний рост его более северного соседа, скажем, француза. Но куда интереснее понаблюдать за теми, кто живет бок о бок.

Возьмем Казахстан. Не берусь судить о всех казахах, а тем более носителях тюркской крови, и заменять своими частными наблюдениями данные антропологов, но хотел бы обратить внимание на то, что порой пока всерьез не замечают: не наблюдаем ли мы со времен целины рождение «новой расы» прежде всего городских казахов, которые уже внешне резко отличаются от своих родителей и тем паче дедов. Множество вытянуто-высоких, а то и высоченных, статных, стройных, подчас с маленькими (в сравнении с традиционными) для их роста головами, либо богатырей, на голову возвышающихся над папашами.

Помнится, не так давно мне довелось побывать на встрече-концерте с живой легендой казахского искусства Бибигуль Тулегеновой. Прожив до этого десятки лет в Казахстане я тем не менее был невольно поражен обилием низехоньких головастьных старушек-казашек, так контрастирующих с массой длинноногих и стройных девушек той же национальности на улицах Костаная. Конечно, далеко не все молодые казашки достаточно высоки и стройны. Но это же можно сказать и не только о казашках. Тем более, что контраст был неожиданно впечатляющим - словно встретился с иным миром.

Конечно, и у лиц «европейской национальности» можно встретить немало детей, которые либо крупнее, либо выше и изящнее своих родителей. Но в то же время здесь нередко и обратная картина, что дало повод казахстанской печати (газета «Караван») говорить о прекращении акселерации (понимаемой упрощенно, как увеличение размеров тела).

Дети (как, по некоторым данным) во времена первых европейцев в Америке, становятся нередко ниже и, прежде всего мельче своих родителей. Зачастую мельчают головы¹⁸, лицевые кости и т.д. Частенько можно увидеть щупленьких, миниатюрных мальчиков, которые даже при высоком росте и повзрослев кажутся подростками - ибо такова их программа развития. Впро-

чем, «европейцы» могут быть и приземисто-коренасты. Дело тут, пожалуй, не столько в самом телосложении и росте, сколько именно в «программе развития».

Не происходит ли то, что условно можно было бы назвать «кавказизацией», либо (и не точнее ли?) «евреизацией» безо всякого подтекста части европейского по происхождению населения Северного Казахстана (и только ли его?), причем, возможно, практически независимо от «русской», либо «нерусской» крови? То есть ограничение размеров тела и отчасти «оподостковлевание» пропорций за счет ускорения полового созревания. Может быть, для какой-то части еще точнее было бы говорить о своеобразной «негроизации», выражающейся в уже отмеченных вытягивании ног и тел и уменьшении размеров голов.

Не в том ли и одна из ряда причин, участвовавшего дефицита тела призывников? Дефицита, являющегося результатом комплекса причин, а не только недостатка питания?

Кстати, именно акселераты в буквальном смысле этого слова могут быть в массе своей мельче тех, чье развитие более замедленно. Так южане Китая мельче северян. Женщины в целом уступают в росте и размерах конечностей мужчинам. И все - по причине более быстрого созревания.

Даже о пигмеях, и тех сейчас пишут, что они акселераты с очень ранним по нашим меркам развитием, которое завершается примерно в 11-12 лет. Как видим (как это ни банально) акселерация - не просто изменение размеров тела в какую-то одну сторону, а своеобразное изменение программ развития индивидов, а значит, можно, предположить, и их энергетики, что, повторюсь, выводит нас на новые грани «пассионарности», как проблемы, четко поставленной Л.Н.Гумилевым...

Итак, подытожим: мы имеем дело с индивидуальными программами, на которые влияет и пища, и образ жизни, и, может быть, узлы проблем, встающих перед целыми этносами, субэтносами и социальными группами.

Именно программами! Когда размеры тела, головы, пропорции оказываются лишь наиболее легко наблюдаемыми внешними показателями глубинных индивидуальных пульсаций, либо направленных изменений (или сочетаний первого и второго).

За этими же изменениями размеров и пропорций кроются

другие показатели - скорость полового созревания и соответствующих циклов жизнедеятельности организмов в целом, и, (повторимся) - еще далее - биоэнергетический и собственно психологический и интеллектуальный потенциал индивидов, одним из штрихов которого, возможно, и оказывается то, что Л.Н.Гумилев так поэтично назвал пассионарностью.

Хотя взаимосвязи всех этих феноменов, конечно же, не линейны, а подчас и парадоксальны.

Не подменяя специалистов, хочу только обратить внимание на то, что здесь историософия настолько срастается с естествознанием, что требует серьезнейшего использования арсенала антропологии, медицины, биофизики и т.д. В ином случае всяческие разговоры об этносах, суб- и суперэтносах, пассионарности и т. д. останутся лишь модными и красивыми наборами звучных слов.

Завершая же, хотел бы вкратце затронуть вопрос о динамике изменений отдельных этносов - касаясь пока лишь наиболее наглядной - внешней ее стороны - размеров тела, его частей и соответственно пропорций.

Уже отмечалось, что динамика эта, (а именно она в данном случае особенно интересна!) у разных этносов различна. Еще Г. Спенсер был убежден, что более развитые народы оказываются и более рослыми. Отмечаемые связи граней акселерации с урбанизацией вроде бы в чем-то подтверждают это. Пример же японцев, которые в XX веке по разным данным «выросли» на 18-25 см., а также немалой части урбанизированных казахов тоже свидетельствует в пользу суждений такого рода.

Ну а если взглянуть на этот процесс с высоты тысячелетий? Пульсация размеров тела в прошлом считается сейчас феноменом довольно известным. Но (!!!) она была неоднозначна. Еще вопрос: всегда ли, скажем, монголы были приземисты и коренасты? И были ли русские и англичане, допустим, XII-XIII веков более высоки и стройны, чем они? Сегодня такие картинки, как в романе В. Яна, где русский князь Василько оказывается на голову выше, идущего рядом с ним рослого монгола, кое-кому представляется спорными. Есть мнение, что, наоборот, в XIII веке монголы были крупнее русских.¹⁹

Правда, именно эти суждения представляются уязвимыми при сопоставлении их с известными историческими источниками.

Так, описания путешественников европейцев свидетельствуют о том, что монголы тех времен казались им довольно низкорослыми. По словам представителя Ватикана Платона Карпини, побывавшего в Монголии в середине XIII в. «росту почти все (монголы - Ю.Б.) невысокого».²⁰

Можно, конечно спорить об основательности такого типа суждений и репрезентативности приводимых в них данных. Однако для нас здесь гораздо важнее не отдельные изолированные факты или суждения о них, а сама мысль о том, что уже внешние различия между представителями различных этносов могли быть изменчивыми. Но не проблескивает ли сквозь эту изменчивость и изменчивость энергетики, правда, совсем не обязательно прямо пропорционально связанная с изменениями размеров тела и т.д.? А значит и удельный вес «пассионариев» в этносе?

Так в чем же дело? Какие факторы могли и могут влиять на процессы такого типа?

Обобщая хорошо известное, можно выдвинуть несколько дополняющих друг друга предположений.

Мы знаем, что условия жизни и питание влияют на скорость полового созревания. Так сравнительно благоприятные с точки зрения безопасности условия ведут к автоматическим изменениям программ (и сроков?) индивидуального развития, в результате чего особи, а у людей индивиды, могут становиться не просто выше, а крупнее прежних.

В принципе это добро. Отдельные, более крупные особи обычно сильнее, чем мелкие, а значит и имеют больше шансов выжить в борьбе за существование.

Но когда условия жизни становятся более рискованными и повышается вероятность гибели особи до ее полового созревания, то начинается ускорение полового созревания и соответствующее ему (при определенных тенденциях) измельчение, ибо размеры тел взрослых особей как бы застревают на промежуточных фазах роста. Тем самым отдельные существа становятся вроде бы уязвимей (да и то лишь в определенном отношении, далеко не определяющем всех аспектов даже индивидуальной борьбы за существование), но ускоряющаяся ротация - смена поколений ускоренными темпами с лихвой компенсирует индивидуальную уязвимость. Например, ученые упоминают, что мамонты, перед тем как окончательно исчезнуть с лица

Земли, стали мельчать. Но природа не успела за отпущенный ей срок приспособить их к новым, угрожающим всему «сообществу» гигантов, условиям существования.

Видимо, нечто подобное происходит и у людей. Так, возможно, уже упоминавшееся первоначальное измельчание детей ранних переселенцев в Америку по сравнению с их родителями (они становились тоньше, а то и ниже) было связано с более опасными условиями жизни, потребовавшими ускоренного полового созревания. Сегодня же картина иная - эталонный североамериканец - обладатель укрупненных пропорций и черт лица. И это тоже при достаточно быстром развитии, что свидетельствует о множестве оттенков акселерации.

Если же вернуться к Казахстану и т.д., то возможно тут в какой-то мере - природная реакция на изменение условий существования «европейско-русского этноса» на постсоветском пространстве. Любопытно, что, как подметил еще Джек Лондон в своем очень современном произведении «Люди бездны», посвященном низам английского общества столетней давности, в Великобритании того времени сложились как бы две расы верхов и низов с очень резкими, бросающимися в глаза антропологическими различиями. Встает вопрос: насколько такого рода наблюдения сопоставимы с тем, что наблюдается в СССР последних десятилетий и СНГ? Чтобы ответить на него, видимо, уместно обращать внимание не просто на достаточно абстрактный «средний рост» и вес «русского», казаха и т.д. в его динамике, а на процентное отношение в тех или иных этносах групп индивидов с теми или иными программами развития, внешне отражающегося в соответствующих размерах тела и прежде всего пропорциях, но, повторюсь, отношения не прямолинейного: раньше развившийся может быть и выше и т.д. Тут необходим комплекс, доступных наблюдению параметров, причем взятых в их динамике...

Но, обратим внимание, достаточно известна и возможность обратного: когда слишком благополучные условия и обилие пищи, включающей соответствующие химические элементы, тоже ведет к ускорению развития и порой очень резкому колебанию размеров и пропорций тел. Так у определенных муравьев в периоды избытка пищи развитие резко ускоряется.

Число мелких особей - «рабочих» резко возрастает. Когда же добывать пищу становится труднее, развитие более значитель-

ной их части замедляется и увеличивается число более крупных муравьев - «воинов», наделенных мощными челюстями, формирование которых требует и более длительного времени.

Итак, мы видим, что перекрещивание двух, казалось бы противоположных тенденций способно дать самые причудливые, но вполне осязаемые результаты.

Это, например, хорошо видно на заметной части евреев и кавказцев (почему и были употреблены слова «евреизация» и «кавказизация»). Внешний разброс колоссален - от двухметровых гигантов у евреев и кряжистых атлетов у кавказцев - до массы невысоких, а то и явно мелких, щуплых. (Прежде всего у евреев).

Но, возможно, причина всего этого общая - игра природы, наделяющей с особой щедростью представителей этих этносов и субэтносов обилием половых гормонов, которое в одних случаях ведет к такому раннему половому созреванию, связанному с ограничением размеров тел в одних ситуациях, а в других - ведущему к гигантизму и атлетизму.

Обилие же это, возможно, - результат отбора в условиях длительного существования при обстоятельствах крайне опасных для жизни целых поколений этносов.

Так мы по сути переходим от размеров и пропорций к вопросу об их гормональной основе. Далее же сам собой напрашивается вопрос: каким образом астенизация и грациализация и т.д. сказывается на энергетических и поведенческих характеристиках представителей тех или иных этносов? Ведь если психологи решаются делать выводы, касающиеся отдельных индивидов (вспомним, что писалось о Путине), то было бы уместно использовать те же логические ходы для осмысления того, что наблюдается у целых этносов и субэтносов. (Даже при всей спорности тех или иных моментов)...

Это очень значимая и актуальная, хотя и древняя тема. Ее разностороннее раскрытие - дело совместных усилий и философов и специалистов, работающих в более узких областях науки...

Нам же здесь, подытоживая, остается очертить возможные варианты ответа на вопрос, почему в последние десятилетия именно какая-то часть этносов Азии являет миру особенно кардинальные изменения антропологического характера и как они, в свою очередь, связаны с психофизическими, биоэнергетическими процессами?

Одной из причин этого можно было бы назвать урбанизацию и расширение зон научно-технического прогресса в целом. Достаточное массовое «вытягивание» индивидов в тех или иных урбанизированных районах земного шара отмечалось неоднократно. Просто дошел, наконец, черед и до Азии.

А, может быть, за всем этим кроется и, помимо замеченного, и нечто более глобальное, сопряженное с возрастанием роли Азии в мировой истории, к которому должен соответствовать и «человеческий материал»?

Это с одной стороны.

А с другой? - Может быть Европа, в данном случае европейская часть России, и особенно славянство (о холокосте евреев слишком хорошо известно), понесли несравненно большие потери генофонда, чем это дозволительно для восстановления биоресурсов этноса? Причем не только в 20-30-е, но и при неукротимом ведении «активной внешней политики» на великих стройках коммунизма, при углублении в науку, искусство..., которое, способствуя самореализации индивидов, обычно заметно ограничивает воспроизводство именно пассионарной части населения. Тогда как в «отсталой» Азии (и только ли?) здоровые, жизнеспособные люди просто рожали и рожали детей, немалая часть из которых уже сегодня разительно отличается от родителей не только внешне, но и способностью влиться в современную научную и культурную жизнь человечества.

Правда, физический и интеллектуальный рост - еще не пассионарность, как готовность к сверхнапряжениям. Напротив, не демонстрирует ли порою поведение части национальных элит всплывание своего рода апассионариев, нацеленных не на деятельность, а на пожирание плодов чужого труда? Не назревает ли тут противоречие между ростом внутренних и внешних возможностей для самореализации и способности к самоотдаче?

Это проблемы, которые еще требуют своего решения и, возможно, не имеют однозначных ответов.

- ¹ 1. Тюркский мир, 1998, № 1, с. 16-17.
- ² Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М: Танаис, 1993, с.608.
- ³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М: Танаис, 1993, с.349.
- ⁴ Гумилев Л. Двигутся этносы. - Тюркский мир, 1998, №1, с.21.
- ⁵ Бондарев Л. Свинцовый закат римской империи. - Терра инкогнита, 1996, №9-10, с. 19-20.
- ⁶ Бондарев Л. Свинцовый закат римской империи. - Терра инкогнита, 1996, №9-10, с. 19-20.
- ⁷ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. - М, 1994, с. 340-341.
- ⁸ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, с.342.
- ⁹ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли, с. 324.
- ¹⁰ Генетическая загадка. - АиФ: 1997, №5, с.43.
- ¹¹ Моэм, Сомерсет. Избранные произведения в 2-х томах. Т.1,-М.: Радуга, 1985,с.501.
- ¹² Посмотрите на Путина... Комсомольская правда, 22 февраля 2000, с.5.
- ¹³ Абуль Фарадж. Определение характера по внешним признакам. - Алматы: Жалын, 1993, с.5.
- ¹⁴ ...Фарадж... сб.
- ¹⁵ Гумилев Л.Н. Там же, с.289.
- ¹⁶ Там же, с.301-302.
- ¹⁷ Там же, с.302.
- ¹⁸ Похожее наблюдается и у части казахов, но при относительной крупнотелости это меньше бросается в глаза.
- ¹⁹ См., напр., не очень серьезное издание: М.Дорошин. Будь здоров. - Оракул, 200°, №3.
- ²⁰ «Путешествия в восточные страны», Плано Карпини и Рубрука. - М., Гос. изд. географич. лит., 1957 г., с. 26

ГОРЬКИЙ ВКУС ПОЛЫНИ

(Неожиданно грустные заметки об одной книге и, возможно, не только о ней)

Я с радостью раскрыл книгу Мурада Аджи «Полюнь половецкого поля», посвященную доселе довольно тускло высвеченным граням родословной многих народов некогда огромной страны, народам, ведущим, по словам автора свое начало от тюркского корня, но «забывших его». (М.: ТОО «Пик – Инвест, 1994; позже книга переиздавалась в Санкт-Петербурге). Открытая для нашего массового читателя трудами Л.Гумилева и О.Сулейменова тема притягивала и продолжает притягивать к себе.

Но ... Стоило открыть наугад главу «Мир дикого поля» - и зародилось странное чувство: автор пылко убеждал меня, что без правдивых фактов нельзя создать историю великого народа и сразу же после этого перешел (что говорится, с места в карьер) к былинам:

«Даже былины (1) признают, что не все сразу у руссов получалось. Добрыню Никитича, например, били и «поляницы» - кипчакские женщины. Встретил он как-то в чистом поле всадницу – и на нее с боем, русские любили нападать на незащищенные степные станы. Но не тут-то было. Поляница с презрением сдернула с седла русского богатыря и сунула его в кожаный мешок, притороченный к седлу, - типичный прием степняков при встрече со слабым противником. Что делать, народный эпос не подвластен цензуре, гуляет из поколения в поколение, сохраняя подробности былого» (с.91 – 92)

Боже мой, да разве ж так можно выуживать «факты» из эпоса, который, конечно, же бесценное окно в духовный мир прошлого, но отнюдь не зеркало исторических событий? Ведь, истолковывая былины таким образом, можно прийти к выводу, что и Илья Муромец, побивший идолищем татарские полчища, демонстрировал типичный для русского воинского искусства боевой прием. То же самое можно сказать и о Панфисилае и ее амазонках, опустошавших ряды греков под Троей. Тем паче, что исследователи отмечают близость амазонок и «поляниц» русских былин. Но ни мифы, ни эпос, ни произведения Гомера, Вергилия или Овидия - не отчеты с полей сражений, а амазонки, поляницы, русские богатыри, греческие герои, равно как гидра, немейский лев и т.д. – не Жуков, Конев или Султан Бай-

магамбетов, чьи биографии можно пытаться изучать с помощью документов. (Хотя и в последнем случае все далеко не так просто). «Факт» эпоса совсем не слепок с факта-события...

Более того, мотивы не слишком удачных сражений иных витязей звучат и в восточной, мусульманской литературе, где уже прекраснотелые христианки становятся грозными супротивницами правоверных мусульман.

Так, в популярном на Востоке «Жизнеописании Фатимы» (своеобразном народном романе) можно встретить сочный рассказ о том, как уже девушка христианка побеждает в рукопашной схватке юного царя арабов:

Завидя молодца, девушка не оробела, «а задорно воскликнула: - Эй, мусульманин, выходи на бой...

И Сахсак схватился с ней, думая, что сможет ее повалить, но она крепко стояла на ногах, и ей были неведомы смущение и страх. Тогда Самсах сомкнул руки на ее стане, и пальцы его погрузились в нежные складки на девичьих боках. Из-под пояса ее шаровар повеяло мускусным ароматом бедер, и Сахсак почувствовал внезапную слабость и томность, потеряв силу и решимость. Он стоял не двигаясь, взволнованный и смущенный, дрожа и вздыхая, и девушка поняла, что хоть юноша ловок и силен, но ее красотой побежден, ибо спящий доселе восстал. Тогда она схватила его, и он склонился в ее руках, словно былинка под бурным ветром, и она подняла его, и, бросив оземь, села ему на грудь, и Сахсак едва не потерял сознание, ощутив мягкость ее бедер, подобных песчаному бархану...» (Жизнеописание доблестной Фатимы и повествование о подвигах ее славных предков. – М.: Наука, 1987, с.138 – 139).

В другом эпизоде славный мусульманский воин даже не успел коснуться женщины- недруга. Все оказалось еще проще. Когда неведомый воин несся на всем скаку навстречу отважному мусульманину, одежды незнакомца распахнулись, обнажив грудь, которая сегодня, наверное, могла бы украсить и «Плейбой», и «Пентхаус». Не закаленный нынешней эротикой мусульманин не устоял и оказался побежденным.

Заметьте, здесь женщины-воительницы оказываются сильны не только своим боевым искусством. Но, с другой стороны, если уж силачек удастся укротить, как строптивых кобылиц, то из них могут получиться неплохие жены. Так, в уже западноевропейском эпосе мы встречаем некую Брумхильду, готовую

выйти замуж за того, кто будет в силах ее побороть. Поскольку же красавица могуча, в дело приходится таинственным образом вступать вассалу, дабы инкогнито добыть супругу для своего короля так что же, и здесь усматривать классовую или, если хотите, этническую слабость скандинаво-германских венценосцев?... - Извините, но такого рода интерпретации «уместны разве что в «Аншлаг» или «Парке юмора»...

Итак, уже страницы, открытые наугад, зародили сомнения, выросшие в частокोल вопросов, а то и явное неприятие. Не будучи знаком с российской критической прессой, могу в чем-то повториться, но не в силах молчать.

Хочу сразу же оговориться: дело вовсе не в моей неприязни к идее общности наших корней или к «тюркам». Напротив, еще в 1990 г. на Всесоюзной армейской конференции, проходившей в ЦДСА, я выступал с докладом, где стремился показать полнейшую неуместность антитюркских мотивов в иных произведениях массового искусства. Например, упоминал о том, что Соловей-разбойник в мультике, повторяемом по ЦТ, почему-то изображался с тюркско-монголоидными чертами лица. Совершенно неуместные моменты, способные вызвать отторжение, можно было наблюдать и в таком разрекламированном фильме, как «Русь изначальная», где только что выбравшиеся из дремучих лесов славяне с мастерством спецназовцев брали византийскую крепость, а хазары изрядно потели, захватывая малое славянское городище, защищавшееся лишь женщинами, стариками и детьми. Историческая фальшь, на мой взгляд, звучала и в «Ярославе Мудром». Там русский князь возмущенно отказывался прибегнуть к дипломатии (которая всегда коварна) и направить орды кочевников мимо Киева, на «братьев славян»». Боюсь, что «братья славяне», были тогда не большей исторической реальностью, чем АКМ... Ненужной мне казалась и шумиха вокруг юбилея Куликовской битвы, поэзия этого события, его психологические грани привлекали и меня, но помпезность юбилеев... Попытки использовать для «патриотического воспитания» память о битве, которая когда-то разгорелась между народами, ставшими предками жителей одной страны... это выглядело по меньшей мере неумно, а говоря уже более модным, пришедшим с «запада» языком «неполиткорректно». Не случайно же в пышном юбилее Трафальгарской битвы, англичане попытались затушевать национальные

тона исторического сражения. Здесь есть над чем подумать...

Увы, неприятие односторонности вынуждает меня с болью говорить о книге, являющейся, несомненно, результатом долгого труда. Я ничего не скажу о филологических моментах: обрисовка истоков многих знакомых нам слов (насколько она верна), безусловно интересна для самых разных читателей, хотя оценивать ее собственно научную значимость должен специалист-филолог. Но в книге есть и немало такого, что вольно или невольно слишком уж рельефно передает не пейзаж истории, а Наше Время, увы, не очень-то располагающее к беспристрастному либо хотя бы логически последовательному исследованию.

Что же, на мой взгляд, вызывает возражение?

1) Логические неувязки или, выражаясь мягче, неточные ходы, а то и пренебрежение общей логикой мировой истории.

2) Характерные для последнего времени дух сенсационности и категоричные утверждения там, где истина, возможно, не так уж очевидна.

3) Дух нетерпимости и «объективное» противопоставление одних этносов другим. Горький парадокс, но именно этим противопоставлением, расчленением единого целого оборачивается поиск общих корней.

Поскольку это всего лишь заметки, а не строгая статья, пойду не по порядку, а следуя за текстом. Итак, попытайтесь вникнуть в такое утверждение: «До смешного уже дошло: в Сибири можно встретить тысячи и тысячи четко выраженных монголоидов, во внешности которых нет и тени славянского, но называют они себя русскими, говорят только на русском языке и носят русские имена. Как и когда эти явные азиаты стали славянами?» (с.13)

Но что тут смешного и что должно вызывать такое неприятие? Разве люди с азиатскими чертами лица не вправе, пользуясь русским, как родным языком, осваивать богатства мировой культуры и мировой, а отнюдь не только «славянской» цивилизации? Ведь уже сами русские имена не только славянского, но и древневосточного, и греческого происхождения. И это, слава Богу, пока еще не возмущает ни родителей, дающих детям имена, ни серьезных исследователей словесности.

Более того, стоит ли в данном случае, вслед за иными декоративными шовинистами, делить россиян – здесь – сибиряков

на русских и русскоязычных? Неужели право выбора языка должно определяться шириной скул и разрезом глаз?

Но главное даже не в этом: «русскость» в широком смысле слова, равно как и «американскость», «турецкость», «латиноамериканскость» определяется не столько чертами лица и антропологическими характеристиками, сколько принадлежностью к культуре — культуре очень смешанной, синтетической и в силу этого поразительно богатой. Когда-то у Тургенева можно было, к примеру, встретить выражение «русский немец» — и с какой симпатией писал Тургенев об этом персонаже одного из своих рассказов! (Бретер). Да и сам Аджи пытается показать в своей книге сложные этнические корни многих известных русских родов. Стоит вспомнить, что и древнегреческие философы не всегда были греками по крови, равно как и не все знаменитые римляне имели классический римский профиль, что не мешало им достигать вершин, пользуясь языком, наиболее распространенным в римской империи (можно было бы сказать и языками). А уж об английском и «натурализовавшихся» и прочих американцах и говорить не стоит...

Любопытно, что сам автор «Польни...» упорно стремится доказать, что «Русь» и славяне — не одно и то же. Правда, это уже иной, скорее теоретический вопрос. Пафос автора вполне понятен — слишком уж упрощенны привычные для нас популярные книги по истории России. Возьмите «Историю СССР с древнейших времен до наших дней» (Т.1, М., 1966, с.350). Здесь о проблеме происхождения Руси говорится, в частности, следующее: «В старом земледельческом районе лесостепи на берегах реки Роси существовало племя Рось или Русь... этот район с глубокой древности был заселен славянами, племя это было славянским, но благодаря соседству со скифо-сарматскими племенами... могло впитать в себя часть неславянских поселенцев».

Однако, раз уже речь идет о проблеме, то в такой многотомной работе стоило упомянуть, что еще С.М.Соловьев употреблял выражение «варяги- русь», то есть дать знать читателю, что имеются и иные теории происхождения слова. О русах, как варягах, говорится, например, и в уже гораздо более позднем сборнике «Славяне и скандинавы» (М.: Прогресс, 1986, с.40). Так что автор «Польни» рассуждает в современном ключе, когда связывает слово «Русь» с Балтикой. По упоминаемым им дан-

ным, оно означает «гребцы», «мореходы» (с «древневаряжского»). Недаром финны и эстонцы называют «Швецию словом, очень созвучным слову «Россия». Тем самым, по Аджи, «русы» - не славяне, а норманны, господствовавшие какое-то время над славянами и использовавшие последних, как рабов.

Не вдаюсь в филологию и не призываю обсуждать еще и такую версию, согласно которой «русы» - это «русые», точно также, как «половцы» - «половые» или светловолосые. Пусть здесь судят специалисты, замечу только, что, на мой взгляд, и в упомянутой «Истории СССР», и в книге Аджи, мы видим две крайности. Что же касается собственно Аджи, то здесь прослеживается и неочевидное смешение разных по существу проблем: проблемы появления термина «Рось» и слова «русский», и проблемы складывания русского этноса. Термин может быть и «варяжским», мало того, на мой дилетантский взгляд, те же «варяги» могли в незапамятные времена осесть и на речке Рось, дав тем самым ей свое имя. (Но могло быть и иначе: если русский понимать, как светлый, то и слово Рось могло означать Светлая (речка).

Могли варяги сыграть и большую роль в становлении древнерусского государства, нежели об этом было принято говорить в связи с чисто политическими соображениями.. Ну и что? — История появления и эволюции значения слова — это одно, история складывания тех или иных государственных структур — это уже иное. А история этноса — это феномен куда более широкого масштаба.

Честно говоря, я здесь не вижу никакого серьезного повода для «благородного негодования». Еще когда я был первокурсником истфака все споры вокруг «норманнской теории» происхождения русского государства мне казались бутафорскими. Ну какая нам сегодня разница, откуда пришло слово «Русь»? Так ли уж важно, кем были первые «русы» - скандинавами или славянами, если потом все многократно перемешалось? Мне кажется, что сегодня смаковать отсталость и убогость славян, как это пробует делать автор «Польни» так же абсурдно, как и превращать славян ли, тюрок ли, в какой-то супер - народ... Или, напротив, в архинегодяев. Вообще, неприязнь к какому-либо этносу как таковому явно не украшает. Попробуйте только вчитаться, что пишется о русском народе при его сопоставлении с другими народами:

«Антропологические, физиологические, биохимические и другие различия присущи всем без исключения народам... так, например, белковый состав клеток ткани и кости у степняков - тюрков иной, чем у славян, вепсов и других народов лесной зоны...

Отсюда - из биологических различий – проистекают различия в характере, в поведении, физиологии, словом в восприятии жизни разными россиянами, волею судьбы ныне записанными русскими, украинцами или как-то иначе.

Отсюда же, из биологических различий, и уникальность, созданного варягами (???) русского народа, который, как это ни печально, по сравнению со всеми другими народами мира всегда отличался удивительным недружелюбием, неуважением к своим братьям, к соплеменникам. Примеров тому тысячи.

Самый свежий – смертоубийства у Белого дома и в Останкино осенью 1993 года, и гражданская война, и дальше вниз по исторической лестнице, через жесточайшее подавление народных восстаний Пугачева, Болотникова, Булавина, Разина, стрельцов. Это и опричнина, и много-много других исторических эпизодов, когда русский с удовольствием и даже сладострастием уничтожал русского. Уничтожал сознательно, как врага, не чувствуя в нем родную кровь. Ни один народ мира – ни один! – не терзал себя так! (с.68 -69).

Вот уж поистине ненависть ослепляет! Кстати, много ли вы можете найти государств, где бы сегодня такое писалось (публиковалось и переиздавалось) об одном из его народов?

Но дело даже не в этом, а в том, что утверждать подобное, можно только совершенно игнорируя мировую историю.

Оставим «биологические различия» биологам, которые, может быть, следуя указанным путем, и до арийской (или какой-то иной) голубой крови когда-нибудь докопаются. Но заметим, что варяги никак не могли создать русский народ, точно так же, как они не могли создать народ французский или английский. Повсюду они становились ручейками, вливавшимися в потоки, которые с течением столетий превращались в изменчивые реки тех или иных этносов. Ведь и до варягов на землях, что они проходили, жили племена, которые не исчезли бесследно с их приходом. То же самое можно сказать о греческих колонистах и многих иных.

Однако и это – лишь деталь. Важнее иное. Свидетельства

мировой истории говорят о том, что все сказанное о русских, приложимо не только к ним. Да, все перечисленное в «Полыни» - это боль нашей, причем не одной лишь узко «русской истории». Ведь в одной лишь гражданской войне сходились в кровавой бойне люди самых разных национальностей. Но перелистайте хотя бы школьные учебники истории: Китай – века и века кровавейших междоусобиц, император Цинь и сотни тысяч пленных китайцев же (или, если хотите протокитайцев), зарытых заживо по его приказу, восстания «Красных бровей» и «Желтых повязок», рядом с которыми пугачевщина – детская забава. Англия – война Алой и Белой Роз, восстание Уота Тайлора, Кромвель. Франция – истребление альбигойской ереси, Жакерия, религиозные войны с зловеще знаменитой вакханалией убийств Варфоломеевской ночи, ...Французские революции 1789, 1848 гг., Парижская Коммуна. Германия – адское пламя войны, сопровождавшей Реформацию... Турция – битвы за власть, породившие законное уничтожение всех братьев султана, а бывало их беременных жен и наложниц, дабы не осталось претендентов, способных тянуться к престолу...

Но пойдем дальше и увидим, что и кипчаки, о которых сказано столько поэтически влюбленных слов, влипнув в европейскую историю, обретают, по мысли автора, жутковатые черты: «Собственно, вся европейская история кипчакского народа тому подтверждение – столько войн между собой так долго и свирепо не вел ни один народ мира. Никто не отказывался от своих родителей так часто, как это делали кипчаки. Они не единожды изменяли даже своей вере. (Интересно, а как, с этой точки зрения, оценить принятие христианства и ислама множеством иных народов? – Ю.Б.). Нет, и предательство теперь им не чуждо. Многому, очень многому научила их Европа... Даже Аттила, чтобы сесть на престол, впал в грех братоубийства». (с.10)

И это сегодня называют историей? Но почитайте хотя бы древнекитайского историка Сыма Цяня, перелистайте Геродота – и вы легко убедитесь в том, что все эти «грехи» человечество познало еще тогда, когда Европа и до коротеньких штанишек не доросла. Да что уж далеко ходить. Вспомните библейских Авеля и Каина – не на пустом же месте родилась их история... (Хотя, конечно же, это не означает, что мы вправе рассматривать эту библейскую драму, как протокольную запись конкретного события).

Но, впрочем, за расплывчатой «Европой» кроется и более точный адресат: по Аджи, украинцы, в отличие от русских, потомки не славян, а кипчаков, о чем свидетельствуют их народные одежды, и искрометные танцы: «В киевском войске воевали не славяне, которые не умели даже сидеть на конях, а кипчаки. Они, жители каганата Украины, нынешние украинцы, которых на Руси, как известно, сперва называли «иноземными черкесами», а после воссоединения Украины с Россией записали в славянство.

Русы и никто другой, сподвигли тогда на великий грех кипчакский народ – на братоубийство. Брат пошел на брата: один под русским флагом, другой под своим родным...

С этого братоубийства и началось правление русов, началась Киевская Русь. (Но, судя, по римской мифологии, с ее Ромулом и Ремом, и греческой - с Эдипом и повторяющимися схватками богов старших и младших поколений, русы далеко не изобретатели кровной вражды. Однако, разве же такие мелочи волнуют судей-исследователей, чьи приговоры вынесены еще до того, как они сели за письменный стол?)

Итак, вот он – источник бед и падений великого тюркского этноса... Привычный нам Сатана, или проползший в «наш стан» враг со стороны...

Но постойте, постойте, а о каких собственно русах идет речь? Судя по книге самого Аджи, «руссы» Киевской Руси – это варяги. Значит именно они подтолкнули «тюрк - украинцев» и тюрк иных на взаимное истребление? – ничего не скажешь – натворили дел эти заморские «гребцы». – теперь за века не разгребешь. Но «руссы» времен Хмельницкого – это уже нечто иное – это складывающаяся «титульная нация» Московского (русского) централизованного государства. В жилах ее сыновей, да и то далеко не всех, лишь толика варяжской крови, и поэтому даже с точки зрения законов «кровной мести» они не могут «нести ответственность» за стародавнее «падение» тюркского народа. Слово «руссы», «русские» и тут и там одно, но по существу оно означает далеко не одно и то же.

К сожалению, такое смешение эпох в цитируемой книге не случайно. Наглядный пример, описание битвы при Калке и ее комментарии. Так, автор обсуждает вопрос: кто виноват в том, что монголам удалось сокрушить русских князей и опровергает версию о том, что степняки побежали под ударами монголов

ссылкой на английского историка Дж.Флетчера, писавшего о кипчакских, а если уж передавать точнее, то о татарских воинах:

«Смерть до того презирают, что охотнее соглашаются умереть, нежели уступить неприятелю, и, будучи разбиты, грызут оружие, если не могут сражаться или помочь себе». И вот этот автор пишет чуть далее «Солдат русский, если он начал уже раз отступать, то все спасение свое полагает в позорном бегстве» (Аджа... с.298 – 299) Нет, бежали не половцы, а Мстислав Галицкий, с жаром настаивает автор. Киевский же и черниговский Мстислав вообще трусливо отсиживались...

Меня лично, при всей любви к истории, как-то совершенно не волнует, кто же все-таки там бежал первым, а кто вторым, и кто отсиживался. Тем паче, что автор этой же книги убеждает читателя, что в киевском войске сражались те же кипчаки.

Но дело-то в ином – корректно ли, касаясь сражения начала 13 века, выводить какие-то суждения, используя характеристики, данные воинам более поздней эпохи? (Насколько мне помнится, в подобных характеристиках упоминались и турки, тоже тюрки. Последние, судя по упоминаниям европейцев, в случае поражения отдавались на волю Аллаха или просили пощады. (1) Но какое может все это иметь отношение к битве при Калке?

Не говоря уже о том, что суждения Флетчера, других ли авторов, это все-таки суждения. Вероятно, не беспочвенные, однако не всеохватывающие. «Чины людьми даются», а всякий-«чин» - образ, это опять-таки не слепок с реальности. Банальность, азбука, но приходится повторять).

Во всяком случае, во всемирно известной Грюнвальдской битве, в ходе которой 15 июля 1410 г. был разгромлен могущественнейший Тевтонский орден, из всех союзных сил, в чьих рядах были и татары, и поляки, и литовцы и др., под ударами стального Тевтонского ордена смогли устоять только ... русские смоленские полки. По словам католического епископа Львова Яна Длугоша, создателя 12-томной «истории Польши», «в этом сражении лишь одни русские витязи из Смоленской земли, построенные тремя отдельными полками, стойко бились с врагами и не обратились в бегство. Тем заслужили они бессмертную славу... И если даже один из полков был жестоко изрублен и даже склонилось до земли его знамя, то два других полка, отважно сражаясь, одерживали верх над всеми мужами и рыцаря-

ми, с какими сходились врукопашную, пока не соединились с отрядами поляков. (Цит. по: А.Бушков, А.Бурковский. Россия, которой не было. - Красноярск, Москва, 2000, с.173)

Допустим, что здесь перед нами пристрастное и однобокое цитирование. Однако и в далекой от славянства, знаменитой «Харперской энциклопедии военной истории» (Всемирная история войн. Р.Э.Дюпуи и Т.Дюпуи. В рус. пер. – Т.2, с.110) сказано: «В сражении при Грюнвальде особенно упорно сражались русские войска. На смоленские полки легла главная тяжесть боя. Русские прикрыли атакуемый фланг боевого порядка и спасли поляков от разгрома, затем подкрепили первую линию поляков и помогли им перейти в контратаку. Ход боя решила последняя атака литовско-русских войск».

Кстати, в этом же бою участвовало и три тысячи татар, которые-то и начали дело, засыпав тевтонов стрелами. Но, увы, к началу 15 века татарские стрелы утратили свою былую чудодейственную силу и отскакивали от рыцарских доспехов, как горох от стенки. Когда же тевтоны, перешли в наступление, татары отпрянули назад.

Ну и что с того? Позорит ли откат легко вооруженных татар от бронированных тевтонских полков? Да и чьими потомками были эти, равно, как и флетчеровские «татары» - побитых при Калке половцев и их собратьев (значительная часть коих после разгрома двинулась на запад), либо побивших их «монголов», либо и тех, и других плюс рабынь славянок и прочих, и прочих?

А можно и не ходить так далеко. Вспомните хотя бы историю двадцатого века. Позорная русско-японская война и блицкриг 1945, когда «русский», а точнее советский солдат за считанные дни прошел гигантские территории. А война с Германией? – Здесь и героизм Брестской крепости и панфиловцев, но и миллионы пленных. Или возьмите Афганистан. Ненужная, пагубная война, но на ней мы вроде бы видим одного «русского» солдата, проходят считанные годы – и Чечня 1995 – 1996 г.г., судя по СМИ, демонстрирует нам совсем иное. Так как же можно в качестве аргумента использовать суждения, отделенные от описываемых событий целыми веками?

Подытоживая эту часть невеселых размышлений, хотелось бы вскользь высказать два соображения. Первое: историческую изменчивость «храбрости» воинов того или иного народа под-

метили очень давно, например, об этом писал еще в 17 столетии Юрий Крижанич: «Храбрость не дается народам от рождения, а возрастает благодаря заботам, хорошему правлению и учению». Так, римляне или итальянцы когда-то «были храбрее всех народов, а ныне (в 17 в.) лишены всякой храбрости...» (...Политика. – М.Наука, 1965, с.436)

С другой стороны, один знаменитый полководец заметил: «Поставьте во главе стаи львов барана – и они будут драться, как бараны, а поставьте над стадом баранов льва – и те станут драться, как львы».

Можно только дивиться тому, насколько более плоским способно оказаться мышление нашего современника в сравнении с авторами прошлого. Не оттого ли, что шоры «национальной идеи» резко ограничивают взгляд?

Но куда более любопытно второе соображение – вопрос: не странно ли, что государство с «такими никудышными воинами» могло расти и укрепляться? Бывало ли когда-нибудь в истории, чтобы держава, опиравшаяся на воинов, обладавших крайне низкой боеспособностью, могла крепнуть и расти?

Конечно, войско Московитов 15 – 16 веков не было совершенным – ливонская война тому свидетель. Но насколько объемны свидетельства Флетчера и предшествовавшего ему Герберштейна? И если их признать (а почему бы и нет, раз уж вам так хочется?), то получается, что Москва расширялась не столько за счет кровавых побед, сколько за счет иных средств. – Ведь сами возможности насилия у нее были ограничены особенностями войска. То есть в огромной мере основы будущей Российской империи создавались относительно «мирными средствами». Но это же свидетельствует в пользу Московии!

Тут, конечно, можно было возразить, вспомнив войны на Кавказе или Средней Азии. Но это уже совсем иная эпоха, войны эти велись уже собственно империей... и армия была принципиально иной.

Я вовсе не пытаюсь что-то идеализировать, просто обращаю внимание на нестыковку: либо московит, как воин, был крайне слаб, и тогда мы вынуждены признать, что Московия расширялась не за счет силы оружия, либо воспринимать определенные, хотя и очень любопытные клише, именно как клише, а не как истины в последней инстанции.

Вызывают недоумение и оды Аттиле, чье прекрасно воору-

женное и тактически сильное войско превосходило «отсталых европейцев» (с.96) Немного настораживает и то, что уже не просто «русская наука», но и вся Европа неверно осмысливает историю... и приписывает Атилле поражение в той битве на Каталаунских полях, которую он, судя по книге, выиграл. Господи, ну неужели сегодня нас должно оскорблять либо возносить то, что не одни, а другие одержали победу в сражении, разывправшемся полторы тысячи лет назад? И какой смысл лгать? Почему победа при Каннах не оскорбительна для европейцев, разгром парфянами легионов Красса не унижителен, гибель других римских легионов в Тевтобургском лесу не замалчивается, равно как и не замалчиваются победы «монголо - татар», чьи воинские силы в огромной мере были тюркского происхождения, а победа Атилы(Атиллы) должна кого-то оскорблять? Вопрос может быть спорным, как, скажем, оценки Бородинского сражения, но пусть его решают профессионалы, досконально (насколько это вообще возможно) знающие ту эпоху.

Однако сегодня не до узкого профессионализма. Для автора «Польни» прошлое – живая часть настоящего. С этим не стоило бы и спорить, но, опять-таки это но... Какая часть и какого настоящего? «Мы, - пишет уважаемый автор, - научили Европу плавить железо ... до нашего прихода туда был бронзовый век. Глядя на нас, европейские мужчины стали носить брюки. От нас европейцы узнали о ложке и вилке... ведь до знакомства с нами даже римские императоры ели, кажется, только руками.

Мы – и никто другой – показали язычникам-европейцам их нынешние религиозные символы, это от нас они слышали свои теперешние молитвы... Кому же нужно было вычеркивать нас из истории? (с.15 –16)

Я, как и автор «Польни...», против замалчивания и лжи, я, как и он влюблен в историю, но, думаю, что Писатель, а тем более Исследователь истории не должен уподобляться раздраженной даме из автобуса, способной отчитывать (или поучать?) молодую казашку, упоминая о том, что «мы учили вас культуре»...

Уж не знаю, кем была эта раздраженная «дама» - русской или украинкой или кем-то еще (у нас ведь по внешнему виду чаще всего не отличишь «советского русского, украинца, немца, да и не только их). Но она явно никого культуре не учила. Простите за сравнение, совершенно невольное. Я вспомнил этот дикий эпизод не для того, чтобы обвинить писателя в склочности, а

лишь для того, чтобы приостановиться на расхожем слове «мы».

Не касаюсь вопроса о достоверности тех или иных фактов, их точности. Обращаю лишь внимание на само это горделивое слово «мы». Оно в таких случаях совершенно неуместно. Так, возьмем славян-венедов, которые, по гордому упоминанию И.Глазунова, основали Венецию. Могут ли сегодняшние русские или сегодняшние поляки сказать о себе: это мы основали? – Да нет же. Те славяне, что ушли далеко от нынешних славянских или отчасти славянских стран стали ручьями, влившимися в реки других народов. То же самое относится и к грекам (не вошедшим в диаспоры), и к тюркам. Смешавшись в Европе с другими племенами, они дали начало (или вошли в состав) уже европейским народам, а не сегодняшним тюркским этносам. А вот в жилах турок, чье имя сохранило само слово, наоборот, целый коктейль кровей не тюркского происхождения.

Ну и что с того? Вправе ли сегодняшние «этнические греки» кичиться тем, что некогда эллины принесли на земли Малой Азии и иные территории?

Смешение культур, слияние и перекрещивание этносов, обычаев и традиций – совершенно естественное явление. Без него – застой. Поэтому странными выглядят сожаления автора «Полюны» о курьезах, которые принесла слепая жадность русских властителей: «глотали камни, которые нельзя переварить».

«Например, пишет он, - три богатыря. У художника Васнецова они – олицетворение Руси, ее могущества. Если бы он знал!».

А что ему требовалось «знать»? – то, что, по мнению литературоведов (я бы добавил: по одной из версий, и на месте автора сослался на издания) «русские богатыри выведены из тюркской трехчленной группы – Змей Огненный, Змей Глубин, Змей Вод ... Слово «богатырь» тоже тюркского корня, русскими эти богатыри стали лишь в 12 веке, при славянизации Руси»... (Вот уж заковыристая задача: для чего варяги-русь славянизировали тюркский Киев?) Да и небезызвестный «Колобок» - кипчакская сказка, которая вдруг стала русской.

Что там тюркское – что нет, пусть судят специалисты. Но, как известно, не «жадные правители», а народ складывал былины и сказки, многие сюжеты и персонажи которых кочевали из континента в континент, из столетия в столетие, от народа к народу. Повторюсь: эта «перекочевка» - естественный процесс

взаимодействия культур, и в ней нет ничего унижительного для того или иного народа.

Можно было бы еще много сказать в связи с книгой и затронутой в ней темой. Но, во-первых, объем этих заметок ограничен. А, во-вторых, множество положений требует не демонстрации явных исторических и логических неувязок, либо постановки встречных вопросов, а неспешного разговора с источниками и монографиями в руках. Здесь же перед нами лишь несколько иллюстраций методологии автора книги и ряда подходов, которые во многих отношениях выглядят уязвимыми.

Я лично с огромной симпатией отношусь к любому свежему исследованию. Но история, все-таки, не одеяло, которое каждый, кто побойчее, может тянуть на себя. Неполнота, а то и односторонность тех или иных исследовательских или популярных работ — еще не основание для по сути механического перевертывания истории с ног на голову.

Да, я очень хотел бы прочесть свежую и целостную историю Золотой Орды. Да, я с наслаждением окунаюсь в гумилевское исследование истории тюрков. Да, я согласен на гипотезы и отчаянно смелые догадки. Но при этом гипотезы должны быть названы гипотезами, версии — версиями, а не кирпичами из здания Неколебимой Истины. И, на мой взгляд, не стоит слишком усердно дисциплинировать кровь наших предков, и уж совсем ни к чему, да еще прикрываясь «наукой», делить этносы на «черненьких» и «беленьких», либо разделять как-то иначе народы, сплетенные самой историей.

Проблема не в том, чтобы выявить процент той или иной крови, текущей в наших жилах (я лично против тюркской крови ничего не имею), а в том, чтобы осмыслить узловые, болевые, или, говоря иначе, акупунктурные точки истории, чтобы извлекать уроки из прошлого, независимо от того, чьим конкретным прошлым оно является. Убежден: история тюрков бесценна. Так же, как и история славян, германцев. Но бесценна именно потому, что позволяет пристальнее взглянуть в нити, связующие человечество, а не разделяющие его...

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Трудно удержаться и не упомянуть об одном интереснейшем предшественнике Флетчера и его книге. Это – «Записки о Московии барона Герберштейна» (С-Петербург, 1866). Герберштейн с разведывательно-познавательными целями побывал в Московии дважды – в 1517 и в 1526 году. Флетчер же был здесь гораздо позже. Поэтому Герберштейн в нашем разговоре в чем-то даже интересней. Во-первых, его работа была более ранней, а, во-вторых, именно суждения типа герберштейновских могли предвосхитить мнение Флетчера, автора признанного, однако дипломата и писателя, а не военного.

Именно Герберштейн сопоставлял московитов, татар и турок. Вот что он писал: « При первом натиске они (русские 15-го - начала 16-го века) очень смело нападают на неприятеля, как будто они хотят сказать: «Бегите или мы побежим сами» (с.78)

«Русские очень неприхотливы. В походе могут несколько дней обходиться без пищи. Но, собираясь дать бой, больше полагаются на число воинов, чем на их мужество и устройство войска...

В случае же поражения, когда московит бежит – он ищет спасения лишь в бегстве. Если же враг догонит его или схватит, он уже не защищается и не просит пощады». (Вспомним поговорку: «Дают – бери, бьют – беги!». Здорово, наверное, колошматили русских-московитов и напугали их до потери пульса, если добежали они аж до Крайнего Севера и Дальнего Востока – Ю.Б.)

Турок, лишенный надежды спастись, ведет себя иначе: он бросает оружие, молит о помиловании и протягивает руки для вязания.

«Татарин же, сброшенный с лошади, оставшись безо всякого оружия, даже тяжелораненый, обыкновенно сражается до последнего дыхания руками, ногами и чем только может».

Любопытно и то, что, по Герберштейну, хотя московиты и бывают в поединках чересчур увешаны оружием, которое больше обременяет их, чем помогает им, однако они «очень сильны руками и мышцами» и потому иностранцы «преимущественно опасаются схватываться с ними врукопашную».

Итак, перед нами колоритные зарисовки, где личные наблюдения перевиты заметками об услышанном и определенными, устойчивыми образами, наблюдения, в нашем случае, крайне показательные еще и тем, что они свидетельствуют, какими устойчивыми оказываются те или иные представления. Ведь Флетчер, по существу, спустя десятилетия лишь повторяет Герберштейна.

ПО ТУ СТОРОНУ ОЧЕВИДНОГО

Сегодня многие понятия настолько на слуху, что их использование мнится делом само собой разумеющимся, типичный пример чего мы видим в безусловно интересной статье Л. Яковлева «История в высшей школе», опубликованной во втором номере ВВШ за 1992 год.

Эта маленькая, но ёмкая статья Л. Яковлева начинена идеями и такими поворотами мысли, которые подстёгивают собственные размышления читателя, что естественно, побуждают в чем-то возразить.

Так, касаясь технократической модели мышления, ядро которого, по мысли автора идея: человек-функция, приспособленная к движениям (точнее движению) «конвейера», Л. Яковлев пишет, что это мышление в свою очередь влекло за собой штамповку идей, образцов поведения и лозунгов: «Таков был мир, где речи Гитлера, продиктованные мистическими видениями, попадали в ритм самой прозаической реальности, а постановления сталинского политбюро и в самом деле оказывались обязательными не только для людей, но и для хлеба на полях, и для кипящей в мартенах стали. Такова была реальность, мистифицированная в неизмеримо большей степени, чем жизнь индейских племен Северной Америки накануне прихода европейцев».

Здорово сказано! Уже только эта цитата дает, на мой взгляд, поучительный образец диалектики - той самой, которой нам так недостает при обучении студентов. Но, мне кажется, что, увлекаясь Л. Яковлев, как и многие в наши дни порой слишком высоко воспаряет над конкретной историей; и что еще существенней - Мировая История (как впрочем, и в массе иных публикаций) меряется узкими мерками последних веков, а то и десятилетий. Наглядный пример - рассуждения о «функционализме», как детище Нового Времени и о том, что материалисты XVIII в., по сути, были мистиками, хотя сами того не сознавали:

«Функционализм - порождение Века Просвещения, плод наивной веры в незыблемые законы сотворения мира. По существу, безбожники и метафизики XVII-XVIII вв. были не только самыми изопренными мистиками, каких знал свет, но, и как подобает магистрам оккультизма, они гениально скрывали свою сущность даже от самих себя, и лишь в протееподобной... фи-

гуре Н.И. Новикова Просвещение показывает своё истинное лицо. Мистицизм куда более органичен вере в непреходящие, не знающие исключения законы движения мироздания, нежели убежденность в истинности воскрешения Спасителя» (с. 6.)

Размышления интереснейшие, но не бесспорные. Начну с того, что «функционализм» даже Нового Времени скорее всего - не «плод наивной веры», а грань социальных изменений эпохи нарождающегося капитализма, грань самой жизни. Жизни далеко не радужной. Не случайно образ человека-функции (как тут не вспомнить и родного отечественного «винтика»!) витал над буржуазным миром и столетия спустя, о чём наглядно свидетельствуют хотя бы «Первые люди на Луне» Г. Уэллса и «Люди бездны» Джека Лондона. Это в общем-то, банально. Куда существенней, как мне кажется то, что здесь перед нами лишь одна из модификаций «функционализма», имеющего куда более древние корни и расценивающегося далеко не однозначно.

Например, в Скандинавском эпосе можно встретить рассказ о том, что боги учили людей в совершенстве овладевать теми или иными видами деятельности. И если прежде, повествует эпос, люди могли понемногу заниматься всякими делами, то затем, наученные богами, они стали заниматься одним определенным делом, зато таким, которое знали в совершенстве. Так оценивали вычленение различных социальных и профессиональных функций в Скандинавии. Еще более яркие образцы разделения труда и соответствующего ему «теоретического функционализма» дает нам развитие рабовладельческого общества. Возьмем хотя бы хорошо известное обоснование кастового строя в Индии, понимавшегося, как порождение «естественного» хода вещей»...

В античном обществе о справедливости подробного распределения социальных ролей и соответствующих им функций писал Аристотель. По его словам «Природа устроила так, что и физическая организация свободных людей отлична от физической организации рабов: у последних тело мощное, пригодное для необходимых физических трудов, свободные же люди держатся прямо и не способны для выполнения подобного рода работ; зато они пригодны для политической жизни ...если бы люди отличались между собою только физической организацией... то ... люди, уступающие своей физической организацией, достойны были бы быть рабами людей,

превосходящих их в этом отношении... Как бы то ни было, очевидно, во всяком случае, что одни люди по своей природе свободны, другие - рабы, и этим последним быть рабами и полезно и справедливо».¹

Позже необходимость распределения социальных ролей по своему обосновывали и философы-стоики. Так Марк Аврелий писал: «Разве солнце берется за дело дождя, или Асклепий за дело Деметры? А светила? Не разнятся ли они между собой и не содействуют ли они в то же время друг другу?»²

Правда, следует оговориться, что в стоицизме человек не сводился только к социальной роли и связанными с ней конкретными функциями. Роль эта, по стоикам, определялась не «природой» тех или иных людей, а Фортуной - силой, внешней по отношению к ним, и потому не способной изменить истинную духовную сущность человека. Так что, конечно же, стоицизм по своей сути был далёк от собственно функционализма, ибо провозглашал несводимость человека к выполняемым им функциям, хотя и считал это выполнение совершенно необходимым.

Но дело даже не в том, как эта проблема осмысливалась древними. На практике в иных рабовладельческих обществах человек настолько превращался в «функцию» (а точнее сводился к ней), насколько это было немыслимо в эпоху Просвещения, да, пожалуй, и в более поздние времена (если не брать исключения). Так, например, известный исследователь Г.Буассье писал в своей работе «Римская религия от Августа до Антонинов»: Во времена империи «в домах... тех, кто побогаче, сновали целые сонмы рабов, чьи обязанности были строго специализированы»: «Одни рабы отворяли посетителю дверь, другие - вводили его, те поднимали перед ним занавеси, эти докладывали о нём. Были особые рабы для того, чтобы приносить блюда на стол, чтобы разрезывать их, отведывать прежде гостей и подавать. «Несчастный, - говорил Сенека, - живущий единственно для того, чтобы резать на куски дичь». Каждое действие при одевании женщин поручалось особому типу... Были особые артисты для причёски и для умащивания. Найдена могила даже такого несчастного, единственное занятие которого состояло в том, чтобы румянить престарелую Ливию».³

Не удивительно, что в этом мире и функции богов были столь же дотошно распределены. Тут уж дело не ограничивалось рас-

пределением масштабных ролей Асклепия или Деметры. Масса богов окружала римлянина с первых мгновений его жизни. Достаточно сказать, что при рождении приходилось иметь дело сразу с 19-ю божествами! А уж потом... и со счёта можно было сбиться. Богиня Потина учила младенца пить. Эдука - принимать пищу. Особые богини сопровождали ребёнка при прогулке. Когда же тот подрастал и готовился вступить в брак, к делу приступали свадебные боги. В случае же семейных разногласий приходилось обращаться к специальным божествам, призванным способствовать примирению.⁴

Можно конечно, поспорить со мной о том, мыслимо или нет было подобное во времена не столь отдаленные. Можно привести немало примеров аналогичных ситуаций в совсем иные времена. Но бросается в глаза одно - то, что бичуемый «функционализм» не выводится из крайностей эпохи Просвещения, а являет собой куда более сложный и более древний феномен.

То же самое можно сказать и о мистицизме безбожников XVIII в. Здесь особенно ощущается, как мысль автора скользит по волнам нынешней неприязни к «безбожию». В последние годы просто становится правилом хорошего тона заклеить «атеистическое мракобесие», «Безбожник» становится ответственным за все казусы истории как некогда дьявол, либо (совсем недавно) «враг народа». Скоро уже наверно будут всерьез утверждать, что на бедной Руси «крокодил не ловится, не растёт кокос» по вине тех же проклятых безбожников...

Правда, в самой мысли о скрытом и неосознаваемом мистицизме материалистов и рационалистов есть интересные моменты. Достаточно вспомнить, что безбожие и рационализм XVIII в. в немалой мере проложили дорогу культу Разума времен Великой Французской революции и вознесению Мысли - Абсолютной Идеи на надчеловеческую высоту в уже "идеалистической" немецкой классической философии. То есть здесь, на мой взгляд, очень удачно подмечен процесс, который в перспективе мог привести и вел к мистицизации «рацио» и «идеи», а также логики истории, как мы это видим уже в «Философии истории» (не безбожника) Гегеля. Философии, в которой вполне можно увидеть теоретический фундамент культа личностей, воплощающих в себе дух всемирной истории и потому, по Гегелю, свободных от норм обычной морали.

Но, думается, перспектива - это одно, а конкретный истори-

ческий отрезок времени и конкретный социально-духовный феномен - это иное. Основная же слабость процитированных размышлений - в несколько вольном и очень приблизительном использовании понятий «мистика» и «оккультизм», которые, судя по статье, автор не расчленяет. Однако мистика и оккультизм - не одно и то же, и вообще этот вопрос настолько тонкий, что требует особого разговора, с чётким определением и разграничением групп понятий.⁵

Выглядит уязвимой и прекрасно выписанная фраза о мистицизме и вере в воскрешение Спасителя. Не углубляясь в дебри «измов», подмечу только вновь встающий перед нами вопрос: что же автор понимает под мистицизмом?

Дело в том, что противопоставлять, либо даже как-то разделять «мистицизм» и убежденность в восприятие Спасителя можно только с очень большой натяжкой. Создается впечатление, что реальный мистицизм отличается от используемого в статье, смутно-расхожего его понимания примерно так же, как реальный Казбек отличается от коробки сигарет (папирос?) - простите, не пробовал) с одноименным названием. Ведь мистика - не только модное поветрие последних веков и десятилетий, но и сердце известных религий. Есть мистика каноническая (церковная) и вневероисповедная (внеканоническая). Собственно мистика - это вера в возможность непосредственного соприкосновения человека с Высшими Силами, а также соответствующие поиски путей такой встречи.

Таким образом, живая и интересная статья оставляет немало вопросов, которые, видимо, в основном порождены нашим автоматическим использованием понятий, содержание которых далеко не сводится к их расхожему пониманию.

¹ Аристотель. Политика. 14, 15, в кн. 1. Цит. по: Антология мировой фил. т. 1, ч. 1. - М., 1969, с. 470-171.

² Аврелий М. Наедине с собой. - М., 1914, с. 83

³ ... М., 1914, с. 646-648

⁴ Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. - С.-Пет., 1901, с. 7

⁵ См., например, не бесспорную, но информативную статью Е. Варшавского «Оккультизм - оглашенное тайноведение». АУМ, 1990, с. 156-168.

КТО БОЛЕЕ МАТЕРИ ИСТОРИИ ЦЕНЕН?

(Размышления по поводу одного сопоставления)

Рассуждать о подобном в моем (да и только ли в моем?) положении – почти то же, что, сидя на раскальвающейся льдине, биться всерьез над решением шарад и кроссвордов из книжечки «На досуге». Не о таких ли, мудрствующих на краю пропасти, когда-то Хайам писал:

«Рыба утку спросила: Вернется ли вода,
Что вчера утекла? Если «да», то когда?
Утка ей отвечала: Когда нас поджарят,
Разрешит все вопросы сковорода»?

И все же я не могу молчать, хотя, казалось бы, речь всего-навсего о телепередаче, которая никак не идет из головы: «О сыне и пасынке эпохи» Симонове и Гроссмане, о судьбах их идей и книг. Передаче, которая еще с десятков лет назад, быть может, выглядела бы обыкновенной по манере рассуждать, по своей опоре на логику и чувства, а не инстинкты...

Но сегодня (речь шла о девяностых – Ю.Б.), когда слишком уж часто хай заменяет аргументы и то, что когда-то называли душой, подобные вещи выглядят не столь уж обыкновенно. И все-таки меня подтолкнуло к бумаге не это, а неукротимое чувство игрока, увидевшего контригру за черных в позиции, о которой говорят, что она выиграна для фигур противоположного цвета.

Речь идет об оценке Гроссмана и Симонова. Симонов, как нам говорят, остановился перед тем, что не дали в свое время сказать в полной мере Гроссману. Именитый драматург, поэт и прозаик так и не смог взглянуть на мир и нашу историю иначе, чем глазами человека своего поколения, тогда как Гроссман в «Судьбе и времени» поднялся до философского осмысления эпохи.

Но так ли все линейно просто? И достаточно ли того, в чем можно узреть философскую глубину для оценки сделанного писателем?

Здесь есть над чем подумать. Но сразу оговорюсь: расхождение между автором передачи, замечательным нашим критиком Львом Александровичем Анненским и мною – не идеологические. Они совсем иного рода, и дело тут не в приверженности к

каким-то «измам», коя на весах Истории, значит гораздо меньше, чем нам сегодня это кажется.

Почему? Наверное, отчасти из-за того, что grossмановская «Жизнь и судьба» с ее обнаженной идеей тоталитаризмов разных оттенков пришла к нам довольно поздно, да просто и не могла придти раньше. (Оставляю здесь в стороне то, что аналогии, проводимые между «фашизмом» и «коммунизмом», на мой взгляд, отнюдь не исчерпывают содержания этих куда более сложных социальных феноменов, чем может показаться на первый взгляд).

Начнем с простого: с того, что, увы, Гроссман не стал здесь откровением для масс даже нашей, тогда еще единой страны, ибо к моменту публикации романа мы уже были знакомы и с «Обыкновенным фашизмом Ромма», и с романами Ю.Семенова, где вроде бы ничего не говорилось в лоб, но мысль сама скользила по желобам образов, картин и фраз в зоны опасных параллелей.

Но было ли это откровением для мира? Пожалуй, нет. Скорее подлинные откровения даже не в плане «сокрытых секретностью тайн», а в плане осмысления новейшей истории – еще впереди.

Симонов же сознательно ограничил свой горизонт тем, что можно охватить глазами человека одного поколения и при этом дал бесценный материал с сугубо исторической точки зрения. Поэтому его значение непреходяще. Сделанные им мазки на портрете эпохи нельзя стереть – они уникальны. Уникальны и незаменимы. Как любые масштабные (да и не очень) отпечатки дел «давно минувших дней». Творчество Симонова – такая сокровищница фактов, и в том числе, а, может быть, и прежде всего, фактов психологического порядка, что и через тысячи лет (если только они есть у человечества), она не может обесцениться, как не обесцениваются Геродот, Светоний, Плутарх, каковы бы ни были их политические пристрастия.

(90-е)

АНАРХИЗМ – ГРИМАСА ИСТОРИИ?..

Что мы знаем об анархизме? Каким рисуется он нашему воображению? – Этакой лихой разгульной вольницей в духе братьев пана атамана «Грициана Таврического». Что-то вроде сухопутных корсаров из стивенсоновского «острова Сокровищ».

Всей этой братии нет дела ни до левых, ни до правых, ни до белых, ни до красных. Им начхать на любую власть, а вместе с нею и на всякие, властью этой выдуманные законы. – Гуляй, Вася! И развевайся над нашенским мировым загулом черное знамя анархистского братства с сакраментальным лозунгом «Анархия – мать порядка!».

А что такое этот лозунг, как не едкий сарказм вроде: «Лучшее средство от перхоти – гильотина»?

Такого рода суждения и картинки настолько привычны, настолько кажутся совершенно очевидными, что и говорить-то нечего. Но ох уж эта «привычная очевидность»! А что, если слова: «Анархия – мать порядка!» – не только пародия, да и сам анархизм – не одна лишь гульба перебравших ряженных?

Не будем претендовать здесь, как нынче модно, на ультрареволюционное исследование, переворачивающее все привычное с ног на голову (или наоборот) и претендующее на категорично убедительные ответы о сущности и истории анархизма. Ни в коем случае. Просто вместе с читателем попробуем (пусть вскользь) коснуться хотя бы некоторых вопросов.

Начнем с того, что идея анархизма родилась не в Гуляй Поле – столице строптивого и неумного «батьки Махно» и даже не в кабинетах ученых взрывного девятнадцатого века либо пылких дискуссиях охочих до словопрений революционеров. Отнюдь нет. Недаром слово-то – греческое. И пришло оно к нам из очень давних времен, ибо используется уже Платоном. В основе слова «архе» – глубиннейшее понятие самой ранней в Древней Греции ионийской философской школы. **Архе** – это начало, основа, принцип. Так, у первого из семи греческих мудрецов – Фалеса началом, основой всего сущего считалась вода, из коей и рождалось все многообразие видимого мира. (Кстати, и слово **архив** тоже греческого происхождения и означает в буквальном переводе «прочный дом». Да и где ж еще было хранить самые важные документы, не в хибарке же?) В приложении же к миру людей начало стало пониматься и как власть, а

ежегодно избиравшихся в Афинах высших должностных лиц называли архонтами. **Анархия** же – безначалие, такая организация общественной жизни, где властных руководителей нет. Пройдут долгие, впоенные человеческой кровью столетия, и идеи анархизма начнут вспыхивать то в умах гуситов, громивших в далеком XV-м веке рыцарей всех мастей и народов, то в сочинениях Рабле, Руссо и Дидро. Однако считается, что первым попытался изложить политическую и экономическую сущность анархизма ныне практически забытый английский автор конца XVIII-го века У. Годвин.

Нам же с вами, по крайней мере, тем, кто хоть немножко начитан, анархизм смутно знаком по колоритным и угловатым фигурам француза Прудона, русского Бакунина и уже поминавшегося гуляйпольского батьки. А ведь был еще и ...князь Кропоткин – потомок самих Рюриковичей, революционер, с биографией, эпизодов из которой хватило бы не на один блокбастер, и при этом ученый-энциклопедист, путешественник...

Конечно же, анархизм не бесспорен. Как, кстати, и любое направление социальной мысли. Но в исканиях и декларациях анархистов есть, по крайней мере, две составляющих, на которых сегодня было бы уместно остановиться. Первая составляющая – критическая. Теоретики анархизма со всей неистовостью своего революционного темперамента не принимали ни современное им буржуазное общество, ни сопутствующие ему идеологические облачения, и, прежде всего, идею Бога. Отсюда и громогласное прудоновское: «Собственность есть кража».

Человек здравомыслящий скажет: «Парень явно хватил через край!» А человек не в меру вдумчивый поскребет затылок: «Оно, конечно, простовато». Но разве бесконечные эсенговские и, скажем, украинские разборки не говорят о том, что и люди, облеченные властью, на иную, весьма крупную собственность смотрят как на ворованную? Особливо, ежели «украсть» успели их политические оппоненты. Тем паче, что и Прудон-то, поминая собственность, имел в виду, прежде всего, собственность крупную. В его большой голове никак не могла уместиться банальнейшая мысль: каким таким трудом можно заполучить громаднейшие миллионы, если все мы знаем, сколько в силах заработать человек, результаты труда которого все мы можем наблюдать? Но вопрос этот из века девятнадцатого, и он слишком неудобен, чтобы нам здесь чресчур углубляться в его обсуждение.

Второй вопрос — не менее щекотлив: а демократична ли демократия, скажем, демократия представительная, когда одни, вроде бы избранные народом лица, начинают в разного рода парламентах выступать от имени всего народа или, допустим, такой его части, как рабочий класс, претендующий к тому же на безоговорочную гегемонию? Так, еще задолго до попыток сделать «диктатуру пролетариата» явлю Михаил Бакунин писал: «Что значит пролетариат, возведенный в господствующее сословие? Неужели весь пролетариат будет стоять во главе управления? Так, например, немцев считают около сорока миллионов. Неужели же все сорок миллионов будут членами правительства?» — Можно возразить, что членами правительства станут представители этих сорока миллионов. Но, войдя в правительство, они уже не будут рабочими, и где гарантия, что, изменив свой статус, эти люди окажутся защитниками интересов трудящихся?

Впрочем, не только государство победившего пролетариата, но и государство вообще никаких симпатий у Бакунина не вызывало. Государство — это машина насилия. Хотите покончить с насилием — ломайте государство. Тут анархисты были близки марксистам. Но не до конца. Ведь и пролетарское государство их не манило.

Более того, Бакунин был убежден, что всякое государство его времени тяготеет к империи. Всякая же империя — это война, причем такая, когда правительствам, развязывающим войны, совершенно наплевать на народы, какими бы красивыми словами они не прикрывались.

Может показаться изумительным, но, по сути, еще в конце XIX века Бакунин предвидел первую мировую войну и пагубность для России возможного столкновения с Германией. Почему? — Да потому, что Бакунин был убежден: такая война не станет для русских подлинно народной, без чего сокрушить великолепную немецкую военную машину просто невозможно.

Другой же крупнейший анархист — доживший до революционных коллизий в России Кропоткин, как это показал А. Скирда, еще в годы гражданской предсказал недолговечность партийного диктата. Впрочем, тогда подобное предсказывали многие. Кто только не предвещал скорое падение большевизма. Однако здесь для нас интересно не столько само предсказание, сколько аргументация князя-революционера: «Я, — писал он в 1919 году,

— должен сказать вам откровенно, что... эта попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры, в конце концов, потерпит банкротство. На России мы учимся, как нельзя вводить коммунизм даже с народом, который устал от старого режима и не оказывает сопротивления экспериментам новых правителей» (Вольная Русь... - Париж: Громада, 2003, с.95).

А какова же «положительная», то есть не критическая составляющая анархистских теорий? — Утопизм, мелкобуржуазность. Проще говоря: сплошные мыльные пузыри иллюзий. Примерно так говорилось о теоретических изысканиях и декларациях анархистов еще в совсем недавнее время.

Не будем полемизировать. Просто вспомним, что без изрядной доли фантазии пока что не обходилась ни одна социальная теория, либо то, что выступало под ее именем. Не будем и безоговорочно превозносить анархистов, как тех, кто единственно увидел свет в окошке. Просто попытаемся вспомнить суть их некоторых идей и проблемы, которые и по сей день не дают покоя самым новейшим аналитикам.

Как и марксисты, большевики, анархисты говорили и о народе, и о коммунизме. Но для Маркса и большевиков путь к коммунизму начинался с жесткой централизации. Преобразования общества шли сверху вниз. Анархисты же были поборниками федерализма. Они были убеждены, что «собирать» общество и, в частности, такую страну, как Россия (а иной тогда на нынешних просторах СНГ не было), надо наоборот — только снизу вверх: то есть создавать объединения свободных людей, которые, словно пчелиные соты складывались бы в единое целое — без бюрократии и давящего народ, навязывающего ему свою волю государства.

В годы гражданской эти идеи, особенно на Украине, слились с естественной крестьянской потребностью в самозащите. В мире, где, как пелось, «полыхала гражданская война от темна до темна», где, как простодушно заметил персонаж одного из популярнейших советских фильмов, «белые придут — грабят, красные придут — грабят», крестьянину нередко волей-неволей приходилось защищаться и от тех, и от других, и от третьих, скажем, петлюровцев. Защита же требовала «самоорганизации». И не случайно Махно, и с самим Лениным встречавшийся, и с

красными бок о бок сражавшийся, волею истории стал «самостийным» батькой.

Гражданская, к счастью, пока в прошлом, и дай Бог ей там и оставаться. А вот проблемы организации местного самоуправления не улетучились и сегодня, правда, ныне мы не слышим громких призывов ломать государство и крушить мускулистой рукой трудового люда его институты... Хотя... и тут, как посмотреть. Вон - в незалежной Украине - ДАИ распустили. Чем не образец борьбы с «паразитическими государственными структурами»? Но, пожалуй, чересчур последовательного движения по этому пути ожидать не следует. И потому, с какой стати мы или кто-то из наших соседей должен обязательно следовать в этом деле за Украиной?

А вот проблемы самоуправления и его сочетания с централизмом границ не знают. Сами анархисты возможность такого сочетания отрицали. Что ж, их право. Но и поиски, и тупики теоретиков и практиков анархизма, бесспорно, интересны и по сей день. Ведь невозможно всерьез рисовать даже приближенные картины прошлого, настоящего или будущего, макая кисти только в один цвет – будь то красный, белый или оранжевый.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МЫ И МИРОВАЯ КУЛЬТУРА

Недавно Московский государственный университет провел 10-ю международную конференцию «Россия и Запад: диалог культур». В ней принимали участие ученые-гуманитарии из стран СНГ, США, Голландии, Германии, Австралии, Африки. Среди них были и Марияш Кадралинова - директор Костанайского филиала КИПМО, доктор филологических наук, а также Юрий Бондаренко - профессор кафедры философии КГУ. С ними встретился обозреватель «Нашей Газеты» Евгений ШИБАРШИН.

- Уважаемые Марияш Тлеугабыловна и Юрий Яковлевич, вы уже не первый раз участвуете в международной конференции МГУ «Россия и Запад: диалог культур». Что в ней вас привлекает?

Марияш Кадралинова: - Сама постановка проблемы - «диалог культур». Причем диалог не на уровне обрядности и национальных традиций, а с точки зрения более глубокого познания друг друга. На улице третье тысячелетие, а мы, оказывается, до сих пор плохо понимаем друг друга. Все, что связано с культурой, мне кажется, должно интересовать любого развитого человека.

Юрий Бондаренко: - Скажу откровенно - я езжу в Москву за глотком свежего воздуха. Преподавать в вузе и не контактировать с коллегами - это все равно, что считать себя летчиком, ни разу не сев в самолет.

Чего у нас больше: водки или морального духа?

- Юрий Яковлевич, вы философ, давно преподаете культурологические дисциплины - действительно ли человечество за последние годы так изменилось, что теперь есть необходимость гуманитариям чуть ли не со всего света собираться и обсуждать возникшие проблемы? Или причина только в нас, живших длительное время за «железным занавесом»?

Ю.Б. - Вчера и сегодня было много модных схем. Я убежден, что как «классовый подход», о котором так много говорили в недалеком прошлом, не определял политику, так и многие сегодняшние модные фразы и лозунги не определяют нашу жизнь. Если говорить о последнем десятилетии, то, честно говоря, мне больше нравится, что мы можем быть разнообразными. В том числе и студенты, с которыми мы работаем. Но парадокс в том, что зачастую они фактически стали однообразнее. Куда менее острыми, чем...

- А чем можно объяснить их «однообразие»?

Ю.Б. - Не знаю. Может, отчасти, потому что слабее, или, извините, примитивнее мыслят. Сколько раз я сталкивался с тем, что культуру советского периода - в частности Казахстана - они воспринимают, как сплошное черное пятно. Но ведь это не-серьезно! Тогда откуда у нас бралось все, что сейчас в стране есть? Нельзя на свое прошлое смотреть только как на «черную дыру». Есть очень интересные студенты, но я не сказал бы, что дискуссионности и творчества стало больше. Если мы говорим о диалоге культур, то подразумеваем вовсе не полемику в духе Жириновского, когда готовы друг друга за волосы таскать. Это может быть и шахматная игра, и очень приятное взаимопользное проведение времени. На конференции я познакомился с одной работой, в которой говорится о необходимости развития диалога культур для организации успешного бизнеса. Сегодня мы культуру иногда преподносим утрированно. Что-то в виде балагана, что-то вроде косметики, которую чем больше намажешь, тем лучше. Скажем, если казах, то обязательно с домброй, если русский, то обязательно с балалайкой и в красной рубахе. Это слишком поверхностно. На конференции был великолепный доклад двух американцев, сделанный, кстати, очень живым и далеко не академичным языком. Они рассказали об исследованиях, проведенных среди своих студентов, когда при помощи пяти слов те должны были дать характеристику русским. Среди них оказалось слово «водка». Кстати, я такой же опыт ставил на наших студентах - они тоже употребили это слово. Чего уж пенять на зеркало, если чуть ли не в каждой серии «Агента национальной безопасности» какую угодно проблему решают за водкой. Я уж не говорю о жизни. И чего тогда обижаться на американский фильм «Армагеддон», где «поддатый» русский в космосе с помощью молотка решает космические проблемы.

- Я возвращаюсь к своему вопросу. Почему все-таки возникла необходимость говорить о «диалоге культур»? Ведь можно сколько угодно рассуждать о том, что народы друг друга плохо понимают, но всегда будут люди, которым легче жить устоявшимися стереотипами. Налаживание диалога - это есть защитная реакция на разгорающийся «конфликт цивилизаций» или это желание гуманистичее убрать какие-то барьеры, мешающие взаимному обогащению культур разных народов?

М.К. - Я не совсем согласна с оценкой сегодняшних студентов, которую дал Юрий Яковлевич. Их «однообразие» идет от нашей жизни. Мы все резко попали в такие условия, в которых не только молодежь растерялась, но и мы тоже. Поэтому для нас диалог культур нужен не столько для развития самой культуры, сколько для смягчения того конфликта, о котором мы говорим. Он существует. Может быть не так остро, но существует. Те же общественные катаклизмы: терроризм, болезни - все это связано с культурой, нравственностью. Почему Запад стремится к нам? Мне кажется ему не хватает того потенциала, который есть у нас. Да - мы бедные, да - у нас много ошибок, нашу экономику не сравнить с экономикой Германии, Японии или той же Америки. Но в то же время наше образование, наш морально-нравственный дух тоже не сравнить с той же Америкой. Мне показалось, что Западу очень необходимо познать нас как явление и психологическое, и нравственное, и социальное. А вообще, проблема однообразия, однобокости - это проблема не только наша. Может быть, я идеалистка, но у наших детей потенциал намного шире, намного перспективнее.

- А вы уверены, что хорошо знаете западную молодежь?

М.К. - Я не сравниваю. Я хочу лишь сказать, что у нас есть еще возможность над чем продолжать, что мы можем после себя оставить.

Нужны ли мы Западу?

Ю.Б. - Говоря об однообразии, я хотел лишь сказать о том, что раньше дискуссии у молодежи были живее, острее, несмотря на идеологические рамки. Что же касается того, нужны ли мы так называемому Западу... Я думаю, что мы им нужны как корова, которую можно доить. И как к ней подойти, чтобы она не лягнула и не опрокинула ведро с молоком.

М.К. - Тоже не исключено.

Ю.Б. - Думаю, что наша духовность - я говорю о нашем эпосе, мифологии - их не очень-то и волнует. Более того, в связи с распадом СССР колоссальные потери понесла творческая интеллигенция всего бывшего Союза. Она стала менее интересна для всего мира. В свое время я познакомился с известным литературным критиком Львом Аннинским. Он приезжал в Костанай с тогдашним редактором журнала «Дружба народов» и Чингизом Айтматовым. Как-то во время одного из своих недавних приездов в Москву я встречался с ним. Он только что побывал в Америке и рассказывал мне, что сейчас русская литература американцам интересна не больше, чем литература Перу. Ею больше интересуется русская диаспора. В книге Ерасова «Социальная культурология» отмечаются трагичнейшие вещи и для Запада, и для нас. По данным этого автора, поток информации из так называемых развитых стран в развивающиеся в 100 раз превышает обратный поток.

- Тем не менее, западные ученые приезжают в наши края на конференции. Что их тогда интересует?

Ю.Б. - Мы им интересны как доноры. В том числе и как доноры мозгов. Ректор МГУ Виктор Садовничий в своем выступлении на конференции привел такие данные: в 2002 году из Германии 622 тыс. человек уехали в поисках лучшей жизни в Австралию, Канаду, США. У нас выезжают в Германию. Для того, чтобы единая экономическая система Европы повысила валовой продукт только на 3 процента, им нужно 500 тыс. высококвалифицированных специалистов. А у них наука для молодежи менее привлекательна, чем у нас. Поэтому выход у них один - «дойти» нас с вами.

- Невольно напрашивается вывод, что зарубежные участники конференции приехали, чтобы зафиксировать там нужные умы и потом...

Ю.Б. - (смеется) Нет, что вы!

М.К. - Они приехали также, как и мы, для общения. Они передавали свое педагогическое мастерство, делились своим профессионализмом, новыми идеями. Я соглашусь с Юрием Яковлевичем. У нас страна новая, и, может быть, мы сейчас не так интересны миру, как раньше. Им нужны не столько наши идеи, как мы сами. Как объект для вложения инвестиций. Чтобы вкладывать деньги в страну, они должны знать, что же за

люди там живут. Запад, по-моему, тоже переживает спад и поэтому нуждается в притоке интеллектуалов. Но на этой конференции я все же не увидела ярко выраженного меркантильного интереса. Было чисто человеческое общение. Ведь межгосударственное общение - это, прежде всего, общение межличностное. Это нужно сейчас как Западу, так и нам.

Ю.Б. - Надо различать: те люди, с которыми мы встречались сейчас и раньше - это американские ученые. Совершенно неверно думать, что мы имеем к ним предубеждения. Один американский профессор после скандалов, которые происходили на последней зимней Олимпиаде, писал: «Мне стыдно, что я американец». Они такие же люди, как мы. Не надо путать Америку Буша, то есть политиков, и Америку обычных граждан.

Будем ли мы изучать образ Чичикова по Фрейду?

- Одно дело, когда отдельные люди интересуются историей другой страны, ее экономикой, чтобы удовлетворить свой личный интерес, или собирают информацию в рамках научной работы, но ведь есть и объективные противоречия между культурами. Например, различия между религиями, на чем спекулируют экстремисты. Какие «узелки» сегодня существуют во взаимоотношениях цивилизаций, которые нужно развязывать общими усилиями?

М.К. - Мое выступление на конференции было посвящено идеям Мажана Жумабаева о всемирности и всечеловечности и длилось всего 5-7 минут. А на вопросы из зала мне пришлось отвечать 40 минут. Приятно было ощущать искренний интерес к культурному наследию нашего народа. Мне даже показалось, что к Казахстану отношение несколько идеализированное. У меня спросили: вы, казахи, общаетесь с русскими и понимаете их, а в будущем русские поймут вас так же, как вы их? Я ответила, что проблем нет, так как у нас нет языкового барьера. Но, оказалось, что языковой барьер не главный. Есть еще менталитет. Один американец в своем выступлении на конференции привел пример, как понимаются «Мертвые души» Гоголя по методу Фрейда. Я возмутилась. Как можно Гоголя понимать именно таким образом?! Оказывается, у нас разные пути познания. У нас и несколько отличная психология. У нас природофилософское восприятие мира. Они прагматичны, думают о

выгоде. А мы редко когда можем понять свою выгоду, и нам этому тоже надо научиться.

Ю.Б. - «Узелков» необычайно много. Но мне сейчас даже не это важно. Для меня самое главное, что все это очень интересно. Не ради того, чтобы мы кого-то чему-то сверхтайному обучили, какие-то открытия сделали, просто у разных культур больше красок и тем интереснее жить.

- Когда вы, Юрий Яковлевич, говорили об отсутствии у сегодняшних студентов дискуссионности, то, может, в этом как раз и проявляется особенность менталитета нашего народа? В стереотипности мышления. Может, Америка и есть такая потому, что со всего мира присасывается к себе людей прагматично мыслящих, гибких, а мы тут остаемся вот такие - когда нам проще, чтобы за нас думал кто-то другой, а мы лишь исполняли его волю.

М.К. - Мы действительно многие вещи объясняем ментальностью. Лень, «лишь бы не меня» и т. п. Это не столько ментальность. Основная проблема для нашего общества, на мой взгляд, неактивная гражданская позиция и отсутствие патриотизма. Мы не любим произносить слово «патриотизм», но в основе любого этноса, государства, патриотизм — это один из основных компонентов. Что касается менталитета... Разве все эти неурядицы в нашем государстве не происходят из-за наших родственно-клановых отношений или - как я их называю - «казахбайщины»? Хотя, если говорить о развитии этноса, то у казахов есть и живой ум, и практический опыт, и постоянное совершенствование. В этом плане общение, познание друг друга полезно. И даже отрицательные моменты полезны. Ведь жизнь дает нам не только плоды, но и уроки.

В чьей истории больше страстей?

Ю.Б. - Я бы не взялся так судить американцев. Думаю, они очень и очень разные. Тут тоже много стереотипов. Скажу, что в том же докладе, о котором я уже говорил, речь шла и о стереотипах, в которых складывается мнение американцев о самих себе. Стереотипным стал уже ковбой. Кстати, навязанный Голливудом. Эти образы во многом создаются искусственно. Все эти «ниндзя», «самурай» - они «раскручены» Западом. У всех этих ковбоев настолько примитивный уровень страстей и борьбы... В сравне-

нии с казачеством, в сравнении со скифами, саками. Это все равно, что грязная лужа рядом с огромным океаном.

- Но это же их история, это у них были ковбои...

Ю.Б. - Да ведь там не с чем было бороться! А как все это преподнесено... На уровне мировых драм. У нас этого нет. Но если мы не поднимемся до высокого уровня отражения в искусстве, то наша история, имитированная американцами, будет нести американские штампы.

- Если уж мы заговорили об отражении истории в наших кинофильмах, то давайте вспомним пример телефильма советской поры «Как закалялась сталь». Во время «перестройки», в кампании по низвержению «социалистического реализма» Павку Корчагина представляли как большевистского монстра. В то же время в некоторых публикациях западной прессы его называли супергероем, а фильм - профессионально снятым боевиком.

Ю.Б. - А что у нас сегодня? Например, «Антикиллер». Это очень примитивное подражание, в котором у русских бандитов походка американцев.

- Воспитание молодых людей на положительном примере героев кинофильмов и на Западе, и у нас происходит примерно одними и теми же методами. Давайте мы сейчас скажем: это ковбои - мы так делать не будем! Мы будем делать по-своему.

Ю.Б. - Не об этом речь. Я говорю о том, что они более мелкие вещи благодаря массовому искусству, благодаря колоссальной технике и финансовым возможностям сумели преподнести как явление мирового масштаба. Я хочу сказать, что у нас реальных исторических предпосылок, чтобы создать такие образы, больше. Но финансовых и других возможностей, увы, меньше. Вот чему нужно учиться. Я нередко вспоминаю слова одной из героинь Достоевского: «У вас правда, одна только правда, но любви нет». Это означает - не вся правда. У нас, к сожалению, начиная с «перестройки» выплескивалась ненависть к своему, к родному. К казахскому, к русскому, какому угодно. А посмотрите любой, даже самый примитивный американский фильм, тот же «Перл-Харбор». Они - с любовью к своим солдатам. Какое бы они дело ни делали в Афганистане или в другом месте, - но это без ненависти к своему. Такой любви, сочувствия к своему у нас не было уже долгое время. Нельзя кричать о демократии и ненавидеть свой народ.

М.К. - Наша история — история мирового значения. Я, например, была против того, чтобы у нас здесь памятник Ленину убрали. Любое государство не может, на мой взгляд, существовать без идеологии. Разумеется, той, которая в интересах человека.

- Может это уже и не идеология? В традиционном понимании этого слова.

М.К. - Как бы мы ее ни называли, но у любого государства должно быть какое-то направление. Мы почему-то хаем советскую идеологию, а разве она была плоха? Когда восхвалялся труд, и человек определялся по труду. Сейчас мы не поем песни о Родине или гимн. А американцы? Как они относятся к своему флагу!

В будущее вместе, а к Богу поодиночке

- Мы убедились, что идеология со временем может меняться. Этого не скажешь о религиозных взглядах. Такое ощущение, что они вечны. Идеология одних людей объединяет, других разъединяет. Как вы считаете, может ли религия объединить всех людей? Или она их так же, как и идеология, в чем-то разъединяет?

М.К. - По-моему, сегодня религия разъединяет людей. Хотя ее назначение - человеколюбие. Это связано, наверное, с тем, что мы еще не понимаем религию. Ведь к Богу каждый идет в отдельности. Было время, когда мы в большинстве своем были атеистами. Хотя религия была всегда. Я понимаю ее как нравственность. Сегодня идет утривование веры, религии. Бог-то един, но мы понимаем его по-разному. Это тонкая часть познания, и тут нужен высокий интеллект. Это сейчас самая сложная проблема и самая трагичная.

Ю.Б. - На мой взгляд, ваша постановка вопроса очень хитрая и не дает возможности ответить на него жестко. Ведь так же можно спросить: объединяет или разъединяет людей спорт, искусство? Нет абстрактного искусства, нет абстрактной демократии и нет абстрактной религии. Религия - как факел, который может освещать жизнь как отдельного человека, так и группы людей. Но им же можно сжечь и дом, и даже целые города. Все зависит от того, в чьих руках этот факел. В любой религии всегда есть идеологический уровень. Но чтобы религия сегодня объединила человечество - это пока вопрос открытый. И не нам с вами предлагать его решение. Я, напри-

мер, не уверен, что за спинами экстремистов-мусульман стоят представители той же религии.

М.К. - Религия не может быть идеологией. Во-первых, даже если религия в мире будет одна, то все равно восприятие ее будет разным. Во-вторых, я повторяюсь, к Богу человек идет сам, в одиночку. Когда говорят о групповом, это абсурд. Это то самое утрирование, о котором я говорила.

Ю.Б. - В религии очень много модного, наносного. Глубокая религиозность не афишируется. В Новом Завете очень хорошо сказано, что молиться надо не перед людьми, а наедине. И когда говорят, чтобы «правая рука не ведала, что творит левая», - речь идет о добре, чтобы добро было не напоказ. Религия, которая бы сегодня объединяла людей, пока не просматривается. А мода остается модой.

Тесты - не догма

- Обсуждались ли на конференции в МГУ проблемы образования?

М.К. - Да. Меня в этом обсуждении привлекло то, что представители советских республик говорили о недопустимости бездумного подражания Западу. Наша советская школа имеет свой определенный уровень совершенства, и ректор МГУ Виктор Садовничий говорил о необходимости развития фундаментальной науки и классического образования. Да, мы должны входить в мировое пространство, но почему нам это надо делать «с нуля»?

Ю.Б. - Оттого, что мы наклеим этикетки с американских джинсов на то, что пошито в Затоболовке, мы не станем американцами. Ни немцы, ни голландцы наши проблемы не решат. Это должны делать наши специалисты. Но осваивая, в том числе, и мировой опыт.

- А что мы берем у Запада такого, что не следовало бы?

Ю.Б. Например, нельзя фетишизировать тесты. У нас сейчас их применяют где угодно. Или рейтинги... В нашем университете это еще не доведено до абсурда, но все же. Достоевский когда-то хорошо сказал: что на Западе является лишь идеей, у нас становится абсолютной истиной, догмой, безусловным руководством к действию.

М.К. - Например, 12-летнее образование в нашей школе. Это

ведь большая социально-экономическая проблема. Или - единое национальное тестирование выпускников школ. Я не против технических форм экзаменования, но оно никогда не заменит живого общения. Наверное, профессиональный уровень учителей снизился, и надо именно эту проблему решать. Надо копировать то, что нам под силу, то, что нам может подойти.

- Спасибо вам за беседу! Этот материал будет опубликован накануне Нового года. Что бы вы хотели пожелать читателям «Нашей газеты»!

Юрий Бондаренко:

- Всем читателям - больше доброго в наше нелегкое время, а студентам - успешно сдать зимнюю сессию, в какой бы форме она ни проводилась.

Марияш Кадралинова:

- Чтобы у вашей газеты рос тираж, чтобы больше было интересных публикаций и больше профессионализма. Всем желаю добра, красоты, благополучия, мирного неба и теплой зимы!

«Наша газета», 31 декабря 2003 г.

ЭТО НАСЛАЖДЕНИЕ – ДЕЛАТЬ ДРЕВНЮЮ МУДРОСТЬ ДОСТУПНОЙ ДЛЯ МНОГИХ ЛЮДЕЙ

Многим кустанайцам знакомо имя Юрия Яковлевича Бондаренко – кандидата философских наук, доцента университета. Человек он увлеченный, оригинально мыслящий. Недавно в Москве, в издательстве «Школа-пресс» вышла его книга «Человек. Судьба. Вселенная. Глазами древних мудрецов».

– Юрий Яковлевич, с чего начался Ваш путь в науку!

– Я безумно любил историю – в школе была очень хорошая учительница по этому предмету. А еще с детства любил сказки. И сейчас очень люблю мифологию. Не просто историю, которая отражена в мифах, но и то, где как бы отражена душа человека.

Через год после окончания школы я поступил в наш пединститут, на историко-филологический факультет, на отделение истории. Учеба для меня была наслаждением: на факультете были такие учителя, как Марк Абрамович Мейлахс, Яков Кузьмич Духин – он работает на факультете, кстати, и сейчас. Я очень благодарен Раисе Михайловне и Василию Семеновичу Макотченко, которые ко мне очень душевно относились. Особым предметом моих интересов был период феодализма в истории России: я специализировался по этому периоду, выступал с докладами на научных конференциях – их подготовкой руководил Юрий Андреевич Кизиллов. И предполагалось, что меня оставят в институте преподавать период феодализма.

– И все же Вы стали философом. Насколько закономерным был такой поворот!

– Да, вскоре после окончания института обстоятельства сложились так, что с преподаванием феодализма не получилось. И я даже думаю, что тут какая-то судьба, – потому что с огромным, удовольствием занялся философией – моя диссертация связана с философией истории, с крупнейшим философом Арнольдом Тойнби, о котором у нас почти не знают, а ведь он – одна из величин в мировой исторической науке. И если мы долго изучали историю только как историю отдельных стран, то Тойнби давным-давно показал, что есть история регионов, цивилизаций. Отдельная история Болгарии, например, понята быть не может – есть история громадных человеческих сообществ, а

по отдельности это все очень убого и примитивно... Ярослав Мудрый – он кто: русский или украинский князь? Это бессмысленный спор.

– **Юрий Яковлевич, диапазон Ваших интересов очень широк. Насколько это закономерно для современного ученого!**

– Мне чаще приходится выступать не столько как ученому, сколько как популяризатору. В моих работах, кстати, я каких-то откровений не вижу – просто я наслаждался соприкосновением с мировой культурой. Сегодня же наши преподаватели, ученые оказались в сложном положении – мы изолируемся, замыкаемся, отрываемся от мировой культуры. Это страшная трагедия.

– **Совсем недавно в Москве, в издательстве «Школа-пресс» вышла Ваша книга «Человек. Судьба. Вселенная. Глазами древних мудрецов». Не могли бы Вы рассказать об этой работе!**

– Идея этой работы очень банальна. В книге выступаю прежде всего как популяризатор. Мои оценки, анализ, конечно, здесь присутствуют, но я их не переоцениваю. Здесь, на мой взгляд, прежде всего интересны мысли и оценки древних. Работая над этой книгой, почувствовал, какое это наслаждение – делать древнюю мудрость доступной для многих и многих людей. Попытался посмотреть на философию глазами постороннего человека. И вот я обнаружил, что древние философы необычны и интересны тем, что у них представления о мире сплетались с представлением о том, как жить – философия была учительницей жизни. Они были убеждены, что человек, который постиг философию, может в самых жесточайших ситуациях найти свое место даже тогда, когда жить очень тяжело и просто невыносимо.

И еще к одному выводу пришел я, работая над этой книгой: философия – это не наука в обычном смысле слова, философия – больше чем наука. История философии, как я считаю, – это не история мысли, а прежде всего, история духа. Это не просто какие-то размышления, концепции, построения, а сплав переживаний, боли, проблем, перед которыми стоят люди.

– **Я слушаю Вас и невольно мысленно обращаюсь к дням сегодняшним...**

– И это закономерно, естественно. Понимаете, парадокс в том, что я, вроде бы, писал о древних, но получались у меня едва ли не памфлеты на сегодняшний день – настолько это живо

и современно. Философы древности в отличие от нас мораль выводили не из каких-то морализаторских установок, а из попыток понять, как устроен мир и как устроен человек. То есть мораль, по их убеждению, должна истекать из устройства человека, из его связей с миром. Они считали, что нормальная, нравственная жизнь как раз из этого и должна исходить, а не из того, что мы обязаны следовать каким-то наизиданиям... Думаю, что моя книжка — не для успокоения в банальном смысле. Но, может быть, кто-то и сможет, когда у него тяжело будет на душе, что-то найти для себя у древних. Им было, зачастую, так же трудно, как и нам сегодня...

(Кустанай, 4 февраля, 1995 г. Интервью брал А.Кресс)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ	5
О некоторых методологических аспектах рассмотрения проблем государства и взаимодействия различных этносов	5
К вопросу о теоретико-методологических аспектах рассмотрения проблем национально-освободительных движений	8
Переосмысление художественного отражения истории и развитие культуры межнациональных отношений	15
ЭХО НЕДАВНИХ ДИСКУССИЙ	18
Проблема «культ личности» в свете дискуссии об «азиатском способе производства» (Обзор дискуссий 80-х. - 1989 г.)	18
Командно-административная система и культ личности в свете дискуссий об азиатском способе производства	56
ТАК ЛИ УЖ ВСЕ ЯСНО С КОММУНИЗМОМ?	79
Так ли уж все ясно с «коммунизмом»?	79
Коммунизм - курьез истории?	81
Платоновское «государство» в свете опыта «русского коммунизма» и отечественной истории последнего десятилетия	85
Советский «коммунизм» глазами религиоведа и культуролога	93
Советский «коммунизм» глазами религиоведа и культуролога. Статья вторая. Взгляд с другой стороны.	106
ГЛАЗАМИ ЧЕЛОВЕКА, ДАЛЕКОГО ОТ ПОЛИТИКИ.	114
Демографический аспект распада Советского Союза в свете религиоведения и культурологии	114
Беглые заметки об «агентах влияния», распаде Союза и... экстравагантностях мировой истории (Глазами человека, далёкого от политики).	129
А что, если взглянуть на всемирную историю таким образом?_	135
В ТЕНИ СОЦИССЛЕДОВАНИЙ	138
В тени социсследований или возможен ли в России «новый тоталитаризм»?	138

ДЕМОКРАТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ.

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ 142

Образы демократии в контексте истории мировой культуры.

К постановке проблемы 142

Ведали ли на Востоке о демократии? 176

ЧТО СТОИТ ЗА СЛОВОМ? 183

Что стоит за словом? 183

Почему побеждали спартанцы? 187

«Титаник». Фильм - о прошлом? 189

ЧТО СЛАВНЕЕ: ПОБЕДА НАД МОГУЧИМ ВРАГОМ

ИЛИ СТОЙКОСТЬ В НЕРАВНОЙ БИТВЕ? 191

«Лучше славная кончина, чем бесславных дней позор» 191

«...И в будущем вы аспомните как миф...» 211

О ЛОГИКЕ ИСТОРИИ 218

О логике истории 218

О пассионарности и межэтнической взаимодействии 245

Горький вкус полыни (Неожиданно грустные заметки об одной книге и, возможно, не только о ней) 264

По ту сторону очевидного 280

Кто более матери истории ценен? (Размышления по поводу одного сопоставления) 285

Анархизм – гримаса истории?.. 287

ПРИЛОЖЕНИЕ 292

Мы и мировая культура 292

Это наслаждение – делать древнюю мудрость доступной для многих людей 302

Бондаренко Ю.Я.

В ЛАБИРИНТАХ ИСТОРИИ

Подписано в печать 15.05.2006 г.

Формат 60 x 80 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Times NewRoman.

Печать ризография. Объем 19,25. Тираж 300. Заказ 176.

ТОО «Костанайский печатный двор»
110000, г. Костанай, ул. Темирбаева, 39
Тел/факс (8-314-2) 53-54-60
E-mail: kpdvor@mail.kz

700-

700 -

Aug - 1

